

ЧАН КАЙШИ

Судьба китайского Бонапарта

Владимен Воронцов

Судьба китайского Бонапарта

Владимен Воронцов

**Судьба
китайского
Бонапарта**

Москва
Издательство
политической литературы
1989

ББК 63.3 (5Кит)
В75

Воронцов В. Б.

В75 Судьба китайского Бонапарта.— М.: Политиздат, 1989.—336 с.: ил.

ISBN 5—250—00446—6

Это первая в нашей стране книга о Чан Кайши (Цзян Чжуи-чжэне), более 20 лет возглавлявшем в Китае режим, свергнутый в 1949 г. в результате народной революции, и укrywшемся после этого с остатками своих войск на острове Тайвань. Каким образом он вошел в китайскую революцию, стал сначала одним из соратников Сунь Ятсена, а затем отошел от его линии? Как сложилась жизнь Чан Кайши и судьба его сына Цзян Цзинго, пробывшего в СССР 12 лет, комсомольца 20-х, завершившего свой путь на посту «президента» Тайваня? На эти и другие вопросы отвечает автор в написанной в жанре документальной публицистики книге, в которой использует новые, в том числе и архивные, материалы.

Книга представляет интерес для широких кругов читателей.

В $\frac{0503030000-267}{079(02)-89}$ 202—89

ББК 63.3(5Кит)

ISBN 5—250—00446—6

© ПОЛИТИЗДАТ, 1989

Вместо введения

...1 октября 1949 г. руководитель Коммунистической партии Китая (КПК) Мао Цзэдун объявил об образовании Китайской Народной Республики. Множество людей собралось перед дворцом на центральной площади Пекина — Тяньаньмэнь. Гремит салют в честь нового государства. Участники торжеств по случаю образования КНР особенно остро, с чувством возмущения реагируют на все, что было связано с именем главы разгромленного антинародного режима — Чан Кайши.

Казалось, еще совсем недавно в своей резиденции в Нанкине Чан Кайши заявил: «В два месяца мы уничтожим коммунистов!» История, однако, распорядилась иначе. «Нанкинское десятилетие» (1927 — 1937 гг.), а затем военные годы показали весьма сложную диалектику развития Гоминьдана, становления и кризиса чанкайшистской диктатуры.

И хотя характер этих процессов определялся во многом спецификой исторических традиций, психологического склада китайского народа, в деятельности Чан Кайши не могли не проявиться черты, которые в той или иной мере свойственны были политическим диктаторам других стран и эпох.

Не раз при тех или иных революционных поворотах истории к власти прорывались личности, скатывавшиеся на реакционные позиции. Так, после французской революции середины XIX в. демократические элементы подверглись гонениям со стороны цезаристской монархии, восстановленной в особенно непривлекательной ее форме. Именно к этому времени относится восхождение к вершине власти Луи Бонапарта, прославившего свое правление насилием, ложью, коварством, политическими интригами.

Термин «бонапартизм» прочно вошел в политический словарь. «Бонапартизм,— писал В. И. Ленин,— есть лабиринт монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»¹.

Чан Кайши, с именем которого было связано существование режима, два десятилетия правившего в китайском государстве, шел к власти, утверждая свою диктатуру бонапартистскими методами: он, чтобы не упасть, балансировал между различными милитаристскими, политическими и промышленно-финансовыми группировками, заигрывал и подкупал, чтобы нравиться, и даже братался, о чем говорили его связи с шанхайской мафией, с представителями преступного мира.

Ближайший советник Луи Бонапарта Персиньи, ставший после бонапартистского переворота министром внутренних дел, цинично изложил программу бонапартистской диктатуры: «Коррупция и террор, разве не были они всегда самым мощным оружием сильных правительств? Мы получаем это оружие еще совсем не израсходованным, едва притупившимся. Какую пользу сможем мы извлечь из него? Наши предшественники практиковали лишь мелкую коррупцию, мы же, действуя напрямик, с деньгами в одной руке и с оружием в другой, сумеем далеко повести страну за собой». Коррупция и террор! Этой же программой руководствовались и окружение Чан Кайши. Тайные общества вербовали преданных сторонников Луи Наполеону, спустя столетие таким же путем собирал своих соратников чунцинский диктатор. Идентичные средства мобилизации в гвардейские легионы и у того и у другого: подкуп, спаивание, обещания, демагогия. Специальные службы устраняли неугодных политических противников, прославляли диктаторов как внутри страны, так и за ее пределами.

Представленная читателю книга как бы подтверждает интернациональный характер бонапартизма, только на китайской почве он приобрел свои специфические, присущие китайской действительности черты.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 273—274.

Глава I

Дорога в лагерь Сунь Ятсена

Лицом к Северу

Чан Кайши (Цзян Чжунчжэн) родился 31 октября 1887 г. в Цикоу (провинция Чжэцзян), что затерялось среди покрытых зеленым ковром гор, испещренных террасами рисовых полей. Реки здесь стремительно несут свои воды с горных отрогов Наньшаньского хребта, орошая прибрежные поля. Чжэцзян принадлежала к наиболее богатым провинциям Китая. Население занималось земледелием (зерновые, чай, хлопок).

Дед Чан Кайши — Юй Бяо первым из своего рода изменил земледелию и занялся торговлей. Новое занятие — дань времени. Цикоу хотя и находилось вдалеке от оживленных центров (до порта Нинбо — 40 км), не могло остаться в стороне от бурных событий, которые переживала страна. После подавления Тайпинского восстания (1850—1864 гг.) наступило всеобщее разорение и опустошение. Пришлось искать средств к существованию и родителям Чан Кайши.

Отец Чана умер, когда сыну исполнилось девять лет. Все заботы о ребенке взяла мать — третья жена покойного. Мать Чана, будучи на 22 года моложе своего супруга, играла роль «младшей хозяйки» в доме, что отнюдь не противоречило устоявшимся законам и обычаям, и ее дети уравнивались в правах с детьми от старшей жены. Чан женился в 1901 г. в возрасте 14 лет. Брак устроила, как было принято, мать. В 1909 г. родился Цзян Цзинго.

В 1903 г. шестнадцатилетним юношей Чан впервые покинул родительский дом. Император — лицом к Югу, придворные — к Северу, учитель — к Югу, ученики — к Северу — такова вековая традиция. Настало время Чан Кайши встать лицом к Северу — вступить на путь учебы. Сначала — в школе в уезде Фынхуа, а с 1905 г. — в школе Восточного Чжэцзяна. Здесь он познакомился с основополагающими догмами традиционной китайской философии, призванными служить интересам цинской (жероглиф Цин — чистый, светлый) династии, представители которой были выходцами из покоривших Китай в XVII в. маньчжуров.

Китай всегда отличался богатством культов, направленных на формирование в членах общества таких качеств, как безоговорочное послушание (главе семьи, любому вышестоящему на лестнице социальной иерархии лицу как неоспоримому авторитету). Тысячелетиями императорская система пронизывала все сферы общественной жизни, и вера во всемогущую сверхъестественную силу воздействовала на формирование представлений простого люда об отношениях с земными властителями.

Этико-политическое учение «совершенного мудреца» Конфуция освящало и оправдывало иерархию государственной власти. В детстве Чан Кайши видел, как повсюду прославляли вдовствующую императрицу Цыси (годы правления — 1875—1908 гг.). Конфуцианство призывало как правителей, так и подданных вести скромный образ жизни, и казалось, что этим этическим установкам должны следовать все. Цыси обслуживало 3 тыс. евнухов, ее рядовое меню состояло из 150 блюд, а в это время 307 млн крестьян из 388 млн населения собственно Китая и Маньчжурии изнывало под гнетом помещиков и продажной бюрократии. Императору, согласно конфуцианским канонам, приписывалось божественное происхождение, он выполнял повеление неба на земле, регулировал отношения между людьми.

На деле «регулирование отношений» в условиях феодального Китая приводило к тому, что 32,6 млн человек — членов семей господствующего класса, включая служилую бюрократию, с их челядью — пребывало в роскоши, восседая на шее крестьян — ведущей производительной части общества. Конфуцианская идеология способствовала консервации феодальных форм общественного устройства и производственных отношений в Китае, стала довольно эффективным в руках государственно-бюрократи-

ческого аппарата средством, которое тормозило общественный прогресс в стране.

Китайские мыслители оставляли новым поколениям в основном метафизическое, одностороннее восприятие явлений в природе и в обществе: хорошее или плохое, черное или белое, жестокое или доброе и т. п. Молодого Чана, как и его сверстников, учили мыслить не самостоятельно, а в русле вековых традиций, в соответствии с высказываниями «совершенного мудреца». «Радость, гнев, печаль, страх, любовь, ненависть, желание — вот семь природных велений человеческого сердца. Отец должен быть ласков, а сын — покорен; муж должен быть верен, а жена — послушна; старший должен быть снисходителен, а младший — послушен, государь должен быть человеколюбив, а чиновник — предан» — таковы справедливости. Чан Кайши мог прочесть на каждом семейном храме табличку с перечнем того, что следует почитать: «небо, землю, государя, родителя, учителя».

Традиционное мировоззрение китайцев мало чем отличалось от религии. Предки Чан Кайши веками преклонялись перед неодолимыми силами природы. В их воображении укоренялась передаваемая из поколения в поколение схема: все жизненные несчастья вызваны кознями духов, обрушившихся на смертного дьявольскими напастями. В семье знали много способов ограждения очага от злодейства и несчастий — заклинание бесов, приношение Будде и даосской троице¹. Мать Чана надеялась, что душа ее сына будет «водворена на светлый путь» (на языке буддистов — войти в «праведный плод») и жизнь его будет озарена священным светом Будды.

Судьба готовила Чан Кайши военную карьеру. Пренебрежительное отношение к военным всегда довольно четко прослеживалось в китайском обществе («военные — придурковаты»). Старшее поколение, испытавшее тяготы разрушительных войн и опустошительных нашествий, пыталось поднять авторитет военного мундира, передать своим слушателям в школах знания о войне. Учителя с усердием проповедовали безусловную необходимость изучения военных наук, прежде всего трудов о военном искусстве древнего китайского мыслителя Сунь Цзы. Военные постепенно продвигались к высшим слоям общества, ущемляя позиции владевших землей гражданских чиновников — шэньши.

¹ См., например: *Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычном*. М., 1983. С. 5.

Первое знакомство Чан Кайши с военным искусством состоялось еще в школе Восточного Чжэцзяна. Шел 1905 год. Японский милитаризм, одержав внушительные победы на Дальнем Востоке над армией царской России, пожинал реальные плоды от этой войны. Русская армия потерпела поражение на территории Китая, Япония завладела Порт-Артуром и Дальним, Южно-Маньчжурской железной дорогой, установила свое господство в Корее.

В это время в военных кругах Китая с уважением стали поговаривать о профессионализме, высоком уровне организации японской армии. Если в первых военных училищах в Тяньцзине и Кантоне (Гуанчжоу), открытых в 90-х годах XIX в., обучение строилось в основном по немецкой модели, то к началу XX в. наметилось преобладание японского влияния. Мечты японских милитаристов, осуществлению которых могла в конце XIX в. как-то препятствовать Россия, теперь претворялись в жизнь.

Японская военная мощь вдохновляла китайских националистов, стимулировала к заимствованию японского опыта. К тому же учеба у японцев обходилась гораздо дешевле, нежели у европейцев; стоимость поездки в Японию не шла ни в какое сравнение со стоимостью затрат на путешествие в Европу, китайцам было легче изучать японский, нежели какой-либо европейский язык.

Мыслями молодого Чана, как и многих его сверстников, не могла не завладеть идея поездки в Японию, в страну, перед экономическими и военными успехами которой уже всерьез преклонялось немало его просвещенных соотечественников, усматривая в этих успехах пример для подражания. Мать собрала деньги, пожитки, и сын отправился в дорогу, сопровождаемый родительским напутствием.

Настал наконец тот день, когда молодой Чан, сгораемый от нетерпения и восторженных ожиданий, высадился на японском берегу. Какой он встретил Японию в 1905 г.?

Японцев буквально захлестнула волна шовинистических настроений, они толпами стекались на поклонение к новым мемориалам и храмам, в которых воспевались подвиги японских солдат. Адмирал Того представал воплощением истинно самурайской доблести. С именем этого адмирала связано нападение японского флота на русский флот в Порт-Артуре и Чемульпо в феврале 1904 г. Того, будучи еще капитаном, вероломно атаковал и китайский флот в 1894 г.

Прибывшего в Японию Чан Кайши ждало разочарование: в военную академию принимали лишь по рекомендации военного ведомства китайского правительства. Но о такой рекомендации можно было лишь мечтать. Оставалось одно — пойти в школу изучать японский язык. Наиболее важным событием, как упоминал нередко сам Чан Кайши, стало его знакомство с Чэнь Цзимэем — политическим дельцом, известным среди денежных тузов и королей подпольного мира Шанхая. Чан Кайши попадает, по существу, под влияние Чэня, который был старше его на 10 лет и имел опыт деятельности в тайных обществах и бизнесе. Встреча с Чэнем заронила в душу молодого чжэцзянца семена надежды на удачу в поиске своего места в жизни.

Чан Кайши, возвратившись из первой поездки в Японию, не оставляет надежд на продолжение военной учебы. 1906 год стал важной вехой в биографии Чан Кайши. Военное ведомство объявило набор кадетов на краткосрочные курсы при Баотянской военной академии. Два обстоятельства, казалось, должны были охладить пыл молодого Чан Кайши, мечтавшего попасть в стены этой академии. Он был представителем не маньчжурской национальности, а хань, что в пору господства маньчжурской династии существенно ограничивало продвижение по службе. Перед поездкой в Японию Чан расстался со своей косой. Простят ли это?! Ведь со времени утверждения династии Цинов мужчины сбрасывали часть своих волос, а остальные заплетали в свисавшую назад косичку, что означало лояльность подданного к правящей династии. Один из маньчжурских лозунгов, отражавший жестокость тех времен, звучал так: «Либо ваши волосы, либо ваши головы». В ответ сторонники тирании слышали: «Берите наши головы, но не волосы». Долго и упорно сопротивлялись ханьцы такого рода стилю, но, увы, вынуждены были принять его. Те же, кто отрезал косичку, совершали по тогдашним общественным нормам акт неповиновения.

Чан Кайши все же стал одним из шестидесяти принятых в результате экзаменов. Претендентов из провинции Чжэцзян насчитывалось до 1000. Большинство инструкторов, под началом которых обучались кадеты, были японцами. Зимой 1907 г. среди учащихся стали набирать кандидатов на учебу в Японию. Чан предложил себя: был, мол, в этой стране, изучал японский язык. Среди сорока отобранных оказался и Чжан Цюнь, ставший другом и доверенным Чан Кайши на многие годы.

Китайские кадеты, прибывшие в Японию, поступали в созданную для китайских слушателей военную школу. Программа обучения была рассчитана на три года. В декабре 1910 г. выпускники школы получили направление на север, в Такада, для прохождения службы в японской армии в качестве кандидатов в военные академии. Чан Кайши, как и другие 16 выпускников школы, был зачислен в 19-й полк 13-й дивизии полевой артиллерии.

Молодой Чан с восторгом наблюдал, как японские военнослужащие безропотно, словно бессловесные механизмы, исполняли приказ командира. Солдат-фанатик, готовый в любую минуту пожертвовать своей жизнью во имя императора («свершить возложенную на него историческую миссию»), становился примером для подражания. С затаенной завистью посматривал Чан Кайши на японских офицеров и генералов, с гордостью восседавших на почетных местах во время различных празднеств, особенно посвященных армии и флоту. Перед ними в парадных колоннах маршировали его сверстники, находившиеся в плену шовинизма, милитаристских настроений. В чем сила японской армии? Уже тогда сверстники Чана задавали этот вопрос и отвечали: в беспрекословной дисциплине, в твердости политического духа и высоком техническом уровне.

Рутина исполнения повседневных обязанностей оставляла не так уж много времени для размышлений. Служба проходила в достаточно сложной для того времени обстановке. Не радовала погода: холод, ветры, частые снегопады. Приходилось вставать рано, умываться ледяной водой. Обычным делом для служащего артиллерийского подразделения была забота о лошадях как о тягловой силе для транспортировки тяжелых орудий. «Одно становилось весьма примечательным для Чан Кайши, — вспоминал сержант Симода, — впечатляюще отталкивающее выражение, которое появлялось на его лице, после того как он получал приказ о чистке конюшен».

Солдату в японской армии полагалась скудная пища. каждый раз одна рисовая, небольшая по размерам лепешка. Сверху на нее укладывалось несколько ломтиков жареного лука и небольшой кусочек соленой рыбы. Только в воскресенье лакомились соевыми бобами, зеленью в небольшом количестве и тонкими кусочками мяса. Сначала не покидало чувство голода, поэтому покупали вечером в клубе довольно низкого качества бисквиты, что-то брали из китайской кухни. Но вскоре стало привычным довольствоваться полученным.

Китайским военнoслужашим, обучавшимся в Японии, запрещалось заниматься какой-либо общественной деятельностью, публиковать какие-либо материалы политического характера. Нарушение такого рода инструкции вело к высылке из Японии. Но могли ли молодые люди пройти мимо популярных для того времени политических веяний, отражавших подъем национального духа китайского народа? В Японии уже тогда довольно активно действовала созданная Сунь Ятсеном Китайская революционная лига. По соображениям конспирации эта организация именовалась просто Китайской лигой («Чжунго тунмэнхуэй»). Печатным органом лиги стал журнал «Миньбао» («Народ»). Имя Сунь Ятсена к тому времени было хорошо известно как в Китае, так и за рубежом. Пламенный оратор, блестящий организатор, он по праву возглавил революционное движение в своей стране.

Молодой Чан не мог остаться в стороне от деятельности «Тунмэнхуэй». Путь в эту организацию он находит с помощью близкого друга и наставника — Чэнь Цзимэя. На очередном собрании «Тунмэнхуэй» Чан вместе с другими кандидатами в члены лиги дает клятву верности революционному долгу. Торжественно звучат слова присяги: «Клянусь бороться за изгнание маньчжуров, освобождение Китая, создание республики и установление равных прав на землю, клянусь!» И хотя лига избегала открытых антиимпериалистических деклараций, на ее заседаниях говорилось и о необходимости борьбы против засилья иностранных держав. Молодой Чан постепенно накапливал опыт конспиративной политической деятельности.

Столь непохожие друг на друга борцы против маньчжурской династии, объединенные в «Тунмэнхуэй», были выходцами в большинстве своем из Южного и Центрального Китая и представляли разношерстные группировки, отстаивающие различные цели. Провозглашенные Сунь Ятсеном принципы «национализма», «народовластия» дополнялись принципом «народного благоденствия», который иногда трактовался как социализм.

Чжан Бинлинь, сотрудничавший с Сунь Ятсеном, не разделял приверженность руководителя китайской революции принципам «демократизма», прославлял принцип «национализма», идеи установления режима личной диктатуры. В этот принцип Чжан Бинлинь вкладывал антиманьчжурское содержание, оставляя в стороне проблему борьбы с ханьскими феодалами, идеи социального преоб-

разования китайского общества. По существу, Чжан проповедовал идеи великоханьского шовинизма.

Весной 1911 г. Чан Кайши, прибыв из Японии на каникулы, оказался в Шанхае. Словосочетание «шань-хай» означает «близ моря» или «над морем». Город жил бурной жизнью. Вольготно чувствовали себя здесь европейцы, осевшие в стороне от китайского города в богатейших кварталах. В справочниках, изданных европейцами на рубеже XIX—XX вв., упоминается «добровольческий корпус», имевший на вооружении артиллерию и предназначенный для подавления «китайской черни». Типично колониальное мышление руководило поступками иностранных хозяев Шанхая, хотя в городе и действовали политехнический институт, публичная библиотека, музей, а в летнее время звучала музыка духового оркестра.

В Шанхае расцветала подпольная деятельность — как деловая, так и политическая. Чэнь Цзимэй в 1908 г. учредил здесь тайное общество содействия революции в Цзянсу и Чжэцзяне. Время было особенно беспокойным. Все больше в рядах противников маньчжурской династии действовало предателей и провокаторов, и их жертвой чуть было не стал наставник Чан Кайши. Чэню удалось ускользнуть, но его друзья были схвачены. Чан оказался достойным учеником — он спокойно вернулся в Японию, но разлука была недолгой. Вскоре вести о восстании в Ухане, в самом центре Китая, достигли Чэня, и он сразу же отправил телеграмму своему ученику в Японию. Чан Кайши в ту пору было 25 лет. Впоследствии, обращаясь к прошлому, Чан не скрывал восторгов по поводу первых своих шагов у истоков карьеры: «Я чувствовал, что пришло время для нас, военных людей, послужить на благо отечества. Я поэтому немедленно возвратился в Китай для участия в революции. Это было действительно начало моей революционной карьеры. К этому времени я постарался завершить выполнение задачи, которую поставил перед собой в юности. В мои молодые годы я преодолевал различного рода трудности и препятствия, чтобы получить военное образование. Обращаясь к прошлому, я верю, что это дало мне огромное счастье»¹.

Выбраться из 13-й дивизии оказалось довольно сложно. Пришлось пойти на хитрость, — увольнение на 48 часов получить было легче, нежели разрешение на выезд

¹ *Furuya K. Chiang Kaishek. His Life and Times. N. Y., 1981. P. 23.*

из страны. Добравшись до Токио, Чан и его собратья по учебе — среди них были его ближайшие соратники — Чжан Цюнь и Чэнь Синьсу — переделались в местном отделении «Тунмэнхуэй» в штатское. 30 октября они прибыли в Шанхай. Генерал Нагаока в своих воспоминаниях описал отъезд Чана и его друзей из Японии более прозаично. По его словам, в один из октябрьских вечеров 1911 г. в Тэката, недалеко от северо-западного побережья Японии, офицеры местного гарнизона дали обед трем китайским коллегам. Они изменили свои планы в связи с революцией против Цинов и отбывали на родину. Чан Кайши стал благодарить за обед. «И поскольку он выпил, его лицо покраснело от эмоций, — вспоминал японский генерал. — Кто мог вообразить в то время, что этот слушатель будет когда-нибудь председателем китайского правительства? Никто из нас не думал, что Чан станет исторической личностью»¹.

Чэнь Цзимэй с головой ушел в подготовку восстания в Шанхае и Ханчжоу, и первое поручение, полученное Чан Кайши в это смутное время, касалось военной операции в Ханчжоу. Гарнизон в городе пополнялся свежими частями, арсенал находился под усиленной охраной. Чан Кайши приехал в Ханчжоу с новыми рекрутами. Почти 100 готовых пожертвовать жизнями храбрецов согласились войти в ударный отряд. У повстанцев было в основном традиционное оружие, в том числе бамбуковые пики. На этот раз им сопутствовала удача. В плен попал маньчжурский губернатор провинции Чжэцзян.

В Шанхае революция развивалась почти бескровно. Покровитель и наставник Чана председатель революционной лиги Чэнь Цзимэй назначается здесь на пост губернатора. Именно в Шанхае Чан становится командиром полка. Подготовка армейских соединений финансировалась шанхайскими торговцами. Чан, отслужив всего лишь несколько месяцев, передает обязанности командира полка своему другу Чжан Цюню, а сам вновь уезжает в Японию. На этот раз он решил подготовиться к военной учебе в Германии. Чан изучает немецкий язык, занимается издательской деятельностью. В журнале «Голос армии» он пытается обсуждать международно-политические и военные проблемы Китая, вопросы границ и т. д. Начиная автор рассуждает о будущей «республике мира», где все расы будут жить в гармонии и достатке. Войны,

¹ Hahn E. Chiang Kaishek. N.Y., 1955. P. 13—14.

конечно, уйдут в прошлое, и лишь полиция будет наблюдать за порядком. Необходимость в армиях отпадет. Но пока он размышляет о китайской армии. Он призывает довести численность армии до 600 тыс. Увеличить расходы на военные нужды до половины валового национального продукта (ВНП), основное внимание сконцентрировать на сухопутных войсках. Вся военная власть, подчеркивал Чан, должна быть сосредоточена в руках центрального правительства. Такого рода взгляды были во многом созвучны с позицией отошедшего в конце концов от Китайской революционной лиги Чжан Бинлиня, отражавшего интересы правого крыла принявших участие в революции промышленников и торговцев¹.

На волне революции

По старому китайскому календарю 1911 год называли «Синьхай». Этому году и суждено было стать годом Синьхайской революции. Революционная волна прокатилась по всей стране. В октябре — ноябре из-под контроля цинского правительства вышли Цзянси, Шаньси, Юньнань, Аньхой, Гуйчжоу, Цзянсу, Чжэцзян, Гуанси, Фуцзянь, Гуандун, Сычуань. Пламя восстания охватило весь Южный и Центральный Китай, три провинции Севера — Шэньси, Шаньси, Шаньдун.

Чан Кайши не хотел быть в стороне от событий. Используя средства родни, ее связи, опираясь конечно же на Чэнь Цзимэй, он сколачивает бригаду, объединившую в своих рядах выходцев из различных слоев общества, в том числе шанхайских гангстеров, членов подпольной организации «Зеленых». Чан Кайши, имея свое вооруженное формирование, получает теперь долгожданное право занять законное место среди представителей военной знати. С неослабевающим напором действует и покровитель нового генерала — Чэнь Цзимэй.

Еще слишком туманны были перспективы революции, а губернатор Шанхая Чэнь Цзимэй уже старается нейтрализовать накал страстей в среде городской бедноты. Ему становится известно, что более 200 служащих шанхайского арсенала объединились в федерацию механиков и ратуют за «освобождение от капиталистической экс-

¹ Crozier B., Chou E. The Man who lost China. L., 1977. P. 41.

плуатации». Представители федерации напоминали: доставили оружие для революции механики, но заслуги присвоили себе чиновники из арсенала. Точно так же, говорили они, решительно боролись за победу солдаты, а ее лаврами воспользовались офицеры. Чэнь Цзимэй решил предотвратить возможность стачки с выдвижением непомерно высоких требований. В приказе губернатора говорилось:

«Так как арсенал является очень важным пунктом, то свободные союзы и свободная критика должны быть в нем запрещены... Все служащие и механики, работающие в арсенале, должны рассматриваться как военнослужащие, их положение коренным образом отличается от положения обычных рабочих... Поэтому начальнику арсенала вменяется в обязанность дать совет рабочим немедленно же распустить федерацию»¹. Чэнь Цзимэй принимал участие и в организации карательных отрядов для усмирения бунтующих против помещиков крестьян.

Губернатор Шанхая приложил немало сил, чтобы объявить революционной столицей свой город, где сильны были позиции китайской промышленной и торговой буржуазии. Обстановка благоприятствовала этому замыслу: наступление войск цинского правительства на Ухань не позволило собрать там конференцию восставших провинций. Чэнь предложил созвать в Шанхае съезд для решения вопроса о создании единого центрального правительства. В конце концов в качестве центрального было признано правительство в Учане, а его главой — командир бригады Ли Юаньхун, ничего общего не имевший с революцией.

25 декабря 1911 г. Сунь Ятсен возвратился из эмиграции в Шанхай. Его авторитет как основателя первых организаций, ставящих своей целью свержение существующего в Китае режима, как талантливое пропагандиста революционных идей сыграл стабилизирующую роль в раздираемом противоречиями лагере революционных сил.

29 декабря конференция восставших провинций назвала Сунь Ятсена временным президентом Китайской республики.

Парламентская весна длилась недолго. В революционную лигу потянулись тысячи новых лиц, многим из

¹ Кучумов В. Очерки по истории китайской революции. М., 1934. С. 93.

которых чужды были провозглашенные Сунь Ятсеном цели, осуществленные им мероприятия демократического характера. В лигу вошел получивший образование в Америке ближайший помощник милитариста Юань Шикая, сосредоточившего власть на Севере, Тан Шаои. Оказавшись под давлением либерально настроенной элиты, Сунь Ятсен передает Юань Шикаю пост президента. Последний, несмотря на возражения Сунь Ятсена и его сторонников, добился признания Пекина в качестве столицы. Северный Китай стал выступать в качестве оплота феодальной реакции. Юань Шикай всюду насаждал своих ставленников, а главой правительства назначил Тан Шаои.

Чан Кайши, отложив поездку в Германию, вновь в ответ на призыв Чэнь Цзимэя устремляется в Шанхай. Назревали острые вооруженные столкновения между революционной армией и армией Юань Шикая.

В августе 1912 г. в результате слияния революционной лиги с четырьмя мелкими группировками была образована Национальная партия — Гоминьдан. Чэнь Цзимэй стал ближайшим соратником Сунь Ятсена в подготовке и создании новой партии: он занял пост главы Управления делами. Его протее — самому младшему из вступивших в новую партию — Чан Кайши было 26 лет.

Создание новой партии не могло не упрочить позиции сторонников Сунь Ятсена. Самого Сунь Ятсена увлекли планы модернизации страны, и он целиком отдавал себя разработке проектов железнодорожного строительства. А в это время реакция, сгруппировавшаяся вокруг Юань Шикая, вынашивала тайные замыслы против революции. Появлялись новые герои и новые жертвы. 21 марта 1913 г. на вокзале в Шанхае от руки наемного убийцы пал фактический руководитель Гоминьдана Сунь Цзяожэнь. За спиной убийцы стояла зловещая тень диктатора Юань Шикая.

Сунь Ятсен звал к вооруженной борьбе с диктатором. Многие руководители партии, среди них Чэнь Цзимэй, Хуань Синь, тайно и явно пытались дискредитировать этот призыв. Только в июле 1913 г., когда восстания против диктатуры Юань Шикая распространились на многие провинции страны, Чэнь Цзимэй и его соратники, в том числе и Чан Кайши, поддержали борьбу против Юань Шикая. Чан Кайши решил продемонстрировать свои возможности как военного специалиста: представил план овладения арсеналом в Шанхае. Сама по себе его идея заслуживала внимания. Арсенал представ-

лял собой крупный военно-технический комплекс. Расположенный на берегу реки Вампу, он включал в себя верфь для строительства военных судов, оружейный завод и литейную мастерскую для изготовления артиллерийских снарядов. В его ведении находились пороховой и патронный заводы.

22 июля Чэнь отдает приказ начать штурм. Но атака захлебнулась. 28 июля — новая попытка. Защитники арсенала не дрогнули. Их поддержали орудия кораблей с реки Янцзы. И вновь неудача. Борьба продолжалась до вечера 29-го. Осада арсенала успеха не принесла, ее участники отступили на 20 км к северу от Шанхая. План Чан Кайши провалился.

Чэнь Цзимэй дал такую оценку событиям 1913 г. в письме к Чан Кайши:

«В 1911 г. господствовал дух самоотверженности и самопожертвования революционеров, который позволил последним, фактически безоружным, в количестве всего лишь нескольких сот человек, поднять знамя революции в Ухане и вовлечь в события всю страну. В 1913 г. они (революционеры.— В. В.) контролировали несколько провинций и армию, насчитывающую более одной сотни тысяч, и, несмотря на это, потерпели поражение. Причина в том, что революционеры не обладают таким вдохновением, как в 1911 г.»¹.

Причины поражения летнего восстания 1913 г. имели, конечно, более глубокие корни. Когда горстка революционеров в Ухане бросила мужественный вызов маньчжурской династии, это вдохновило массу. Дело было теперь, разумеется, не в потере «вдохновения» революционерами. Люди на этот раз не пошли за вожаками, потому что потеряли доверие к тем, кто называл себя революционерами. С глубоким разочарованием китайцы встречали вести о предательстве известных революционной фразой политиков, шедших на поклон к милитаристам и диктатору Юань Шикаю.

Сунь Ятсен ищет возможности для подготовки нового восстания против Юань Шикая, стремится выявить оптимальные пути для организации вооруженной борьбы. Чэнь Цзимэй вместе с Чан Кайши направляется в Маньчжурию. В Даляне, где верховодили японцы, посланцы Суня обсуждали с местными гоминьдановцами возможности организации антиюаньшикаевского восстания в

¹ *Furuza K.* Op. cit. P. 53.

Маньчжурии. Однако в этом районе Китая не было соответствующей базы для развертывания революционной борьбы. Юань Шикай вступил в сговор с Японией: японский капитал нацеливался на строительство двух железных дорог в Маньчжурии. 10 февраля 1914 г. Чэнь Цзимэй получил секретное сообщение от Сунь Ятсена: изменяющаяся политическая обстановка требует прекращения подготовки восстания. Чэнь и Чан возвращаются ни с чем.

Вскоре Чан Кайши был направлен для организации нового восстания против Юань Шикая в Шанхай, где успех связывали с относительно прочным положением единомышленников Сунь Ятсена в воинских частях. Но и на этот раз Чан Кайши не добился успеха. Власти сумели напасть на след гоминьдановских боевиков. Несколько людей Чан Кайши были арестованы и расстреляны. Самому организатору выступления чудом удалось ускользнуть.

Осенью 1915 г. Чэнь Цзимэй подготовил новое восстание в Шанхае, который он еще 22 июля 1913 г. объявил «независимым» городом.

В октябре 1915 г. предпринимается новая попытка атаковать шанхайский арсенал. И снова в голове Чан Кайши вызревает план. Предусматривалось нападение не только с суши, но и со стороны реки. Готовился захват военного корабля. События развивались, казалось, строго по плану. Нападавшие сумели завладеть военным кораблем «Чжаохэ». Из его орудий по арсеналу выпустили 30—40 снарядов. Но другие корабли не поддерживали революционеров. Чан Кайши был в строю наступавших, которых возглавил Чэнь Цзимэй. Силы были, конечно, неравными. План Чан Кайши вновь провалился. 20 участников штурма отдали свои жизни, 100 получили серьезные ранения. Соратники Чэнь Цзимэя не хотели все же складывать оружия: в своем штабе они готовили новую вылазку, наивно полагая, что за ними, как и во время Учанского восстания, пойдут массы. Но полиция французской концессии окружила конспиративную квартиру. Сопrotивление оказалось бесполезным. Ряд боевиков попал в ловушку. Чэнь Цзимэю, Чан Кайши и некоторым другим удалось скрыться.

В Шанхае у Чэнь Цзимэя имелась надежная опора: гангстеры из общества «Зеленых». История различных тайных обществ Китая насчитывает тысячелетия. К наиболее известным относились «Желтые тюрбаны», «Красная бровь», «Бронзовые кони», «Белая лилия», «Красные

пики», «Белый лотос», «Мечи», «Общество всеобщего добра», «Триада», «Старшие братья». Свою тайную деятельность лидеры обществ облекали в религиозное, националистическое покрывало. Так, крестьяне, вступившие в борьбу с феодалами и тиранами-милитаристами, вооруженные пиками, которые имели красные кисти и наконечники, принадлежали к обществу «Красные пики». Сколько такого рода обществ действовало в различных уголках Китая и кого только не объединяли они! В них вовлекались не только мелкие собственники, но и разорившиеся крестьяне и ремесленники, бродяги, разбойники, проститутки.

Характерная черта обществ — строгая иерархия, слепая преданность вождю; дух насилия и религиозные предрассудки сочетались здесь с ненавистью ко всему иностранному. Различные цели ставили перед собой тайные объединения: одни вырождались в гангстерские шайки, торговали опиумом, занимались контрабандой, разбоем, содержали притоны, публичные дома, другие брали на вооружение освободительные идеи, извечную мечту о строительстве в «Поднебесной» общества всеобщего благоденствия.

В некоторых районах создавались женские тайные общества борьбы против насильственного брака. Такое общество в 20-х годах действовало в провинции Гуандун. Члены общества ставили перед собой благородную по своей сути цель — помочь девушке избавиться от принудительного брака. Поскольку часто бедность становилась главной причиной заключения таких браков, общество помогало девушке найти работу, получить постоянный заработок. Боевые отряды общества нападали на селения во время обряда бракосочетания и освобождали невест от насильственного брака.

Опора Чэнь Цзимэя — общество «Зеленых» брало свое начало от группы, отколовшейся от общества «Красных». Последнее окрепло в кровопролитных боях времен Тайпинского восстания и ставило перед собой задачу свержения власти маньчжуров и восстановления династии Мин. «Зеленые», учредив свой центр в Шанхае, взяли под свой контроль районы к югу от реки Янцзы.

Соратники Чэнь Цзимэя легко убедили его в том, что стоит только убить командующего гарнизоном Шанхая Чжэн Жучэна, как город перейдет в руки революционеров. Наместник Юань Шикая в Шанхае отличался особой жестокостью. На его совести было немало преступлений против участников революции.

Чан Кайши к этому времени не раз участвовал в террористической деятельности против политических и государственных деятелей. В начале 1912 г. Чэнь Цзимэй организовал убийство Тао Чэнчжана, одного из лидеров «Союза освобождения» (организации, составившей вместе с другими объединениями основу «Тунмэнхуэй»). Исполнителем воли Чэня называли молодого Чан Кайши.

И теперь, когда революционеры в октябре 1915 г. приняли решение устранить приспешника Юань Шикая, Чэнь Цзимэй обратился за помощью к Чан Кайши.

Начали с обсуждения плана покушения: 10 ноября в генеральном консульстве Японии должен был состояться прием по случаю коронации японского императора. Присутствие заместителя Шанхая Чжэн Жучэна на приеме было обязательным. Чжэн, видимо, предупрежденный о готовящемся заговоре, решил добраться до иностранного селтльмента не на машине, как это было обычно, а вниз по реке на судне, а затем уже пересесть в машину. Тем самым Чжэн лишь отдалил на некоторое время свою гибель. На мосту его машину ожидали два Вана: Ван Сяофэнь (из г. Цзилинь) и Ван Миншань (из Шаньдуна). Во время движения от пристани, когда водитель вынужден был замедлить ход на мосту, в машину полетели бомбы. Первая — промах! Вторая — убит шофер! Один из террористов бросал бомбы, другой разрядил в сатрапа обойму. Нападавшие даже не попытались скрыться, они безропотно сдались в руки полиции. Во время допроса арестованные спокойно заявили: они убили Чжэна, поскольку тот был агентом человека (то есть Юань Шикая. — В. В.), стремящегося задушить революцию и завладеть тронном. Чан Кайши пригодился в организации такого рода акции опыт времен военной учебы в Японии. Готовность к самопожертвованию, вера в наивысшее предназначение — эти качества солдата-смертника японской армии Чан Кайши хотел видеть и в своих подчиненных.

Чэнь Цзимэй не забывал о своем протезе. 25 декабря 1915 г. вспыхнуло восстание в Юньнани. Военные, возглавившие восстание, объявили независимость провинции. В январе 1916 г. по инициативе Гоминьдана начались антиюаньшикаевские выступления в Гуандуне. Антиправительственные части стали именоваться революционной армией. Гоминьдановцы готовили наступательные операции на Юе.

14 апреля 1916 г. Чэнь Цзимэй дал указание Чан Кайши овладеть фортом Цзяньнинь на южном берегу Янцзы между Нанкином и Шанхаем. Форт имел особое стратегическое значение для Шанхая. Пять дней часть под командованием Чана пыталась безуспешно овладеть фортом. Потерпев неудачу, гоминьдановцы рассеялись, а Чан Кайши скрылся в шанхайских лабиринтах.

С 1912 по 1921 г. Чан Кайши проводил большую часть времени в Шанхае.

Здесь Чан сблизился с Дай Цзитао, ставшим впоследствии виднейшим идеологом Гоминьдана. Чан Кайши вместе со своими друзьями Чэнь Цзимэем и Дай Цзитао поддерживал тесные отношения с одним из влиятельных дельцов Шанхая — Чжан Цзинцзяном. Этот толстосум финансировал тогда Сунь Ятсена. Чжан нажил громадное состояние на торговле шелком и предметами китайской старины. Его связи простирались до Парижа. Оказывая финансовую помощь окружению Сунь Ятсена, Чжан делал это зачастую ради вполне определенных интересов своего торгово-промышленного клана. Молодой офицер из окружения Сунь Ятсена заинтересовал Чжан Цзинцзяна, и Чан Кайши был привлечен к работе шанхайской биржи.

Ему, получившему военное образование в Японии, довелось пройти школу биржевого маклера, связать свою судьбу с местной мафией. Молодой офицер высоко ценил связи со своими земляками, процветавшими в Шанхае и занявшими к тому времени заметные позиции в тайных обществах, в торгово-промышленных кругах, в подпольном бизнесе. Китайские тайные общества входили здесь в соглашения с иностранными дельцами, с полицией. Чан Кайши получил блестящую возможность познакомиться с механизмом жизнедеятельности нелегального мира Шанхая, войдя в доверие к воротилам подпольного бизнеса. Новые друзья Чан Кайши не отличались разборчивостью в средствах в борьбе за достижение своих целей — они специализировались на похищении людей, устранении нежелательных политиков, слишком назойливых журналистов. Полиция закрывала глаза на их «деятельность».

В 1916 г. в судьбе Чан Кайши произошло значительное и весьма печальное событие. Наставник Чан Кайши Чэнь Цзимэй, выступая в качестве одного из лидеров Гоминьдана, ловко сочетал свои функции революционера с ролью защитника шанхайской мафии, дея-

тельность которой он умело стремился направлять против диктатуры Юань Шикая. Диктатор решил избавиться от своего непримиримого врага. Агенты Юань Шикая воспользовались услугами провокатора. Чэнь заманили в ловушку на территории французского сэттльмента, где ранее была раскрыта явка революционеров. 18 мая 1916 г. Чэнь Цзимэй погиб в возрасте 40 лет.

Чан Кайши на прощальной церемонии дал обет: «Твои убеленные сединой родители еще живы, твои дети в то же время еще малы... Я позабочусь о старых людях и поддержу молодых и навсегда сохраню тебя в своих мыслях». Его дальнейшие слова не могли не потрясти стоявших в скорбном молчании соратников: «Где я могу отныне найти человека, который знал бы меня так же хорошо и безгранично любил, как ты?!»¹

Что касается Чэнь Лифу и Чэнь Гофу — племянников Чэнь Цзимэя, обещание свое Чан Кайши сдержал: они станут ближайшими его соратниками на долгие годы.

Предательство Чэнь Цзюнмина

После смерти Чэнь Цзимэя Чан Кайши действует уже в окружении Сунь Ятсена. В 1916 г. молодой офицер едет по заданию в Шаньдун для участия в антиюаньшикаевском выступлении. Сунь Ятсен решил собрать в Японии и перебросить в Шаньдун отряды смертников. Китайские эмигранты, отвечая на призыв своих соотечественников, добровольно вступали в эти отряды. Направление Чан Кайши в Шаньдун вряд ли было случайным. Учитывалась скорее всего его длительная военная практика в Японии. Ведь именно здесь, в Циндао, японцы закрывали глаза на антиюаньшикаевское движение, даже порой потворствовали ему. Оружие поставлялось сюда из Японии. Здесь действовала верная Сунь Ятсену и возглавляемая Чжу Чжэнем китайская революционная армия. 4 мая 1916 г. Чжу, имея всего тысячу штыков, овладел Вэйсянем — важным стратегическим пунктом на железной дороге Циндао — Цзинань. Началась подготовка наступления на Цзинань.

Восстание против диктатуры Юань Шикая, начавшись в одной из самых отдаленных от Пекина южных провинций — Юньнани, распространилось на другие южные и

¹ Hahn E. Op. cit. P. 57

юго-западные районы страны — Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань, Хунань, Фуцзянь. Местные милитаристы делали все, чтобы антиюаньшикаевское движение развивалось под их контролем.

Жестокий диктатор Юань Шикай, столкнувшись с движением протеста в различных слоях общества, проявлял теперь, когда решалась его собственная судьба, робость и малодушие.

6 июня 1916 г. от сердечного приступа он умер. Смерть диктатора не могла избавить китайское общество от жесточайших войн, милитаристского угара, долгих лет кровопролития. Местные милитаристы, опираясь на собранные под их знамена армии, рвались к власти в Пекине. В Китае, по сути дела, не было и формального единства, которое смог в конце концов провозгласить Чан Кайши лишь в 1928 году. После смерти Юань Шикай на власть в стране претендовали в основном две силы: правительство северных (бэйянских) милитаристов, контролировавших большую часть Китая, и политическая группировка Сунь Ятсена. Среди милитаристских клик выделялись чжилийская, возглавляемая Фэн Гоцжаном, Цао Кунем и У Пэйфу, и аньхойская, или аньфуистская, названная так, как и ее политический клуб в пекинском переулке Аньфу. Аньфуистских генералов объединил Дуань Цижуй, ставший главой пекинского правительства. Бэйянская клика милитаристов и бюрократов достигла высших ступеней карьеры еще при последних Цинах. Новый кандидат в диктаторы находил покровителей в Японии, где считали покойного Юань Шикай слишком проамериканским. Северо-восточные провинции контролировались Чжан Цзолинем (фэнтяньская группировка). С Юга своим соседям угрожали гуансийская клика Лу Жунтина и юньнаньская Тан Цзияо.

В июле 1917 г. Сунь Ятсен отбыл в Гуанчжоу. Чан Кайши оставался в Шанхае, готовя план вторжения войск в Фуцзянь и Чжэцзян. В сентябре этот план лежал на столе у Сунь Ятсена. Его составитель получил приглашение занять место начальника оперативного управления в штабе Гуандунской армии, действовавшей в южной части провинции Фуцзянь. Считалось, что эта армия — единственная, преданная Сунь Ятсену. Пребывание на новом посту оказалось довольно коротким: 26 сентября 1917 г. командующий Гуандунской армией поручил Чан Кайши одно из подразделений армии. Вскоре непосредственное участие в деле — и, как казалось,

непоправимый удар по самолюбию — поражение в сражении с северянами в Яньтай. Способности Чан Кайши и его опыт в данном случае мало что значили. Гуандунская армия была далека от современных для того периода стандартов. Настоятельная необходимость реорганизации армии стала очевидной.

Юг Китая оставался основной ареной революционной борьбы: районы, расположенные к югу от Янцзы, были более развитыми, нежели на Севере. Республиканские идеи находили здесь более благоприятную социально-экономическую почву. Но милитаристы сохраняли свои позиции в политической жизни и на Юге. Гуанчжоу в ту пору был заселен преимущественно бедной, занятой на отсталых в техническом отношении фабриках. Повсюду встречались убогие лавчонки, мастерские, где рабочий люд занимался мелким кустарным трудом. Главными фигурами здесь были, пожалуй, торговцы и ростовщики, захватившие в свои руки скупку и сбыт крестьянской продукции. Ростовщики, засевшие в меняльных конторах, держали в кабале местных жителей, спекулировали иностранной валютой, грели руки на обмене банкнотов различных банков. Милитарист Чэнь Цзюньмин, занявший Гуанчжоу в 1920 г., обещал превратить Гуанчжоускую провинцию в «образцовую для всего Китая»¹.

В условиях социально-политической напряженности в июле 1917 г. рождается военное правительство в Гуанчжоу. Сунь Ятсена, возглавившего это правительство и поставившего перед собой благородные цели восстановления конституции, окружали не только преданные ему и его идеям люди, но и сонм милитаристов-авантюристов, продажных бюрократов.

В условиях военного давления с Севера Сунь Ятсен вынужден был в сотрудничестве с южными милитаристами создать войска, находившиеся в непосредственном подчинении военного правительства. Основой правительственных войск стала Гуандунская армия.

Каждый военный губернатор — дучжюнь — располагал своим собственным войском, которое содержалось на средства, выжимаемые из крестьянства. Армии дучжюней пополнялись за счет огромной массы бездомных люмпенов, бродивших по стране в поисках горстки риса и крыши над головой. Разоренные крестья-

¹ См.: Сунь Ятсен, 1866—1986: Сборник статей, воспоминаний, документов и материалов. М., 1987. С. 222—223.

не, пауперы, объединялись в бандитские шайки. Города жили под страхом грабежей; насилия на дорогах, в домах становились обычным делом.

Гуандунская армия пополнялась из тех же «резервов», что и армии дучжюней, и была далека от того, чтобы стать ядром действительно революционной армии. Во главе Гуандунской армии стал милитарист Чэнь Цзюньмин. В оценках, которые давал Чан Кайши Чэнь Цзюньмину, проявилась не просто личная антипатия к нему как к человеку. Чан Кайши скорее всего видел в нем сильного соперника.

Самым главным, определяющим отношения между Чан Кайши и командующим Гуандунской армией стала укоренившаяся среди милитаристов традиция приближать к себе выходцев из родной провинции. Гуандунцы составляли большую часть личного состава армии. Войска Чэнь Цзюньмина входили в Гуанчжоу с лозунгом «Гуандун для гуандунцев». Как человек служит, для карьеры ровно ничего не значило. Даже будь Чан Кайши гениальным, трудись он денно и ночью на Чэнь Цзюньмина, как говорили его соотечественники, «изображай для генерала вола или лошадь» — все было напрасным. Чан Кайши жаловался, что слишком трудно провести какие-либо реформы для повышения боеспособности армии, любые его предложения блокировались. На своем посту в Гуандунской армии Чан Кайши пробыл недолго. Гуансийская клика милитаристов взяла верх над сторонниками Гоминьдана. Весной 1918 г. Сунь Ятсен оказался отстраненным от власти и уехал в Шанхай. Чан Кайши снова в Шанхае. Осенью 1918 г. закончилась война в Европе. Шанхай переполняли иностранные бизнесмены. Китайцы уже услышали об Октябрьской революции в России, ощутили ее дыхание. Пеструю картину дополнили новые пришельцы с Севера — русские белогвардейцы. Беглецы, разбросанные революционной бурей в России, пересекая Сибирь, двигались к Владивостоку и Харбину, а затем стекались в Шанхай.

Шанхай, как и Гуанчжоу, и Тяньцзинь, в отличие от старых китайских городов, приобрел к началу века новые черты. Рост, хотя и слабый, промышленности умножал здесь ряды рабочего класса, усугублялось социальное расслоение, набирал силу национальный капитал. Рабочий класс растворялся в массе люмпенских элементов — кули, безработных, нищих и т. п. Едва сводив-

шие концы с концами мелкие собственники — кустари, цеховые ремесленники, подмастерья, торговцы, владельцы убогих мастерских, чиновники — представляли многоликую массу городского населения. Именно эти группы становились той социальной почвой, на которой вызревали семена будущих выступлений против иностранных «дьяволов». Прорастанию этих семян способствовал и революционный взрыв в России. Наличие внешнего, общего врага стимулировало тенденции к временному сближению большей части элиты с «низами», что впоследствии благоприятствовало осуществлению концепции единого фронта.

Новое поколение китайских революционеров формировалось, судя по трудам иных западных авторов, лишь под воздействием жестокой политики Японии, в частности захвата японцами провинции Шаньдун, унижительных для Китая условий Парижского мирного договора. Это, однако, не вся правда. Известия об октябрьских событиях в России, о первых проникнутых интернациональным духом внешнеполитических шагах Советской власти не могли не сказаться на формировании демократических сил в китайском обществе. Появился новый, достаточно мощный стимул для пропаганды в Китае марксизма. Пропагандисты марксизма Ли Дачжао и Чэнь Дусю, классик китайской литературы Лу Синь все громче поднимали свой голос в защиту идей демократии и национальной независимости.

В этот период Сунь Ятсен и объединившиеся в китайской революционной партии его соратники делали ставку на мускулы в борьбе с противостоящими им милитаристами, искали сильных союзников среди воинов на Юге.

Чан Кайши не проявлял особого интереса к политическим событиям, происходившим в мире, своей инертностью в этом смысле он отличался от Сунь Ятсена, который жил революцией и старался вникнуть в смысл международных политических событий. Друзей Чан находил скорее среди бизнесменов, сколачивающих состояние за границей и дома, нежели среди бунтующей интеллигенции. Чан Кайши был тесно связан с крупнейшей группировкой денежной буржуазии, получившей название «чжэцзянской финансовой группировки».

Посещение биржи удавалось совмещать с обязанностями инструктора военной академии. Доходы Чан Кайши не были слишком большими, но хватало и на развлечения

ния, и на помощь семье. Шанхай предоставлял молодому человеку, не стесненному в финансовых средствах, много развлечений. К этому времени относится и рождение его сына Чан Вэйго. Позже шли разговоры, будто Чан Вэйго, приемный сын Чан Кайши,— плод любовной связи одного из его друзей и японской девушки из чайного домика. Называлось и имя этого друга — Дай Цзитао. Беспорядочная жизнь Чан Кайши, как и его друзей, не выглядела чем-то необычным для шанхайской публики.

Между тем командующий Гуандунской армией требует Чан Кайши к себе. Отношение Чан Кайши к Чэнь Цзюнминю в принципе не изменилось, но он побаивался командующего и пытался как-то умиловить его. Тем более что Сунь Ятсен просил «своего брата» (обращение в письмах Сунь Ятсена к Чану) поладить с гуандунским генералом. В письмах к Чэнь Цзюнминю Чан Кайши в основном занимался самобичеванием. «У меня плохой характер,— писал он,— и мне обычно недостает хороших манер... Я знаю, что был смешон... Моя беда в том, что я склонен к экстремизму». Чан Кайши просил простить его: если что-то и было не так, как нужно, то виноват в этом только несносный нрав самого автора писем. Своему шанхайскому патрону Чжан Цзинцзяну Чан Кайши четко разъяснил свою позицию: из-за болезни он не может присоединиться к Гуандунской армии. В то время как больной находился под присмотром матери, Гуандунская армия сражалась.

В конце апреля 1919 г. империалистические державы, по существу, благословляют Японию на захват бывших германских концессий в Шаньдуне. Эта акция потрясла китайцев, среди которых заметную роль играли шэньши, втянутые в патриотические кампании и либерально-конституционное движение.

До 5 тыс. студентов и учащихся средних учебных заведений 4 мая вышли в Пекине на демонстрацию на площадь Тяньаньмэнь. Рост национального самосознания в среде китайской молодежи отразили лозунги: «Защитим наш национальный суверенитет!», «Восстановим права в Шаньдуне!», «Накажем национальных предателей!» Возбужденные участники митинга двинулись к посольскому кварталу, чтобы заявить свой протест западным дипломатам. Последовали разгон демонстрантов и аресты. В Китае созрело и развернулось патриотическое движение, названное движением «4 мая». По промышленным городам прокатилась волна стачек. Ба-

ствовали рабочие, торговцы, мелкие предприниматели. Китайские марксисты связывали с подъемом массовой антиимпериалистической борьбы освобождение страны как от иностранного гнета, так и от господства феодально-милитаристской реакции.

Правление милитаристов и междоусобные схватки различных военных клик дорого обходились китайскому народу. Сунь Ятсен, гневно разоблачавший феодально-милитаристскую верхушку, выступал в духе освободительных идей своего времени. «...Восемь лет управление нашей страной находится в руках бюрократии и военщины, — говорил он 8 октября 1919 г., выступая перед членами Союза молодежи в Шанхае, — против них и должна быть направлена революция; кроме того, революция должна смести политиканов, которые служат орудием в руках военщины».

Сунь Ятсен обличал коррупцию, моральное разложение, которыми была поражена — и, казалось, неизлечимо — бюрократическая и военная верхушка Китая. Идеолог китайской революции, указывая на вновь построенные фешенебельные, европейского типа особняки, говорил: «Их строили наши милитаристы. Раздирают страну, бесчинствуют и грабят, проводят дни за опиумом и картами, идут на все подлости, пьют из народа соки — и строят здесь европейские виллы, берут наложниц, дуются в маэзьян (игра в кости. — В. В.), пьют заморские вина, лакомятся, в то время как рабочие и крестьяне голодают и ходят раздетые и разутые. Вот почему гибнет Китай. Вот почему мы ничего не добьемся, пока не покончим с военщиной»¹.

Чан Кайши внимательно следит за действиями Сунь Ятсена. Так, в своей речи 11 января 1921 г. революционный лидер выдвинул предложение о создании в Гуанчжоу Национального (общекитайского) правительства. Здесь же принимается решение о созыве членов избранного в 1913 г. и распущенного потом Юань Шикаем старого парламента и объединении их в общекитайское правительство.

Чан Кайши призывал к осторожности. В своем письме к Сунь Ятсену 5 марта 1921 г. он предупреждал: время для избрания Сунь Ятсена на пост президента не настало — гуансийские враги имеют все еще преимущество, юго-западные районы не освобождены, парламент не об-

¹ Цит. по: *Ефимов Г. В. Сунь Ятсен: Поиск пути. 1914—1922.* М., 1981. С. 115.

ладает соответствующей базой и нет кворума. «После покорения гуансийских мятежников,— писал Чан Кайши,— мы, возможно, сможем пойти вперед с северо-востока для нападения на столицу нашего врага...» Объединение Китая не такая уж трудная задача — так закончил свое письмо Чан Кайши и снова предупредил: не доверяйте Чэнь Цзюнминю, которого Сунь Ятсен назначил военным губернатором Гуандуна.

21 апреля 1921 г. Чан Кайши получил указание Сунь Ятсена немедленно выехать в Гуанчжоу и принять участие в экспедиции против гуансийцев, но вскоре он должен был поехать на родину: 14 мая в Цикоу в возрасте 58 лет умерла его мать.

В мае 1921 г. Сунь Ятсен принимает на себя обязанности президента республики. Пост военного министра и министра внутренних дел занял Чэнь Цзюнмин. Провинция Гуандун стала первой революционной базой. Произошло укрепление позиций Сунь Ятсена, его партии.

В июле 1921 г. марксистские кружки объединяются в Коммунистическую партию Китая. Гоминьдан делает первые шаги к сближению с рабочим классом (контакты с коммунистами начались еще в 1920 г., до образования КПК). Состоялись встречи с представителями Коминтерна — Г. Н. Войтинским, Г. Марингом, С. А. Далиным. Сунь Ятсен завязывает переписку с наркомом по иностранным делам РСФСР Г. В. Чичериным. В начале 1921 г. в Гуанчжоу появляются представители советского агентства РОСТА. «Я чрезвычайно заинтересован вашим делом,— писал Сунь Ятсен в письме Г. В. Чичерину 28 августа 1921 г.,— в особенности организацией ваших Советов, вашей армии и образования... Подобно Москве, я хотел бы заложить основы Китайской Республики глубоко в умах молодого поколения — тружеников завтрашнего дня»¹.

Идея развития связей с революционным движением в Китае давно находила своих сторонников среди большевиков. Еще в разгар мировой войны, в 1916 г., В. И. Ленин, участвовавший в небольшом собрании большевиков на квартире русского эмигранта в Берне, высказал казавшуюся тогда абсолютно нереальной мысль о том, что русский пролетариат и миллионные массы Китая будут совместно сражаться! В 1918 г., когда молодая

¹ Советско-китайские отношения 1917—1957: Сборник документов. М., 1959. С. 58—59.

Советская республика задыхалась под натиском интервентов, а дорога в Китай была перерезана чехословаками, эсерами, Колчаком, Ленин запросил: нельзя ли среди китайских рабочих в России, пробужденных Октябрьской революцией, найти смелых людей, которые установили бы связи с Сунь Ятсеном¹.

Если в Москве смотрели на возглавляемый Сунь Ятсеном революционный Кантон (Гуанчжоу) как на символ единения различных социальных сил пробужденного Китая, восставшего против иностранного диктата, то иное отношение в связи с этим продемонстрировал Запад. Попытки Сунь Ятсена добиться поддержки США, займов со стороны их деловых кругов оказались тщетными.

Чан Кайши, как казалось внешне, целиком отдался новому течению. 23 июня 1921 г. Сунь Ятсен вновь направляет Чан Кайши телеграмму с требованием немедленно прибыть в Гуанчжоу. Чан не торопился и прибыл по вызову лишь в сентябре, когда экспедиция против Гуанси была закончена. Административный центр Гуанси — Гуйлинь был взят в августе 1921 г.

Сунь Ятсен стремился объединить страну под знаменем национализма, в его мечтах маячила идея возвышения ханьской нации. «Отныне следует развивать славу и величие ханьцев, — писал он. — Пусть те нации, которые вместе с нами строят государство, сплавятся в единой печи, вольются в ханьскую нацию и на востоке Азии создадут единое государство китайской нации... чтобы его величие потрясло весь мир»².

Милитарист Чэнь Цзюньмин придерживался в большей степени федералистских взглядов. Для него Гуандун — собственная крепость, подобная таким же вотчинам иных милитаристов. Сунь Ятсен, озабоченный идеей объединения страны, готовился к Северному походу и требовал от Чэня всесторонней помощи для осуществления этого плана. Чэнь соглашался, но тайно готовил заговор, маневрировал, вел поиск союзников, укреплял свои позиции в Гуанчжоу.

В печати появились сообщения о заигрывании Чэня с главой чжилийской клики У Пэйфу. Последний открыто демонстрировал свои симпатии Чэнь Цзюньмину и неприязнь к Сунь Ятсену, его ближайшему окружению.

¹ См.: Радек К. Сунь Ятсен и китайское революционное движение. М., 1925. С. 42.

² Цит. по: Ефимов Г. В. Указ. соч. С. 155.

Сунь Ятсен направил к Чэнь Цзюнмину своего эмиссара — Дэн Кэня, дабы получить объяснения. 21 марта 1922 г. Дэн был убит на вокзале в Гуанчжоу. Чан Кайши находился в дружеских отношениях с Дэн Кэнем. Внезапная гибель Дэна всколыхнула прежние обиды и унижения, которые испытал сам Чан в штабе Чэня. Чан Кайши настаивал на нелегальной дополнительной переброске войск из Гуйлиня в Гуандун, и этот план стал осуществляться.

Когда в апреле эти войска достигли Гуандуна, Чэнь направил Сунь Ятсену телеграмму с просьбой освободить его от занимаемых постов в правительстве. Сунь Ятсен приказал ему остаться на посту военного министра. Но Чэнь Цзюнмин предпочел укрыться в Хуайжоу, не вступая в переговоры со своими бывшими союзниками. Чан Кайши выражал готовность атаковать имеющимися в распоряжении Сунь Ятсена силами Хуайжоу. Письмо Чан Кайши к Чэню от 22 апреля 1922 г. с предложением вновь объединиться с Сунь Ятсеном и присоединиться к Северному походу осталось без ответа.

Войска Сунь Ятсена, дислоцированные на севере провинции Гуандун, перешли в наступление. Но Северный поход, не успев начаться, захлебнулся. На Севере чжилйская группировка милитаристов У Пэйфу вышла победительницей в междоусобной борьбе с фэнтянской кликой — союзником Сунь Ятсена. И вот тогда, когда верные Сунь Ятсену войска продолжали находиться в Цзянси, Чэнь Цзюнмин, вдохновленный победой У Пэйфу, перешел к решительным действиям. Он заявил: Сунь должен уйти в отставку. За Чэнем стояло кантонское купечество. Торговцы поддерживали Сунь Ятсена, пока его призывы не претворялись в жизнь. Но Сунь осмелился пойти дальше: налогами все больше и больше облагались богатеи, нередко от имени республики реквизировалась их собственность. Поэтому купцы поддержали Чэнь Цзюнмина.

Сунь Ятсен, приехавший 1 июня в Гуанчжоу, обосновался в президентском дворце (Гуаньиншань). Он мог опереться лишь на охранные отряды численностью в 200—300 человек. Сунь Ятсен, как и раньше, возлагал определенные надежды на помощь США и поддерживал контакты с американцами в Гуанчжоу. Но эти расчеты были построены на песке. США предпочитали У Пэйфу.

16 июня 1922 г. Чэнь Цзюнмин отдал приказ 2-й дивизии атаковать резиденцию президента. Чэнь обещал

своим головорезам за Сунь Ятсена 200 тыс. долларов и три дня свободных грабежей. Сунь Ятсен был поставлен в известность о путче за несколько часов до событий. Пришлось последовать совету друзей и бежать. Он пробирался по тревожным улицам по направлению к военно-морскому штабу. В это время над его резиденцией, где остались книги и рукописи, уже поднимались яркие языки пламени. Адъютант Ма Сян с честью выполнил порученное ему дело: он спас жизнь жене Сунь Ятсена — Сун Цинлин. Командующий флотом пригласил беглецов на крейсер «Юнфэнь», который проследовал по фарватеру реки Вампу.

Пятьдесят дней длилась вооруженная борьба с мятежниками. Чан Кайши присоединился к беглецу в начале августа. Вместе с Сунь Ятсеном ему предстояло пробыть на «Юнфэнь» около двух месяцев. Сунь Ятсен, всегда стремившийся привить окружающим его людям собственные представления о чести, долге, не скрывал своего возмущения. Как мог Чэнь Цзюньмин, его протеже, действовать так злобно, так подло?! Ведь на такое обычно не решались даже его враги. «Мой лучший друг Чэнь Цзюньмин, — обращался Сунь Ятсен к представителю Коминтерна С. А. Далину, — оказался изменником, он подкуплен У Пэйфу, подкуплен англичанами из Гонконга!»¹

6 августа стало известно: преданные Сунь Ятсену войска потерпели поражение. Мятежники захватили Наньсюн (на границе провинций Гуандун и Цзянси). 9 августа Сунь Ятсен и его окружение, в котором находился Чан Кайши, отбыли на английском фрегате через Шанхай в Гонконг. У Чан Кайши не было другого выхода. Внешне могло показаться, что Чан делит невзгоды с Сунь Ятсеном из-за преданности революционному вождю. На деле же, однако, все было проще. Усталый, боязливый Чан, не имевший армии, давно уже не ладивший с Чэнь Цзюньмином, оказался бессильным перед лицом опасности и решил бежать. Вынужденный для Чан Кайши шаг послужил причиной его сближения с Сунь Ятсеном. «Помнишь ли ты, мой брат, те дни, когда мы находились на корабле? — писал в одном из писем к Чан Кайши Сунь Ятсен. — Весь долгий день мы могли лишь спать и есть, ожидая добрых вестей... Какие бы трудности ты ни встретил, какие бы испытания ни перенес, оставайся в армии, пока я веду... борьбу»².

¹ Далин С. А. Китайские мемуары. М., 1982. С. 133.

² Crozier B., Chou E. Op. cit. P. 57.

Сунь Ятсен теперь полагался на Чан Кайши в подготовке нового наступления на Гуанчжоу. Пока он укрывался на территории французской концессии, Чан по его заданию едет в Фуцзянь для установления контакта с аньфуистскими генералами, с которыми они связывали надежды на возвращение в Гуанчжоу. Переезжая из одного района в другой, он умело спекулировал именем Сунь Ятсена, ставшим магическим для мало-мальски разбирающегося в политике китайца. Во время пребывания в Фуцзяни Чан Кайши впадает в уныние. Он опасается, что зря тратит время на ненужные дела. В отчаянии Чан признается: «Если через 10 дней не достигну успеха, бросаю борьбу». Вот тогда Сунь Ятсен счел для себя необходимым оказать покровительство молодому революционеру, подбодрить, если понадобится, пожуричь его. Сунь Ятсен пишет:

«Я только что видел Ваше письмо, в котором Вы утверждаете, что если не будет прогресса в течение десяти дней, то не будет никакого толка вообще...

...Что за бессмыслица! Даже если мы не достигнем прогресса, враг теряет каждый день почву под ногами. Например, его офицеры и солдаты начинают прозревать; народ в провинции Гуандун ненавидит врага все больше и больше...»¹

Сунь Ятсен, зная о надеждах Чан Кайши на Запад, упоминает в письме, что и сам раньше питал подобные иллюзии, и сообщает о растущих в народе настроениях в пользу сотрудничества с КПК. «Нужно быть терпеливым, прилежным, не бояться работы и плохого,— поучает Сунь Ятсен Чана,— только тогда можно добиться хорошего результата. Но нельзя ведь так: если через 10 дней не будет успеха, то уже нет желания больше работать. Так, конечно, желаемой цели достигнуть нельзя»².

Авторитета Сунь Ятсена не могли поколебать отдельные поражения в ходе развития революции. Сунь Ятсен поддерживал связь с армией Северного похода, рассредоточенной на двух направлениях. Войска залечивали раны после августовского поражения. Возглавившие Северный поход Сюй Чунчжи и Ли Фулинь овладели 12 октября центром Фуцзяни — Фучжоу.

Мятеж Чэнь Цзюньмина значительно ослабил военные возможности правительства Сунь Ятсена. Появились

¹ Hahn E. Op. cit. P. 74.

² Далин С. А. Указ. соч. С. 313.

серьезные трудности с вооружением. Во время восстания Чэнь Цзюньмина был взорван пороховой завод, и взрывчатые вещества приходилось ввозить из-за границы. Англичане, опираясь на свои форпосты в Южном Китае, препятствовали перевозке военных грузов, предназначенных Сунь Ятсену. В своей деятельности, направленной на восстановление гуандунской революционной базы, Сунь Ятсен, как и раньше, делал ставку прежде всего на военные действия. Отсюда внимание к тем деятелям из его окружения, которые имели хоть какое-то специальное военное образование. Чан Кайши входил в число последних.

Притворное смирение

После захвата Фучжоу Сунь назначает главнокомандующим одного из левых лидеров Гоминьдана — Сюй Чунчжи, а начальником штаба — Чан Кайши.

В январе 1923 г. генерал Чэнь Цзюньмин вынужден покинуть Гуанчжоу: он не устоял перед единым фронтом армий Сунь Ятсена, гуансийских и юньнаньских войск. 21 февраля Сунь Ятсен — снова в Гуанчжоу.

Пока сторонники Сунь Ятсена в суровой борьбе с милитаристами отстаивали позиции Гоминьдана на Юге страны, представители пекинского правительства принимали участие в дипломатических играх Вашингтонской конференции ведущих капиталистических держав (1921—1922 гг.), хотя и не могли рассчитывать на равный голос в этом ансамбле.

6 февраля 1922 г. был предан гласности договор о принципах и политике в отношении Китая. Под договором стояли подписи США, Бельгии, Великобритании, Китая, Италии, Японии, Франции, Нидерландов, Португалии. Творцы вашингтонского договора, мыслящие категориями классического колониализма, превзошли, как казалось, себя в словесной эквилибристике. Какие только обещания не зафиксировало их детище! Они подписались под тем, что будут «уважать суверенитет, независимость, территориальную и административную неприкосновенность Китая». Действующие неравноправные договоры остались за завесой молчания. Китай, согласно статье 3 нового договора, не имел права ограничивать деятельность иностранцев, их частных, коммерческих, промышленных и финансовых учреждений,

препятствовать приобретению ими собственности на китайской территории.

Действия капиталистических держав, которые под ширмой международных договоров претворяли в жизнь проверенный колонизаторами принцип «разделяй и властвуй», вызвали сильные волнения в Китае. За движением «4 мая» последовало десятилетие бойкотов, забастовок, направленных против английских, японских и других иностранных концессий.

Сама жизнь диктовала необходимость развития сотрудничества между правительством Сунь Ятсена и Советской Россией. В пользу такого сотрудничества действовали вполне объективные факторы. Без надежной революционной армии одолеть милитаристов в кровопролитных схватках представлялось невозможным. Сунь Ятсен обратился к Стране Советов за помощью. В марте 1923 г. руководство РКП(б) и Советское правительство приняли решение оказать Сунь Ятсену финансовую и военную помощь.

16 августа 1923 г. молодой генерал Чан Кайши выезжает во главе делегации в Москву.

Перед Чан Кайши стояла вполне конкретная задача: обсудить военно-политические вопросы, достичь прямой договоренности о содействии Советского правительства в строительстве вооруженных сил Китая.

Посланец Гоминьдана прибыл в Москву 2 сентября 1923 г. Он пробыл в СССР около трех месяцев. Внимание Чан Кайши во время пребывания в Москве и Петрограде было сосредоточено на вопросах получения военной помощи, хотя в напутствии Сунь Ятсена содержалась просьба познакомиться и с опытом политической работы РКП(б) в массах, получить советы относительно организации политической работы Гоминьдана на Юге Китая. Китайскую делегацию принимали М. И. Калинин, Г. В. Чичерин, секретарь ЦК РКП(б) Я. Э. Рудзутак, заместитель председателя Реввоенсовета СССР Э. М. Склянский, главком С. С. Каменев, нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский¹.

«Мы, представители партии Гоминьдан, посланные в Москву,— обратился глава делегации к Я. Э. Рудзутаку,— прибыли сюда для того, чтобы ознакомиться главным образом с РКП в лице ее Центрального Коми-

¹ См.: *Картунова А. И.* В. К. Блюхер в Китае. 1924—1927 гг.: Документированный очерк. Документы. М., 1979. С. 20.

тета, получить ряд советов о нашей работе на юге Китая и взаимно информировать друг друга»¹.

...В это время в Стране Советов разгорались дискуссии о путях строительства социализма. Некоторые видные партийные деятели — среди них выделялся Л. Троцкий — полагали, что революция в России должна стать искрой для мирового революционного пожара, в который, естественно, был бы вовлечен и Китай. В свою очередь этот революционный пожар, как предполагалось, неминуемо содействовал бы решению задач социалистической экономики в Советской России.

Два часа Я. Э. Рудзутак разъяснял Чан Кайши условия, в которых создавалась партия большевиков, давал обзор основных революционных событий в России, нэпа, национальной политики компартии. Рудзутак говорил в беседе с Чан Кайши о близости по духу российской компартии и Гоминьдана. Чан Кайши со своей стороны добавил, что Гоминьдан «всегда считал РКП своей родной сестрой»².

Посланец Гоминьдана, как и следовало ожидать, проявил интерес прежде всего к военному опыту Советской власти. Он познакомился с организацией Красной Армии, института комиссаров, подготовкой военных кадров, посетил крепость Кронштадт, Военно-морскую академию.

Моложавый, сухощавый китайский офицер с острым взглядом черных глаз не вызывал особого любопытства у окружающих — в Москве встречались люди различных национальностей, среди которых было немало китайцев. Для передовой части китайских студентов и представителей интеллигенции в те годы характерна была тяга к изучению, пониманию социализма, интернационалистских основ марксизма. Китайцы, проживавшие в Москве, обратили внимание на посланника Сунь Ятсена. Их в немалой степени интересовал вопрос, что все же представляет собой Чан Кайши? Ординарный милитарист? Рядовой функционер Гоминьдана? В начале октября они собрались, чтобы послушать рассказ Чана о деятельности Сунь Ятсена в революции. Рассуждения представителя Сунь Ятсена вызвали бурную реакцию слушателей. Разве Маркс не сказал?.. Разве русский опыт не доказывает?.. Слушателям не понадобилось

¹ Картунова А. И. Указ. соч. С. 21.

² Там же.

много времени, чтобы убедиться в теоретической беспомощности оратора. В его ответе прозвучало безразличие к интернациональному, политическому опыту революционеров. «Я не говорил о России! — вызывающе заявил Чан. — ...Я веду речь о Китае. Вы должны изучать больше вашу собственную страну, прежде чем столь бойко рассуждать об иностранной теории». Некоторые слушатели отреагировали сразу же: «Национализм!» «Отъявленный национализм!» — послышались голоса¹.

В речи, обращенной к своим соотечественникам, оратор долго говорил об истории китайской революции, о роли личности в истории. Китайские студенты возражали, что не следует содействовать становлению культуры личности. Это было довольно уместное замечание. Склонность к вождизму уже в ту пору становилась одной из заметных черт характера самого Чан Кайши.

На страницах московской печати того времени уже сквозила тревога по поводу грядущих событий в Европе. В журнале «Спутник коммуниста» № 4 (август — сентябрь 1923 г.) появилась статья Гуго Эберлейна, члена ЦК Компартии Германии. Автор рассуждал о боевых союзах фашистов в Германии. Эти союзы, как отмечалось, объединяли малосознательные в политическом отношении элементы, последние становились игрушкой в руках финансирующих их кругов и легко подчинялись — при отсутствии собственных воззрений — влиянию своих вождей. Автор статьи предупреждал: «Если... пролетариат несвоевременно вступит в бой, если буржуазии суждено на первых порах одержать в этой борьбе победу, то фашистские боевые организации в Германии получают новый значительный приток свежих сил...» Предостережение оказалось пророческим. Но тогда у фашизма не было еще единого центра, и уязвимость нацистов с этой точки зрения была очевидной. Каждый из партийных вождей хотел стать диктатором, вел против соперников ожесточенную борьбу. Гоминьдановские генералы находились во власти схожих страстей, и мечтой Чан Кайши становилась идея лидерства в Китае. А главным в то время для него было приобретение военного опыта в России.

Чан Кайши, согласно его же признанию, получил довольно четкие и широкие полномочия в переговорах с советским руководством, вплоть до обсуждения плана

¹ Hahn E. Op. cit. P. 80; Furuya K. Op. cit. P. 116.

военных операций в Китае. Два часа он излагал Э. Склянскому и С. Каменеву план переноса военных действий с Юга, где силовое давление империалистов Запада отнюдь не ослабевало, в северо-западную часть Китая. Сунь Ятсен контролировал лишь одну провинцию — Гуандун. Но его влияние, как отметил Чан Кайши, распространялось и на соседние провинции — Гуанси, Юньнань, Гуйчжоу, Хунань, Цзянси, Сычуань. Сторонники Сунь Ятсена в этих провинциях признают власть в Гуанчжоу. Количественный состав армии Сунь Ятсена — 80 тыс. Гуанчжоу противостоит армия У Пэйфу со ставкой в Лояне. Союзник У Пэйфу — Цао Кунь контролирует провинции Чжили и Шаньдун. В их распоряжении войска численностью в 80 тыс. человек. Таким же количеством солдат располагал и Чжан Цзолинъ в провинциях Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян. На территории, близлежащей к южным от Урги районам, к границе между Монголией и Китаем, отмечал Чан, создавалась новая армия по образцу Красной Армии¹.

25 ноября военная делегация была приглашена на заседание Исполкома Коминтерна (ИККИ). Чан Кайши в беседе с представителями Коминтерна заявил: «Гоминьдан, действуя под знаменем трех народных принципов, стоит вместе со всеми угнетенными народами мира в борьбе с империализмом. В Китае наш величайший враг — милитаризм, вдохновляемый империалистами. Мы ожидаем, что через два или три года мы сможем достичь некоторых успехов в нашей революции. Я уяснил для себя достаточно много во время путешествия по Советскому Союзу. Мне кажется, что определенное недопонимание относительно реальностей китайской революции существует в Советском Союзе. Я надеюсь, что наши интернациональные друзья окажут нам честь и посетят Китай с целью ознакомления с китайской революцией и изучения общей проблемы революции на Востоке»².

Раньше Чан Кайши не раз приходилось слышать от своих противников обвинения в том, что он слишком то прокитайский, то прояпонский. Теперь, когда Чана направили в Москву, некоторые стали упрекать его в прорусских симпатиях. Такого рода упреки раздавались в основном из богатых кварталов и банковских контор

¹ См.: *Картунова А. И.* Указ. соч. С. 24.

² *Crozier B., Chou E.* Op. cit. P. 115.

Шанхая. Но упреки эти не соответствовали реальному положению дел. Внешнее поведение китайского гостя и его суть оказались прямо противоположными. Чан Кайши, отмечая «недопонимание» в Советском Союзе реальностей китайской революции, имел скорее всего в виду вполне конкретные вопросы. Он, как и многие китайские милитаристы, преимущественное, если не все, внимание уделял силе оружия и наиболее эффективным средствам и путям его применения. Ссылки советских товарищей на опыт Октябрьской революции и гражданской войны, упорную работу РКП(б) по подготовке внутренних предпосылок к осуществлению успешных военных операций, если судить по реакции гоминьдановского визитера, лично для Чан Кайши не имели большого значения. Глава делегации сослался на трудности политической работы, подчеркнул специфику китайской революции.

Уже на этом этапе взаимоотношений между РКП(б) и Гоминьданом проявился определенный настрой советских руководителей и лидеров Коминтерна, рассматривавших события в Китае сквозь призму мировой революции. На III конгрессе Коминтерна В. И. Ленин говорил: «Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь, и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что, в случае поражения, мы все же послужим делу революции и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна»¹.

В Коминтерне представления об Октябре как о части мирового революционного процесса нередко использовались противниками ленинской идеи единого фронта, прежде всего Г. Зиновьевым. «Левые» переоценивали степень зрелости масс. Они также отстаивали и на последующих конгрессах Коминтерна призыв, обращенный к зарубежным компартиям, — «Повторяйте за нами, делайте, как в России»². Чан Кайши, опираясь на подобные настроения в руководстве РКП(б) и Коминтерна, подготовил для Сунь Ятсена доклад, в котором разразился бранью в адрес РКП(б). В докладе содержались упоминания о намерении РКП(б) превратить Китай в

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 44. С. 36.

² См.: Вопросы истории КПСС. 1987. № 10. С. 144.

орудие своей политики в проведении стратегии «мировой революции», угрожающей, как отмечалось, движению за национальную независимость. Чан Кайши, ссылаясь на новую аргументацию, ставил, как и раньше, под сомнение целесообразность сотрудничества с Советской Россией.

Диссонансом выводам Чан Кайши прозвучал отчет члена делегации коммуниста Чжан Тайлэя. В этом докладе красной нитью прошла мысль о том, что, опираясь на дружбу с СССР, Китай одолеет и империалистов, и милитаристов. Такого рода мысли разделяли и члены Гоминьдана, верившие в дружеские чувства советского народа.

В то время, когда Чан Кайши вел переговоры в Москве, в октябре 1923 г. пост главного политического советника при Гоминьдане занял старый большевик М. М. Бородин, что подтвердило намерение Сунь Ятсена развивать отношения с северным соседом, сотрудничество с Коминтерном, с РКП(б).

Когда Сунь Ятсен объявил в ноябре 1923 г. о реорганизации Гоминьдана, он немало говорил о проблемах демократии, демонстрировал желание опираться на народные массы, призывал изучать революционный опыт России, учитывая и советы М. М. Бородина. Вместе с тем Сунь Ятсен осознал необходимость перестройки южнокитайской армии, создания войска, способного защитить завоевания республики. Чан Кайши отводилась большая роль в осуществлении подобных планов, и поездка в Страну Советов имела неопределимое с точки зрения его карьеры значение.

— Первая наша задача,— обращался Сунь Ятсен к военным советникам, прибывшим из СССР,— сформировать армию по советскому образцу, подготовить плацдарм для похода на Север... Мы надеемся, что вы, накопившие богатый опыт в борьбе против интервенции иностранных империалистов, изгнавшие их из своей страны, передадите этот опыт нашим курсантам — будущим офицерам революционной армии¹.

Речь шла о создании специальной военной школы для подготовки командного состава. Чан Кайши, еще будучи в Москве, встретил В. К. Блюхера и обсудил с ним возможности подготовки слушателей. К началу

¹ Черепанов А. И. Записки военного советника в Китае. М., 1976. С. 105—106.

1924 г. Блюхер представил проект по этому вопросу. В июне открылась школа. Блюхер (под псевдонимом Галин) возглавил аппарат военных советников. На пост начальника военной школы был назначен Чан Кайши. Военно-революционное учебное заведение разместилось на острове одного из главных рукавов Янцзы — реки Вампу (пекинское произношение — Хуанпу). Отсюда наименование школы — Вампу. Назначение политическим комиссаром школы подлинного революционера Ляо Чжункая говорило об отсутствии у Сунь Ятсена полного доверия к Чану. Между Чан Кайши и Ляо Чжункаем возникли разногласия по ряду проблем, стоявших перед партией и государством. Чан не скрывал своего пессимизма: «Спасти государство — это то же самое, что лезть на дерево, чтобы поймать рыбу». Ляо же показал себя активным сторонником действий ради прогресса в государстве. Первый демонстрировал непомерное самомнение, эгоизм. Он ссылаясь на неспособность гуандунских властей покончить с тяжелым финансовым положением, путаницей как в гражданских, так и в военных делах, не скрывал своих сомнений по поводу идей и планов Сунь Ятсена. Второй же — готовность к самопожертвованию, призывал соратников строже спрашивать с себя, бороться с грубостью, невоспитанностью. Чан предпочел притворное смирение, уход в сторону от дел, дабы избежать ответственности, Ляо же смело взялся за организацию школы.

I съезд Гоминьдана (январь 1924 г.) оформил единый фронт. Партия стала блоком, объединившим представителей различных слоев населения. Политическая платформа единого фронта содержала новую трактовку «трех народных принципов». Национализм означал теперь борьбу не только с империализмом, но и с милитаристами, за объединение страны, за равноправие национальностей Китая. Суверенная демократическая республика, согласно второму принципу — демократизму, способна отстоять свою независимость, исключить монопольное господство «жирных котов» (господствующих классов). И наконец, третий принцип — народное благоденствие — предполагал ограничение в городе крупного капитала, осуществление лозунга «каждому пахарю — свое поле», выполнение плана выкупа земли у помещиков, подъем жизненного уровня трудового народа.

Чан Кайши не мог принять подобную программу, но вынужден был смириться, считаясь с революционным духом того времени.

В подготовку и проведение I съезда Гоминьдана внесли свой вклад представители КПК, советник М. М. Бородин. В работе съезда участвовали многие члены ЦК КПК, в том числе Мао Цзэдун. Тогда Мао Цзэдун и был избран в состав ЦИК Гоминьдана, ему пришлось совмещать деятельность в Исполнительном бюро КПК с обязанностями члена Исполнительного бюро Гоминьдана в Шанхае. Деятельность КПК и Гоминьдана координировали вместе с Мао Цзэдуном Ван Цзинвэй и Ху Ханьминь.

В те январские дни работа съезда была неожиданно прервана. Пришла весть из России: скончался В. И. Ленин. К делегатам съезда обратился Сунь Ятсен: «И вот Ленина не стало. Какие же мысли рождает у нас его образ и какой урок мы должны извлечь для себя, думая о нем? Мне кажется, что Революционная партия Китая может извлечь немалый урок. В чем же его смысл? В том, что мы должны укрепить фундамент нашей партии и сделать ее такой же хорошо организованной и сильной, как революционная партия России... Ленин умер, но дух его живет. Вот что является самым поучительным для нас!»¹

Гуанчжоу оделся в траур. «Дух Ленина!» Для партии, которая провозгласила себя революционной, это означало действительно многое. Но были ли китайские революционеры подготовлены к тому, чтобы воспринять и осуществить на практике принципы демократизма, подлинного интернационализма? Этот вопрос не мог не волновать ведущих представителей общественно-политической мысли в Китае, всерьез изучавших марксизм-ленинизм.

Оформление единого фронта сказалось на окружении Чан Кайши. В школе Вампу появился новый политический деятель, представитель КПК, политкомиссар Чжоу Эньлай.

В 1924 г. Чжоу Эньлаю исполнилось 26 лет. Молодой Чжоу имел к тому времени довольно значительный опыт революционной деятельности. Он испытал на себе влияние Сунь Ятсена, первых пропагандистов марксизма в Китае — Чэнь Дусю и Ли Дачжао, его тогда знали как участника политического движения китайских студентов в Японии, где он пробыл с 1917 по 1919 г.

Чжоу Эньлай прочно связал себя с антиимпе-

¹ Новейшая история Китая. 1917—1970 гг. М., 1972. С. 77.

риалистическими силами. В начале 20-х годов, когда Чан Кайши в Шанхае проводил время между биржей и увеселительными заведениями, Чжоу Эньлай, находясь на учебе в Париже, знакомится с работами классиков марксизма, перебиваясь случайными заработками. В августе 1924 г. после четырех лет пребывания во Франции Чжоу Эньлай оказался в стенах военной школы. С этого времени начинаются контакты Чан Кайши с Чжоу Эньлаем, а через него и с руководством КПК.

Начальник школы долгое время вообще не показывался на глаза, чем в немалой степени удивил военных советников. Оказалось, что Чан Кайши, выдав выходное пособие преподавателям, объявил: школа открыта не будет, а сам на некоторое время скрылся в Шанхае. Начальник школы, как тогда показалось многим из его окружения, перепугался насмерть. Находившиеся в Гуанчжоу милитаристы были недовольны созданием школы, и Чан решил предусмотрительно унести ноги. Советские советники смотрели тогда на Чана как на последователя Сунь Ятсена; они и не ведали о его шанхайских покровителях. Тем не менее сам облик начальника школы, его поведение не могли не настораживать. «Чан Кайши тогда было около сорока лет, — вспоминал А. И. Черепанов. — Коротко стриженные поредевшие волосы торчали на маленькой голове. Беспokoйно бегали злые глаза. Держался он подчеркнуто по-военному, явно рисуясь. Слушая Бородина, время от времени в знак согласия издавал какие-то бессвязные звуки, напоминающие карканье вороны. Смех его звучал искусственно, глаза оставались злыми»¹.

Преподавательский состав вверенной Чан Кайши школы отличался удивительной пестротой. Одни, глубоко уверовав в правоту линии Сунь Ятсена, пришли сюда с искренним желанием посвятить себя делу защиты революции. Другие — и их было немало — руководствовались чисто карьеристскими соображениями; последние смотрели на Вампу как на трамплин для получения в перспективе желанной синекуры. Карьеристы не скупались на революционную фразу, стремились представить себя последователями Сунь Ятсена. О таких любителях революционной фразы обычно говорили: «На устах мед, а за пазухой нож».

¹ Черепанов А. И. Указ. соч. С. 109.

Внешне казалось, что Чан Кайши горит на работе. Ежедневно встает в 5 часов утра и начинает обход, немало удивляя тех, кто еще находился в кроватях. На военных советников, однако, производило впечатление другое: отсутствие у Чан Кайши хоть какого-либо желания по-настоящему вникнуть в организационные и учебные дела школы. Но когда проходили массовые митинги, то он давал волю своим эмоциям. Оратор надрывался, выкрикивая лозунги: «Долой империализм!», «Долой милитаристов!», «Смести феодалов!» и т. д., демонстрируя свою приверженность революции, трем принципам Сунь Ятсена. «Допустим, я, Чан Кайши, нарушил принципы нашей партии,— заявил он однажды,— вы, слушатели школы, можете выступить против меня, начальника школы... Если я, начальник школы, когда-нибудь нарушу дисциплину или изменю принципам нашей партии, то, безусловно, я должен быть расстрелян на месте!..»¹ Политическое лицемерие, столь характерное для игравших в революцию милитаристов.

Чан Кайши и его шанхайские друзья смотрели на Вампу как на кузницу преданных кадров, но не для революции, а для себя. К тому же поход в центральные и северные районы должен был — о чем втайне мечтал Чан Кайши — поднять его авторитет как военного и политика, объединившего Китай. Достижение таких целей связывалось с необходимостью создания армии на современной основе, с подготовкой офицерских кадров.

В начале июня 1924 г. в Гуанчжоу вспыхнул мятеж опиравшихся на западные державы юньнаньских и гуансийских милитаристов. В центре мятежа — купеческие отряды, или, как их называли в народе, «бумажные тигры». Эти отряды, содержащиеся на средства купечества, были созданы после революции 1911—1913 гг. В начале мятежа в городе находилось до 12 тыс. «бумажных тигров». Они пользовались покровительством английской администрации в Гонконге. Любовь к англичанам имела вполне земные основания — превалировали интересы компрадоров. Ведущий среди гонконгских компрадоров, представлявший интересы «Шанхай бэнкинг К°», Чэнь Ляньбо захватил лидерство в отрядах «бумажных тигров». Чэнь закупил у германских фирм в Гонконге большое количество оружия, которое было погружено на норвежский корабль, шедший в Гуанчжоу.

¹ Черепанов А. И. Указ. соч. С. 126.

Начальник школы Вампу оказался в центре событий. 9 августа Сунь Ятсену стало известно о норвежском корабле и грузе для «бумажных тигров». Чан Кайши получил приказ завладеть оружием. Утром 10 августа корабль с оружием был захвачен. Хозяева оружия располагали официальным разрешением на его транспортировку, но, согласно этому разрешению, оружие должно было прибыть через 40 дней. Нарушение рассматривалось как основание для конфискации. Чэнь Ляньбо грозил объявлением всеобщей забастовки. Сунь Ятсен в ответ обвинил «бумажных тигров» в контрабанде оружия. Был отдан приказ об аресте Чэнь Ляньбо. Но тот сумел скрыться и появился в 15 км от Гуанчжоу, где собирались верные ему отряды и откуда мятежники установили связь с милитаристом Чэнь Цзюньмином. Положение в Гуанчжоу накалялось. Торговцы, в основном крупные, объявили забастовку. После длительных консультаций со своим окружением Сунь Ятсен решил возвратить часть оружия купеческим формированиям. Это составило более 2 тыс. винтовок, около 2 тыс. маузеров, около 125 тыс. патронов. Оружие сразу же было пущено в дело.

«Бумажные тигры», вдохновляемые зарубежной агентурой, решили поставить под свой контроль весь город. Правительство Сунь Ятсена искало выхода из сложившейся ситуации, и первым шагом стало избрание Революционного совета. Чан Кайши стал командующим войсками, подчиняющимися этому совету.

Военными действиями против мятежников командовал сам Сунь Ятсен. Победа над «бумажными тиграми», за которую было заплачено многими жизнями, упрочила положение гуанчжоуского правительства, мятежники рассеялись, купечество вынуждено было подчиниться. Переписка Сунь Ятсена с Чан Кайши показала: сам Чан не был готов «справиться с чрезвычайными делами». Он не выполнял приказов Сунь Ятсена, не доставлял оружие туда, куда требовалось, срывал намеченные ранее планы, забирая боевые средства у подчиненных Сунь Ятсену отрядов, и т. д.

В книге Жана Рода «Современный Китай» дается обобщенная характеристика некоторых участников революционного движения в Китае в тот период: «Пламенный реформист в период торжества передовых идей, он с такой же легкостью превращается в горячего реакционера в угоду изменчивым настроениям и прихотям

двора. Наивная готовность, с которой он спешит отказаться от своих вчерашних убеждений, равняется разве только его притворному смирению в моменты крупных поворотов в политических настроениях правящих сфер. В такие критические моменты трусливый мандарин притворно просит подвергнуть его наказанию, уволить его в отставку, рассчитывая ценою этой пошлости и лицемерия спастись от падения, так пугающего его»¹.

Чан Кайши принадлежал к деятелям такого рода, за политической демагогией которых нередко просматривалось отвратительное нутро трусливого мандарина. Для него соблазн скрыться в трудную минуту был слишком велик, и он, поддаваясь этому соблазну, хотел поручить советникам принимать все необходимые от его лица решения и отсидеться в тени. Но поведение начальника школы в значительной степени находилось в зависимости от воли его шанхайских покровителей, а с этим нельзя было не считаться, и он продолжал выполнять свои обязанности.

На пути к расколу

31 декабря 1924 г. тяжело больной Сунь Ятсен приезжает в Пекин. Чжилийская клика милитаристов распалась. Во время схватки между Чжан Цзолинем и У Пэйфу Фэн Юйсян обратил оружие против последнего. Фэн на практике убедился в силе освободительного движения и решил вступить в союз с революционным лагерем. Он стал декларировать приверженность принципам Сунь Ятсена, а свои войска именовать национальной армией. Его просьба о военной и иной помощи в Советском Союзе была удовлетворена, начались его контакты с Гоминьданом и КПК.

23 октября 1924 г. войска Фэна захватили Пекин. Победитель объявил о необходимости созыва Национального собрания для организации центральных органов власти. Присутствие Сунь Ятсена было необходимым. Но недолго Сунь Ятсен смог радоваться этой победе. 12 марта 1925 г. стал последним днем его жизни. Д-р Сунь Ятсен ушел из жизни в трудное для его страны время. Китай раздирали на куски готовые перегрызть

¹ Цит. по: *Бородина Ф. В застенках китайских сатрапов. М., 1928. С. 27.*

друг другу горло милитаристские клики, жестокие расправы ожидали тех, кто каким-либо образом противился их насилию.

Похороны лидера китайских революционеров проходили в соответствии с христианской процедурой. Покойный последние годы жизни не посещал церковь; он подчеркивал свою принадлежность не «христианской церкви», а «религии Христа», которого он причислял к лику революционеров. Тысячи последователей Сунь Ятсена, охваченных глубокой скорбью, сторонников его учения в траурном молчании отдавали последний долг своему кумиру. Здесь же хор студентов Яньцзинского университета, в их руках горящие свечи, звучит одна из любимых песен покойного учителя: «Прекрасный мир — дар любви господней». Подавленная горем болезненная вдова опирается на руку своей младшей сестры Мэйлин и приемного сына Сунь Фо. Здесь же банкир Кун, женатый на сестре вдовы, и другие родственники и ближайшие друзья. Мальчики из церковного хора возглавляют процессию, из часовни появляется гроб, сопровождаемый двадцатью четырьмя носильщиками.

...Служба закончилась.

Наследство Сунь Ятсена оказалось в центре политических и идеологических столкновений как в самом Китае, так и за его пределами. В Стране Советов рассматривали Сунь Ятсена как полного благородства и оптимизма революционного демократа. А для многих соратников Сунь Ятсена глава китайской революционной партии представлялся чем-то вроде лидера одного из влиятельных тайных обществ. Среди заговорщиков, ловких политиканов и занял свое место Чан Кайши. Рядом с организатором китайской революционной партии оказались, что закономерно, случайные люди, политические авантюристы, представители подпольных синдикатов. И это объяснялось специфическими социальными условиями, в которых развивалось революционное движение в Китае. У отсталых, угнетенных империализмом народов процесс антиимпериалистической, антифеодальной революции развивался в условиях многоукладности, неразвитости общественных отношений, слабой социальной дифференциации. У Сунь Ятсена не было и не могло быть четкой социальной программы. Он нередко прославлял уравнилельный, примитивный коммунизм, примеры которого можно было найти в истории Китая.

В Китае только нарождалась та почва, в которой

могли дать всходы семена, посеянные Сунь Ятсеном. Стихийный протест против иностранных колонизаторов весной 1925 г. охватил различные слои китайского общества: рабочих, студентов, мелких собственников, торговцев.

На проспекте Нанкин-роуд (Наньцинлу) в Шанхае произошли кровавые события. Нанкин-роуд — вторая по значению улица Шанхая. Здесь, в центре иностранного сэттльмента, расположились богатые магазины и рестораны, стиль жизни во многом определялся присутствием иностранного капитала. 30 мая 1925 г. привычный ритм деловой жизни на Нанкин-роуд был прерван. Из китайской части города сюда, вдохновленные призывом КПК, направлялись студенты учебных заведений Шанхая. Возбуждение достигло, казалось, предела, уж очень много они понаслышали об арестах и убийствах своих братьев. На кумачовых полотнищах были начертаны лозунги: «Долой империалистов!», «Шанхай — китайцам!», «Народ Китая, объединяйся!» Смута «желтых рабов», как нередко называли китайцев англичане, вспыхнула в ответ на насилия против забастовщиков-текстильщиков Циндао и Шанхая, на убийство 15 мая в Шанхае японским мастером рабочего текстильной фабрики Гу Чжэнхуна. В рядах безоружных демонстрантов были женщины и дети. На пути шествия появился отряд иностранной полиции. Начальник отряда англичанин Эверсон отдал роковой приказ. На шанхайских улицах пролилась кровь. Демонстранты были рассеяны огнем пулеметов. Четверо упали замертво, из 24 раненых семь скончались, около 600 человек арестованы.

Расстрелы в Шанхае отозвались эхом гневного протеста в различных уголках страны. Жертвы взывали к мщению. 1—2 июня 1925 г. началась забастовка в Шанхае, вспыхнула 16-месячная гонконг-гуанчжоуская забастовка; выступления рабочих, студентов, торговцев принимали ярко выраженный антиимпериалистический характер. Из-за забастовок прекратили операции банки, китайские служащие в иностранных банках отказались выполнять свои обязанности. Замер шанхайский торговый порт. В забастовку включились служащие: работники магазинов, хлебопекарен, телефонной компании и т. д. К 11 июня количество участников забастовки достигло 500 тыс.

23 июня 1925 г. рабочие направились к набережной Шацзи напротив о-ва Шамянь — иностранной концессии в Гуанчжоу: они хотели заявить свой протест консуль-

ствам Англии и Японии в связи с шанхайской трагедией. Среди тысяч рабочих, школьников, студентов, собравшихся отметить день памяти шанхайской трагедии, находились и слушатели школы Вампу. Воспитанники школы, как и другие демонстранты, прошли по улицам города, выкрикивая антиимпериалистические лозунги. Но вот у набережной их встретили пулеметные очереди. Сраженные пулями демонстранты падали на мосту, в реку, истекали кровью раненые на набережной Шацзи. 52 убитых, 178 раненых — таков был итог кровавого побоища. Жертвами трагедии стали студенты, школьники, санитары, пытавшиеся оказать помощь раненым, 22 слушателя школы Вампу. Зверства англичан, применивших новые для того времени разрывные пули дум-дум, вызвали бурю возмущения.

Правительство приняло ряд мер против иностранного вмешательства в конфликт: были ограничены экономические связи с Англией, началась забастовка, имевшая целью парализовать жизнедеятельность английской колонии — Гонконга. Тысячи рабочих покинули Гонконг, направляясь на материк, население колонии уменьшилось на 40 %

Борьба внутри Гоминьдана, которая усилилась после смерти Сунь Ятсена, бурный рост революционных настроений в китайском обществе вступили в новую фазу.

В начале мая 1925 г. Чан Кайши и Ван Цзинвэй пришли к согласию: первый получил пост главнокомандующего вооруженными силами. Чан Кайши всюду повторял, что «глубоко тронут любовью к нему Вана». 30 июня Политбюро представило на рассмотрение ЦИК Гоминьдана проект организации Национального правительства. На пост председателя правительства было выдвинуто две кандидатуры — Ван Цзинвэй и Ху Ханьминь. Все одиннадцать принявших участие в тайном голосовании высказались за первую кандидатуру. Ван Цзинвэй проголосовал за себя¹.

1 июля 1925 г. было провозглашено Национальное правительство Китайской республики. Ван Цзинвэй старался совмещать пост главы правительства с руководством отделом пропаганды Гоминьдана. Фактически же отдел пропаганды возглавлял представитель КПК Мао Цзэдун, официально находившийся на посту заместителя заведующего отделом. Мао Цзэдун прора-

¹ См.: Общество и государство в Китае. М., 1981. С. 154, 158.

ботал в центральном аппарате Гоминьдана до осени 1926 г.

Коммунисты, входя в Гоминьдан на основе концепции единого фронта, влияют на линию правительства слева, играют заметную роль в организации революционной армии. Но в то же время активизируются и силы, отражающие в рамках единого фронта интересы феодально-помещичьих кругов.

С благословения и под контролем Чан Кайши в рамках школы Вампу создается «Общество пропаганды суньятсенизма», или «Суньятсеновское общество». Оно порывает с Лигой военной молодежи, организованной Чжоу Эньлаем и находящейся под эгидой КПК. Лидером общества стал Дай Цзитао. С 1919 по 1925 г. он проделал путь от поклонника левого радикализма до ведущего идеолога правых гоминьдановцев; Дай снискал себе известность как вульгаризатор марксизма. «Суньятсеновское общество» со дня своего основания провоцирует напряженность в отношениях с КПК, с советскими советниками. Многие из них не без основания полагали, что первые чанкайшистские попытки переворота в Гоминьдане во многом были спровоцированы Дай Цзитао.

Искренние патриоты связывали надежды на продолжение дела лидера китайской революции с видным соратником Сунь Ятсена министром финансов Национального правительства Ляо Чжункаем. Правые называли Ляо «скрытым коммунистом» и мечтали как можно скорее избавиться от него. Разве могли они простить ему развитие отношений с Советским Союзом?! Ведь Ляо не раз выполнял на этом поприще ответственные поручения Сунь Ятсена.

Утром 20 августа Ляо, сопровождаемый женой Хэ Сяннин, выехал на заседание ЦИК Гоминьдана. На пути в машину подсел Чэнь Цюлинь — редактор гоминьдановской газеты в Гонконге. Вскоре прибыли к зданию ЦИК. Первым открыл дверцы машины Ляо, за ним вышли Чэнь Цюлинь и Хэ Сяннин. Тотчас же прогремели выстрелы. Вдова Ляо вспоминала: не меньше 20 человек приняли участие в злодейском убийстве. Четыре террориста стреляли в Ляо, остальные прикрывали их. Охрана Ляо не смогла противостоять внезапному нападению. Акция была продумана в деталях. Предстоящее заседание ЦИК и оживление в связи с этим в здании и вокруг позволили заговорщикам замаскировать свои действия. У раненого преступника, арестованного после убийства,

было обнаружено удостоверение на право ношения оружия. Оружие в руки убийц вложили правые гоминьдановцы. Ляо Чжункай умер, так и не придя в сознание.

Еще не успели отдать последние почести Ляо Чжункаю, а на заседании ЦИК Гоминьдана решался вопрос о руководстве партии.

Среди претендентов на наивысший пост в партии называли Ван Цзинвэя, Ху Ханьмина и главкома гуанчжоуской армии Сюй Чунчжи. Чан Кайши, взвешивая свои шансы, понимал, что уступает главному сопернику в ораторском искусстве, в литературных способностях (Ван был известен как лучший публицист в партии), да и в артистизме. Ван Цзинвэй учинил спектакль у гроба Ляо Чжункай: на его лице гнев сменила скорбь, он грозил убийцам, топал ногами, размахивал кулаками, действительно лицедействовал как заправский актер. Ван Цзинвэй, как земляк Сунь Ятсена (из провинции Гуандун), имел преимущества перед другими кандидатами.

На самого молодого из преемников Сунь Ятсена Ван Цзинвэя смотрели как на лидера революционного движения нового типа. Председатель правительства, как вспоминали знавшие его люди, походил скорее на красавчика актера, всегда любовавшегося своей не по возрасту молодой внешностью. Он появлялся перед аудиторией в европейском костюме, гладко причесанный, с блестящими от бриолина волосами. Сторонники Ван Цзинвэя напоминали соратникам по партии: их лидер стоял рядом с Сунь Ятсеном у колыбели общества «Тунмэнхуэй» в 1905 г. Популярность Вана была действительно высокой — ведь за подготовку террористического акта в 1909 г. против маньчжурского принца-регента его приговорили к пожизненному заключению¹.

От политиков различных мастей можно было услышать тот или иной вариант легенды о подвиге Ван Цзинвэя. Когда бомба, брошенная террористом, не взорвалась, Вана схватили и утром должны были казнить. Дальнейшее развитие событий имело две версии. Согласно одной, Ван бежал с помощью подкупленной стражи, но, заблудившись в лабиринтах дворца, угодил в спальню императрицы... Утром он получил полную свободу. Другой вариант подчеркивал как великодушие, так и бескорыстие императрицы. Она увидела с балкона, как красавца вели на

¹ См.: *Вишнякова-Акимова В. В.* Два года в восставшем Китае. 1925—1927. М., 1980. С. 170.

казнь; сердце повелительницы дрогнуло. Тотчас же был отдан приказ расковать узника. Ван вышел на свободу, сопровождаемый высочайшим напутствием: «Иди и плоди себе подобных!» Ван, естественно, отвергал легенды, распространяемые злыми языками, и говорил: «Двери тюрьмы мне открыла революция». Он был близок к Сунь Ятсену, располагал значительным состоянием, многие окружающие считали его баловнем судьбы.

Ван Цзинвэй публично выступал за связи с Советским Союзом, считался даже левым, но окружавшим было ясно: у него нет каких-либо четких политических принципов.

Другой претендент на лидерство в партии — Ху Ханьминь известен был как один из последователей Сунь Ятсена в области теории и революционной деятельности. Ху оказывал Сунь Ятсену до революции содействие через гонконгскую газету, которую редактировал в то время, снискал славу ученого, длительное время был секретарем Сунь Ятсена.

В 1903—1906 гг. Ху Ханьминь учился в Японии, где изучал право, политику, экономику, там он познакомился с новейшими течениями политической и экономической мысли на Западе, приобщился к деятельности «Тунмэнхуэй» и уделял, в отличие от Чан Кайши, большое внимание мировоззренческим проблемам. Молодой теоретик пропагандировал идеологию Гоминьдана и в качестве наиболее важной ее черты — национализм, что вытекало из борьбы с маньчжурским господством. Вместе с тем у него, как и у других претендовавших на роль теоретиков революции мыслителей, проявился идеалистический, в немалой степени наивный подход к партийному строительству. Гоминьдан, как утверждал Ху Ханьминь, основан на «любви» и «честности». С энтузиазмом он выступил против сторонников «просвещенного абсолютизма», с централизованной деспотией он связывал все невзгоды своих соотечественников («яд деспотии скопился в центре»). Чан Кайши с молодых лет уверовал в право сильного уничтожать непокорных, Ху Ханьминь — в магическую силу оружия слова просвещенной части китайского общества. Чан Кайши ненавидел интеллигенцию, а Ху Ханьминь говорил о ее высоком предназначении и в то же время о ее колебаниях («стоило ей лишь поднять голову, как сразу правящий класс привлекал ее на свою сторону») ¹.

¹ Государство и общество в Китае. М., 1978. С. 229—233.

Чан Кайши сделал ставку на Ван Цзинвэя. Изоляции Ху Ханьминя способствовало немало причин. «У него есть один недостаток,— говорил о Ху Ханьмине М. М. Бородин.— Если он о чем-нибудь узнает, то об этом узнают его приятели, а затем и англичане — и все провалится». Нелестную характеристику Ху Ханьминю давал и один из твердых последователей Сунь Ятсена Ляо Чжункай (Ху Ханьминь — «дурак и баба») ¹.

Как же среди многих политических фигур выглядел Чан Кайши? Скорее всего на него смотрели как на «темную лошадку». События, однако, развивались в пользу «темной лошадки». Расследование заговора против Ляо Чжункай показало, что среди его участников был брат Ху Ханьминя. Ху Ханьминь нашел убежище в доме Чан Кайши. Отношения между Чан Кайши и Ху Ханьмином были довольно сложными — они часто ссорились, но на этот раз Чан протянул своему сопернику и соратнику по партийным делам руку. Вскоре Ху направили в почетную ссылку.

Чан Кайши сполна продемонстрировал свои способности фигляра. И в этом отношении он поднялся, пожалуй, до уровня Ван Цзинвэя. Он показывался перед аудиторией в гневе, затем, сбрасывая маску мстителя, проявлял чудеса перевоплощения. За словами последовали дела. Под арест попали 17 военачальников, в которых Чан Кайши усматривал своих потенциальных соперников. Среди арестованных были и соратники Ху Ханьминя, претендовавшие на военную власть в Гуанчжоу.

События, связанные с убийством Ляо, позволили Чан Кайши использовать идею «контрреволюционного заговора» в качестве предлога не только для разгрома своих непосредственных конкурентов, но и для подавления всех, на кого они опирались, для упрочения своих позиций в Гомиьндане.

На пути Чан Кайши к заветным высотам власти оказался Сюй Чунчжи — военный министр Национального правительства и главком гуанчжоуской армии. Официальный пост главкома гуанчжоуской армии не обеспечивал ему прочного положения в этом раздираемом острыми междоусобицами, разношерстном военном формировании. Основные проблемы решались на Военном совете, а не в кресле министра. Сюй не скрывал своей антипатии к Чан Кайши, смотрел на него как на

¹ См.: Общество и государство в Китае. С. 154, 155.

карьериста, выскочку — да и что можно было ожидать, по его мнению, от уроженца провинции Чжэцзян?! Настало наконец время, когда для Чан Кайши Сюй стал «кэци», то есть тем, «кого следует убрать».

20 сентября верные Чан Кайши курсанты из Вампу неожиданно окружили и разоружили преданные Сюй Чунчжи силы. Сюя сняли со всех постов, выдворили из Гуанчжоу и направили в Шанхай.

Оставался Ван Цзинвэй. Еще во время мятежа «бумажных тигров» Чан Кайши получил против него серьезный козырь. Так, 10 октября 1924 г. Сунь Ятсен написал Чану: «Революционный комитет должен быть создан немедленно, для того чтобы справиться с чрезвычайными делами... Ван Цзинвэй, пожалуй, можно не включать. По характеру он ближе к соглашательству и далек от твердости в решениях... Если же положение не удержится и развалится, мы должны острым ножом разрубить запутанную пеньку и не считаться с тем, одержим мы победу или потерпим поражение. Нынешний Революционный комитет является подготовкой к такой мере, а для этого Ван Цзинвэй не подходит»¹.

Ван Цзинвэй держал в своих руках все политические посты, Чан Кайши — военные. Ван оказался на пути Чан Кайши к абсолютной власти.

Претендент на кресло диктатора не бросался в политические схватки сломя голову, а предпочитал действовать как заправский интриган: он продвигался по ступенькам карьеры бесшумно, кошачьей походкой, тщательно высматривая добычу. Чан не разделял взглядов коммунистов, ему были больше по душе великодержавные амбиции идеолога Гоминьдана Дай Цзитао. Ведь именно Дай с усердием проповедовал исключительность китайской нации, взывал к возрождению былого ее величия.

Чан Кайши понимал, что такого рода идеи полностью соответствуют его властолюбивым замыслам, но на этом этапе не могли служить делу единения Китая. Реальным средством как объединения страны, так и упрочения его власти могла быть лишь армия, в организации которой принимали живое участие советские специалисты и китайские коммунисты.

Чан Кайши вынужденно мирился с «полеванием» Гоминьдана, что позволяло поддерживать представление

¹ Черепанов А. И. Указ. соч. С. 130.

о нем как об искреннем стороннике единого антиимпериалистического национально-революционного фронта. В этом фронте, как предполагалось, должны были объединиться крестьяне, рабочие, передовая интеллигенция, представители не связанных с иностранным капиталом торгово-промышленных кругов. Чан Кайши, однако, пребывал в ожидании подходящего момента. Он, несомненно, сознавал, что коммунисты обращают первостепенное внимание на политическую работу в народных массах, и втайне надеялся, что в борьбе за власть он подавит силой безоружных людей.

20 марта 1926 г.

Еще совсем недавно в Гуандуне располагалось двухтысячное войско, больше похожее на одно из обычных милитаристских формирований, где царили разброд и анархия. Возглавлявшие его генералы готовы были в борьбе за власть разорвать друг друга на куски. К 1926 г. благодаря деятельности гуанчжоуского правительства, помощи советских советников, институту политработников, среди которых активную роль играли коммунисты, положение начинает меняться.

Растет массовое антиимпериалистическое движение, укрепляется революционная база в Гуандуне. Советские люди вместе с коммунистами делают все для упрочения на Юге военной, административной, финансовой власти Национального правительства. Идет реорганизация вооруженных сил Гуандуна, на их базе создается Национально-революционная армия (НРА). И все же советские советники порой переоценивали достигнутые успехи, недооценивали опасности справа.

Дисциплина в армии оставляла желать лучшего. Младшие чины и высшие командиры были наемниками, по своему духу они весьма далеко отстояли от идей национальной революции. Жажда обогащения, обеспечения своего личного благополучия приводила их в гуандунскую (как и в другие) армию. Пышным цветом процветали здесь карьеризм, вымогательство, взяточничество. Высшие офицерские чины не упускали случая, чтобы не поживиться за счет солдат.

В 20-х годах пособие для солдат НРА составляло 10—12 юаней в месяц. На эту скромную сумму нужно было прокормиться, одеть себя да еще, по возможности,

немного денег отложить про запас. Но командиры, получая солдатское жалованье, обычно утаивали для себя часть денег. Личные связи генералов определяли размеры финансовых субсидий для их частей. Главнокомандующий присваивал для своих нужд 700—800 тыс. юаней в месяц, а для других корпусов отпускал по 100—200 тыс. Appetит генерала Чана рос не по дням, а по часам. Немало средств правительство ассигновало на медицинское обслуживание, но деньги зачастую не доходили до госпиталей, переполненных ранеными солдатами. Чан Кайши и здесь нашел источник для обогащения. Чтобы снабдить армию одеялами на целый год, достаточно было 300 тыс. юаней. Чан Кайши получал ежемесячно на эти цели полмиллиона юаней.

ЦИК отобрал кандидатов для учебы в Советском Союзе. Чтобы отправить их в Москву, удалось наскрести всего лишь 3 тыс. юаней. Чан Кайши же для обмундирования своей личной охраны выбил у правительства 7 тыс. Пример Чана вдохновлял приближенных. Его соратники по Вампу Чэнь Чэн и Ху Цзунань стали символами разложения в рядах армии. Зачастую жалованье погибших шло непосредственно в карманы командующих.

Один из неприятных для Чан Кайши вопросов во взаимоотношениях с военными советниками — финансирование НРА. Советники не могли равнодушно смотреть, как разбазариваются средства, и мириться с отсутствием справедливости в их распределении. Имершие за плечами героическую школу революции, гражданской войны, весьма щепетильные во всем, что касалось чести и достоинства революционера, они с возмущением воспринимали махинации главного инспектора НРА. Вопрос справедливого распределения средств так или иначе возникал на заседаниях Военного совета. Н. В. Куйбышев, который сменил В. К. Блюхера — начальника Южнокитайской группы советников, твердо требовал положительного решения этого вопроса. Советник Главного штаба Национально-революционной армии В. П. Рогачев, заместитель Куйбышева по политчасти И. Я. Разгон (Ольгин) открыто выступали в поддержку этой позиции. Для Чан Кайши деньги обеспечивали контроль в армии, ему, безусловно, было безразлично, идут ли средства верным ему людям либо направляются в части, где сильны позиции его противников по Гомиьндану — коммунистов.

Ван Цзинвэй, выступая в этих щепетильных делах в поддержку линии советников, пытался создать о себе представление как о левом политическом деятеле. Советники же, озабоченные созданием дисциплинированной, боеспособной армии, искренне пытались изменить то, что веками создавалось в китайском обществе. Главный политический советник М. М. Бородин понимал, что глубокие революционные изменения не могут иметь место при существовавших базисных структурах. «Самым главным оплотом империализма в Китае вообще и в особенности в Гуандуне,— писал М. М. Бородин,— являются не милитаристы, а земельные отношения, отсталые средневековые отношения».

События, казалось, благоприятствовали Чан Кайши. Действия одного из самых оголтелых милитаристов — Чжан Цолия вызвали мощные антиимпериалистические выступления. Влиятельные круги на Западе забили тревогу и сделали все для примирения Чжан Цолия и У Пэйфу. Перед этой коалицией, опиравшейся на поддержку Японии, Англии, США, Франции и Италии, национальная армия Фэн Юйсяна не смогла устоять. Разгул милитаризма, реакции привел к расстрелу 18 марта 1926 г. мирных демонстрантов в Пекине, шедших под антиимпериалистическими лозунгами.

Через два дня после пекинской трагедии начался мятеж в Гуанчжоу. Его острие направлялось против коммунистов и советников. Заговор готовился давно: 9 марта 1926 г. Чан Кайши созвал совещание доверенных лиц, где и было принято решение о мятеже. Успех левых после II съезда Гоминьдана (январь 1926 г.) встревожил Чана. Треть делегатов съезда — коммунисты! Еще одна треть — под их влиянием! В ЦИК Гоминьдана укрепляла свои ряды оппозиция. Среди 36 членов ЦИК к оппозиции примыкало 16, а семеро были коммунистами. Видное место в оппозиции занимали вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, ее брат Сун Цзывэнь, вдова убитого Ляо Чжункая Хэ Сяннин.

Назревало все большее размежевание сил в рядах Гоминьдана. Только недавно, в ноябре 1925 г., у усыпальницы Сунь Ятсена в храме Биюньсы в Сишаньских горах под Пекином состоялась Сишаньская конференция. Участники провозгласили эту конференцию 4-м пленумом ЦИК Гоминьдана. Казалось, что в преддверии II съезда Гоминьдана в партии преобладали коммунисты и левые. Но здесь, в Сишаньских горах, слышались при-

звывы к исключению Ван Цзинвэя из партии, изгнанию из страны Бородина как представителя Коминтерна, выводу из партии коммунистов и т. д. Влиятельные в Гоминьдане силы провозгласили лозунг «Долой союз с КПК, с СССР!». Шишаньскую встречу приветствовали Дай Цзитао и другие известные гоминьдановцы. Достаточно громко раздавался в оппозиции голос Сунь Фо. Сын Сунь Ятсена не унаследовал от своего отца приверженность идее единого фронта. Политическое лицо Сунь Фо определяли его связи с компрадорскими кругами, с Гонконгом, его обласкали «жирные коты», воровавшие гигантскими состояниями. Крупные дельцы содействовали возвышению Сунь Фо, который, будучи членом гуандунского правительства, возглавил, по существу, блок правых в ЦИК Гоминьдана. Сунь Ятсен не раз требовал суда над своим сыном за казнокрадство, но дело прекращали из-за уважения к отцу.

Правое крыло не отличалось однородностью, здесь помимо сторонников Сунь Фо отстаивали свои позиции хозяева дельты реки Чжуцзян (Жемчужной) — их интересы защищал главарь полубандитских формирований Ли Фулинь. За спиной милитаристской клики Ли Фулиня стояли чиновники-бюрократы, землевладельцы-феодалы, все, кто потянулся за «Суньятсеновским обществом».

Одна из причин обострения обстановки — укрепление новой власти в Гуандуне, за чем последовало введение упорядоченного сбора налогов. Нередко НРА стремилась уравнивать себя в правах на землю с представителями дореволюционной феодально-помещичьей и чиновнической бюрократии. К этому времени в Китае насчитывалось, согласно официальным данным, до 200 помещичьих владений по 10 тыс. му (му — $\frac{1}{16}$ га) и более, до 30 тыс. владений свыше 1 тыс. му каждое. Милитаристы, вступавшие со своими войсками в какую-либо провинцию, считали, что приобретают право на лакомые куски. Крестьянин, ремесленник, мелкий торговец испытывали на себе двойной гнет: помещиков и милитаристов, ведь и те и другие порой умудрялись собрать налоги с населения за 10 лет вперед. Не отставали от них и генералы НРА. Когда правительство поставило под сомнение существующую систему сбора налогов, стало обдумывать меры по ее перестройке, разразилась политическая буря. Милитаристы, помещики, полиция (минтуань), различные акционерные компании не могли примириться с такого рода нововведениями. Любое покушение на их «право» без-

раздельного грабежа крестьянина они рассматривали как удар по священным для помещичьей бюрократии привилегиям. Обстановка в Гуанчжоу обострялась.

В тот день, когда принималось решение о мятеже, коммунист Ли Чжилун, исполнявший обязанности командующего гоминьдановским флотом, получил от имени Чан Кайши приказ: крейсерам «Чжуншань» и «Баоби» встать для инспекции в док Вампу. Чан Кайши видел в Ли Чжилуне одного из достойных противников: это он, Ли, еще год назад осудил «Суньятсеновское общество» за антидемократическую деятельность, направленную на подрыв единого фронта. По телефону Ли получает новое указание: крейсеру «Чжуншань» быть готовым для инспекции. Ли Чжилун, не теряя времени, погрузил на крейсер отборную часть и позвонил Чан Кайши: крейсер готов. Впоследствии Чан Кайши, оправдываясь, ссылаясь на этот телефонный разговор: когда Ли сказал «крейсер готов», он-де воспринял это как подтверждение опасений относительно попыток похитить его. Свои прежние приказы по поводу «Чжуншань» Чан, конечно, отрицал.

Ли Чжилун был ранен в стычке и арестован. Под арестом оказались десятки коммунистов в самом городе. Войска мятежников окружили плотным кольцом место пребывания советских людей, охрана была обезоружена. Среди арестованных — 25 человек из кадрового состава военной школы. Вместе с ними был коммунист Чжоу Эньлай. Слухи о событиях в Вампу еще не распространились по городу, а штаб профсоюзов подвергся нападению, лидеры арестованы, рабочий стачечный комитет и его пикеты разоружены, все вооружение изъято, деятельность комитетчиков парализована. Мартовские события застали коммунистов врасплох, в их рядах готовы были возобладать панические настроения, многие из них были в замешательстве: ведь против них выступил генерал, которого они считали «левым».

Чан Кайши поддерживал напряженность: ввел комендантский час; вооруженные отряды, подразделения полиции, уличные патрули прочесывали город, то тут, то там происходили внезапные обыски. Оружие оказалось в руках сторонников Чана. В сельских районах, где хозяйничали шэньши, полиция зверски расправлялась с крестьянскими вожакими. Правые в Гоминьдане активно распространяли слухи, будто выступление Чан Кайши было ответом на заговор коммунистов с использованием

крейсера «Чжуншань». Ван Цзинвэй понял: Чан хотел бы избавиться от него. Постепенно он убедился — сила на стороне Чан Кайши и последний в должное время полностью откроет свои карты.

О тех событиях много интересного рассказал военный советник А. И. Черепанов. Некоторые приведенные им детали представляют особый интерес. Было 3 часа ночи 20 марта, когда Чан Кайши приказал тотчас же найти комкора Чжу Пэйдэ. Чжу явился в 4 часа. Чан Кайши поставил его в известность о решении совещания доверенных ему командующих подразделениями и предложил Чжу присоединиться к выступлению. Чжу не дал согласия и отправился к военному министру Тань Янькаю.

В 5 часов утра Чан Кайши, несмотря на ночные переговоры, держал речь перед войсками гарнизона. Он старался говорить убедительно. Слушатели должны были поверить — во всем виноваты коммунисты! Но аргументы звучали неубедительно: они-де захватили канонерки и решили восстать против Гоминьдана. Необходимо наказать их. Списки коммунистов, подлежащих аресту, были составлены заранее. Утром коммунисты 2-й дивизии и флота оказались в кандалах¹.

Вскоре Чжу Пэйдэ вместе с Тань Янькаем направился к Чан Кайши. Оба делали все, чтобы как-то образумить зарвавшегося генерала, просили его одуматься. Чан, видимо, понял, что переоценил силы мятежников, возможность поддержки армейского руководства. Уже вечером 20 марта он бил себя в грудь, пытаясь теперь доказать — уже советским представителям — свою невиновность: все, мол, было совершено помимо его воли, он готов извиниться. Арестованных освободили. Да, возможно, он в своих действиях выходил из допустимых рамок. Но это объяснимо, ведь переработал, нервы ни к черту. Его жизнь оказалась в опасности, а ее необходимо сохранить для революции. И Чан Кайши, сославшись на плохое самочувствие, отошел, хотя и на короткое время, от дел.

Оппозиция убедительно продемонстрировала свои возможности, и заговор принес ей определенные политические дивиденды. Судьбе Чан Кайши благоприятствовали обстоятельства: Гоминьдан не располагал рычагами, способными поставить на место властолюбивого генерала, и заговорщикам все сошло с рук. Более того,

¹ См.: Черепанов А. И. Указ. соч. С. 375.

генералу удалось оказать нажим на коммунистов, поставить их перед выбором: либо уступки, либо выход из Гоминьдана. Коммунисты вынуждены были принять предъявленные им условия, которые во многом совпадали с требованиями Сишаньской конференции. Был устранен со своего поста глава гуанчжоуского правительства и один из оставшихся соперников — Ван Цзинвэй. Ему пришлось покинуть пределы страны — предстояла увлекательная поездка в Европу для «ознакомительных целей». Генерал Тань Янькай занял временно пост главы правительства. Но вся полнота власти фактически перешла к Чан Кайши. Позиции КПК в Гоминьдане, таким образом, значительно ослабли.

Чан оказался перед трудноразрешимой дилеммой: как использовать сотрудничество с Советским Союзом, с КПК для создания современной армии и в то же время ограничить влияние коммунистов в Гоминьдане? Выбору линии мешало окружение — уж больно сильно давили справа. Постоянно Чан Кайши приходилось слышать: русские хотят от него избавиться, советники относятся к нему плохо. Мятежные генералы подогревали своего патрона, играя на его бонапартистских настроениях, самонадеянности, потакая его тщеславию. Дьяволу-искусителю ничего не стоило соблазнить лишенного элементарных представлений о нравственности политического дельца. Чан Кайши нашел выход в балансировании между различными группировками в Гоминьдане.

15 мая 1926 г. на пленуме ЦИК Гоминьдана Чан Кайши осуждает попытки коммунистов разжечь борьбу против помещиков, предлагает специальную резолюцию «О приведении в порядок партийных дел». Резолюция направлялась на ограничение роли коммунистов в Гоминьдане и его организациях. Он потребовал предоставления полного списка лиц, совмещавших членство в КПК и в Гоминьдане: ведущие посты в Гоминьдане не должны были находиться в руках членов КПК. Пленум запретил КПК выдвигать своих членов на какие-либо руководящие посты в центральном аппарате Гоминьдана; им предоставлялось право занять не более одной трети должностных мест. Чан Кайши не хотел, да и не мог, в то время порвать с единым фронтом, с КПК, с Советским Союзом. Он не только полностью не отстранил левых, но и ради Северного похода пожертвовал некоторыми своими соратниками справа, чтобы лишний раз показать свою «преданность» революции. Главнокоман-

дующий не упускал случая, чтобы напомнить: он послал своего сына Цзян Цзинго на учебу в Москву.

Во время мартовских событий 1926 г. Чан Кайши, воспользовавшись растерянностью среди соперников, царившей неразберихой, сумел пристроить своих людей на влиятельные должности в Гоминьдане. В свое время Чэнь Цзимэй помог ему выбраться на поверхность из шанхайского болота, затягивавшего и не таких искателей славы и благополучия. Теперь он сумел отдать долг своему покойному патрону. Так, племянник Чэнь Цзимэя Чэнь Лифу, исполнявший обязанности секретаря Чан Кайши, был введен 20 марта 1926 г. в орготдел Гоминьдана. Чэнь Лифу основал Центральное бюро расследования и статистики (ЦБРС) орготдела ЦИК Гоминьдана. Этим было положено начало деятельности тайной службы Чан Кайши. ЦБРС внедряло своих агентов в колледжи, университеты, газеты, различные культурные учреждения. Управляющие гоминьдановскими газетами были прочно связаны с ЦБРС.

Другой племянник, брат Чэнь Лифу, — Чэнь Гофу пришел в орготдел Гоминьдана из тайного общества.

Чан Кайши все смелее выступает с претензиями на роль единственного и законного наследника Сунь Ятсена. Подобные бонапартистские замашки не могли не встретить осуждения среди сторонников единого фронта. Некоторые пытались воздействовать на совесть Чан Кайши. Но тщетно! Да и можно ли было говорить о каком-либо значении для такого политика, как Чан Кайши, призывов к чести, справедливости. Утверждения, что в Гоминьдане нет преемника Сунь Ятсена, достойного занять место вождя, Чан Кайши воспринимал как личное оскорбление.

В ЦК ВКП(б) в то время располагали уже информацией от советских советников относительно сложных проблем сотрудничества с Гоминьданом. Еще совсем недавно Чан Кайши был гостеприимно принят в Москве, и казалось, что с его визитом в Советскую Россию начался новый этап в развитии отношений Советского государства с Гоминьданом. Но прошло всего лишь четыре года после этого события, а деятельность Чан Кайши, мало что общего имеющая с программой сотрудничества, намеченной в Москве, уже начала приносить свои первые плоды.

Чан Кайши становился фактически полновластным главой Гоминьдана. Армия, полиция, все государствен-

ные и партийные учреждения находились практически в его непосредственном подчинении как главнокомандующего Национальной армией. Он контролировал финансы, арсенал, политический департамент, школу Вампу. Борьба за власть, однако, на этом не закончилась. Далеко еще маячила заветная цель объединения страны, соперники и завистники не складывали оружия. Чан Кайши крался к власти — и это показали события 20 марта 1926 г., — осторожно ступая, как по натянутому канату.

Глава 2

„Лисица, присвоившая заслуги тигра“

Во главе Северного похода

4 января 1926 г. состоялся обед с приглашением высших гоминьдановских чинов. Чан Кайши обратился к участникам трапезы: «... я уверен, что Гоминьдан способен объединить Китай, я верю — это возможно сделать в нынешнем году». Чан Кайши спешил. Он стремился показать, что армия созрела для выполнения задач Северного похода. Выступая с докладом по военным вопросам на II съезде Гоминьдана 6 января 1926 г., Чан говорил о возможности Национального правительства мобилизовать армию в 85 тыс. человек, имеющую на вооружении 60 тыс. винтовок. «Солдаты регулярно оплачиваются, — подчеркивалось в докладе, — их уровень жизни улучшился. У нас имеется 6 тыс. выпускников школы Вампу... Наше правительство обладает мощью, необходимой для распространения своего влияния на эти (центральные и северные. — В. В.) провинции... Мы пользуемся поддержкой народа»¹.

Приводимые Чан Кайши данные, конечно, не говорили о военном превосходстве НРА над милитаристами. Докладчик преувеличивал боеспособность революционной армии. Можно ли было положиться на армию, созданную наподобие случайных формирований феодальных генералов? Чан Кайши, конечно, понимал необходимость создания современной, спаянной политическими целями армии. Не сохранишь зимой сил — весной заболеешь. Эту народ-

¹ Furuya K. Op. cit. P. 172.

ную мудрость хорошо усвоили китайские милитаристы. И Чан Кайши смотрел на Вампу как на рубеж для упрочения своих позиций в армии, для создания верной ему когорты офицерства. Военные советники отмечали у него организаторские способности, прежде всего умение подбирать вокруг себя таких соратников, которые всегда безропотно следовали за желаниями своего патрона.

Чан Кайши преимущественное внимание уделяет верным ему подразделениям. Возглавляемый им самим 1-й армейский корпус, состоящий из выпускников Вампу, выделялся среди иных формирований боеспособностью, организованностью. Здесь преобладают земляки Чан Кайши — чжэцзянцы, в то время как большинство других подразделений состояло из уроженцев различных провинций.

1 июля 1926 г. гуанчжоуское Национальное правительство опубликовало манифест о Северном походе. Чан Кайши назначался главнокомандующим всеми выступавшими в поход войсками.

9 июля войска, вдохновляемые революционными призывами, выступили в поход. Толпы людей приветствовали солдат. Главнокомандующий верил: его час настал. Он не скупился на обещания: покончить с феодалами, объединить страну, отменить навязанные Китаю неравноправные договоры и право на экстерриториальность. Чан Кайши ощущал себя героической личностью, ведь он возглавил поход семи корпусов гоминьдановской армии.

До 100 тыс. человек, объединенных под знаменем НРА, двинулись на Север. Им противостояли армии Чжан Цолия (350 тыс.), У Пэйфу (250 тыс.), Сунь Чуаньфана (200 тыс.). Численное превосходство милитаристов было налицо. Военщина опиралась на помощь Запада, где немало политиков, следовавших принципам имперского мышления, связывали свои интересы в Китае с милитаристскими силами.

НРА победоносно продвигалась вперед — численное превосходство не обеспечило военного преимущества милитаристам. Победы достигались благодаря невиданному подъему освободительных настроений в народных массах, участию крестьян в борьбе с помещиками, милитаристами. Повсюду, порой внезапно, появлялись крестьянские отряды, действовала народная милиция. Бескорыстная помощь и поддержка НРА со стороны населения становились обычным явлением. Чан Кайши присваивал себе, как главнокомандующий, лавры победителя, хотя

антимилитаристские силы, пришедшие в движение в связи с Северным походом, действовали зачастую вне его контроля и даже помимо его воли и указаний. Главнокомандующий уподоблялся той хитроумной лисе из древней китайской басни, которая шла впереди тигра и принимала на свой счет почтительное поклонение, предназначенное лишь тигру.

11 июля НРА вступила в Чанша, где к ней присоединились войска восставшего против У Пэйфу Тан Шэнчжи. Эти войска составили 8-й корпус НРА. Чан Кайши, прибыв в Чанша, решил сразу же отдать дань революционным настроениям в стране, советской помощи, сыгравшей значительную роль в успехе Северного похода. Его речь была обращена к рабочим, солдатам — участникам кампании. «Только после того как империализм будет уничтожен, Китай добьется своей независимости... — воскликнул оратор. — Третий Интернационал является штабом мировой революции... Мы должны объединиться с Россией, чтобы свергнуть империализм... Китайская революция — часть мировой революции... Мы должны объединить всех борцов мировой революции для свержения империализма». Недостатка в революционных призывах не было. Появление тезиса о «мировой революции» в речи Чан Кайши было не случайным. Всего лишь месяц назад КПК опубликовала послание к Гомиьдану. Нанесение мощного удара по империализму, говорилось в послании, приведет «с одной стороны, к освобождению китайской нации, а с другой стороны, к завершению мировой революции»¹. КПК обещала полную поддержку Гомиьдану в борьбе против империализма и милитаризма, демонстрировала готовность к сотрудничеству с Чан Кайши. В условиях подъема освободительной борьбы Чан предпочитал играть революционной фразой.

Как планировать дальнейшие операции? Этот вопрос Чан Кайши решил заранее. После победы в Хунани и захвата Чанша он возглавил восточную колонну НРА, которая после освобождения Наньчана должна была двинуться к Шанхаю и Нанкину. Чан Кайши всегда помнил: его основная опора — в Шанхае. Северная колонна продвигалась в Центральный Китай к уханьскому трехградью — Учану, Ханькоу, Ханьяну.

¹ *Han Sun. The Morning Deluge. Boston — Toronto, 1972. P. 142; Делюсин Л. П., Костяева А. С. Революция 1925—1927 гг. в Китае: Проблемы и оценки. М., 1985. С. 172.*

Чан Кайши стремился поднять свой авторитет, ведь оборону учанского рубежа возглавил сам У Пэйфу. Основные надежды он возлагал на 2-ю дивизию Вампу и дивизию 7-го корпуса, хотел добиться победы любой ценой. Попытки войти в Учан оказались безрезультатными. Осада велась больше месяца. Штурм следовал за штурмом. Добровольцы, словно пантеры, бросались на высокую, толстую стену, молниеносно карабкались по бамбуковым лестницам, в то время как их товарищи заполняли крепостные рвы своими телами. Со стен сыпались камни, лилась горячая смола, и, когда осаждавшие, дрогнув, отступали, их провожали огненные полосы пулеметных очередей. Только первый штурм стоил НРА пятисот жизней участников похода и столько же раненых.

Чан Кайши не выдержал испытания и, сняв 2-ю дивизию, выехал в Цзянси. Он был, как свидетельствовали очевидцы, в подавленном состоянии и даже предложил В. К. Блюхеру «принять командование НРА».

Уроки поражения были учтены. Месяц шла подготовка к новому штурму, и он начался 10 октября. Первым ворвался в город полк под командованием коммуниста Е Тина. Советский летчик А. М. Кравцов нанес бомбовый удар по противнику. Деморализованная армия У Пэйфу бежала, бросая вооружение. Путь отступавшим в панике войскам северян не мог преградить даже приказ У Пэйфу — рубить головы беглецам. К концу 1926 г. северная колонна овладела провинцией Хунань и южной частью провинции Хубэй.

...У южных ворот Учана, у стены, вырос холм, его бережно обнесли каменной кладкой. Холм возвышается над братской могилой, где захоронено до тысячи солдат НРА. Героизм павших на поле брани воинов поднимал авторитет Чан Кайши как главнокомандующего и служил упрочению его позиций в Гоминьдане. Но, с другой стороны, поход стимулировал революционные настроения в стране. Революционный подъем способствовал авторитету КПК, комсомола, росла численность этих организаций. Усилилось левое крыло в Гоминьдане.

Созванная в октябре 1926 г. в Гуанчжоу Всекитайская конференция Гоминьдана высказалась в поддержку Ван Цзинвэя. Главнокомандующий, находясь на фронте, не сумел противостоять такому политическому натиску. Как всегда, пригодился совет Чжан Цзинцзяна. Тот рекомендовал плыть по течению. 3 октября Чан направляет Ван Цзинвэю телеграмму, именуя его «своим братом», прослав-

ляя многочисленные достоинства своего соперника. На первый взгляд могло показаться, что Чан жалеет об отъезде «своего соратника» в Европу и печется лишь о том, чтобы тот вернулся на родину. В действительности телеграмма должна была усыпить бдительность противников, скрыть истинные намерения Чан Кайши. Главком обращается к своим наиболее доверенным людям с предупреждением: нельзя допустить возвращения Ван Цзинвэя. Чан Кайши не сумел скрыть своего твердого намерения остаться на посту председателя правительства. На октябрьской конференции возник вопрос: на какой правительственный пост возвратится Ван Цзинвэй? Делегаты начали отстаивать для изгнанника пост председателя. Это было уже слишком. На трибуну внесли на кресле парализованного Чжан Цзинцзяна. С большим трудом этот закулисных дел мастер сообщил оторопевшим делегатам волю Чан Кайши; он зачитал «только что доставленную телеграмму» главкома с возражениями против возвращения Ван Цзинвэя.

Чан Кайши с неприязнью воспринял носившую, по существу, античанкайшистский характер резолюцию ЦИК Гоминьдана, заседавшего с 15 по 28 октября 1926 г. Документ осуждал попытки учредить единоличную власть в партии («избежать концентрации власти в руках одного лица»). Был отменен пост председателя Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана. Предусматривалось исключение из партии любого официального лица, которое без санкции министерства иностранных дел вступит в дипломатические переговоры с империалистами. Это решение явно ограничивало возможности Чан Кайши в его флирте с западными державами. Новые министерские посты (труда и крестьянских дел) заняли члены КПК. Из девяти членов Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана двое были представителями КПК. Казалось, что Чан Кайши нейтрализован. В письме ЦИК Гоминьдана ко всем членам партии говорилось о необходимости делать все, чтобы «предотвратить коррупцию и военную диктатуру», давалось в то же время разъяснение: подобного рода рекомендации не направлены против какой-либо личности либо группы. Пилюля была подслащена. Имя Чан Кайши упоминалось в списке ряда высших партийных и государственных деятелей.

Распря внутри Гоминьдана во многом способствовал рост революционных настроений в тылу продвигавшейся на север НРА.

После падения Учана в конце октября 1926 г. было решено, что правительство из Гуанчжоу перебазируется в Ханькоу — один из городов уханьского трехградья. 16 ноября члены правительства и военные советники двинулись в долгий путь по рекам и дорогам провинций Гуандун и Цзянси. На митингах, организованных по пути следования правительства, высшие гоминьдановские чиновники упоенно говорили о продолжении революции, звучали призывы к борьбе против империализма. Но, утомленные после революционных речей и сытных ужинов с супом из плавников акул, из вкусно приготовленных кур и уток с китайскими пряностями, ласточкиных гнезд и т. п., они предпочитали подремать либо в храме предков, либо во дворце, либо в паланкине. А кругом были все та же нищета и бедность малоземельного крестьянства¹.

1 января 1927 г. правительство прибывает в Ханькоу. Насколько это правительство было левым, можно судить по политическому лицу фигур, отражавших интересы уханьской группировки. Территорию, где находилось правительство, контролировал милитарист Тан Шэнчжи, мечтавший свести счеты с Чан Кайши. Тан Шэнчжи прославился особым коварством. Он принимал гостя в уютном доме, усаживал его за хорошо накрытый стол, а после трапезы где-нибудь в саду спокойно убивал свою жертву выстрелом в упор. Тан, будучи хунаньцем, не доверял Чан Кайши, опирался на своих земляков, местные связи и родство, что, естественно, не устраивало главнокомандующего, предпочитавшего иметь дело с чжэцзянцами. «Он (Тан Шэнчжи.— В. В.), — писал советский вице-консул в Ханькоу А. В. Бакулин, — владеет землей в компании с несколькими буддийскими храмами и в то же время участвует в скупке земель с каким-то орденом миссионеров, состоит акционером многих торгово-промышленных компаний, в том числе и компании по содержанию публичных домов в Чанша. Имеет свой пароход на Янцзы, дома и отели в Чанша»². Если у генерала Фэн Юйсяна в частях в роли «комиссаров» выступали христианские миссионеры, то в армии Тан Шэнчжи особым почетом пользовались буддисты. Таково было лицо покровителя левого крыла Гоминьдана.

В уханьском центре пользовались влиянием крупный земельный собственник Тань Янькай и получивший образование за границей друг Сунь Ятсена Евгений Чэн (Чэнь

¹ См.: Далин С. А. Указ. соч. С. 245—257.

² Казанин М. И. В штабе Блюхера. М., 1966. С. 94.

Южэнь), родиной которого была английская колония Тринидад. Сын Сунь Ятсена, Сунь Фо, хотя и придавал респектабельность правительству, на деле смотрел на политику как на источник обогащения. Брат Сун Цинлин представлял в правительстве деловые круги США. Один из министров — Сюй Цянь (Джорж Сюйчан) был и до революции вице-министром. Разношерстная толпа политиков, от милитаристов до дельцов-авантюристов, скорее по воле случая, оказалась в одной лодке и плыла по течению, нежели контролировала события. Примыкал к ней и революционно настроенный представитель национальной интеллигенции Дэн Яньда¹.

Главнокомандующий с неприязнью воспринимал раздающиеся из Уханя враждебные голоса, обвиняющие его в попытках пренебречь принципами демократии, установить военную диктатуру: либералы распоясались, они объединяются в Ухане с коммунистами и зовут к повышению авторитета партии, к моральному очищению, к борьбе с его, Чан Кайши, попытками установить прочную, неоспоримую личную власть в партии и государстве. Такое нельзя было простить. Главком мобилизует правое крыло Гоминьдана, ищет опору среди милитаристов. В то время, когда части НРА наступали на Шанхай, Чан Кайши налаживает контакты с Чжан Цзолинем, ведет с ним переговоры об условиях заключения мира. Войска уханьского правительства, возглавляемые Тан Шэнчжи, выступили с Юга против Чжан Цзолия. Положение уханьского центра осложнялось как внутренними распрями, так и усиливающимся давлением со стороны милитаристов.

Как-то Чан Кайши пригласил на вечерний прием военных советников. Один из них, М. И. Казанин, впоследствии весьма красочно описал эту встречу в резиденции главкома. За столами, поставленными буквой «П», восседал Чан Кайши со своим окружением. Устремления ближайших соратников главкомандующего вполне соответствовали жизненным установкам пестрой военщины, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали. «Что же это я все воюю, одерживаю победы и до сих пор не получил своей провинции?» — спросил однажды генерал Чжан Фукуй, и это ставшее крылатым выражение очень емко отражало настроения в гоминьдановском генералитете. Верхом благополучия для них становилась высшая провинциальная синекура — губернаторство. Про-

¹ См.: Далин С. А. Указ. соч. С. 332—333.

винциальный губернатор обладал неограниченными правами феодального правителя. На вечернем приеме у Чан Кайши рядом с М. И. Казаниным устроился земляк Чан Кайши офицер связи Ли, приставленный явно для слежки к советским специалистам. Ли служил главкому верой и правдой, и, конечно, не по идеологическим соображениям. Главной его целью становилась нажива. Конечно, он не мог претендовать на роскошные губернаторские дворцы, где лишь штат прислуги насчитывал более тысячи человек, и впечатляющий гарем... Но должность чжисяна — начальника уезда (а уездов в стране было до 2 тыс.) его вполне устраивала. Чжисян — полновластный правитель в уезде: он казнит и милует, получает взятки, подарки, устанавливает по своему усмотрению различные поборы. У него богатый дом, молодые наложницы. Ли доставляло немалое удовольствие поделиться своими мечтами с Казаниным.

На банкете Чан Кайши занял место в середине стола, справа сидел Ху Ханьмин, слева — известный своей активной ролью в «Суньятсеновском обществе» Хэ Инцин. Уже в этом — демонстрация единства правых сил Гоминьдана. Обед подходил к концу, когда наступила кульминация, полностью раскрывшая цель сборища генералов. Хозяин встал и обратился к собравшимся с речью. Оратор, доходя порой до истерики, обрушился на КПК, на Бородина. Он закончил свою речь воплем: «Долой коммунистическую партию!» Генералы, подняв бокалы, вместе повторили эти слова, демонстрируя всеобщий восторг по поводу нового политического выража главкома¹.

Шанхайский переворот 1927 г.

Чан Кайши постепенно продвигался к Шанхаю — городу, олицетворяющему в представлении китайцев империализм.

Шанхай в середине 20-х годов — главный город-порт Китая, насчитывающий 1,5 млн человек. Англичане считали себя старожилками в устье Янцзы. На флагштоках военных кораблей, стоявших в устье реки Вампу, преобладали английские флаги, прогуливающиеся по набережной английские полицейские, с высокомерием посматривающие на окружающих, как бы подчеркивали первенство Великобритании в осуществлении традиционного принципа колониальной политики «разделяй и властвуй». И как сим-

¹ См.: Казанин М. И. Указ. соч. С. 106.

вол безвозвратно утерянных позиций, как одинокий осколок ушедшей в прошлое Российской империи маячило на Янцзы русское судно «Охотск». Это судно, как и некоторые другие, угнанные белогвардейцами из Владивостока, нашло пристанище на чужбине. «Охотск» стал, по существу, казармой для казаков и офицеров из белоэмиграции.

Набережная реки Вампу в центре международного сэттльмента называлась Банд, на ее правой стороне красовались впечатляющие здания крупнейших банков и монополий. И здесь англичане обладали преимуществом, ведь на долю главенствующей в колониальном мире Британии приходилось до трети всей внешней торговли Китая. К юго-западу от Нанкин-роуд обосновался французский сэттльмент.

Социальный водораздел все более четко ощущался не только между жителями китайской части города и иностранных сэттльментов, но и между различными полюсами самого китайского общества. Это было время, когда, пользуясь отсутствием сильного централизованного правительства, активизировались шанхайские капиталисты, они создавали собственные независимые организации, прибирали к своим рукам банки, предприятия. Организации формировались как по гильдиям, например Шанхайская ассоциация банкиров, так и, помимо специализированных, на основе личных связей, местничества. Шанхайская главная торговая палата охватывала тузов города в сфере торговли, промышленности и финансов. Особым весом и влиянием отличались «чжэцзянская группа», «финансисты Чжэцзян — Цзянсу». Под их контролем находились банки, заводы, таможни, судовые компании, угледобывающие фирмы.

В шанхайских салонах и отелях бездумно убивала время новая китайская европеизированная буржуазия: она бросала на ветер доллары, добытые кровью и потом трудящихся соотечественников, гнувших спину по 12 часов в день. Уровень эксплуатации китайского рабочего на текстильной фабрике (за 12 часов работы — 1 шиллинг) намного превышал тот же уровень в находившейся в колониальной зависимости от Англии Индии (за 10 часов — 1 шиллинг 6 пенсов).

Повсюду по Янцзы сновали лодки (сампаны), служившие пристанищем для шанхайской бедноты, и здесь же пьяные американские матросы покупали у родителей несовершеннолетних китайских девочек всего лишь за одну серебряную монетку. На окраине города в пропитанных

копотью фанзах, на земляном полу, рваных циновках, на тряпье ютилась шанхайская беднота. Нечистоты сливались и сбрасывались в канавы, проложенные вдоль узких улочек; тучи насекомых, разносящих повсюду инфекционные болезни, были неизбежным спутником бедняцких кварталов.

Блистательные китайянки в окружении своих респектабельных поклонников прогуливались по многочисленным аллеям, паркам, наслаждаясь купанием в бассейнах зеленой зоны города, а нищие и голодные кули выбивались из сил, чтобы как-то поддержать свое существование. Шанхайские модницы могли поспорить с англичанками и американками не только в богатстве и изяществе платья, но и в умении танцевать фокстрот или чарльстон, в пышности приемов.

В эту роскошную жизнь была вложена немалая доля доходов, полученных от нещадной эксплуатации женского и детского труда. На шелкоткацких фабриках, находившихся под контролем китайского капитала, использовался труд 120 тыс. женщин и детей.

Научный сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики Ф. Атлей в вышедшей в 1934 г. книге писал: «Процентное отношение женщин и детей, занятых в китайской хлопчатобумажной промышленности, к числу мужчин равно 70 к 30, в то время как в Индии подавляющее большинство рабочих — мужчины; женщина, занятая в китайской промышленности, получает около 9 пенсов в день»¹. Это могло обеспечить лишь полуголодное существование.

Попытки провести рабочее законодательство заканчивались безрезультатно. Право экстерриториальности, неподсудность иностранных владельцев местным судам способствовали усилению эксплуатации китайских рабочих.

Противоборство различных милитаристских клик усиливало напряженность в долине Янцзы, что в свою очередь негативно сказывалось на положении в Шанхае. На железных дорогах царил беспорядок: каждая противоборствующая сторона стремилась использовать железнодорожные артерии против своих недругов. Капитаны судов, совершавших рейсы между Шанхаем, Ханькоу и другими портами, зачастую находились под прицелом винтовок тысяч слабоорганизованных, необученных и плохо вооруженных деморализованных китайских солдат.

¹ Атлей Ф. Ланкашир и Дальний Восток. М., 1934. С. 155—156.

В рядах НРА, продвигавшейся к Шанхаю, было немало патриотов, умом и сердцем осознавших трагедию своего народа, стремившихся положить конец мученической жизни простого люда. В политотделе НРА работал молодой поэт, написавший стихотворение «Шанхайское утро». В нем были такие строки:

Богачи мчатся по середине улицы,
А нищие, просящие подаянья,
Бредут под деревьями, на краю тротуара.
Протянем друг другу братские руки,
Протянем и крепко пожмем их,

братья!

Но там, на дороге — не асфальт,
не бетон.

Там пот и кровь, пролитые нами:
Горькая, кровавая наша жизнь
Лежит под богатыми автомобилями¹.

Автором стихотворения был Го Можо. Пройдут годы, он станет известным поэтом и общественным деятелем КНР. В 20-х годах бунтующий поэт повсюду сеял своими стихами гроздь гнева, наполнявшие умы и сердца революционеров непоколебимой верой в правоту своего дела.

Шанхай менялся на глазах. Иностранные концессии превращались в неприступные убежища укrywшихся за колючей проволокой избранных. На улицах — патрули, и беда ждала того, кто попадал им в руки. Нередко они творили самосуд здесь же, на месте. На площадях и в китайских кварталах Шанхая бросались в глаза установленные на шестах либо фонарных столбах клетки с головами казненных жертв.

Ко многому привлекли жившие здесь иностранцы. Их не удивляло, что на стенах города выставляли на пиках головы казненных коммунистов. Весной 1927 г. поражало другое: жители города проявляли небывалый до того времени интерес к победам и неудачам НРА. Рикши бросали мальчишкам, продающим газеты, медяки и внимательно вслушивались в то, что читали им их грамотные собратья.

Еще совсем недавно, в октябре 1926 г., несколько тысяч шанхайских рабочих выступили против милитариста чжильской группировки Сунь Чуаньфана. В организации выступлений рабочих видную роль сыграл Чжоу Эньлай. В феврале 1927 г. Чжоу руководил всеобщей забастовкой, в которой приняло участие полмиллиона трудящихся. Вос-

¹ Го Можо. Избранное. М., 1953. С. 50.

стание и забастовки были подавлены войсками западных держав, которые отличались особой жестокостью.

Западных бизнесменов охватило беспокойство: приближение НРА к Шанхаю повлияло на стиль здешней политической жизни. Еще совсем недавно китаец не мог переступить границу территории иностранных концессий, в глаза бросались развешанные на торговых лавочках таблички: «Только для иностранцев». Теперь повсюду открыто праздновались успехи революции. Англичане, потеряв самообладание, напали на участников одного из митингов. Ответом стал захват толпой 5 января 1927 г. английской концессии. Английская сторона вынуждена была начать переговоры с гоминьдановским министром иностранных дел Евгением Чэном о передаче концессии правительству. В феврале англичане передали Китаю концессии в Ханькоу и Цзюцзяне.

Впервые за многие годы западная община в Шанхае, оказавшись перед лицом роста революционных волнений и приближения НРА к городу, решила на необычный шаг. По ее инициативе представители китайского бизнеса были приглашены на обед в один из лучших отелей. Англичане, воспитанные в духе классических традиций Британской империи, считали неприемлемым для себя сидеть рядом с желтолицым. Но надвигавшаяся буря на время как бы нейтрализовала расистский угар и согнала в одну лодку знатных тузов иностранного и китайского делового мира. Все с вниманием выслушали американского главу иностранного муниципального совета. Он с тревогой взывал к китайским капиталистам: настало время «объединить усилия против большевизма», китайские бизнесмены гораздо лучше выступают в роли лидеров, нежели «сумасшедшие... революционеры».

В городе активизировались профсоюзные объединения, находящиеся под контролем чанкайшистов. Действовали они весьма активно, но только не в организации стачечной борьбы. Они сосредоточили свои усилия на подготовке встречи армии Чан Кайши. Чжоу Эньлай со своими соратниками готовил восстание, а гоминьдановские крикуны пытались подготовить условия для передачи китайской части города Чан Кайши. Рабочие отряды оккупировали полицейские участки, небольшой арсенал, почту, железнодорожную станцию... Все это задержало вступление войск Чан Кайши в город. Международный септльмент операция не затронула.

Главнокомандующий понимал: нельзя решить силовым путем проблему профсоюзов, борьбы рабочих и крестьян.

К весне 1927 г. организации Генерального совета шанхайских профсоюзов (создан в 1925 г.) объединяли более 300 тыс. рабочих. В вооруженных рабочих дружинах состояло до 3 тыс. готовых к защите своих интересов бойцов.

Чан Кайши охотно выступал на «приветственных» митингах, которые в конце концов заканчивались избие-нием левых. В то время как главнокомандующий, маскируясь революционными лозунгами, двигался к Шанхаю, его ставленники обрушивались на профсоюзных активистов, на всех, кто хоть как-то симпатизировал уханьскому правительству. Жертв террора часто водили по улицам, подвергали всяческим издевательствам, а сопровождающие визгливо проклинали «красных». Чан прославлял усилия рабочих в борьбе за свои права, а сам сразу же по вступлении 26 марта в Шанхай стал опираться на подпольный мир города для подготовки решающего удара по противникам.

И если в Шанхае иностранные концессии оказались в безопасности, сложнее выглядело положение иностранцев в Нанкине.

Чан Кайши встретил с раздражением вести о столкновениях с иностранцами в Нанкине и обстреле этого города из орудий подошедших по Янцзы американских и английских кораблей. В его планы не входили какие-либо серьезные стычки с иностранными державами.

Прибыв в Шанхай, главнокомандующий решил без промедления вступить в контакт с англичанами, пригласив прежде всего к себе представителей лондонской печати, но все английские корреспонденты отказались иметь с ним дело. Было решено дать интервью шанхайской печати. Комментируя заявление Чан Кайши, корреспондент «Дейли телеграф» не стал сдерживать себя в выражениях: «Я тщательно читал этот странный документ, свидетельствующий о том, что умственные способности Чан Кайши немногим превышают умственные способности среднего кули»¹. В оценках английского радетеля интересов британской короны не могло, конечно, не присутствовать и чувство расового превосходства, но они отражали настроен-ия в иностранной колонии, относящейся с подозрением к лидеру Гоминьдана. Чан Кайши считал своим долгом развеять такого рода настроения. Он обещает принять необходимые меры по охране иностранной собственности, реорганизации военных отрядов, руководимых коммунистами.

Цит. по: Правда, 1927. 2 апреля.

«Нет необходимости иностранным державам,— делал он успокоительные заверения на пресс-конференции 31 марта,— посылать войска или боевые корабли в те местности либо города, которые должны быть взяты под контроль НРА, поскольку мы берем полную ответственность по защите жизней и собственности иностранных граждан... Это правда, что мы намереваемся отменить неравноправные договоры и пересмотреть все иностранные концессии. Но мы сделаем это не путем применения военной силы или толпы, а путем использования дипломатических каналов»¹.

Американская сторона предпочла преподнести обстрел Нанкина как можно в более элегантных выражениях. Это был всего лишь «заградительный огонь», имеющий целью предотвратить гибель американских граждан.

1 апреля 1927 г. уханьское правительство лишило Чан Кайши поста главнокомандующего НРА. «Это не мое личное дело,— реагировал Чан,— это ответственность, которую я взял и отнюдь не вправе снять с себя. Я взял обязательство довести Северный поход до успешного конца. Это обязательство я выполняю»². За его плечами стояли верные ему войска, хотя политическая обстановка, казалось, не совсем благоприятствовала достижению основных целей.

В начале апреля 1927 г. в Шанхай возвращается из-за границы Ван Цзинвэй. Чан Кайши старается делать все, чтобы склонить Ван Цзинвэя на свою сторону, поскольку понимает: от позиции последнего во многом зависит его собственное положение. В заявлении по случаю возвращения своего соперника он отметил: «После годового отпуска по болезни председатель Ван Цзинвэй вернулся на родину. Его отсутствие чрезвычайно ощущалось и отразилось на важнейших моментах политики партии и правительства. Массы жаждали его возвращения. Я неоднократно посылал ему телеграммы, умоляя его вернуться. Его возвращение — величайшее счастье. Ван Цзинвэй — наиболее верный партии товарищ. Он — мой учитель и друг». Это была ложь во имя целей политической борьбы. Чан Кайши объявил: Ван Цзинвэю принадлежит политическая, как наиболее важная, власть (гражданские вопросы, финансы, внешняя политика). «Я же буду руководить только армией!»³ — заключил Чан Кайши. Да и мог ли он упустить из своих рук главное орудие власти?

¹ *Furuja K.* Op. cit. P. 118.

² *Ibid.* P. 202.

³ Цит. по: Правда, 1927. 6 апреля.

С 5 по 8 апреля между Чан Кайши и Ван Цзинвэем состоялась серия совещаний, обсуждались условия достижения какого-либо компромисса с уханьским правительством. Во время встречи генерал уговаривал Вана: «Не нужно, ни в коем случае нельзя вам ехать в Ухань... Если вы поедете туда, — заявил Чан, — то вы возьмете на себя ответственность за раскол партии».

Подготовленные Чан Кайши условия примирения с Уханем выглядели скорее как ультиматум, нежели как приглашение к достижению компромисса. Выдвигались требования о передаче контроля над рабочими организациями главному, отмене постановлений, принятых в Ухане. Оппозиция отказалась их принять. На этот отказ, видимо, рассчитывал Чан Кайши, поскольку одновременно вел активные переговоры с главарями тайных обществ, вожаками люмпенов Шанхая. Среди них были Хуан Цзинжун, Чжан Сяолин, известный король наркоманов, Ду Юэшэн, главарь общества «Зеленых». Речь шла, помимо прочего, о создании специальных отрядов «защитников Цзяна» (Чан Кайши). Головорезам из этих отрядов вменялось выявлять и уничтожать вожаков левого движения, коммунистов. Мафия заручилась поддержкой дипломатических представительств. Расчет гангстеров на щедрость иностранных дельцов оправдался. В их распоряжение из иностранных концессий потекли оружие и деньги.

Чан Кайши давал обещания защитить рабочие отряды и профсоюзы и даже преподнес командованию дружин выпел с надписью: «В честь совместной борьбы». А в это время хорошо вооруженные отряды тайных обществ стали нападать на рабочие пикеты. Началась охота на людей. Стрельба не прекращалась в течение трех недель. Тогда же подразделения под командованием Бай Чунси, начальника штаба Чан Кайши, атаковали Шанхай. Бай Чунси издал прокламацию: виновные в организации забастовок подлежали строгому наказанию. Появление войск Чана сопровождалось еще большим кровопролитием. Погибло несколько тысяч рабочих, большинство из них встречало мученическую смерть в застенках. В ночь на 12 апреля защитники имперских интересов в Китае передают в руки Чан Кайши более тысячи коммунистов — участников восстания. Ежедневно в течение многих месяцев жители Шанхая были свидетелями многочисленных расстрелов.

Во власти насилия, необузданного террора разъяренной военщины оказались Гуандун, Гуанси, Фуцзянь, Чжэцзян, Аньхой. В Чанша, где в своей речи Чан Кайши,

казалось, еще совсем недавно восславлял лозунг «мировой революции» и где была довольно активна организация КПК, начались аресты и облавы. Местный армейский командующий приказал схватить 100 агитаторов и расстрелять их. Коммунистов не просто убивали, а пытали, обливали керосином и сжигали, закапывали живыми в землю. Чжоу Эньлай сумел скрыться.

Чан Кайши, ощутив поддержку влиятельных сил, стал действовать с открытым забралом. Он отдал приказ блокировать организации КПК и профсоюзов, поручив это дело полиции и армии. 18 апреля было объявлено о создании в Нанкине правительства во главе с Чан Кайши. В довольно пространной декларации по этому поводу Чан Кайши подтвердил свою верность трем принципам Сунь Ятсена, осудил вмешательство иностранных держав и призвал к полному разрыву с КПК. 25 апреля 300 тыс. демонстрантов собрались в Ухане, протестуя против создания Нанкинского правительства Чан Кайши. Корреспонденты бросились устанавливать контакт с новым правительством, но просчитались — им не удалось найти каких-либо признаков правительства в Нанкине. Потребуется еще время, чтобы Нанкинское правительство появилось не только на устах своего основателя, а проявило бы себя каким-либо образом в деле.

27 апреля 1927 г. в Ухане состоялся V всекитайский съезд КПК, в его работе приняли участие Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай. На съезде был и М. М. Бородин. Представитель Коминтерна оказался в центре событий. Он держал связь с КПК и пытался в то же время воздействовать на поведение гоминьдановских генералов, командовавших войсками уханьского гоминьдановского правительства, влиять на Ван Цзинвэя.

Уханьские лидеры апеллировали к милитаристу Фэн Юйсяну, но состоявшиеся в начале июня 1927 г. секретные переговоры с ним ничего не дали. 21 июня Фэн заявил о переходе в стан Чан Кайши.

Выходец из зажиточной крестьянской семьи, Фэн Юйсян принял христианство, его армия так и называлась — христианской. В частях армии проходили богослужения, исполнялись церковные гимны. Жена Фэна была секретарем Пекинского союза молодых христиан. Доходило до того, что генералы Фэна копировали библейские примеры. Генерал Чан Чичан, прочтя в Библии о методах ведения войны, решил применить вычитанное им на практике. Чан Чичан достал несколько баранов, рассказы-

вал Фэн, привязал к их хвостам зажженные факелы и приказал гнать в сторону солдат Чжан Цзолия. Но хитрость, которая могла напугать библейского царя, не принесла успеха генералу Чану. Солдаты Чжан Цзолия могли поблагодарить противника за подарок в виде баранины.

В свое время Фэн был тесно связан с У Пэйфу и представлял чилийскую клику. С благословения У Пэйфу он сделал быстрый скачок от обыкновенного командира до командующего 40-тысячной армией. Принятие христианства оправдывало разрыв Фэна с У Пэйфу в глазах Запада и местной христианской общины. Фэн имел своего человека в уханьском правительстве — Сюй Цяня, который работал с Сунь Ятсеном в Гуанчжоу. Фэн, опираясь на Сюй Цяня, мог предпринять необходимые усилия, чтобы примирить враждующие в Гоминьдане группировки. Но выбор пришлось делать ему самому. И он был предопределен психологией крупного собственника, связавшего свою судьбу с верхушкой китайской бюрократии, с милитаризмом. «Купцы, торговцы, собственники промышленных предприятий и землевладельцы угнетаются рабочими и крестьянами,— демагогически говорил Фэн, оценивая деятельность КПК,— китайский народ не хочет такого деспотизма»¹.

Защищая право на эксплуатацию, Фэн, как и многие другие китайские милитаристы, оперировал такой категорией, как «интересы народа». В сотрудничестве с Чан Кайши он видел путь к спасению своей армии и демонстрировал преданность и любовь к лидеру Гоминьдана: главком получает от него предложение стать побратимами. «Так Чан и я,— вспоминал Фэн,— обменялись датами рождения и стали побратимами».

Принявший христианство генерал любил поиграть в демократию. То он стремился показать себя перед окружающими настоящим солдатом, народным полководцем. То неожиданно появлялся на перроне из обычной теплушки, хотя в дороге пользовался собственным классным вагоном. То его видели в обществе солдат с переброшенной через плечо белой походной сумкой, в поношенной солдатской одежде, а то и в самодельном противогазе убирающим уличную пыль и грязь. Фэн много мог говорить о нравственности, но это не мешало ему в занятых им провинциях облагать все публичные дома военным налогом.

¹ Цит. по: Бухарин Н. И. О китайской революции. Иркутск, 1927. С. 24.

Он назначал в каждом городе своего представителя для наблюдения за гигиеной и «нравственностью» этих домов, за аккуратной выплатой налогов. Генерал говорил о бескорыстии, но вкладывал капиталы только в доходные предприятия. Он садился за стол с солдатами и ел с ними одну и ту же пищу, однако благословлял порой своих конюхов и охранников на элементарные грабежи¹.

Настоящее лицо Фэн Юйсяна, свободное от театральной маски, увидела журналистка Агнесса Смедли после того, как случайно встретила раненного в руку генерала на борту парохода, плившего по Янцзы из Ханькоу в Шанхай. Бунтарский дух радикально настроенной, искренне воспринявшей идеи КПК журналистки восстал против лицемерия гоминьдановских генералов, многие из которых провозглашали свою верность христианской морали добра и справедливости.

В Шанхае Фэна встретили доверенные люди Чан Кайши, прежде всего заправила шанхайской мафии Ду Юэшэн. Длинная вереница автомобилей сопровождала генерала. А. Смедли подсчитала: лечение руки генерала стоило примерно 15 тыс. долларов. В то время бедный солдат в гоминьдановской армии находился на полуголодном пайке².

Во время экстремальных ситуаций Чан Кайши имел возможность оценить степень преданности ему генералов и политиков. Генерал Хо Цин — один из выдающихся, согласно ядовито-меткому определению американского публициста Э. Сноу, дегенератов Китая, руководил массовым убийством студентов и крестьян. С той поры Чан Кайши закрывал глаза на все противозаконные махинации Хо. Вместо полагающейся ему по заслугам тюремной камеры генерал Хо получил пост губернатора одной из богатейших провинций.

Во время шанхайских событий Чан Кайши очень помог его земляк, соратник по учебе в Японии Чжэн И. Последний в 1927 г. служил милитаристу Сунь Чуаньфану в своей родной провинции Чжэцзян. Когда армия Чан Кайши двинулась на Шанхай, Чжэн И понял: это его судьба. Он предал генерала Сунь Чуаньфана. Чан, высоко оценив услуги Чжэна во время кровавого переворота, назначил своего земляка сначала главой шанхайского арсенала, а вскоре сделал вице-министром по военным делам Нанкинского правительства. Путь наживы, рваче-

¹ См.: Костарев Н. Мои китайские дневники. Л., 1935. С. 164—165.

² См.: Смедли А. Китайские судьбы. М., 1934. С. 57—58.

ства, хищений, спекуляций, на котором Чан Кайши шел рука об руку с ведущими представителями шанхайского подпольного мира, стал дорогой предательства благородных по своей сути идей Сунь Ятсена.

Рядом с Чан Кайши выступили генералы гуансийской клики — Ли Цзунжэнь и Бай Чунси. Они отдали к этому времени немало сил в борьбе с претендентами на власть в Гуанси и после того, как были увенчаны лаврами победителей, стали опираться на внешнего союзника, чтобы как-то закрепить свои успехи. С марта 1926 г., достигнув соглашения с Чан Кайши, восприняв прежде всего националистические идеи его партии, они стали выступать под гоминьдановским флагом, хотя и тщательно оберегали свое независимое положение в этом альянсе.

В самом «левом» уханьском центре усилилось давление правых, опасавшихся серьезных революционных преобразований. 1 июня М. Бородин получает телеграмму от И. Сталина. В ней содержались максималистские рекомендации коммунистам: поднимать массы, вооружать их, конфисковывать землю, арестовать генералов, создать новую армию из рабочих и крестьян, захватить руководство в Гоминьдане, учредить в нем леворадикальное руководство. Ван Цзинвэй, узнав о позиции И. Сталина, несмотря на успокоительные заверения М. Бородина («содержание телеграммы не отражает реального положения дел»)¹, решил ускорить ход событий. Правые, опасаясь радикальных изменений в уханьском центре, начинают наступление на КПК. Уханьское правительство теряло почву под ногами. 15 июля 1927 г. представителей КПК исключили из правительства, 27 июля М. М. Бородин был вынужден покинуть Китай.

Милитаристы соревновались в осуществлении политики террора и преследований. Коммунисты, среди которых особым авторитетом пользовались Чжоу Эньлай, Е Тин, Чжу Дэ, пытались спасти позиции КПК.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1927 г. полки 11-го и 20-го корпусов НРА под командованием Хэ Луна, Е Тина, Чжу Дэ, выполняя инструкции КПК, разоружили гоминьдановские части в Наньчане. Руководителем восстания войск местного гарнизона стал Чжоу Эньлай. День 1 августа 1927 г. стал днем рождения китайской Красной Армии. Пять дней восставшие контролировали город.

¹ *Jacobs D. N. Borodin — Stalin's man in China. Cambridge (Massachusetts) — London, 1981. P. 271.*

Затем обескровленные в тяжелых боях с милитаристами отряды стали продвигаться, неся тяжелые потери, в районы, охваченные крестьянскими восстаниями. Политический кризис достиг критической точки.

Восточный милитарист Сунь Чуаньфан, видя углубление раскола в гоминьдановском лагере, двинул свои войска против армии Чан Кайши, очистил от чанкайшистов северный берег реки Янцзы, окружил Нанкин. Казалось, судьба Чан Кайши решена. Но лидер Нанкинского правительства принимает спасительное решение. В августе 1927 г. он объявляет об отставке. Решение сопровождается многословными рассуждениями вокруг одной темы: дело партии выше личных интересов. «Я надеюсь,— говорил Чан,— что каждый член партии, несмотря на существующие расхождения во мнениях, будет жить ради своего долга, защищать партию против какой-либо попытки разрушить ее или узурпировать власть».

После ухода Чан Кайши в отставку гуансийские генералы стали играть ведущую роль в Нанкине. Административный опыт гуансийцев в Шанхай-Нанкинском районе оказался неудачным. Единственная группировка, поддерживавшая их в Гоминьдане,— сишаньская — не могла в то время стать надежной опорой центральной власти.

Переворот Чан Кайши в Шанхае эхом беспокойства отозвался в руководящих кругах Коминтерна. Оппозиция в ВКП(б) указала на шанхайские события как на доказательство в пользу своих аргументов, ставящих под сомнение линию коммунистов на сотрудничество с Гоминьданом. Всего лишь несколько месяцев назад Н. И. Бухарин говорил о расколе Гоминьдана, призывал к поддержке противостоящего Чан Кайши правительства в Ухане, которое, по его словам, неизбежно должно было стать «центром притяжения народных масс»¹. А теперь, спустя несколько месяцев, Бухарин отмечает конец революционной роли уханьского центра².

Какова социальная база китайской революции? Созрели ли объективные для нее условия? Стоило ли КПК принимать участие в деятельности Гоминьдана? Эти и другие вопросы оказались в центре партийных дискуссий. Оппозиция обвинила Н. Бухарина, выступавшего за линию единого фронта, в предательстве ленинизма. Но и в оппозиции не было и не могло быть единой точки зрения

¹ Бухарин Н. И. Проблемы китайской революции. М., 1927. С. 60.

² См.: Бухарин Н. И. О китайской революции. С. 12.

на китайские события. «У Радека, — писал Н. Бухарин, — в Китае нет феодализма, у Зиновьева — он процветает. По Троцкому — буржуазия, пожалуй что, никогда революционной роли в Китае не играла, по Радеку — она была другом рабочих. По Зиновьеву — нужно было всемерно поддерживать Ухань; по Троцкому (в то же время) — Уханя не существовало и нужно было немедленно против него организовать центр двоевластия. По Радеку — нужно было (коммунистам. — В. В.) выходить из Гоминьдана тогда, когда им же рекомендовалось сидеть в гоминьдановском правительстве. Альский обрушивается ужасным образом на партлинию за поддержку (в свое время) Гоминьдана и в то же время посвящает свою книжку Гоминьдану и т. д. и т. п. Словом, чего хочешь, того просишь»¹. Н. И. Бухарин отбрасывал возражения против сотрудничества коммунистов с Гоминьданом. Единый фронт, по его мнению, предполагал союз КПК и Гоминьдана, необходимость проявлять бдительность перед лицом опасных рецидивов контрреволюции, которых всегда можно было ожидать от Чан Кайши и его окружения.

Любовь, семья и политика

Чан Кайши, уйдя в отставку, проследовал, сопровождаемый 200 охранниками, в гористый район провинции Чжэцзян. Он остановился в шести милях от дома своих предков в Цикоу. Одолевала пресса. Американским журналистам Чан поведал о своем намерении провести следующие пять лет за границей, изучая политику, экономику, военное дело. Чан Кайши, удовлетворив таким образом любопытство журналистов, обращает свою энергию на другое: предпринимает немалые усилия ради изменения своего семейного положения. В доме Сунь Ятсена Чан познакомился с его свояченицей Мэйлин, одной из очаровательных дочерей богатого китайского капиталиста Сун Ложу, который был известен больше как Чарльз Сун. Сун совмещал бизнес с пропагандой христианства в Китае, оказывал содействие Сунь Ятсену.

Впервые Чан Кайши увидел Мэйлин, когда Сунь Ятсен находился в Гуанчжоу. Чан Кайши завязал с Мэй переписку, а вскоре поделился с Сунь Ятсеном своими планами на женитьбу. Совет старшего соратника не внушал особого оптимизма — Сунь Ятсен просил не форсиро-

¹ Бухарин Н. И. О китайской революции. С. 24.

вать события. Сун Цинлин, услышав новость о намерении Чан Кайши просить руки ее сестры, реагировала довольно жестко. «Я предпочту увидеть Мэйлин мертвой, — заявила она, — нежели замужем за Чан Кайши». Сам Сунь Ятсен считался с Чаном как с военным специалистом и организатором, но сомневался в иных его качествах. «Чан Кайши — китаец и патриот, — давал он в кругу семьи оценку своему младшему соратнику, — но слишком умен при небольшом весе мозга в его голове». Планы Чан Кайши были встречены в семье Суна с явной неприязнью. Возмущение Цинлин возросло, когда она убедилась в предательстве Чан Кайши того дела, которому служил Сунь Ятсен. Претенденту на руку Сун Мэйлин понадобились долгие пять лет, чтобы осуществить свои планы.

Все сестры Сун — Айлин, Цинлин и Мэйлин получили образование в США. Так хотел отец. Чарльз Сун сам принадлежал к числу первых китайцев, получивших образование в США.

Старшая сестра Айлин помогала Сунь Ятсену в работе в качестве секретаря. Сунь Ятсен был весьма романтичен, как вспоминали современники. Пребывая изо дня в день в обществе Айлин, он начал чувствовать привязанность к своей секретарше. И настал день, когда доктор попросил у Чарльза Суна руки его дочери. Он не забыл, объяснял Сунь, что женат, но это не имеет никакого значения, можно добиться развода. Чарльз был разгневан. Айлин прекратила встречи с Сунь Ятсеном. Вскоре она дала согласие на брак с молодым бизнесменом Кун Сянси, наследником влиятельного банкирского дома из Шаньси, прямым потомком Конфуция.

Сун Цинлин заняла место своей сестры в качестве секретаря у Сунь Ятсена. Он стал для нее кумиром, когда она была еще совсем маленькой. Будучи в США, Цинлин много слышала от своих родителей о Сунь Ятсене. Революция 1911 г. наполнила ее гордостью от сознания того, что она знакома с известным китайским революционером, и она ощутила страстную потребность служить ему. Больше всего мать Цинлин угнетало то, что Сунь Ятсен женат, имеет несколько детей. Сунь Ятсена, однако, не останавливали никакие трудности. Сун Цинлин стала его избранницей на всю оставшуюся жизнь, пропагандистом и наследницей его идей.

В 1918 г. умер Чарльз Сун. Свой воспринятый с Запада дух либерализма он старался передать своей младшей дочери Мэйлин. Она, как утверждают биографы, вы-

делялась среди своих сестер большой самостоятельностью, легко входила в контакт с окружающими, быстро загоралась каким-либо делом, что послужило для друзей поводом дать ей прозвище «маленький фонарь». Мэйлин приучила в доме выполнять все свои прихоти, и это сохранилось в ее характере на всю жизнь. За время пребывания в США она настолько американизировалась, что это позволило ей сказать: «Единственное восточное, чем я обладаю, это мое лицо». Мэйлин блистала в высшем свете Шанхая. Окружающие обращали внимание на высокий уровень ее образования, восторженность, модные наряды, ее расположения добивалась толпа нетерпеливых и настойчивых поклонников. В молодости ей был свойствен экстремизм. Получив христианское воспитание и пройдя обучение в США, она не смогла спокойно взирать на нищету, болезни, которые окружали богатые кварталы в китайских городах. Мэй, в отличие от сестер, мечтала об осуществлении реформ, но не проявляла интереса к политическим теориям.

Во время недолгой отставки молодой генерал Чан Кайши часто писал невесте о своих чувствах. Автор писем сгорал от нетерпения: когда же наконец ему удастся покорить неприступное, как казалось, сердце его избранницы? Истоки «любовного союза» этой пары выглядели куда более прозаичными, нежели нахлынувшие на Чан Кайши чувства. Удачная брачная сделка, надеялся Чан, помогла бы ему одержать верх над вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин, нейтрализовать ее подозрительность, недоверие к нему. Связи семьи Чарльза Суна открывали — а это стало заветной мечтой Чан Кайши, — двери на Запад, сулили поддержку, помощь со стороны крупного китайского бизнеса.

Официальное предложение Чан Кайши сделал в мае 1927 г. Брат сестер Сун, Сун Цзывэнь, не скрывал сомнения: слишком подозрительной казалась ему личность Чан Кайши. Мэйлин откровенно дала понять, что главное для нее — благословение матери, хотя она стояла за эмансипацию китайской женщины. Слухи о беспутной жизни Чан Кайши, о его сомнительных встречах и знакомствах дошли до ушей прилежной христианки — хозяйки дома.

28 сентября 1927 г. Чан Кайши отплыл в Японию. На следующий день он был уже в Нагасаки. Японская печать создала рекламу китайскому визитеру. И не случайно. Чан, направляясь в Японию, преследовал различные цели. Главное же — уладить личные дела, ведь в это время в Японии находилась Сун Мэйлин, сопровождавшая прибывшую на лечение мать.

Мать Мэйлин все еще колебалась. Много было толков о претенденте на руку ее 26-летней дочери. Предшественницы Сун Мэйлин принадлежали к различным слоям общества. В первый брак Чан вступил очень рано, подчинившись родительской воле, приведя в дом провинциальную девушку. От этого союза, который вскоре распался, остался сын — Цзян Цзинго. Вторую свою жену Чан нашел среди шанхайских красавиц, известных своей стойкой приверженностью к самой древней в мире профессии. Природа наделила его избранницу Чэнь Цзюй и красотой, и умом, что делало ее общество не только приятным, но и полезным. И этот союз оказался недолговечным. Суровый и голый прагматизм определил новую веху в жизни Чан Кайши. Его давнишний покровитель предводитель общества «Зеленых» Ду Юэшэн отправил вторую жену Чан Кайши в США. Впоследствии изгнанница получила степень доктора при Колумбийском университете, приобрела дом недалеко от Сан-Франциско.

Мадам Сун не удалось, как она ни сопротивлялась, освободиться от весьма назойливого претендента на руку ее дочери. Разведен ли он? Этот вопрос очень беспокоил семью Сун. Чан Кайши привел документальные доказательства развода. Готов ли Чан Кайши стать христианином? Сумеет ли он побороть влияние сатаны? Ведь все его прежние увлечения — женщины легкого поведения! Чан Кайши не колебался: «Да!» Он готов изучать Библию, быть прилежным христианином. Мадам Сун сдалась: в конце концов, тигров бояться — в горы не ходить.

Сун Цинлин, узнав о предстоящей свадьбе Мэйлин, попросила Евгения Чэна послать невесте телеграмму с настойчивой просьбой не выходить замуж за этого «женоубийцу». Но церемония все же состоялась и широко освещалась (как одно из выдающихся событий) в печати Шанхая.

26 ноября в шанхайских газетах появилось уведомление о предстоящей женитьбе Чан Кайши 1 декабря 1927 г. Сун Мэйлин и Чан Кайши дважды совершили обряд бракосочетания: один в доме невесты в соответствии со всеми христианскими традициями, другой — в ортодоксальном китайском стиле в фешенебельном отеле.

...В зале отеля собралось до 1300 гостей. Чан Кайши вошел в зал, сопровождаемый ближайшими соратниками. Маленькие полоски усов, торчащий белый воротник, манжеты — все это придавало ему вполне европеизированный вид. На небольшом постаменте возвышался порт-

рет основателя Гоминьдана Сунь Ятсена. Гражданскую церемонию открыл вице-президент Пекинского национального университета доктор Цзай Янбэй. Невеста предстала перед гостями под руку со своим братом Сун Цзывэнем, бывшим министром финансов. Застрекотали съемочные камеры. Сун Мэйлин держала в руках огромный букет роз в основном белого цвета. Новобрачные охотно позировали перед фотокамерами... Затем три раза поклонились портрету Сунь Ятсена.

Дэвид Юй, генеральный секретарь молодежной христианской ассоциации, объявил новобрачных мужем и женой.

Часть медового месяца молодые провели в Северной Чжэцзян, в краю поросших лесом возвышенностей, среди изумительных озер. С той поры любимым словом при обращении к жене у Чана стало слово «дарлинг» — «дорогая».

Вскоре Чан Кайши выступил с заявлением. Женитьба должна была получить общественное признание.

«С настоящего времени, — провозгласил Чан, — мы оба полны решимости отдать все, что в наших силах, делу китайской революции». Обещание ко многому обязывало.

Филантропия сестер Сун приобрела широкую известность в различных слоях китайского общества, что стало удобной ширмой для Чан Кайши. Все члены семьи Сун были лояльно настроены по отношению к Чан Кайши. Все, кроме Цинлин.

Цинлин не могла мириться с равнодушием знати к бедствиям народа. Она пыталась направить усилия просвещенной части молодежи, особенно той ее части, которая получила образование за рубежом, на устранение недугов, поразивших китайское общество. Вдова Сунь Ятсена писала о необходимости создания организации для лечения курильщиков опиума, активизации христианской молодежной ассоциации в деле социального обновления жизни. Большую разъяснительную работу приходилось проводить, например, в связи с укоренившейся в Китае традицией перевязывать ступни у девочек, что деформировало ноги, приводило иногда к инвалидности. Молодые люди начинали оспаривать и традиционное право родителей уstraивать брак своих детей в раннем возрасте.

С древних времен в Китае связывали свалившиеся на голову простолюдина несчастья с женщиной, нередко во время стихийных бедствий в жертву приносились девочки из многодетных семей. Да и в обычае перевязывать у девочек с детства ступни была заложена идея неравно-

правного положения женщины в китайском обществе. Мать Мэйлин физически тяжело переносила перевязку ступней в детстве и поэтому решила не подвергать свою дочь подобной пытке. Семья Сун избавила своих дочерей от мучительной процедуры.

Цинлин продолжала поддерживать контакты с семьей, но не могла принять политику гоминьдановских генералов. Во время бракосочетания своей сестры Цинлин, как и Цзян Цзинго, находилась в Советском Союзе. Они обратились к своему родственнику со словами глубокого осуждения. Семнадцатилетний Цзян Цзинго оказался в первых рядах движения, заклеймившего жестокое отношение гоминьдановцев к коммунистам, профсоюзным организациям Китая.

Читатели, открыв номер «Правды» от 21 апреля 1927 г., познакомились с письмом Цзян Цзинго к отцу. Сын писал:

«Кайши! Я думаю, ты не послушаешь того, что я буду говорить, не захочешь читать это письмо, но я пишу последнее тебе письмо, мне все равно, прочтешь ты или нет.

Сегодня я хочу повторить твои слова, помнишь, ты писал мне: «Я знаю только революцию и готов умереть за нее». Я отвечу тебе теперь: я знаю только революцию и больше не знаю тебя как отца.

Я не могу понять, почему ты раньше говорил мне о необходимости борьбы пролетариата и ты хотел меня сделать революционером. Твои прошлые поступки обратны с нынешними действиями. Но я сделал то, что ты говорил мне раньше. Я стал революционером. И поэтому я твой враг. Ты расстрелял в Шанхае рабочих. Конечно, буржуазия во всем мире будет хлопать тебе: «Молодец, Чан Кайши!» Ты получишь и деньги от империалистов. Но не забывай, что есть и пролетариат. Он тоже во всем мире откликнулся на твоё предательство. Московские рабочие считают шанхайских рабочих братьями. То, что ты сделал, они считают расстрелом своих братьев. В Москве были демонстрации и собрания, посвященные твоему предательству. И единственным лозунгом собраний был лозунг «Долой Чан Кайши!».

Ты использовал переворот и сделался героем. Но победа твоя временна и непрочна. Чан Кайши, честное слово, коммунисты с каждым днем крепнут силами для будущей борьбы. Извини, пожалуйста, но мы легко разделаемся с тобой. Борясь с капиталистами, убрать с дороги тебя, их пешку, не так трудно!»

Сын отказался от отца. Сун Цинлин отвергла предложение своей сестры возвратиться в Китай — ее приезд мог быть использован для повышения авторитета Гоминьдана.

Чан Кайши вернулся к власти в январе 1928 г. Он быстро убедился в беспомощности своих соратников обеспечить финансовую базу для деятельности правительства. До своей отставки, весной и летом 1927 г., Чан Кайши расходовал на военные цели более 20 млн юаней в месяц. Никто из гоминьдановских деятелей, даже пользующийся авторитетом своего отца Сунь Фо, не мог похвастаться такой кредитоспособностью, как это делал Чан Кайши. С января 1928 г. шанхайские бизнесмены начинают проявлять повышенную нервозность, так как Чан Кайши обязал министра финансов, теперь уже своего родственника Сун Цзывэня, добывать каждые пять дней по 1,6 млн юаней. Этому, как и раньше, должна была способствовать мафия. Снова прокатилась волна насилий. Трудные времена для шанхайских толстосумов продолжались вплоть до взятия гоминьдановскими войсками Пекина.

Резиденцией нового правительства стал Нанкин.

Старейший город Китая, в прошлом одна из величайших столиц мира, поражал огромной стеной — самой длинной из всех городских стен в мире — 40 км, высотой 12—14 м, толщиной до 30 м. Строительство стены, по сведениям путешественников, потребовало в семь раз больше объема каменных работ, нежели сооружение величайшей из египетских пирамид. Внутри город пересекала поперечная стена, издавна отделявшая ханьское население от маньчжурского. Стены не спасали жителей от нападавших. Город не раз превращался в развалины и, как феникс из пепла, возрождался вновь. Всюду были многочисленные кумирни, триумфальные арки. На северо-востоке возвышалась священная гора Чжуншань. На горе, согласно сохранившемуся мифу, обитал дух Чжулун — дракон со свечой. Дух, имевший лицо человека, тело змеи, красную кожу и гигантских размеров рост. Лишь только Чжулун приоткрывал глаза, как в мире наступал день, если глаза были закрыты, то царила ночь. Множество бед и даров, на которые не скупилась природа, связывалось с Чжулуном. Но не присутствие дракона привлекало Чан Кайши.

Возможно, имели определенное значение и исторические традиции — в конце XIV в. Нанкин сделал своей столицей император Хун У (Чжу Юаньчжан). Чан уповал и на преимущества новой столицы перед Пекином. Нанкин

расположен был ближе к районам, контролируемым КПК, ближе к Шанхаю, где находилась экономическая и политическая опора Чан Кайши. Да и войска, преданные Чан Кайши, состояли в основном из южан.

Климат Нанкина слишком холодный зимой и весьма влажный весной и летом. В окутанном туманом городе люди трудились как муравьи, в невероятной тяжелой обстановке. Правительственные чиновники перебивались в непривычном для них жилье, ожидая улучшения условий жизни, жены офицеров отказывались покидать насиженные места в Шанхае ради неясной перспективы в карьере их мужей в Нанкине.

Мэйлин, как супруга Чан Кайши, сразу же оказалась в центре событий. Чан Кайши давал приемы и обеды, где Мэйлин была единственной женщиной. Первоначальное чувство стеснительности вскоре прошло, да и соратники Чан Кайши стали воспринимать ее скорее как политического деятеля, нежели как женщину.

9 января 1928 г. Чан Кайши вновь официально занимает пост главнокомандующего Национально-революционной армией. Окружающие постепенно привыкли к мысли, что главнокомандующий — известный военный специалист, но большинство опасалось: не дай бог, чтобы политическая власть оказалась в его руках.

2 февраля в Нанкине собрался 4-й пленум Гоминьдана. В состав вновь сформированного Военного совета вошли 73 гоминьдановца, преданные Чан Кайши. С этого времени чанкайшистское окружение активизирует свою деятельность.

Ранней весной 1928 г. вооруженные группы стали появляться по вечерам у всех домов Ханькоу, где проживали русские. Большинство их было депортировано.

Вести о провокациях Чан Кайши дошли до находившейся вдали от дома Цинлин. Она посылает негодующую телеграмму своему родственнику: «Я как раз собиралась вернуться в Китай, но услышала, что Вы предложили разорвать дипломатические отношения с Россией и выслать русских советников. Это будет самоубийством и оставит нашу партию и страну изолированной, и Вы войдете в историю как преступник, который погубил нашу партию и страну... Если Вы не пересмотрите свое решение... у меня не будет другого выбора, как остаться здесь, и как можно дольше, продемонстрировать, что я против Вашей несправедливой и самоубийственной политики»¹.

¹ *Juny Chang. Mme Sun Yatsen. Penguin Books, 1986. P. 67.*

Сун Цинлин заняла видное место в политической жизни, противостоя правым гоминьдановцам и их западным покровителям. Она — член президиума Антиимпериалистической лиги. В деятельности этой организации участвовали выдающиеся деятели науки и культуры: Альберт Эйнштейн, Анри Барбюс, Джавахарлал Неру, Эптон Синклер, Максим Горький, Ромен Роллан и многие другие.

Никакая стройка в Нанкине не привлекала столько внимания и средств, как сооружение недалеко от нанкинских стен мавзолея Сунь Ятсена, куда должны были перенести останки покойного лидера революции, временно захороненные недалеко от Пекина. Когда строительство мавзолея завершилось, правительство направило приглашение Сун Цинлин на церемонию открытия усыпальницы. Вдова Сунь Ятсена находилась в это время в Германии и перед отъездом в Китай выступила с заявлением, разъясняющим причины своей поездки на родину.

Мое пребывание в Китае, указала Цинлин, не должно интерпретироваться как отказ от моей прежней позиции: не принимать участие в работе Гоминьдана, поскольку он противостоит политическим установкам Сунь Ятсена.

Младшего из семьи Сун — Цзэяна — командировали в Берлин за вдовой, а заодно, чтобы попросить несигибаемую родственницу не делать каких-либо публичных антиправительственных заявлений.

В мае 1929 г. Сун Цинлин прибыла в Китай. Вдова сразу же дала понять, что не позволит использовать свое имя, свою популярность ради подкрепления авторитета чанкайшистского правительства.

...Останки Сунь Ятсена нашли приют в мавзолее.

Сун Цинлин проследовала к мавзолею своего покойного супруга отдельно от своих родственников, тем самым бросив вызов Чан Кайши и его окружению, особенно если учесть строгие традиции китайского ритуала такого рода.

Родственники Сунь Ятсена весь день провели у гроба покойного лидера революции. На супруге Чан Кайши — изящное шелковое платье, вдова Сунь Ятсена одета в простое черное платье и простые черные чулки. Она отказалась остаться в Нанкине хотя бы на одну ночь после траурной церемонии.

Вдова хранила некоторое время молчание. Семья Чан Кайши пребывала в тревожном ожидании. Вскоре Сун Цинлин обрушилась на «реакционное Нанкинское

правительство». В телеграмме Антиимпериалистической лиге в Берлин она обвинила правительство Нанкина в жесточайших репрессиях против масс. «Никогда, — заявила Сун Цинлин, — предательский характер контрреволюционных гоминьдановских лидеров не проявлял себя так бесстыдно перед миром, как сегодня. Они, предав национальную революцию, неизбежно деградировали до положения орудия в руках империалистов и пытались спровоцировать войну с Россией»¹. Китайский народ, говорила со всей уверенностью вдова Сунь Ятсена, не сломят ни репрессии, ни лживая пропаганда.

Милитаристские клики разрывали многострадальную страну, в задавленных тисками помещичьего гнета крестьянских селениях свирепствовал голод. Но даже не обладающий политическим чутьем наблюдатель не мог не заметить, как в Китае накапливался тот горячий материал, который должен был в конце концов привести к революционному взрыву. Социальная напряженность способствовала созданию благоприятной обстановки для возникновения центров повстанческой борьбы крестьян, партизанских баз.

Бывший советник Сунь Ятсена М. Бородин по возвращении в Москву сделал доклад, в котором делился мыслями о неизбежности столкновения между США и Японией, что соответствовало в целом и предвидению В. И. Ленина. Политика Японии, говорил он, будет направлена против проникновения американского капитала через посредничество национальной буржуазии. США должны решиться, приходил к выводу М. Бородин, на гигантский конфликт с Японией и Англией на Тихом океане.

А пока Япония усиливала давление на Нанкинское правительство.

Что должно было случиться — случилось

Военным советником при Чан Кайши в Нанкине состоял майор японской разведки Еремита Судзуки, входивший в «исследовательскую группу по Китаю». Находясь в Токио осенью 1927 г., Чан Кайши установил с его помощью тесные связи с начальником японской военной разведки генералом Иванэ Мацуи.

В состоявшихся беседах с Чан Кайши Е. Судзуки и И. Мацуи предлагали гостю содействие в противоборстве

¹ Eunsou R. The Soong Sisters. N.Y., 1975. P. 85—86.

с КПК. Взамен они хотели заручиться его одобрением идеи японской аннексии Маньчжурии и Монголии.

Чан Кайши, отвечая Судзуки, поддержал, по существу, японскую позицию. «Да, действительно,— говорил он,— в правительстве и руководстве Гоминьдана имеются противники политики Японии в Маньчжурии и Северном Китае. Недовольны действиями Японии и другие страны, заинтересованные в сотрудничестве с Китаем. Антияпонские настроения в народе также растут. В этих условиях Япония должна действовать осмотрительно. Однако у китайского правительства, учитывая угрожающее положение, создавшееся в связи с активностью Коминтерна, коммунистов и их вооруженных банд, нет иного выбора, как расширить рамки сотрудничества с Японией»¹. Японские стратеги рассчитывали на содействие Чана в «мирной» колонизации северных районов Китая.

Члены «исследовательской группы по Китаю» имели тесные связи с премьер-министром Танака. Японские друзья устроили встречу Чан Кайши с Танака. В ходе беседы они прежде всего затронули тему китайско-японских отношений.

Чан Кайши. Процветание или бедствие для Восточной Азии будет в основном зависеть от будущих китайско-японских отношений. Согласно ли Ваше превосходительство со мной?

Танака. Я предпочитал бы познакомиться прежде всего со взглядами Вашего превосходительства.

Чан Кайши. Я хочу представить на Ваше рассмотрение, Ваше превосходительство, три проблемы, которые я считаю чрезвычайно важными. Во-первых, если Китай и Япония смогут сотрудничать друг с другом искренне и на основе действительного равноправия, тогда будет иметь место сосуществование и сопроцветание. Это будет зависеть от того, улучшит ли Япония свою политику в отношении Китая. Япония, вместо того чтобы иметь дело с коррумпированными милитаристами, должна обратить свое внимание на Гоминьдан, который старается создать свободный и независимый Китай. Иными словами, Япония должна прекратить осуществление политики порабощения китайского народа, а вместо этого должна стремиться выявлять по-настоящему патриотически

¹ Цит. по: Сапожников Б. Г. Китай в огне войны. 1931—1950. М., 1977. С. 14.

настроенных китайцев и налаживать с ними дружественные отношения. Таков единственный путь, который приведет к истинному сотрудничеству между двумя странами. Во-вторых, китайская Национально-революционная армия полна решимости развивать и дальше свою кампанию против северных милитаристов и завершить выполнение задачи национального объединения. Японское правительство, я надеюсь, вместо того чтобы вмешиваться в наши дела, поможет нам. В-третьих, японское правительство должно отказаться от применения силы в своих отношениях с Китаем. Я думаю, что мы сможем сотрудничать в сфере экономики, и горю желанием обменяться мнениями, Ваше превосходительство, пока нахожусь здесь, по вопросам китайско-японского сотрудничества. Я надеюсь, что за нашей беседой последуют конкретные дела.

Танака. Ваше превосходительство должно прежде всего консолидировать Вашу базу в Нанкине и объединить районы южнее Янцзы. Почему, Ваше превосходительство, Вы показали бессилие в отношении завершения Северного похода?

Чан Кайши. Цель китайской революции — добиться объединения всей страны. Мы не можем позволить повторить ошибки тайпинов в XIX в. Завершение Северного похода чрезвычайно важно для нас. Без единого Китая не может быть мира в Азии. Для Китая подобная ситуация весьма опасна, не может она быть выгодной и для Японии...¹

Чан Кайши остался недоволен встречей с Танака. Его вряд ли могло удовлетворить отношение к нему японского премьера, который не скрывал сомнений относительно возможности Чана объединить Китай, да и просто утвердить прочную власть даже на юге страны.

В глазах Танака Чан Кайши был один из многих. Кто только не претендовал на власть в центральном правительстве! Группировки Гуанси и Гуандуна — на Юге, Фэн Юйсян и Янь Сишань — в Северо-Западном Китае. Премьеру было хорошо известно, что группировка Ван Цзинвэя — Тан Шэнчжи вкуче с гуандунцами стремились найти опору так же, как Чан, в Японии.

Японцы рассматривали основные районы Северо-Востока (Маньчжурию) как свои сферы влияния. И неспособность Чжан Цзолиня осуществлять угодную для Япо-

¹ *Furuya K. Op. cit. P. 225.*

нии политику, попытки последнего заигрывать с США привели японских милитаристов к решению устранить маньчжурского диктатора. Чан Кайши выступал в глазах японцев пока еще как фигура резервная, которая может быть использована в будущих маневрах. Гость не сумел, согласно его же воспоминаниям, изменить японскую политику агрессии по отношению к Китаю.

Возвратившись на пост главнокомандующего, Чан Кайши заявляет о решимости закончить Северный поход. С Фэн Юйсяном он обсуждает планы этого похода. Сошлись на том, что Чан поведет 1-ю группу армии численностью 100 тыс. человек, 2-ю — Фэн, а 3-ю — Янь Сишань, губернатор Шаньси.

7 апреля 1-я группа двинулась к главному городу провинции Шаньдун — Цзинань. Но как поведут себя японцы? В Шаньдуне чувствовалось заметное влияние Японии. В Цзинани проживало более 2200 японцев.

В реверансах в сторону Токио не было недостатка: Япония-де лучше, нежели иные государства, понимает характер китайской революции, и китайцы ожидают от этой страны содействия в успешном ее завершении. Цели нового Северного похода связывались с «благополучием Азии».

Призывы Чан Кайши не могли ослабить аппетит японских милитаристов. В ночь на 2 апреля первый контингент японских войск (около 460 человек) прибыл в Цзинань из Тяньцзиня. Офицеры получили приказ гарантировать «безопасность» японским интересам в Шаньдуне. Министерство иностранных дел Нанкинского правительства заявило протест в связи с нарушением суверенитета Китайской республики. В заявлении содержались и ссылки на международное право, ответственность за последствия агрессии возлагалась на японское правительство.

Утром 1 мая первые отряды армии Чан Кайши вступили в Цзинань. Прибывший туда Чан встретил успех с двойственным чувством. Радовали глаз появившиеся повсюду гомиьндановские флаги, символизировавшие торжество политики объединения страны. Но вести о вступлении в Цзинань 6-й японской дивизии настораживали. Вооруженные до зубов японские солдаты появились во всех районах города, хотя дивизия во главе с генералом Фукуда и была расквартирована в торговом центре, где пребывали японские резиденты. Цзинань стал одним из первых китайских городов, познавших трагедию японской оккупации. Чан Кайши обратился к генералу

Нисита Китчи с просьбой о посредничестве, имея в виду вывод японских войск и открытие торгового района. Ответ исключал какие-либо возражения: «Мы здесь по приказу правительства».

Утром 3 мая японские представители появились во временном штабе Чан Кайши. Успокаивающие заверения, милые улыбки незваных пришельцев сопровождались пулеметной стрельбой. Узнав о начавшихся стычках между китайскими и японскими частями, Чан Кайши приказал китайским отрядам немедленно возвратиться в казармы. За просьбой прислать японских представителей для решения проблемы мирным путем последовал ответ: китайский представитель должен явиться в штаб генерала Фукуда. Деликатная миссия была возложена на генерала Сянь Шиюя, в свое время закончившего академию в Японии и знающего японский язык. Однако расчеты Чан Кайши не оправдались: японцы выдвинули униительные требования:

— ни один китаец не должен появляться на улицах нового торгового района;

— никаким китайским войскам не разрешается пользоваться железными дорогами Циндао — Цзинань, Тяньцзинь — Пукоу;

— все китайские войска должны быть отведены на 20 ли от Цзинаня.

В Цзинань выехал министр иностранных дел Хуан Фу. Прибыв на место, он обнаружил, что окружен плотным кольцом японских солдат. Хуан, полагавшийся на свой японский язык, решил, что сумеет все же договориться с Фукуда. В ответ на вежливую просьбу о встрече с ним Хуан получил документ. Из него явствовало: основная причина конфликта в Цзинани — нападение китайцев на японских резидентов. Министр отказался поставить свою подпись, как он считал, под фальшивкой. Раздался грубый окрик: «Мы прикончим тебя!» Восемнадцать часов его продержали в японском штабе и только после того, как он написал на документе «читал», отпустили.

Двадцать японских солдат появились в департаменте специального уполномоченного по иностранным делам провинции Шаньдун. Они предъявили тяжкое обвинение: два солдата японской армии были якобы убиты из окна этого здания. Начался настоящий погром. Шестнадцать чиновников оказались пленниками распоясавшейся солдатни. Японский офицер приказал уполномоченному по иностранным делам Цай Гунши стать на колени и рас-

сказать, кто все же стрелял. Чиновник отказался подчиниться грубому насилию. Офицер на его глазах застрелил одного из чиновников. Затем оккупанты начали глумиться над несчастными жертвами: отрезали им носы, уши. Вскоре все служащие пали под пулями убийц. Цай робко попытался протестовать, но удар приклада свалил его, а пуля в голову завершила трагедию.

Японцы явно провоцировали столкновение. Окружавшие Чан Кайши политики требовали принятия решительных мер против агрессора, но он упорствовал. В ночь на 4 мая Чан Кайши отдает приказ основным частям отойти на северный берег Янцзы. Войска потянулись на юг, а им вдогонку устремились японские самолеты, на отступавших в панике солдат обрушились бомбовые удары с воздуха. Чан основал свою резиденцию в 17 км от Цзинани. В городе еще оставались части во главе с полковником Ли. Вскоре Фукуда проинформировал Ли — оставшиеся здесь китайские подразделения могут беспрепятственно покинуть город через восточные ворота, у которых нет охраны. Полковник Ли, доверившись японскому командованию, повел свои части в 9 часов вечера к восточным воротам. У выхода из города его части встретил шквал огня атакующих японских подразделений. Во время инцидента погибло 3254 китайца, 1450 получили тяжелые ранения. Японские потери составили 15 убитых и 15 раненых.

Токио направило в Цзинань генерал-лейтенанта Мацуи Иванэ из разведки генштаба. Соглашение, подписанное между китайскими и японскими представителями, предусматривало полный вывод японских войск из провинции Шаньдун. Специальной комиссии поручалось определить ущерб, нанесенный местному населению. Но в документе даже не упоминалось об ответственности за конфликт, за убийство китайских чиновников. Одна из главных забот Чан Кайши заключалась в том, чтобы китайцы поверили: единственно разумное решение в этих условиях — только курс на компромисс, но никак не борьба.

По мере приближения войск Нанкинского правительства к Пекину правительство Танака все больше опасалось за интересы Японии в Маньчжурии. Японская сторона склоняла маньчжурского милитариста Чжан Цзолиня к поиску, конечно на приемлемой для Японии основе, общего языка с Гоминьданом.

Япония была практически готова к прямому вмешательству в гражданскую войну. «Война в настоящее вре-

мя распространилась на районы Пекин — Тяньцзинь, — сообщил Чан Кайши японский представитель в Пекине. — Если она распространится и на Маньчжурию, императорское правительство Японии вынуждено будет ради обеспечения мира и безопасности Маньчжурии предпринять соответствующие и эффективные меры». 18 мая командующий Квантунской армией отдал приказ разоружать любые китайские части, вступившие на территорию Маньчжурии.

В июне 1928 года войска Янь Сишаня овладели Пекином, что способствовало упрочению позиций Чан Кайши в политической жизни страны. Попытки маньчжурского милитариста Чжан Цзолиня проявить самостоятельность в отношениях с Японией обошлись ему слишком дорого. Диверсионная группа японской разведки взорвала вагон, в котором ехал Чжан Цзолинь. Когда войска Чан Кайши совершали триумфальный марш по улицам Пекина, сын погибшего Чжан Цзолиня Чжан Сюэлян направил своих эмиссаров в ставку Чан Кайши. Молодой маршал — а Чжан Сюэлян унаследовал это звание, — памятуя о виновниках смерти своего отца, стал искать поддержки у Чан Кайши.

20 июня лидеры Гоминьдана изменили название Пекина (Северная столица) на Бэйпин (Северный мир). Это было отнюдь не новое название: до XIV в. Пекин был известен как Бэйпин. Решение должно было символизировать успех в борьбе за спокойствие в «Поднебесной».

Чан Кайши получает пост председателя Государственного совета в Нанкинском правительстве. Это почетно. Но реальная власть у него, как у главнокомандующего вооруженными силами. В прессе Чана величают не иначе как президент Китайской республики.

Чан Кайши не мог не понимать, что любые его шаги, направленные на объединение страны, будут с подозрительностью восприняты правящими кругами Японии, даже декларируемое в Нанкине намерение добиться единства нации в Токио встретят с нескрываемым раздражением. Вскоре после того как гоминьдановские войска вошли в Пекин, Чан Кайши обратился к соратникам по партии: «Будет ли закончена наша революция или нет, зависит полностью от дипломатической активности, от того, будут ли отменены неравноправные договоры». В этом направлении и последовала дипломатическая активность. Все представители иностранных государств узнали из специального заявления китайского правительства

(7 июля 1928 г.), что для Китая нет более важной задачи, чем разрушение системы неравноправных договоров.

Чан, требовавший ликвидации системы неравноправных договоров, учитывал подъем антиимпериалистического движения в стране. В то же время эти шаги вписывались и в усилия по втягиванию в конфликт с Японией других капиталистических держав. Сможет ли Нанкинское правительство противостоять революционным силам в Китае? Сумеет ли оно устоять перед усилившимся давлением Японии? Положительный ответ на эти вопросы связывался в политических кругах США и других государствах Запада с поддержкой этого правительства. Чан Кайши вскоре ощутил последствия своей женитьбы как акции, укрепившей его внешнеполитические позиции. США, а вслед за ними и другие государства пошли на ряд уступок Нанкинскому правительству, что должно было способствовать росту авторитета Гоминьдана и самого Чана. За Китаем было признано право на «таможенную автономию». Был заключен договор с США о новых таможенных тарифах (25 июля 1928 г.).

Призывы же Чан Кайши к отказу от неравноправных договоров, прежде всего от права экстерриториальности, не встретили понимания среди ведущих государств капиталистического мира.

Чан пытался создать впечатление, будто он глубоко предан заветам Сунь Ятсена. ЦИК одобрил его предложения об учреждении законодательного, исполнительного и контрольного органов власти. Он демонстрировал желание к сотрудничеству и с левыми и с правыми силами, от него шли телеграммы к Ван Цзинвэю, Сун Цинлин, хотя Чан, видимо, знал, что на эти послания в то время ответа не будет.

Из 18 членов Госсовета, возглавляемого Чан Кайши, семь были милитаристами, в их числе Фэн Юйсян, Янь Сишань, Чжан Сюэлян.

Для Чан Кайши оказалось не таким уж легким делом установить взаимопонимание с Чжан Сюэляном: ведь любые действия в этом направлении могли встретить и встречали недовольство в Японии. В то время как эмиссары молодого маршала сидели за столом переговоров в Пекине, Танака дал указание своему генеральному консулу в Мукдене Кидзиро Хаяси пригрозить Чжан Сюэляну, что «нет никакой необходимости стремиться ответить на пожелания южан». Хаяси, понимая уязвимость с международно-политической точки зрения подоб-

ного подхода, советовал Танака занять более гибкую позицию: «Если мы будем продолжать придерживать Чжана от достижения соглашения с Нанкином, мы можем навлечь на себя критику со стороны других держав». Военные, однако, в отличие от дипломатов, предпочитали в оценках ситуации в Китае основываться на привычных для себя категориях силы. Настало наконец время, полагали они, оторвать Маньчжурию от Китая.

Чжан Сюэлян был приглашен для участия в высших органах гоминьдановского правительства. Чан Кайши просил его поднять 10 октября 1928 г. над своей резиденцией гоминьдановский флаг. Чжан принял предложение о своем участии в Госсовете, но поначалу медлил с ответом по поводу подъема флага. 29 декабря маршал объявил о своей приверженности трем принципам Сунь Ятсена и признал власть гоминьдановского правительства. В трех провинциях, находящихся под его контролем, взвился гоминьдановский флаг.

Чан Кайши ощущал себя героем, вознесшим нацию на гребень славы. Распространялись слухи о силе его армии. Подтверждалась давно известная в военных кругах страны истина: «Винтовка рождает власть». Численность армии к концу 1928 г. выросла до 2 млн. Это была самая большая по численности армия в мире, и командовал ею Чан Кайши. Милитаристы, ранее не скрывавшие свою ненависть к Гоминьдану, теперь считали для себя честью вступить в эту партию. Главнокомандующему, теперь его именовали генералиссимусом, шел 41-й год.

В середине января 1929 г. Чан Кайши собирает своих генералов на конференцию в Нанкине. На повестке дня вопрос о сокращении личного состава армии. Чан Кайши намеревался ослабить бремя содержания армии, естественно без ущерба своим собственным интересам. Первостепенное значение приобрел вопрос о демобилизации в армиях милитаристов. Покинувших военную службу предполагалось использовать на строительстве дорог, в шахтах, на других общественных работах, ведь генералы командовали довольно значительными подразделениями: Фэн Юйсян, например, имел в своем распоряжении 220 тыс., Янь Сишань — 200 тыс. штыков. Под командованием Чан Кайши находилось 420 тыс. В основу своего плана Чан положил обычный расчет на ослабление других.

Амбициозным планам Чан Кайши, стремившегося упрочить свои позиции за счет ослабления соперников, не суждено было осуществиться. Не помог в этом и дух с горы

Чжуншань. Генералы Фэн Юйсян и Янь Сишань не хотели уступать Чан Кайши. Конференция была прервана.

Генерал Янь Сишань, как и Фэн Юйсян, к этому времени имел довольно яркую биографию. Родился он в семье разорившегося менялы и торговца в провинции Шаньси и, как многие его сверстники, оказался в армии. Учился в Японии, где в 1909 г. закончил военное учебное заведение. Как и Чан Кайши, он сошелся с представителями суньятсеновской организации «Тунмэнхуэй». Военный диплом, полученный в Японии, обеспечил для него место начальника военной школы, а связи с «Тунмэнхуэй» помогли сделать дальнейшую карьеру: после Синьхайской революции Янь Сишань стал губернатором родной провинции.

Чан Кайши, понимая, что Фэн попытается укрепить свои форпосты в провинции Шандунь, откуда должны были быть выведены в результате длительных переговоров японские войска, решил прежде всего договориться с японцами — вместо их войск предполагалось разместить подразделения не Фэна, а Чан Кайши. Фэн стал концентрировать свои силы в Хэнани. Чан Кайши с тревогой наблюдал за действиями своего «единоверца». Среди ближайших соратников Фэна неограниченным, казалось, доверием пользовался Хан Фучжу. Солидная взятка сделала свое дело. Хан вместе с тремя командирами дивизий, с лучшими частями из армии Фэна (100 тыс. человек) перешел на сторону Чан Кайши.

Позиции соперника значительно ослабли. Последовала и новая победа. Генералы гуандун-гуансийской группировки в результате войны (апрель—июнь 1928 г.) вынуждены были признать нанкинский режим.

Сначала —

умиротворение внутренних врагов

Шанхайский переворот обозначил важную веху в борьбе Чан Кайши с КПК. Уже в 1927 г. стало ясно: схватка приобрела характер открытых вооруженных столкновений, когда физическое уничтожение коммунистов провозглашалось чуть ли не одной из наиболее важных и благородных задач гоминьдановского движения. Чан Кайши при осуществлении жесточайших акций против КПК опирался на силы как милитаристов, так и западных держав. События декабря 1927 г. в Гуанчжоу показали решимость правых гоминьдановцев утопить в крови оппозицию, возглавляемую КПК.

После поражения Наньчанского восстания несколько сот солдат из подразделений Е Тина и Хэ Луна пробились в Гуандун. Гуандунский провинциальный комитет КПК принял решение поднять восстание в Гуанчжоу¹. 10 декабря 1927 г. части Красной армии получили приказ начать выступление по сигналу фабричного гудка. Ранним утром 11 декабря в расположении учебно-инструкторского полка, которым командовал Е Цзяньин, прогремели выстрелы, офицеры-коммунисты возглавили восстание, гоминьдановская агентура была изолирована. 15 старших офицеров, оказавших сопротивление, поплатились жизнью. Не прошло и двух часов, как штаб восстания взял под свой контроль основные объекты города. До наступления рассвета оставалось еще немало времени, и на центральных улицах Гуанчжоу в свете прожекторов вспыхивала сталь длинных ножей, остроконечных пик. Огромная толпа двигалась к управлению общественной безопасности, где находился оплот сопротивления восставшим. Схватка отличалась особой жестокостью. 12 декабря гоминьдановцам удалось застрелить одного из видных деятелей КПК, организатора и вдохновителя Кантонского восстания Чжан Тайлэя. Это было тяжелым ударом для восставших, ослабла координация отдельных его звеньев, подорвана вера в успех. А тем временем войска милитаристов окружили город, их действия прикрывались огнем с американских, английских, японских кораблей, стоявших на реке Чжуцзян.

Чан Кайши и во время кантонских событий не обманул надежд своих союзников на Западе. Для выполнения чудовищных замыслов были подобраны проверенные люди. Среди них — один из верных пособников гоминьдановцев полковник Чжоу Дун. Под предводительством Чжоу Дуна вооруженный отряд и агенты службы безопасности нагрянули на улицу Байцзы, где находилось советское консульство. Началась расправа над советскими представителями в Южном Китае. Тяжкие муки довелось испытать советским людям в гоминьдановских застенках. Во время следствия, которое вели органы общественной безопасности КНР по делу палачей Кантонской коммуны, фигурировали снимки, где запечатлена трагедия. Под одной из фотографий подпись: «Русских коммуни-

¹ Поскольку Гуанчжоу в соответствии с местным диалектом именовался нередко Кантоном, то восстание вошло в историю как Кантонское.

стов водят по улице под конвоем и показывают публике», под другой — «Красные русские, казненные в управлении общественной безопасности»¹.

Коммуна просуществовала три дня, но подвиг коммунаров не забыт, как не забыта и мученическая смерть советских представителей в Южном Китае. Ежегодно 11 декабря в КНР отдают дань памяти беспримерной стойкости и мужеству участников кантонских событий.

Но обескровленные после переворота 1927 г. воинские подразделения, возглавляемые коммунистами, вновь заявили о себе как о вполне реальной силе, с которой нельзя не считаться. Более того, коммунисты, овладевшие командными постами в ряде милитаристских армий, сумели повести за собой некоторые части, объединить их с остатками соединений КПК, сохранившихся после первых военных поражений, и создать таким образом ядро вооруженных сил КПК.

Гоминьдановский лидер рассуждал о единых действиях против внутренних и внешних врагов. Но единство, если оно и достигалось, носило в большей мере символический характер, нежели отражало реальные внутривнутриполитические тенденции того времени. За плечами Чан Кайши уже был богатый опыт сражений с милитаристскими кликами, но победы в них обеспечивались отнюдь не единичными действиями, а скорее изощренными спекуляциями на противоречиях в стане противостоящих сил. Рост вооруженных сил КПК вызывал особое раздражение Чан Кайши, но, когда подразделения Красной армии наносили урон его временным союзникам, он захватывал территории последних и разоружал войска. Таким путем удалось ему, по существу, расправиться с Лю Вэньхоем, Тянь Суньяо и другими.

Чан Кайши, отдавая приоритет борьбе с КПК, учился в этом отношении у Ван Цзинвэя. «Подавление коммунизма,— писал некогда прославившийся своей «левизной» Ван Цзинвэй,— есть, в сущности, оборонительная мера против иностранной интервенции, поскольку если в период военных действий обдумывается наступление на фронте, то здесь прежде всего должна быть обеспечена безопасность тыловых позиций». Чан Кайши, как и Ван Цзинвэй, взял на свое вооружение тезис: «Сначала — умиротворение внутренних врагов, а затем сопро-

¹ Подробнее см.: Проблемы Дальнего Востока, 1988, № 1. С. 120—128.

тивление внешним». И того и другого волновал рост влияния КПК. Когда же дело доходило до использования военной силы против вооруженных формирований КПК, гоминьдановцы нередко терпели поражение. Несколько походов против находившихся под контролем КПК районов и Красной армии закончились безрезультатно¹.

Ван Цзинвэй, хотя и разделял позицию Чан Кайши о приоритетности линии на умиротворение внутренних врагов, не мог мириться с упрочением диктатуры своего соперника. Он, чувствуя рост недовольства политикой Гоминьдана в различных слоях общества, решительно осудил деятельность Чан Кайши. Аргументов для критики было предостаточно: родственники и личные друзья — на ведущих правительственных постах, замашки диктатора, действующего так, словно государство его собственное владение, и т. п.

21 октября 1929 г. Ван Цзинвэй публично обвинил Нанкинское правительство в разложении. В выступлении Вана немало было призывов к «реорганизации» Гоминьдана. Поэтому самого Вана и его соратников в противоборстве с Чан Кайши называли «реорганизационистами». Рассуждения «реорганизационистов» в значительной степени были сдобрены демагогией. Они порой увлеченно говорили в «защиту» национальной политики, а в действительности пользовались поддержкой Японии в борьбе с Нанкинским правительством, опиравшимся на США и Англию. «Реорганизационисты», обвиняя нанкинскую бюрократию в коррупции, взяточничестве, приверженности диктатуре, благословляли в то же время расправы над красными профсоюзами, организациями КПК.

Чан Кайши подстегнул своих «теоретиков» на противоборство с Ван Цзинвэем. Слишком опасными с точки зрения интересов диктатора оказались рассуждения «левых» об угрозе перерождения партии, о ее загнивании как результате деятельности бюрократов и милитаристов. «Левые» совсем распоясались: требовали подчинить военную власть партийной, провести принцип демократического централизма. Группировка Чан Кайши, признавая тенденцию к загниванию в партии, свалила вину за деградацию в Гоминьдане на... коммунистов, призвала усилить роль военных в партии, обуздать «прокоммунистические элементы».

¹ См.: Овчинников Ю. М. Становление и развитие единого национального фронта сопротивления Японии в Китае. М., 1985. С. 24.

Чан Кайши использовал в борьбе с партийными соперниками и иные методы. Его группировка возобладала в столкновениях по поводу созыва III съезда партии. ЦИК Гоминьдана, находившийся под контролем чанкайшистов, отобрал и назначил до 79% всех делегатов. Съезд, состоявшийся 18 марта 1929 г., прославил личный вклад Чан Кайши в строительство партии, а сторонники Ван Цзинвэя были изгнаны из центральных органов и организаций Гоминьдана. Армия и полиция, разыскивая непокорных, громила провинциальные и городские комитеты Гоминьдана. В конце 1929 г. Чан Кайши отдает приказ об аресте Ван Цзинвэя.

Ван Цзинвэй рассчитывал с помощью Фэн Юйсяна и Янь Сишаня изолировать Чан Кайши, в лучшем случае — избавиться от него. К началу апреля 1930 г. Янь Сишань возглавил античанкайшистские войска, его заместителем стал Фэн. Шесть месяцев длилась кровавая бойня. 150 тыс. убитых и раненых — такова цена, которую заплатила коалиция Яня — Фэна в борьбе с Чан Кайши. Янь Сишань бежал в Маньчжурию. Правительство в Нанкине потеряло 30 тыс. убитыми и 60 тыс. ранеными. Своей следующей победой над политическими противниками Чан был во многом обязан Чжан Сюэляну.

18 сентября 1930 г. Чжан Сюэлян объявил о поддержке Чан Кайши. Его силы быстро овладели Пекином. Лидерство Чжана на Севере вряд ли мог кто-либо оспаривать. Он распространил свое влияние на провинцию Хэбэй. Вскоре Чан Кайши назначил молодого маршала заместителем главнокомандующего вооруженных сил Китая, а затем и членом Политического совета ЦИК Гоминьдана.

10 октября Чан Кайши объявляет о первоочередных задачах Гоминьдана — подавление коммунизма, бандитизма, восстановление финансов, организация неподкупной и эффективной администрации, экономическое развитие, обеспечение автономии для районов. Он пытается лишить своих противников основных аргументов и бросает в лицо соратникам по партии обвинения в коррупции, злоупотреблении привилегиями, в нарушении законов. Бранное выступление Чана по этому поводу на очередном заседании ЦИК в середине ноября оказалось, по существу, бурей в стакане воды — фамилии главных нарушителей закона не были названы.

Но вот борец за нравственную чистоту членов Гоминьдана встречает приехавшего в Китай посланца Второго Интернационала Эмиля Вандервельде. В тот самый

момент, согласно воспоминанию самого Вандервельде, когда он садился в машину, принесли дары: массу коробок с чаем, шелком, дорогими материалами, фруктами, веера, расписанные по золотому фону. Их преподнес мэр города Ханчжоу. Губернатор Чэн лично вручил гостю свой подарок: кули, сгибавшиеся под тяжестью груза, принесли огромный ящик с надписью на французском языке: «Правительство провинции Чжэцзян Эмилю Вандервельде». Трудно было отличить взятку от подарка. Но гость не остался равнодушным. Яркими красками он нарисовал читателям встречавшие его политические фигуры. И среди них самого Чан Кайши. «Высокий, тонкий, удивительно молодой, очень простой в своем мундире цвета хаки, без погон. Чан Кайши,— восхищался гость,— чужды всякая театральность и поза. В нем нет ничего жестокого, и он не позирует для галерки...»¹

Диктатура нуждалась в конституционном оформлении. 5 мая 1931 г. в Наньянском университете собралось Национальное собрание. Все 447 делегатов были членами Гоминьдана, Чан Кайши говорит о верности программе Сунь Ятсена, по его предложению 12 мая принимается временная конституция.

Оппозиция проявляет себя на различных уровнях и в различных формах. Ху Ханьминь, хотя и был многим обязан Чан Кайши, попытался указать на необходимость повышения роли партии, а не личности. Чан просто посадил его под домашний арест. Сложнее было побороть противников в Гуанчжоу. Гуандунский генерал Чэнь Чжитан вместе с гуансийскими генералами создает «национальное правительство» во главе с Ван Цзинвэем в Гуанчжоу. В это правительство вошли такие известные деятели, как Сунь Фо и Евгений Чэн. 31 июля 1931 г. три человека стреляли в автомобиль Чан Кайши. Схваченные террористы заявили: они посланы правительством в Гуанчжоу.

Чан Кайши ощущал нарастающие удары различных сторон: оппозиции внутри Гоминьдана, КПК, Японии. Главная угроза, по его мнению, исходила, как и прежде, от КПК. Чан Кайши предпринял ряд карательных операций против района Цзянси, где был учрежден руководимый КПК центр советского движения (то есть где высшими органами власти были советы). Стотысячная армия, состоящая из отрядов местных милитаристов, дви-

¹ Проблемы Китая. 1931, № 8—9. С. 18—19.

нулась на 40 тыс. бойцов, оборонявших советскую провинцию Цзянси, где с ноября 1930 по январь 1931 г. разворачивались кровопролитные сражения. Командующие корпусами Красной армии Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Хуан Гунлюэ, проявляя умелую тактику, сумели отбросить полки карателей. В начале 1931 г. Чан Кайши заявил о своем решении разгромить возглавляемые коммунистами войска. Вторая карательная экспедиция (с середины марта до конца апреля 1931 г.), в которой приняла участие половина (до 200 тыс.) войск Чан Кайши, также окончилась безрезультатно. Наконец в июне Чан сам возглавил третью карательную экспедицию с участием примерно 300 тыс. войск, 100—120 самолетов, 150—200 орудий. Но и эта экспедиция закончилась крахом.

Главком, подавленный неудачей карательных походов против КПК, не замечал или не хотел замечать военных приготовлений японцев, отмахивался от внешней угрозы. Он взывал к необходимости «привести в порядок дом», консолидировать силы в опорных районах Гоминьдана, усилить вооруженные формирования. «Только после искоренения красных бандитов в Цзянси,— говорил он,— я смогу быть готовым пойти на жертвы, которые, возможно, будут необходимы в отношениях с японцами на Северо-Востоке».

В Японии к этому времени заканчивались приготовления к вторжению в ослабленную междуособными распрями страну. Начиналась новая глава трагической и славной истории борьбы китайского народа с японскими захватчиками. Предлогом (скорее, сигналом) для начала агрессии должна была стать тщательно разработанная японской разведкой провокация. Группа японских диверсантов заложила в один из железнодорожных вагонов взрывчатку. Взрыв произошел во время движения состава по Южно-Маньчжурской железной дороге. Японское командование возложило всю ответственность за взрыв на «китайских бандитов», заявило о намерении императорской армии принять меры для безопасности своих граждан.

В 8.20 утра 19 сентября 1931 г. две роты японских солдат появились на полотне железной дороги в районе Шэньяна (Мукдена). Китайские полицейские открыли огонь, но были тут же смяты наступающими. Японская батарея тяжелых орудий открыла сокрушительный огонь по казармам полиции, по аэродрому. До 10 тыс. китайских солдат и полицейских не выдержали огневого натиска

японской артиллерии и рассеялись. Понадобилось всего лишь 500 японских солдат, чтобы овладеть казармами. Такова была первая проба сил.

Активный участник разработки Маньчжурской операции Сэйсиро Итагаки позвонил со станции Мукден в Порт-Артур и доложил командующему Квантунской армией генерал-лейтенанту Сигэру Хондзё об успехе. В ответ он услышал: «Да, наступление — лучший вид обороны, что должно было случиться, то и случилось».

Еще 11 сентября Чан Кайши уговаривал Чжан Сюэляна предпринять все, что в его силах, с целью предотвратить столкновение с японцами. Чжан Сюэляну не так легко это было сделать. Японские войска маршируют по улицам Шэньяна, Аньдуна и других городов Северо-Восточного Китая. Жители этих мест — бойцы и офицеры армии, находящейся под командованием Чжан Сюэляна, — с тревогой ждут вестей с родины. Чжан Сюэлян, избегая боя, отходит на Юг. Рабочие и кули мукденского арсенала объявляют всеобщую забастовку протеста против японской оккупации, мужественно вступают в уличные схватки с японскими солдатами и полицией. В то же время по поручению Нанкинского правительства в Женеве китайский представитель официально поставил перед генеральным секретарем Лиги Наций вопрос о противозаконных действиях Японии. Китайская сторона безуспешно взывает к Лиге Наций, умоляя незамедлительно принять необходимые меры и предотвратить дальнейшее развитие событий, подрывающих мир. В планы правящих кругов Англии, Франции, США не входили какие-либо ответные действия. Многие на Западе ожидали, что японская агрессия будет в конце концов направлена на Север, против Советского Союза, и стремились содействовать такому повороту событий.

21 сентября 1931 г. Чан Кайши собирает совет политических и военных лидеров. На встрече он выражает сомнение в возможности Китая вступить в войну с таким сильным противником, как Япония. Казалось, что реальная угроза со стороны Японии заставит соперников внутри Гоминьдана протянуть друг другу руки. Начинаются переговоры между Нанкином и Гуанчжоу о прекращении войны. Новый состав руководящих органов, избранный на IV съезде Гоминьдана (12—22 ноября 1931 г.), почти на равных объединил основные враждовавшие между собой группировки — нанкинскую и гуандун-гуансийскую. Но чаша весов в их борьбе качалась то в одну, то в

другую сторону. За Чан Кайши было преимущество: он контролировал армию.

Чан Кайши, несмотря на оптимистические оценки обстановки, не верил, что японцы выведут свои войска из Маньчжурии. «Я знаю японцев. Я знаю японскую философию,— утверждал он,— они скорее позволят уничтожить Токио и Японский архипелаг, нежели уйдут из Маньчжурии»¹. В его дневнике 22 сентября 1931 г. содержится следующая запись: «С началом японской агрессии в Китае началась вторая мировая война».

...10 января 1932 г. полковник японской разведки Итагаки направляет в Шанхай своему шефу телеграмму. В ней, в частности, говорилось о целесообразности отвлечения внимания великих держав от Маньчжурии. Глава японской разведки в Шанхае майор Танака был вызван в Мукден, где и состоялась его встреча с полковником Итагаки. Полковник заявил: Квантунская армия намеревается в недалеком будущем оккупировать Харбин, учредить новое маньчжурско-монгольское государство во главе с последним представителем маньчжурской династии Пу И. Такое развитие событий будет идти, полагал полковник, вразрез с настроениями в Лиге Наций. Танака получил конкретное задание: спровоцировать инцидент в Шанхае, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от событий в Маньчжурии. Итагаки передал в руки Танака 20 тыс. долларов. В Шанхае майор мог получить дополнительно 100 тыс. долларов от японских текстильных промышленников.

18 января 1932 г. группа буддийских монахов — три ученика секты из пагоды Мёхо и два японских монаха из секты нитиран мирно шествовали по шанхайскому переулку Иншань, обращаясь к собратьям по религии звоном колокольчиков. Вдруг неизвестные лица напали на скромную процессию. Двое монахов тяжело ранены. Один сразу же скончался от побоев. На следующий день члены молодежной организации японского сэттльмента «Общество единой цели», вдохновляемые секретной агентурой, нападают на фабрику полотенец. Объект для нападения выбран отнюдь не случайно,— рабочие фабрики известны активным участием в движении против японской агрессии в Маньчжурии.

В Шанхае назревало кровопролитие. 23 января японские боевые корабли бросили якорь недалеко от города.

¹ *Fuguя К.* Op. cit. P. 343.

На стихийных митингах народ требовал от правительства защиты города от агрессии. Назначенный президентом Исполнительного юаня (парламентской палаты) член ЦИК Гоминьдана Сунь Фо вел переговоры с японцами. Сунь Фо с его прозападной ориентацией не подходил, однако, для этой роли и вынужден был уйти в отставку. Его место занял Ван Цзинвэй. Настало время продемонстрировать трогательное единство Чан Кайши с Ван Цзинвэем. Расчеты связывались скорее всего с тем, что прояпонская позиция Вана поможет ослабить силу японо-китайского столкновения.

В 23.00 26 января адмирал Сёдзава направил ультиматум шанхайским властям, требуя прекратить анти-японские выступления. Ответ на ультиматум был еще не получен, а хорошо обученная японская морская пехота уже направилась в рабочий район Шанхая Чапэй (Чжабэй), где проживала значительная часть японских граждан. Японские солдаты не ожидали какого-либо серьезного сопротивления, но их встретили пулеметные очереди. Из района Северного вокзала вели прицельный огонь солдаты 19-й армии. Адмирал Сёдзава отдал приказ бомбить жилые кварталы. Под обломками зданий гибли старики, женщины, дети. Пылал Чапэй. Возмущенные рабочие и студенты обрушили свой гнев на японских служащих и полицейских, произошли столкновения с французской и английской охраной сеттльментов, взявших под защиту японских резидентов. Весть о событиях в Шанхае разнеслась по стране.

Вторжение японцев в Маньчжурию всколыхнуло патриотические чувства китайцев независимо от их социальной принадлежности. 20 тыс. студентов из различных районов страны начали марш под антияпонскими лозунгами в Нанкин. Наиболее популярными призывами были следующие: «Порвать с Лигой Наций!», «Объявить войну с Японией!», «Объединить Нанкинское и Кантонское правительства!»

Чан Кайши стремился спустить на тормозах антияпонское движение. 5 декабря 1932 г. были запрещены студенческие демонстрации. Чан обратился к участникам движения протеста: «Все мы должны действовать в соответствии с нашими обязанностями и оставаться в рамках закона. Нет другого пути спасения нашей страны от агрессии».

Антияпонское движение развивалось помимо воли и желания гоминьдановских лидеров. Шанхайские собы-

тия января—февраля 1932 г. показали: солдаты, добровольцы вполне сознательно шли на смерть в схватках с превосходящими силами агрессора, не имея порой ни директив, ни даже одобрения правительства. Храбро сражались бойцы 19-й армии, хотя и имели приказ отходить. Чан Кайши был, по существу, сторонним наблюдателем.

Иностранные обозреватели сообщали: 19-я армия наиболее дисциплинированная и эффективная сила. После ее отхода с шанхайского фронта до 40 тыс. рабочих продолжали участвовать в забастовочном движении. Казалось, что интересы сопротивления иностранным захватчикам диктовали необходимость использования 19-й армии. Но 19-я не входила в число личных подразделений Чан Кайши, а представители командного состава не считались его людьми. Этого было достаточно для решения о роспуске армии. Командование армии отказалось подчиниться приказу и отвело свои части в прибрежные районы провинции Фуцзянь. Тогда Чан Кайши направил своего приближенного Чжэнь И на пост губернатора провинции Фуцзянь, снабдив его инструкцией разоружить и распустить 19-ю армию. Героическая армия оказалась в трудном положении: ее изолировали, лишили снабжения. Чан Кайши, предпочитая иметь дело с милитаристами, принимает решение о компромиссе с Янь Сишанем: возвращает ему его вотчину — провинцию Шаньси и даже предлагает ему пост председателя Комиссии по делам Монголии и Тибета при центральном правительстве.

Сила агрессора, поощряемая чанкайшистской политикой умиротворения, как и следовало ожидать, все же возобладала. Под жерлами пушек адмирала Сёдзава было подписано унижительное для китайской стороны перемирие. Соглашение вызвало новые протесты, возмущенные студенты напали на тех, кто его подписывал. Участники антияпонского движения все глубже начинают проникаться идеей мобилизации сил в рамках единого фронта.

Борьба в среде гоминьдановских лидеров лишь способствовала осуществлению японских планов овладения Маньчжурией. 1 марта 1932 г. мир узнал о провозглашении нового «государства» Маньчжоу-Го во главе с Пу И.

В марте 1932 г. в Лояне состоялся пленум ЦИК Гоминьдана. 18 марта Чан Кайши занял пост председателя Военного совета. Председатель, декларируя свою платформу, отмечает первостепенную опасность со стороны «внутренних врагов» — коммунистов («...внутренние бес-

порядки — наиболее благоприятные условия нападения агрессора»).

1931—1932 годы стали для простого народа, обездоленных крестьян особенно тяжелыми. После обильных дождей Янцзы вырвалась из берегов, огромная территория оказалась под водой. Улицы города Ханькоу превратились в русла рек. За два месяца утонуло до 2 млн человек. Целые деревни сносились потоками. И стоило отступить водяной стихии, как начинались голод, инфекционные заболевания.

Резкое падение цен на экспортные сельскохозяйственные товары еще больше усиливало эксплуатацию сельской бедноты. Крестьяне бросали насиженные места, уходили в города, пополняли ряды безработных и люмпенов.

5 апреля 1932 г. руководство советских районов объявляет войну Японии. Авторитет КПК рос по мере повышения ее роли в антияпонском движении, в осуществлении новой аграрной политики в сельских районах. Лидеры Гоминьдана пытаются противопоставить КПК не только кулак, но и различного рода подачки сельскому населению: претворяются в жизнь планы социального маневрирования в деревне. В гоминьдановских верхах для Чан Кайши готовятся новые предложения по «умиротворению» Красной армии и советских районов. Намечены и осуществляются меры по преобразованию деревни в провинции Цзянси, откуда были удалены вооруженные силы КПК. Одна из задач — обеспечить лояльность населения бывших советских районов по отношению к правительству Нанкина. Особые надежды возлагались на «Ассоциацию моральных усилий офицеров», созданную в 1927 г. и призванную определять поведение военной элиты. Полковник Хуан Чжэнлин, возглавлявший ассоциацию, в прошлом секретарь «Ассоциации молодых христиан», имел тесные связи с мадам Чан Кайши. Сун Мэйлин благословила полковника на привлечение представителей методистской церкви к воспитанию военных и сельской паствы.

Союз гоминьдановцев с шэньши, крупными землевладельцами, милитаристами ограничивал для Чан Кайши возможность использования крестьянства как опоры для осуществления своей политики. В этих условиях Чан Кайши не мог добиться желаемых успехов в сельских районах.

«Моральные усилия» офицеров из чанкайшистского окружения подкреплялись жесткими военными акциями.

18 июня 1932 г. в Гуйлине собралась конференция пяти провинций (Хэнань, Хубэй, Аньхой, Хунань, Цзянси). Обсуждался вопрос о «подавлении коммунистов». Там же было принято решение о четвертом походе. На этот раз Чан Кайши бросил в бой до 90 дивизий общей численностью 500 тыс. человек.

Чанкайшистам все же удалось овладеть частью территории некоторых советских районов в Центральном и Южном Китае, заставить отдельные соединения Красной армии передислоцироваться. Главного, однако, Чан не смог осуществить. Красная армия не была разгромлена, она не только сохранилась, но и укрепилась в численном и боевом отношении.

В конце июля—начале августа 1932 г. на Лушаньскую конференцию Гоминьдана собираются ведущие лидеры партии — Чан Кайши, Ван Цзинвэй, Сунь Фо, там присутствуют видные представители шэньши, тухао (ростовщики, землевладельцы, содержатели притонов, связанные с уголовным миром). Конференция принимает новый план: «Три десятых места — военным и семь десятых — политическим мероприятиям». Чан Кайши, оценивая новую тактику, учитывал прежде всего причины превосходства КПК, в частности успешную работу по мобилизации сельского населения... он призывал в связи с этим полагаться не только на регулярные войска для подавления коммунистов («регулярные войска должны быть использованы в плановых операциях и позиционных сражениях»), но и создавать народные корпуса обороны, усовершенствовать систему «баоцзя», «организовать народные массы и вооружить их»¹.

Система «баоцзя»... Самодержавные правители Китая в целях укрепления национальной обороны с давних пор устанавливали воинскую повинность для крестьян — «баоцзя». При этой системе население регистрировалось и формировалось в специальные ячейки для набора солдат и рабочей силы (10 хозяев составляли одно цзя, а 10 цзя — одно бао, 10 бао, или 1000 хозяйств, — сян (село) либо чжэнь (город). Чан Кайши стремился обратиться в борьбе с КПК к традициям, прежде всего к круговой поруке, рекрутированию в ополчение (крестьянин — солдат).

В соответствии с такого рода установками Чан Кайши создавалась система массовых школ «баоцзя». По

¹ Воронцов В. Б. Дело «Амерэйша». М., 1974. С. 41.

существо, развернулась кампания по «вытравливанию из сознания народа коммунистических идей». Особенно насаждалась система «баоцзя» на территории бывшего Центрального советского района, куда после ухода КПК пришли гоминьдановские части. Организационная группа разъясняла населению принципы системы «баоцзя», проводилась регистрация населения, аппарат управления разбивался на подразделения, формировалась местная милиция, которая отвечала за охрану деревень, ликвидацию неграмотности, гигиену, распространение основ агротехники и идеологическое воспитание.

Чан решил не давать Красной армии передышки: он сразу же приступает к организации пятого похода. США в канун похода предоставляют заем. Нанкинское правительство субсидируют англичане, французы, немцы, в том числе на строительство для Китая на американских заводах 850 самолетов. К октябрю 1933 г. Чан закончил военные приготовления; в его руках сконцентрировалась огромная военная сила — до 90 дивизий, включавших наиболее преданные Нанкину части, 300 самолетов, более 200 орудий. На службе у Чан Кайши находилось тогда до 150 американских и канадских пилотов.

Отличительной чертой нового похода против Красной армии стало участие в разработке оперативных планов Чан Кайши опытных специалистов из Германии. Гитлер, пришедший к власти в 1933 г., одобрил поездку руководителя рейхсвера Ганса фон Секта в Китай. В 1933 г. Сект стал начальником генерального штаба Нанкинской армии. Затем Секта сменил фон Фалькенхаузен. Немецкие советники организовывали специальные школы, курсы по подготовке военных и военно-технических специалистов, руководили созданием военных сооружений, принимали непосредственное участие в боевых действиях.

В борьбе Чан Кайши с Красной армией отражалось, хотя порой и в весьма сложном преломлении, столкновение в международной политике противоположных мировоззрений. Немецкие советники, находившиеся при Чан Кайши, с удивлением узнали, что в советских районах действует их соотечественник. Нацистская разведка в Китае информировала свой центр в Берлине: в Баосане (Северная Шэньси) находится немец по фамилии Ли Дэ, который сотрудничает с командирами Красной армии. Гоминьдановские генералы были поражены, когда познакомились с попавшими в их руки записками Ли Дэ,

из которых узнали, как автор довольно точно предугадал планы чанкайшистов и умелыми маневрами сорвал их. «Мозг КПК» — так назвал Ли Дэ один из гоминьдановских генералов. Под фамилией Ли Дэ скрывался немецкий коммунист-интернационалист Отто Браун.

Чан Кайши видел для себя серьезную угрозу во взаимодействии Центрального советского района и 19-й армии, возглавляемой генералом Цай Тинкаем. 19-я армия, в рядах которой резко усилились антияпонские, античанкайшистские настроения, стала опорой Народно-революционного правительства провинции Фуцзянь. О создании этого правительства было объявлено на массовом митинге в городе Фучжоу 22 ноября 1933 г. В фуцзяньских событиях приняли участие бывшие военные лидеры Гоминьдана Чэнь Миншу, Ли Цзишэнь, политические деятели Евгений Чэн, Сюй Цянь и другие.

Участники событий требовали ликвидации диктатуры Чан Кайши в Гоминьдане, прекращения его «ошибочных и незаконных действий». В специальной прокламации от 22 ноября Чан был клеймен «за пренебрежение к воле народа, предательство нации». Через день он получает от них телеграмму с предложением уйти в отставку. Оппозиция в Фуцзяни требовала отказа от неравноправных договоров с капиталистическими державами, удаления из портов и вод провинции всех иностранных войск и организаций колониального характера, введения всеобщего избирательного права и демократических свобод, проведения ряда социально-экономических мероприятий в интересах трудящегося народа.

Чан Кайши с глубокой тревогой отнесся к событиям в Фуцзяни. «Цай Тинкай капитулировал перед коммунистами, — жаловался он Секту, — это измена, она должна быть осуждена и пресечена, ибо это плохой пример для сепаратистов, которых немало на Севере и Юге Китая»¹.

Античанкайшистское восстание в Фуцзяни не было, однако, использовано руководством КПК. «Только совместные с 19-й армией военные действия, — отмечалось позднее в решении совещания Политбюро ЦК КПК в Цзуньи (8 января 1935 г.), — могли уничтожить основную силу Чан Кайши, но этот выгодный и небывало удобный случай нами не был использован». Было ли это ошибкой? Ясно одно: слабостью КПК тех времен объ-

¹ Crozier B., Chou E. Op. cit. P. 155; Сапожников Б. Г. Указ. соч. С. 61.

ясняется ограниченное использование военных и политических средств, находившихся в ее распоряжении, против Чан Кайши.

Часть своих войск, предназначенных для борьбы с Красной армией, Чан Кайши бросает на фуцзяньский фронт, против 19-й армии. Гоминьдановцам удалось захватить провинцию Фуцзянь, использовав свое военное и техническое преимущество. В Цзянси против Центрального советского района было сосредоточено около двух третей наличного состава войск Чан Кайши.

С весны 1933 г. Гомиьдан пошел на значительные уступки Японии. Ван Цзинвэй показал себя активным сторонником японской ориентации, и при его участии и было достигнуто соглашение в Тангу (31 мая 1933 г.). Япония получила ряд привилегий в Северном Китае. Устанавливалось сквозное железнодорожное сообщение и прямая почтово-телеграфная связь с Маньчжоу-Го.

Глава 3

Упрочение диктатуры — слабость режима

Спасение нации, или Выживание Чан Кайши

Вскоре после начала японской агрессии в Маньчжурии обучавшиеся в Японии китайские студенты, взволнованные тревожными вестями с родины, стали активно обсуждать возможные пути противодействия захватчикам. В октябре 1931 г. состоялась встреча антияпонски настроенной молодежи и в Нанкине. Участники собраний выдвинули лозунг «Спаси нацию!». Маньчжурский инцидент благоприятствовал появлению различных организаций националистического характера — «Армия железа и крови», «Антияпонская ассоциация» и т. д.

Чан Кайши обратил внимание на новое движение, которое стало именоваться «движением за спасение нации». Основатели движения утверждали: «Китай имеет обширную территорию, богатые ресурсы, многочисленное население. Если в чем и нуждается Китай, так это в сильной организации». Они призывали по-настоящему оценить потенциальные возможности народа и страны, развивать экономическую мощь, повысить эффективность правительственного руководства, усилить армию. Только так, утверждали представители движения, можно противостоять «коммунистической угрозе и японскому вторжению». В среде либеральной интеллигенции зрело стремление к обновлению общества, к спасению от того зла, которое нанесли стране грызня между милитаристскими кликами, система неравноправных договоров Китая с капиталистическими державами.

Уже в начале 30-х годов нанкинский режим показал полную беспомощность в деле преобразования прежней административной системы. Провинции пользовались, как и во времена господства милитаристов, самостоятельностью по отношению к центральной администрации. Провинциальные чиновники обладали, по существу, бесконтрольным правом по сбору налогов. В условиях, когда во всех сферах жизни военная сила подменяла закон, административный механизм не мог действовать слаженно. Начальники уездов десяти провинций Центрального Китая в лучшем случае находились на своей должности до полутора лет. Чиновник, получив подходящую синекуру, спешил удовлетворить свою страсть к наживе, и в этом смысле перед ним открывались самые благоприятные возможности. Он произвольно устанавливал налоги, облагал крестьян дополнительными поборами. В условиях противоборства различных региональных и политических клик, борьбы с КПК, а также стихийных бедствий дополнительные поборы принимали характер военных реквизиций. Многие чиновники вынуждали крестьян производить опиум, устанавливали монополию на продажу этого зелья.

Какие-либо шаги центральной администрации по борьбе с коррупцией выглядели как усилия по борьбе с «мухами и комарами», а «тигры и львы» оставались на свободе. Наиболее состоятельные собственники, провинциальные чиновники передавали официальным лицам высшего ранга часть награбленных у народа средств, покупая таким путем право на безнаказанное воровство.

Государственные учреждения становились убежищем для бездельников, казнокрадов и взяточников. Китайский город разлагался под активным воздействием отбросов западной цивилизации, деятельности, тесно связанной с иностранным бизнесом китайской мафии, возрастало потребление спиртного, невиданный размах приняло курение опиума. Еще в 1928 г. Чан Кайши, как председатель Военного совета, принимает меры против наркомании. Официальным лицам Гоминьдана и правительства, если они находились в плену этого тяжелого недуга (а таких было немало), давалось три года на излечение. Приняты были специальные законы против опиумокурения. Тем из них, кто игнорировал добровольное лечение от недуга, угрожала смертная казнь. Виновные в транспортировке, продаже этого яда расстреливались, а их собственность конфисковывалась.

Генералиссимус взял в свои руки всю машину подавления наркомании, чем в немалой степени способствовал своей популярности. В ноябре 1928 г. во время поездки по стране Чан Кайши отдавал приказы закрывать различного рода сомнительные заведения. В ряде районов широко рекламировались указания Чан Кайши о строительстве новых школ, дорог. Всюду говорили о новой эре. Глава государства хотел показать себя в роли ее родоначальника. «Рабочий день в наших учреждениях весьма короткий — всего лишь 5 часов, — констатировал Чан, — и, несмотря на это, я видел служащих, возлежащих на своих рабочих местах, бессмысленно глазающих в потолок, читающих газеты или спящих».

Необходимо было — и об этом говорилось немало — восстановить социальную справедливость. Сам Чан Кайши давал собственное толкование этому понятию.

12 сентября 1932 г. на расширенном заседании работников партийных, правительственных и военных учреждений в Ухане Чан Кайши говорил: «Если требуют несправедливого уменьшения квартирной платы, лишаящей домовладельцев всякой прибыли, из-за чего у них отпадает желание вкладывать капитал в жилищное строительство, или же требуют несправедливого увеличения заработной платы, непосильного для капиталистов и вынуждающего их закрывать свои предприятия, то такие требования расшатывают экономическую основу общества. Мы считаем это недопустимым. Я хочу, чтобы наша партия и правительство обратили особое внимание на эту сторону дела, чтобы с максимальной быстротой проводить необходимую экономическую политику».

Сам Чан и его помощники могли позавидовать реальным результатам «шаньсийского эксперимента», осуществленного Янь Сишанем. Здесь в качестве важнейшего налога использовался поземельный, от которого центральные власти отказались в пользу провинций. Главным же в налоговой политике стало то, что основную его тяжесть пришлось взять на себя богатым, имущим слоям населения. Губернатор распространял займы среди крупных землевладельцев, поднял налоги на торговые сделки, получал доходы и от опиумной монополии. Накопления позволяли вкладывать больше средств в развитие промышленной и торговой инфраструктуры. Критики обвинили Янь Сишаня в «большевизме». «Шаньсийский эксперимент» приводил к элитарному обособлению провинци-

альной военной и административной бюрократии, к росту амбиций самого губернатора, мечтавшего занять место в когорте национальных лидеров. Нечто подобное «шаньсийскому эксперименту» было в некоторых мероприятиях Чан Кайши, когда он начинал «кампании» по борьбе с коррупцией.

За казнокрадство Чан наказал немало высокопоставленных деятелей, но семейства Сун и Кун, доказавшие преданность генералиссимусу, процветали. В простом народе пользовалась популярностью поговорка: «Ловишь разбойника, так сперва лови главаря!» Многие участники революции, боровшиеся под знаменем Сунь Ятсена, оказались морально опустошенными, использовали свои посты для бессовестного обогащения, для обеспечения своим близким прибыльной синекуры.

Семейные связи цементировали высший слой гоминьдановской элиты, взявшей в свои руки контроль над экономической жизнью страны и оказавшейся выше любых законов и уставов. Этот контроль распространялся на ключевые отрасли — финансы, промышленность, транспорт, внешние связи. Сун Цзывэнь в начале 30-х годов занимал пост министра финансов, вице-президента Исполнительного юаня (1928—1931 гг.), президента Исполнительного юаня (1932—1933 гг.), управляющего китайским банком (1930—1933 гг.). Ловко действуя в сфере финансов, он умножал свое состояние, вкладывал собственные капиталы в предприятия, расширяя сферу своего бизнеса, приобретал фешенебельные отели. Прямой потомок Конфуция (75-е поколение) Кун Сянси занимал влиятельные посты: министра труда, торговли и промышленности (1927—1930 гг.), министра промышленности (1930—1932 гг.), управляющего китайским банком (1933 г.).

Проникновение родственников и ближайших друзей на ведущие государственные посты стало важной чертой движения Китая к чанкайшистской диктатуре. Это было царство чернозубатых, свинорылых, трехголовых, черноногих и многих других персонажей, которых китайские прозаики находили в древней мифологии и использовали для иносказательного описания нравов современного им Китая. Благодаря же деятельности пропагандистского аппарата глава Гоминьдана изображался мудрым, могущественным, заботящимся лишь о благе народа.

Американские дипломаты информировали в январе 1934 г. госдепартамент: Гоминьдан бессилён из-за разоб-

щенного и слабого руководства. Они сравнивали его с полностью разломанной рисовой лепешкой. Губернаторы ряда провинций на Северо-Западе действовали независимо от Нанкина, тамошние милитаристы относились к гоминьдановскому центру со свойственным им цинизмом. Каждый из милитаристов был озабочен прежде всего тем, как бы сохранить свою армию. Были случаи, когда милитаристы выводили свои войска из боя, отказываясь от лавров победы над какой-либо японской группировкой. Зачастую это можно было наблюдать на границах провинций, когда каждый ожидал большего вклада в военные действия от своего соседа.

Американский дипломат Джонсон не скрывал своих опасений. Китай «никогда не был в большей, чем сейчас, опасности перед лицом внешнего вторжения». В чем Китай нуждается, ядовито иронизировал Джонсон, так это в руководстве с иной квалификацией, нежели у «обычного бандитского лидера». Эта страна «нуждается не в западных советах, не в западных деньгах, а в компетентном руководстве, способном навести порядок в своем доме».

Чан Кайши стремился показать: настала пора общественного прозрения. Велико было желание выступить в роли радетеля за чистоту нации, за ее моральное очищение.

Все громче звучат призывы участников «движения за спасение нации»: не ждать смерти сложа руки, а найти мужество для борьбы с агрессорами, делать всё для спасения народа («Бороться и умирать за нашу родину!»). Размышляя о судьбах своего народа, мыслящие представители молодого поколения Китая задавались вопросом: почему Китай так отстал от других государств мира? Одни, отвечая на этот вопрос, возлагали вину целиком на империализм — безработица, обезземеливание крестьянства, высокий уровень эксплуатации, волнения, коррупция. Другие видели основные причины в слабости самого Китая. В туманном поиске выхода из затянувшейся «смуты» они ломали голову над возникшими перед ними проблемами: нужно ли выступать за сильное правительство? Принять ли христианство? Может ли марксизм-ленинизм спасти Китай от его врагов? А не лучше ли фашизм? Многие предпочитали видеть дик-

¹ *Russel B., Jhonson N. T. American policy Toward China 1925—1941. Michigan, 1968. P. 88.*

татора во главе сильного китайского государства. Споры отражали подъем общественной активности, крепло желание увидеть свою страну сильной, ни в чем не уступающей «иноземным варварам». В них сталкивались порой противоположные идеи — революционные и консервативные, реалистические и утопические, патриотические и проимпериалистические. Сторонники «сильной личности», способной предотвратить поражение Китая, с надеждой смотрели в сторону фашистской Германии.

Пропаганда высоких целей спасения нации не приносила инициаторам очередной кампании желаемых результатов. Привилегированное положение гоминьдановской верхушки, опиравшейся на компрадоров, шэньши, милитаристскую бюрократию, подрывало престиж партии в глазах воспитанных в духе национальных традиций граждан. Разговоры о желании военных и партийных лидеров «служить народу», проявлять «самоотверженность» и т. п. встречались в среде просвещенных представителей китайского общества как проявление лицемерия.

Генералиссимус надеялся: возбуждая патриотический подъем, дух самопожертвования, он сумеет все же сплотить Гоминьдан, подготовить его к борьбе с КПК, объединить распадающееся государство. Действия Японии на Севере страны не способствовали какому-либо серьезному успеху в деле объединения страны, приводили к дальнейшему разобщению сил в рядах китайской элиты. Региональные милитаристы с еще большим усердием отстаивали свои права. Укреплялись позиции КПК в Цзянси, Хубэе, Фуцзяни; ее деятельность привлекала к себе разорившихся, страждущих, люмпенов города и деревни.

Генералиссимус не оставляет, как и прежде, надежды на использование имени вдовы Сунь Ятсена для повышения своего авторитета среди патриотических сил страны. Казалось бы, удобный для этого случай снова представился в июле 1931 г., когда Сун Цинлин возвратилась в Шанхай, чтобы проводить в последний путь свою мать. Но общая для сестер беда не смогла зарубцевать раны в родственных отношениях. Диктатура предстала перед Цинлин во всем своем отвратительном обличье...

Помыслы Цинлин устремлены на защиту гражданских прав, она не может примириться с ужасающим по-

ложением жертв гоминьдановских застенков. Но как спасти обреченных на страдания политических узников? Сколько раз сестра жены Чан Кайши давала себе обет не обращаться по этому поводу к своему высокому родственнику. Но однажды не сдержалась. Речь шла о судьбе Дэн Яньда — одного из патриотов из левого крыла Гоминьдана, угодившего в связи с этим за решетку. Чан Кайши смилостивился и терпеливо выслушал просьбу Сун Цинлин о помиловании Дэн Яньда. Но после того как она изложила эту просьбу, спокойно заявил: а он уже... убит. На долю Дэн Яньда выпали невероятные муки — его пытали месяцами...

В конце 1932 г. вдова Сунь Ятсена организует национальную лигу движения за гражданские права. Ей помогают общественно-политические деятели, среди которых особым влиянием пользовался Лу Синь. Цинлин видела задачу лиги в борьбе против насилия над человеческой личностью, против жесточайших пыток в гоминьдановских тюрьмах. Ее деятельность встретила злобную реакцию в правящем лагере. Гангстеры расправились с секретарем лиги Ян Чэном, стали угрожать и другим представителям лиги, включая Лу Синя. Лига не выдержала давления, ее деятельность сошла на нет.

Чан Кайши воспринимает идеологию фашизма, а Цинлин становится вице-президентом Международного антифашистского комитета, созданного в Париже в 1933 г. Когда фашисты пришли к власти в Германии, голос вдовы Сунь Ятсена, разоблачающей нацистскую теорию и практику, звучит по всему миру.

Благотворительная деятельность Цинлин отвечала интересам радикально настроенной китайской молодежи, студенчества. Молодые люди, особенно студенты, не могли равнодушно слышать о бедствиях страны. Студентов глубоко волновали их же собственные проблемы. Представители молодежного движения не видели иного выхода, кроме установления нового порядка, в их представлении этот порядок выглядел в виде идиллического общества людей, объединенных идеологией коммунизма.

Один из христианских деятелей — Е. Е. Барнетт приходил к выводу: китайская молодежь подпадает под влияние «коммунизма» и других «измов». Секретарь Международной ассоциации молодых христиан, комментируя свою поездку в Китай, нашел в этой стране три основных движения, которые, по его мнению, заслуживали внимания, — коммунизм, национализм и христианство.

Чан Кайши, видя рост студенческих волнений, возросшую оппозицию среди интеллигенции, пытался опереться на силы, имеющие влияние в среде учащейся молодежи, в академических учреждениях. Важной в этом отношении опорой становилась миссионерская община, которая в своих учебных заведениях не только готовила кадры для пополнения бюрократии, как надеялись чанкайшисты, но и воспитывала в своей пастве идеи неприятия марксизма. Для Чан Кайши не было секрета в том, что слушатели христианских колледжей не раз участвовали в антияпонских демонстрациях. Христианское движение, будучи в значительной мере выразителем англосаксонских интересов, объективно противодействовало японской агрессии, которая содействовала изменению представлений китайцев об «иностранных дьяволах».

Гоминьдановский лидер стремился противопоставить росту революционных настроений в стране как идеологические, так и военно-силовые методы. Уже в 1931 г. Чан Кайши обращается к христианской церкви в Китае. Вместе с Кун Сянси он обсуждает с миссионерами вопросы национальной политики. В это же время приглашенные Национальной комиссией по восстановлению ущерба от наводнения миссионеры выступают перед пострадавшими от бедствий с проповедью, нацеленной на «поднятие духа потерпевших от стихийных бедствий».

Когда лозунги единства, призывы к возрождению конфуцианских ценностей и соблюдению христианской морали не достигали цели, неудачи призвана была компенсировать дубинка, вложенная в руки тайной полиции, специальных организаций и тайных обществ.

1 марта 1932 г. в Нанкине родилась организация «синерубашечников». Несколько десятков молодых людей (от 20 до 30 лет) стояли у ее истоков. Большинство из них — выходцы из провинций, расположенных вдоль Янцзы. Чан Кайши возглавлял школу Вампу, когда эти молодые люди там учились. Выпускники школы оказались в центре новой организации. Культ Чан Кайши, неукоснительное следование трем принципам Сунь Ятсена, воспитание в «синерубашечниках» духа, сравнимого, возможно, лишь с национал-социалистским либо с самурайским, — все это стало основными политическими целями новой организации. Повсюду в стране культ личности Чан Кайши принимал самые уродливые формы. На военных совещаниях, где присутствовали порой сотни офицеров, при каждом упоминании Чан Кайши —

«Чжу Си!» — все резво вскакивали со своих мест. И это проходило не только в присутствии самого Чан Кайши. В кинотеатрах перед началом демонстрации каждого фильма на экране появлялся портрет генералиссимуса на фоне гоминьдановского знамени. Зрители поднимались со своих мест, сдергивая шапки. И плохо приходилось тому, кто «забывал» встать перед священным обликом генералиссимуса. В общественных местах все чаще стали появляться портреты генералиссимуса, и люди, оставаясь перед ними, склонялись в низком поклоне.

Организация «синерубашечников» по своей структуре напоминала концентрические круги. В центре — руководящий орган «Общество ответственных действий». Чан Кайши стал главой «Общества» с резиденцией в Нанкине. Рядом с ним действовало «13 старших хранителей», а среди них — наиболее влиятельные — Дай Ли, Кан Цзэ, Дэн Вэньи. Второй круг — «Революционная молодежная ассоциация» и «Революционная ассоциация солдат». Третий круг составляли массовые общественные организации, открытые для свободного вступления: «Ассоциация лояльных патриотов», «Молодежная ассоциация зарубежных китайцев», «Общество возрождения Китая».

Всего лишь за несколько месяцев, к концу 1932 г., были учреждены отделения этой организации в каждом большом городе, в сельских центрах. Под знамена «синерубашечников» хлынули представители различных слоев общества: землевладельцы, солдаты, студенты, ученые, рабочие, бизнесмены, а также довольно разношерстная прослойка люмпенов города и деревни. В ответ на консервативные, а часто и просто фашистские призывы в отряды «синерубашечников» потянулись и представители преступного мира. Фашисты вербовали своих сторонников из различных слоев общества, в том числе и в среде различного рода подонков, завсегдаев пивных и сомнительных заведений. Вдохновители и организаторы «движения за новую жизнь» не отличались в этом отношении от нацистов.

Чан Кайши бросал «синерубашечников» туда, где ощущалась опасность утери контроля, прежде всего в воинских частях, со стороны Гоминьдана. «Синерубашечники», например, вместе с военной жандармерией проводили чистку в рядах 19-й армии, где после обороны в 1932 г. Шанхая значительно возрос авторитет КПК.

В чем секрет выживания Чан Кайши? Этот вопрос волновал многих и в Китае, и за его пределами. Эдгар

Сноу, блестящий знаток ситуации в стране, видел секрет генералиссимуса в умении балансировать между различными группировками в верхнем эшелоне власти. Он действительно стал центром, вокруг которого стабильность обеспечивалась либо путем различного рода компромиссов между соперничающими силами, либо откровенной игрой на противоречиях между ними. Чан Кайши, как ловкий игрок, умело спекулировал на распрях между отдельными милитаристами. «Если Дунбэйская армия успешно покончит с коммунистами,— провоцировал, например, он Чжан Сюэяна,— то в будущем можно будет убрать из Шэньси и Янь Хучэна, тогда весь Северо-Запад перейдет к тебе». В то же время Янь Хучэн получил от Чан Кайши совет: «Чжан Сюэян лелеет планы о великом Северо-Западе, будь настороже, не позволяй ему проглотить твои владения».

У генералиссимуса складывалась своя собственная система управления в партии и государстве. Он пользовался неограниченным правом диктовать свою волю Исполнительному и Законодательному юаню. Братья Чэнь Лифу и Чэнь Гофу контролировали средства массовой информации, образование. Чэнь Лифу держал в узде партийные кадры, он приобрел известность как идеолог, пропагандист националистической доктрины «философия жизни», прослыл архитрадиционалистом, высоко чтившим конфуцианские моральные ценности.

С братьями Чэнь активно сотрудничал Дай Цзитао — основатель «Центрального клуба» — «Си Си» («Central Club»). Созданный еще в ноябре 1929 г., «Центральный клуб» объединил в своих рядах представителей высшего и среднего эшелона гоминьдановской бюрократии. «Си Си» тесно координировал свою деятельность с политической разведкой — ЦБРС, опирался на Нанкин, Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой. Националистическая сущность «Си Си» проявляла себя в антияпонской направленности этой организации.

Жертвами братьев Чэнь становились представители интеллигенции. Аресты производились по малейшему подозрению в симпатиях к КПК, арестованных либо сразу сажали за решетку, либо сразу же посылали на смерть в сражающиеся на передовой подразделения.

Другая мощная клика группировалась вокруг генерала Хэ Инцина. Внешне генерал Хэ казался многим весьма обаятельным, вежливым человеком, с как бы приклеенной улыбкой. На военных советах он предпочи-

делялась среди своих сестер большой самостоятельностью, легко входила в контакт с окружающими, быстро загоралась каким-либо делом, что послужило для друзей поводом дать ей прозвище «маленький фонарь». Мэйлин приучила в доме выполнять все свои прихоти, и это сохранилось в ее характере на всю жизнь. За время пребывания в США она настолько американизовалась, что это позволило ей сказать: «Единственное восточное, чем я обладаю, это мое лицо». Мэйлин блистала в высшем свете Шанхая. Окружающие обращали внимание на высокий уровень ее образования, восторженность, модные наряды, ее расположения добивалась толпа нетерпеливых и настойчивых поклонников. В молодости ей был свойствен экстремизм. Получив христианское воспитание и пройдя обучение в США, она не смогла спокойно взирать на нищету, болезни, которые окружали богатые кварталы в китайских городах. Мэй, в отличие от сестер, мечтала об осуществлении реформ, но не проявляла интереса к политическим теориям.

Во время недолгой отставки молодой генерал Чан Кайши часто писал невесте о своих чувствах. Автор писем сгорал от нетерпения: когда же наконец ему удастся покорить неприступное, как казалось, сердце его избранницы? Истоки «любовного союза» этой пары выглядели куда более прозаичными, нежели нахлынувшие на Чан Кайши чувства. Удачная брачная сделка, надеялся Чан, помогла бы ему одержать верх над вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин, нейтрализовать ее подозрительность, недоверие к нему. Связи семьи Чарльза Суна открывали — а это стало заветной мечтой Чан Кайши, — двери на Запад, сулили поддержку, помощь со стороны крупного китайского бизнеса.

Официальное предложение Чан Кайши сделал в мае 1927 г. Брат сестер Сун, Сун Цзывэнь, не скрывал сомнения: слишком подозрительной казалась ему личность Чан Кайши. Мэйлин откровенно дала понять, что главное для нее — благословение матери, хотя она стояла за эмансипацию китайской женщины. Слухи о беспутной жизни Чан Кайши, о его сомнительных встречах и знакомствах дошли до ушей прилежной христианки — хозяйки дома.

28 сентября 1927 г. Чан Кайши отплыл в Японию. На следующий день он был уже в Нагасаки. Японская печать создала рекламу китайскому визитеру. И не случайно. Чан, направляясь в Японию, преследовал различные цели. Главное же — уладить личные дела, ведь в это время в Японии находилась Сун Мэйлин, сопровождавшая прибывшую на лечение мать.

Мать Мэйлин все еще колебалась. Много было толков о претенденте на руку ее 26-летней дочери. Предшественницы Сун Мэйлин принадлежали к различным слоям общества. В первый брак Чан вступил очень рано, подчинившись родительской воле, приведя в дом провинциальную девушку. От этого союза, который вскоре распался, остался сын — Цзян Цзинго. Вторую свою жену Чан нашел среди шанхайских красавиц, известных своей стойкой приверженностью к самой древней в мире профессии. Природа наделила его избранницу Чэнь Цзюй и красотой, и умом, что делало ее общество не только приятным, но и полезным. И этот союз оказался недолговечным. Суровый и голый прагматизм определил новую веху в жизни Чан Кайши. Его давнишний покровитель предводитель общества «Зеленых» Ду Юэшэн отправил вторую жену Чан Кайши в США. Впоследствии изгнанница получила степень доктора при Колумбийском университете, приобрела дом недалеко от Сан-Франциско.

Мадам Сун не удалось, как она ни сопротивлялась, освободиться от весьма назойливого претендента на руку ее дочери. Разведен ли он? Этот вопрос очень беспокоил семью Сун. Чан Кайши привел документальные доказательства развода. Готов ли Чан Кайши стать христианином? Сумеет ли он побороть влияние сатаны? Ведь все его прежние увлечения — женщины легкого поведения! Чан Кайши не колебался: «Да!» Он готов изучать Библию, быть прилежным христианином. Мадам Сун сдалась: в конце концов, тигров бояться — в горы не ходить.

Сун Цинлин, узнав о предстоящей свадьбе Мэйлин, попросила Евгения Чэна послать невесте телеграмму с настойчивой просьбой не выходить замуж за этого «женоубийцу». Но церемония все же состоялась и широко освещалась (как одно из выдающихся событий) в печати Шанхая.

26 ноября в шанхайских газетах появилось уведомление о предстоящей женитьбе Чан Кайши 1 декабря 1927 г. Сун Мэйлин и Чан Кайши дважды совершили обряд бракосочетания: один в доме невесты в соответствии со всеми христианскими традициями, другой — в ортодоксальном китайском стиле в фешенебельном отеле.

...В зале отеля собралось до 1300 гостей. Чан Кайши вошел в зал, сопровождаемый ближайшими соратниками. Маленькие полоски усов, торчащий белый воротник, манжеты — все это придавало ему вполне европеизированный вид. На небольшом постаменте возвышался порт-

рет основателя Гомиьндана Сунь Ятсена. Гражданскую церемонию открыл вице-президент Пекинского национального университета доктор Цзай Янбэй. Невеста предстала перед гостями под руку со своим братом Сун Цзывэнем, бывшим министром финансов. Застрекотали съемочные камеры. Сун Мэйлин держала в руках огромный букет роз в основном белого цвета. Новобрачные охотно позировали перед фотокамерами... Затем три раза поклонились портрету Сунь Ятсена.

Дэвид Юй, генеральный секретарь молодежной христианской ассоциации, объявил новобрачных мужем и женой.

Часть медового месяца молодые провели в Северной Чжэцзян, в краю поросших лесом возвышенностей, среди изумительных озер. С той поры любимым словом при обращении к жене у Чана стало слово «дарлинг» — «дорогая».

Вскоре Чан Кайши выступил с заявлением. Женьба должна была получить общественное признание.

«С настоящего времени, — провозгласил Чан, — мы оба полны решимости отдать все, что в наших силах, делу китайской революции». Обещание ко многому обязывало.

Филантропия сестер Сун приобрела широкую известность в различных слоях китайского общества, что стало удобной ширмой для Чан Кайши. Все члены семьи Сун были лояльно настроены по отношению к Чан Кайши. Все, кроме Цинлин.

Цинлин не могла мириться с равнодушием знати к бедствиям народа. Она пыталась направить усилия просвещенной части молодежи, особенно той ее части, которая получила образование за рубежом, на устранение недугов, поразивших китайское общество. Вдова Сунь Ятсена писала о необходимости создания организации для лечения курильщиков опиума, активизации христианской молодежной ассоциации в деле социального обновления жизни. Большую разъяснительную работу приходилось проводить, например, в связи с укоренившейся в Китае традицией перевязывать ступни у девочек, что деформировало ноги, приводило иногда к инвалидности. Молодые люди начинали оспаривать и традиционное право родителей уstraивать брак своих детей в раннем возрасте.

С древних времен в Китае связывали свалившиеся на голову простолюдина несчастья с женщиной, нередко во время стихийных бедствий в жертву приносились девочки из многодетных семей. Да и в обычае перевязывать у девочек с детства ступни была заложена идея неравно-

правного положения женщины в китайском обществе. Мать Мэйлин физически тяжело переносила перевязку ступней в детстве и поэтому решила не подвергать свою дочь подобной пытке. Семья Сун избавила своих дочерей от мучительной процедуры.

Цинлин продолжала поддерживать контакты с семьей, но не могла принять политику гоминьдановских генералов. Во время бракосочетания своей сестры Цинлин, как и Цзян Цзинго, находилась в Советском Союзе. Они обратились к своему родственнику со словами глубокого осуждения. Семнадцатилетний Цзян Цзинго оказался в первых рядах движения, заклеймившего жестокое отношение гоминьдановцев к коммунистам, профсоюзным организациям Китая.

Читатели, открыв номер «Правды» от 21 апреля 1927 г., познакомились с письмом Цзян Цзинго к отцу. Сын писал:

«Кайши! Я думаю, ты не послушаешь того, что я буду говорить, не захочешь читать это письмо, но я пишу последнее тебе письмо, мне все равно, прочтешь ты или нет.

Сегодня я хочу повторить твои слова, помнишь, ты писал мне: «Я знаю только революцию и готов умереть за нее». Я отвечу тебе теперь: я знаю только революцию и больше не знаю тебя как отца.

Я не могу понять, почему ты раньше говорил мне о необходимости борьбы пролетариата и ты хотел меня сделать революционером. Твои прошлые поступки обратны с нынешними действиями. Но я сделал то, что ты говорил мне раньше. Я стал революционером. И поэтому я твой враг. Ты расстрелял в Шанхае рабочих. Конечно, буржуазия во всем мире будет хлопать тебе: «Молодец, Чан Кайши!» Ты получишь и деньги от империалистов. Но не забывай, что есть и пролетариат. Он тоже во всем мире откликнулся на твое предательство. Московские рабочие считают шанхайских рабочих братьями. То, что ты сделал, они считают расстрелом своих братьев. В Москве были демонстрации и собрания, посвященные твоему предательству. И единственным лозунгом собраний был лозунг «Долой Чан Кайши!».

Ты использовал переворот и сделался героем. Но победа твоя временна и непрочна. Чан Кайши, честное слово, коммунисты с каждым днем крепнут силами для будущей борьбы. Извини, пожалуйста, но мы легко разделаемся с тобой. Борясь с капиталистами, убрать с дороги тебя, их пешку, не так трудно!»

Сын отказался от отца. Сун Цинлин отвергла предложение своей сестры возвратиться в Китай — ее приезд мог быть использован для повышения авторитета Гоминьдана.

Чан Кайши вернулся к власти в январе 1928 г. Он быстро убедился в беспомощности своих соратников обеспечить финансовую базу для деятельности правительства. До своей отставки, весной и летом 1927 г., Чан Кайши расходовал на военные цели более 20 млн юаней в месяц. Никто из гоминьдановских деятелей, даже пользующийся авторитетом своего отца Сунь Фо, не мог похвастаться такой кредитоспособностью, как это делал Чан Кайши. С января 1928 г. шанхайские бизнесмены начинают проявлять повышенную нервозность, так как Чан Кайши обязал министра финансов, теперь уже своего родственника Сун Цзывэня, добывать каждые пять дней по 1,6 млн юаней. Этому, как и раньше, должна была способствовать мафия. Снова прокатилась волна насилий. Трудные времена для шанхайских толстосумов продолжались вплоть до взятия гоминьдановскими войсками Пекина.

Резиденцией нового правительства стал Нанкин.

Старейший город Китая, в прошлом одна из величайших столиц мира, поражен огромной стеной — самой длинной из всех городских стен в мире — 40 км, высотой 12—14 м, толщиной до 30 м. Строительство стены, по сведениям путешественников, потребовало в семь раз больше объема каменных работ, нежели сооружение величайшей из египетских пирамид. Внутри город пересекала поперечная стена, издавна отделявшая ханьское население от маньчжурского. Стены не спасали жителей от нападавших. Город не раз превращался в развалины и, как феникс из пепла, возрождался вновь. Всюду были многочисленные кумирни, триумфальные арки. На северо-востоке возвышалась священная гора Чжуншань. На горе, согласно сохранившемуся мифу, обитал дух Чжунлун — дракон со свечой. Дух, имевший лицо человека, тело змеи, красную кожу и гигантских размеров рост. Лишь только Чжунлун приоткрывал глаза, как в мире наступал день, если глаза были закрыты, то царила ночь. Множество бед и даров, на которые не скупилась природа, связывалось с Чжунлуном. Но не присутствие дракона привлекало Чан Кайши.

Возможно, имели определенное значение и исторические традиции — в конце XIV в. Нанкин сделал своей столицей император Хун У (Чжу Юаньчжан). Чан уповал и на преимущества новой столицы перед Пекином. Нанкин

расположен был ближе к районам, контролируемым КПК, ближе к Шанхаю, где находилась экономическая и политическая опора Чан Кайши. Да и войска, преданные Чан Кайши, состояли в основном из южан.

Климат Нанкина слишком холодный зимой и весьма влажный весной и летом. В окутанном туманом городе люди трудились как муравьи, в невероятной тяжелой обстановке. Правительственные чиновники перебивались в непривычном для них жилье, ожидая улучшения условий жизни, жены офицеров отказывались покидать насиженные места в Шанхае ради неясной перспективы в карьере их мужей в Нанкине.

Мэйлин, как супруга Чан Кайши, сразу же оказалась в центре событий. Чан Кайши давал приемы и обеды, где Мэйлин была единственной женщиной. Первоначальное чувство стеснительности вскоре прошло, да и соратники Чан Кайши стали воспринимать ее скорее как политического деятеля, нежели как женщину.

9 января 1928 г. Чан Кайши вновь официально занимает пост главнокомандующего Национально-революционной армией. Окружающие постепенно привыкли к мысли, что главнокомандующий — известный военный специалист, но большинство опасалось: не дай бог, чтобы политическая власть оказалась в его руках.

2 февраля в Нанкине собрался 4-й пленум Гоминьдана. В состав вновь сформированного Военного совета вошли 73 гоминьдановца, преданные Чан Кайши. С этого времени чанкайшистское окружение активизирует свою деятельность.

Ранней весной 1928 г. вооруженные группы стали появляться по вечерам у всех домов Ханькоу, где проживали русские. Большинство их было депортировано.

Вести о провокациях Чан Кайши дошли до находившейся вдали от дома Цинлин. Она посылает негодующую телеграмму своему родственнику: «Я как раз собиралась вернуться в Китай, но услышала, что Вы предложили разорвать дипломатические отношения с Россией и выслать русских советников. Это будет самоубийством и оставит нашу партию и страну изолированной, и Вы войдете в историю как преступник, который погубил нашу партию и страну... Если Вы не пересмотрите свое решение... у меня не будет другого выбора, как остаться здесь, и как можно дольше, продемонстрировать, что я против Вашей несправедливой и самоубийственной политики»¹.

¹ *Juny Chang. Mme Sun Yatsen. Penguin Books, 1986. P. 67.*

Сун Цинлин заняла видное место в политической жизни, противостоя правым гоминьдановцам и их западным покровителям. Она — член президиума Антиимпериалистической лиги. В деятельности этой организации участвовали выдающиеся деятели науки и культуры: Альберт Эйнштейн, Анри Барбюс, Джавахарлал Неру, Эптон Синклер, Максим Горький, Ромен Роллан и многие другие.

Никакая стройка в Нанкине не привлекала столько внимания и средств, как сооружение недалеко от нанкинских стен мавзолея Сунь Ятсена, куда должны были перенести останки покойного лидера революции, временно захороненные недалеко от Пекина. Когда строительство мавзолея завершилось, правительство направило приглашение Сун Цинлин на церемонию открытия усыпальницы. Вдова Сунь Ятсена находилась в это время в Германии и перед отъездом в Китай выступила с заявлением, разъясняющим причины своей поездки на родину.

Мое пребывание в Китае, указала Цинлин, не должно интерпретироваться как отказ от моей прежней позиции: не принимать участие в работе Гоминьдана, поскольку он противостоит политическим установкам Сунь Ятсена.

Младшего из семьи Сун — Цзэяна — командировали в Берлин за вдовой, а заодно, чтобы попросить неслышаемую родственницу не делать каких-либо публичных антиправительственных заявлений.

В мае 1929 г. Сун Цинлин прибыла в Китай. Вдова сразу же дала понять, что не позволит использовать свое имя, свою популярность ради подкрепления авторитета чанкайшистского правительства.

...Останки Сунь Ятсена нашли приют в мавзолее.

Сун Цинлин проследовала к мавзолею своего покойного супруга отдельно от своих родственников, тем самым бросив вызов Чан Кайши и его окружению, особенно если учесть строгие традиции китайского ритуала такого рода.

Родственники Сунь Ятсена весь день провели у гроба покойного лидера революции. На супруге Чан Кайши — изящное шелковое платье, вдова Сунь Ятсена одета в простое черное платье и простые черные чулки. Она отказалась остаться в Нанкине хотя бы на одну ночь после траурной церемонии.

Вдова хранила некоторое время молчание. Семья Чан Кайши пребывала в тревожном ожидании. Вскоре Сун Цинлин обрушилась на «реакционное Нанкинское

правительство». В телеграмме Антиимпериалистической лиге в Берлин она обвинила правительство Нанкина в жесточайших репрессиях против масс. «Никогда, — заявила Сун Цинлин, — предательский характер контрреволюционных гоминьдановских лидеров не проявлял себя так бесстыдно перед миром, как сегодня. Они, предав национальную революцию, неизбежно деградировали до положения орудия в руках империалистов и пытались спровоцировать войну с Россией»¹. Китайский народ, говорила со всей уверенностью вдова Сунь Ятсена, не сломят ни репрессии, ни лживая пропаганда.

Милитаристские клики разрывали многострадальную страну, в задавленных тисками помещичьего гнета крестьянских селениях свирепствовал голод. Но даже не обладающий политическим чутьем наблюдатель не мог не заметить, как в Китае накапливался тот горячий материал, который должен был в конце концов привести к революционному взрыву. Социальная напряженность способствовала созданию благоприятной обстановки для возникновения центров повстанческой борьбы крестьян, партизанских баз.

Бывший советник Сунь Ятсена М. Бородин по возвращении в Москву сделал доклад, в котором делился мыслями о неизбежности столкновения между США и Японией, что соответствовало в целом и предвидению В. И. Ленина. Политика Японии, говорил он, будет направлена против проникновения американского капитала через посредничество национальной буржуазии. США должны решиться, приходил к выводу М. Бородин, на гигантский конфликт с Японией и Англией на Тихом океане.

А пока Япония усиливала давление на Нанкинское правительство.

Что должно было случиться — случилось

Военным советником при Чан Кайши в Нанкине состоял майор японской разведки Еремита Судзуки, входивший в «исследовательскую группу по Китаю». Находясь в Токио осенью 1927 г., Чан Кайши установил с его помощью тесные связи с начальником японской военной разведки генералом Иванэ Мацуи.

В состоявшихся беседах с Чан Кайши Е. Судзуки и И. Мацуи предлагали гостю содействие в противоборстве

¹ *Eunson R. The Soong Sisters. N.Y., 1975. P. 85—86.*

с КПК. Взамен они хотели заручиться его одобрением идеи японской аннексии Маньчжурии и Монголии.

Чан Кайши, отвечая Судзуки, поддержал, по существу, японскую позицию. «Да, действительно,— говорил он,— в правительстве и руководстве Гоминьдана имеются противники политики Японии в Маньчжурии и Северном Китае. Недовольны действиями Японии и другие страны, заинтересованные в сотрудничестве с Китаем. Антияпонские настроения в народе также растут. В этих условиях Япония должна действовать осмотрительно. Однако у китайского правительства, учитывая угрожающее положение, создавшееся в связи с активностью Коминтерна, коммунистов и их вооруженных банд, нет иного выбора, как расширить рамки сотрудничества с Японией»¹. Японские стратеги рассчитывали на содействие Чана в «мирной» колонизации северных районов Китая.

Члены «исследовательской группы по Китаю» имели тесные связи с премьер-министром Танака. Японские друзья устроили встречу Чан Кайши с Танака. В ходе беседы они прежде всего затронули тему китайско-японских отношений.

Чан Кайши. Процветание или бедствие для Восточной Азии будет в основном зависеть от будущих китайско-японских отношений. Согласно ли Ваше превосходительство со мной?

Танака. Я предпочитал бы познакомиться прежде всего со взглядами Вашего превосходительства.

Чан Кайши. Я хочу представить на Ваше рассмотрение, Ваше превосходительство, три проблемы, которые я считаю чрезвычайно важными. Во-первых, если Китай и Япония смогут сотрудничать друг с другом искренне и на основе действительного равноправия, тогда будет иметь место сосуществование и сопроцветание. Это будет зависеть от того, улучшит ли Япония свою политику в отношении Китая. Япония, вместо того чтобы иметь дело с коррумпированными милитаристами, должна обратить свое внимание на Гоминьдан, который старается создать свободный и независимый Китай. Иными словами, Япония должна прекратить осуществление политики порабощения китайского народа, а вместо этого должна стремиться выявлять по-настоящему патриотически

¹ Цит. по: Сапожников Б. Г. Китай в огне войны. 1931—1950. М., 1977. С. 14.

настроенных китайцев и налаживать с ними дружественные отношения. Таков единственный путь, который приведет к истинному сотрудничеству между двумя странами. Во-вторых, китайская Национально-революционная армия полна решимости развивать и дальше свою кампанию против северных милитаристов и завершить выполнение задачи национального объединения. Японское правительство, я надеюсь, вместо того чтобы вмешиваться в наши дела, поможет нам. В-третьих, японское правительство должно отказаться от применения силы в своих отношениях с Китаем. Я думаю, что мы сможем сотрудничать в сфере экономики, и горю желанием обменяться мнениями. Ваше превосходительство, пока нахожусь здесь, по вопросам китайско-японского сотрудничества. Я надеюсь, что за нашей беседой последуют конкретные дела.

Танака. Ваше превосходительство должно прежде всего консолидировать Вашу базу в Нанкине и объединить районы южнее Янцзы. Почему, Ваше превосходительство, Вы показали бессилие в отношении завершения Северного похода?

Чан Кайши. Цель китайской революции — добиться объединения всей страны. Мы не можем позволить повторить ошибки тайпинов в XIX в. Завершение Северного похода чрезвычайно важно для нас. Без единого Китая не может быть мира в Азии. Для Китая подобная ситуация весьма опасна, не может она быть выгодной и для Японии...¹

Чан Кайши остался недоволен встречей с Танака. Его вряд ли могло удовлетворить отношение к нему японского премьера, который не скрывал сомнений относительно возможности Чана объединить Китай, да и просто утвердить прочную власть даже на юге страны.

В глазах Танака Чан Кайши был один из многих. Кто только не претендовал на власть в центральном правительстве! Группировки Гуанси и Гуандуна — на Юге, Фэн Юйсян и Янь Сишань — в Северо-Западном Китае. Премьеру было хорошо известно, что группировка Ван Цзинвэя — Тан Шэнчжи вкуче с гуандунцами стремились найти опору так же, как Чан, в Японии.

Японцы рассматривали основные районы Северо-Востока (Маньчжурию) как свои сферы влияния. И неспособность Чжан Цзолиня осуществлять угодную для Япо-

¹ *Furuya K. Op. cit. P. 225.*

нии политику, попытки последнего заигрывать с США привели японских милитаристов к решению устранить маньчжурского диктатора. Чан Кайши выступал в глазах японцев пока еще как фигура резервная, которая может быть использована в будущих маневрах. Гость не сумел, согласно его же воспоминаниям, изменить японскую политику агрессии по отношению к Китаю.

Возвратившись на пост главнокомандующего, Чан Кайши заявляет о решимости закончить Северный поход. С Фэн Юйсяном он обсуждает планы этого похода. Сошлись на том, что Чан поведет 1-ю группу армии численностью 100 тыс. человек, 2-ю — Фэн, а 3-ю — Янь Сишань, губернатор Шаньси.

7 апреля 1-я группа двинулась к главному городу провинции Шаньдун — Цзинань. Но как поведут себя японцы? В Шаньдуне чувствовалось заметное влияние Японии. В Цзинани проживало более 2200 японцев.

В реверансах в сторону Токио не было недостатка: Япония-де лучше, нежели иные государства, понимает характер китайской революции, и китайцы ожидают от этой страны содействия в успешном ее завершении. Цели нового Северного похода связывались с «благополучием Азии».

Призывы Чан Кайши не могли ослабить аппетит японских милитаристов. В ночь на 2 апреля первый контингент японских войск (около 460 человек) прибыл в Цзинань из Тяньцзиня. Офицеры получили приказ гарантировать «безопасность» японским интересам в Шаньдуне. Министерство иностранных дел Нанкинского правительства заявило протест в связи с нарушением суверенитета Китайской республики. В заявлении содержались и ссылки на международное право, ответственность за последствия агрессии возлагалась на японское правительство.

Утром 1 мая первые отряды армии Чан Кайши вступили в Цзинань. Прибывший туда Чан встретил успех с двойственным чувством. Радовали глаз появившиеся повсюду гоминьдановские флаги, символизировавшие торжество политики объединения страны. Но вести о вступлении в Цзинань 6-й японской дивизии настораживали. Вооруженные до зубов японские солдаты появились во всех районах города, хотя дивизия во главе с генералом Фукуда и была расквартирована в торговом центре, где пребывали японские резиденты. Цзинань стал одним из первых китайских городов, познавших трагедию японской оккупации. Чан Кайши обратился к генералу

Нисита Китчи с просьбой о посредничестве, имея в виду вывод японских войск и открытие торгового района. Ответ исключал какие-либо возражения: «Мы здесь по приказу правительства».

Утром 3 мая японские представители появились во временном штабе Чан Кайши. Успокаивающие заверения, милые улыбки незваных пришельцев сопровождались пулеметной стрельбой. Узнав о начавшихся стычках между китайскими и японскими частями, Чан Кайши приказал китайским отрядам немедленно возвратиться в казармы. За просьбой прислать японских представителей для решения проблемы мирным путем последовал ответ: китайский представитель должен явиться в штаб генерала Фукуда. Деликатная миссия была возложена на генерала Сянь Шиюя, в свое время закончившего академию в Японии и знающего японский язык. Однако расчеты Чан Кайши не оправдались: японцы выдвинули униительные требования:

— ни один китаец не должен появляться на улицах нового торгового района;

— никаким китайским войскам не разрешается пользоваться железными дорогами Циндао — Цзинань, Тяньцзинь — Пукоу;

— все китайские войска должны быть отведены на 20 ли от Цзинаня.

В Цзинань выехал министр иностранных дел Хуан Фу. Прибыв на место, он обнаружил, что окружен плотным кольцом японских солдат. Хуан, полагавшийся на свой японский язык, решил, что сумеет все же договориться с Фукуда. В ответ на вежливую просьбу о встрече с ним Хуан получил документ. Из него явствовало: основная причина конфликта в Цзинани — нападение китайцев на японских резидентов. Министр отказался поставить свою подпись, как он считал, под фальшивкой. Раздался грубый окрик: «Мы прикончим тебя!» Восемнадцать часов его продержали в японском штабе и только после того, как он написал на документе «читал», отпустили.

Двадцать японских солдат появились в департаменте специального уполномоченного по иностранным делам провинции Шаньдун. Они предъявили тяжкое обвинение: два солдата японской армии были якобы убиты из окна этого здания. Начался настоящий погром. Шестнадцать чиновников оказались пленниками распоясавшейся солдатни. Японский офицер приказал уполномоченному по иностранным делам Цай Гунши стать на колени и рас-

сказать, кто все же стрелял. Чиновник отказался подчиниться грубому насилию. Офицер на его глазах застрелил одного из чиновников. Затем оккупанты начали глумиться над несчастными жертвами: отрезали им носы, уши. Вскоре все служащие пали под пулями убийц. Цай робко попытался протестовать, но удар приклада свалил его, а пуля в голову завершила трагедию.

Японцы явно провоцировали столкновение. Окружавшие Чан Кайши политики требовали принятия решительных мер против агрессора, но он упорствовал. В ночь на 4 мая Чан Кайши отдает приказ основным частям отойти на северный берег Янцзы. Войска потянулись на юг, а им вдогонку устремились японские самолеты, на отступавших в панике солдат обрушились бомбовые удары с воздуха. Чан основал свою резиденцию в 17 км от Цзинани. В городе еще оставались части во главе с полковником Ли. Вскоре Фукуда проинформировал Ли — оставшиеся здесь китайские подразделения могут беспрепятственно покинуть город через восточные ворота, у которых нет охраны. Полковник Ли, доверившись японскому командованию, повел свои части в 9 часов вечера к восточным воротам. У выхода из города его части встретил шквал огня атакующих японских подразделений. Во время инцидента погибло 3254 китайца, 1450 получили тяжелые ранения. Японские потери составили 15 убитых и 15 раненых.

Токио направило в Цзинань генерал-лейтенанта Мацуи Иванэ из разведки генштаба. Соглашение, подписанное между китайскими и японскими представителями, предусматривало полный вывод японских войск из провинции Шаньдун. Специальной комиссии поручалось определить ущерб, нанесенный местному населению. Но в документе даже не упоминалось об ответственности за конфликт, за убийство китайских чиновников. Одна из главных забот Чан Кайши заключалась в том, чтобы китайцы поверили: единственно разумное решение в этих условиях — только курс на компромисс, но никак не борьба.

По мере приближения войск Нанкинского правительства к Пекину правительство Танака все больше опасалось за интересы Японии в Маньчжурии. Японская сторона склоняла маньчжурского милитариста Чжан Цзолиня к поиску, конечно на приемлемой для Японии основе, общего языка с Гоминьданом.

Япония была практически готова к прямому вмешательству в гражданскую войну. «Война в настоящее вре-

мя распространилась на районы Пекин — Тяньцзинь, — сообщил Чан Кайши японский представитель в Пекине. — Если она распространится и на Маньчжурию, императорское правительство Японии вынуждено будет ради обеспечения мира и безопасности Маньчжурии предпринять соответствующие и эффективные меры». 18 мая командующий Квантунской армией отдал приказ разоружать любые китайские части, вступившие на территорию Маньчжурии.

В июне 1928 года войска Янь Сишаня овладели Пекином, что способствовало упрочению позиций Чан Кайши в политической жизни страны. Попытки маньчжурского милитариста Чжан Цзолия проявить самостоятельность в отношениях с Японией обошлись ему слишком дорого. Диверсионная группа японской разведки взорвала вагон, в котором ехал Чжан Цзолия. Когда войска Чан Кайши совершали триумфальный марш по улицам Пекина, сын погибшего Чжан Цзолия Чжан Сюэлян направил своих эмиссаров в ставку Чан Кайши. Молодой маршал — а Чжан Сюэлян унаследовал это звание, — памятуя о виновниках смерти своего отца, стал искать поддержки у Чан Кайши.

20 июня лидеры Гоминьдана изменили название Пекина (Северная столица) на Бэйпин (Северный мир). Это было отнюдь не новое название: до XIV в. Пекин был известен как Бэйпин. Решение должно было символизировать успех в борьбе за спокойствие в «Поднебесной».

Чан Кайши получает пост председателя Государственного совета в Нанкинском правительстве. Это почетно. Но реальная власть у него, как у главнокомандующего вооруженными силами. В прессе Чана величают не иначе как президент Китайской республики.

Чан Кайши не мог не понимать, что любые его шаги, направленные на объединение страны, будут с подозрительностью восприняты правящими кругами Японии, даже декларируемое в Нанкине намерение добиться единства нации в Токио встретят с нескрываемым раздражением. Вскоре после того как гоминьдановские войска вошли в Пекин, Чан Кайши обратился к соратникам по партии: «Будет ли закончена наша революция или нет, зависит полностью от дипломатической активности, от того, будут ли отменены неравноправные договоры». В этом направлении и последовала дипломатическая активность. Все представители иностранных государств узнали из специального заявления китайского правительства

(7 июля 1928 г.), что для Китая нет более важной задачи, чем разрушение системы неравноправных договоров.

Чан, требовавший ликвидации системы неравноправных договоров, учитывал подъем антиимпериалистического движения в стране. В то же время эти шаги вписывались и в усилия по втягиванию в конфликт с Японией других капиталистических держав. Сможет ли Нанкинское правительство противостоять революционным силам в Китае? Сумеет ли оно устоять перед усилившимся давлением Японии? Положительный ответ на эти вопросы связывался в политических кругах США и других государствах Запада с поддержкой этого правительства. Чан Кайши вскоре ощутил последствия своей женитьбы как акции, укрепившей его внешнеполитические позиции. США, а вслед за ними и другие государства пошли на ряд уступок Нанкинскому правительству, что должно было способствовать росту авторитета Гоминьдана и самого Чана. За Китаем было признано право на «таможенную автономию». Был заключен договор с США о новых таможенных тарифах (25 июля 1928 г.).

Призывы же Чан Кайши к отказу от неравноправных договоров, прежде всего от права экстерриториальности, не встретили понимания среди ведущих государств капиталистического мира.

Чан пытался создать впечатление, будто он глубоко предан заветам Сунь Ятсена. ЦИК одобрил его предложения об учреждении законодательного, исполнительного и контрольного органов власти. Он демонстрировал желание к сотрудничеству и с левыми и с правыми силами, от него шли телеграммы к Ван Цзинвэю, Сун Цинлин, хотя Чан, видимо, знал, что на эти послания в то время ответа не будет.

Из 18 членов Госсовета, возглавляемого Чан Кайши, семь были милитаристами, в их числе Фэн Юйсян, Янь Сишань, Чжан Сюэлян.

Для Чан Кайши оказалось не таким уж легким делом установить взаимопонимание с Чжан Сюэляном: ведь любые действия в этом направлении могли встретить и встречали недовольство в Японии. В то время как эмиссары молодого маршала сидели за столом переговоров в Пекине, Танака дал указание своему генеральному консулу в Мукдене Кидзиро Хаяси пригрозить Чжан Сюэляну, что «нет никакой необходимости стремиться ответить на пожелания южан». Хаяси, понимая уязвимость с международно-политической точки зрения подоб-

ного подхода, советовал Танака занять более гибкую позицию: «Если мы будем продолжать придерживать Чжана от достижения соглашения с Нанкином, мы можем навлечь на себя критику со стороны других держав». Военные, однако, в отличие от дипломатов, предпочитали в оценках ситуации в Китае основываться на привычных для себя категориях силы. Настало наконец время, полагали они, оторвать Маньчжурию от Китая.

Чжан Сюэлян был приглашен для участия в высших органах гоминьдановского правительства. Чан Кайши просил его поднять 10 октября 1928 г. над своей резиденцией гоминьдановский флаг. Чжан принял предложение о своем участии в Госсовете, но поначалу медлил с ответом по поводу подъема флага. 29 декабря маршал объявил о своей приверженности трем принципам Сунь Ятсена и признал власть гоминьдановского правительства. В трех провинциях, находящихся под его контролем, взвился гоминьдановский флаг.

Чан Кайши ощущал себя героем, вознесшим нацию на гребень славы. Распространялись слухи о силе его армии. Подтверждалась давно известная в военных кругах страны истина: «Винтовка рождает власть». Численность армии к концу 1928 г. выросла до 2 млн. Это была самая большая по численности армия в мире, и командовал ею Чан Кайши. Милитаристы, ранее не скрывавшие свою ненависть к Гоминьдану, теперь считали для себя честью вступить в эту партию. Главнокомандующему, теперь его именовали генералиссимусом, шел 41-й год.

В середине января 1929 г. Чан Кайши собирает своих генералов на конференцию в Нанкине. На повестке дня вопрос о сокращении личного состава армии. Чан Кайши намеревался ослабить бремя содержания армии, естественно без ущерба своим собственным интересам. Первостепенное значение приобрел вопрос о демобилизации в армиях милитаристов. Покинувших военную службу предполагалось использовать на строительстве дорог, в шахтах, на других общественных работах, ведь генералы командовали довольно значительными подразделениями: Фэн Юйсян, например, имел в своем распоряжении 220 тыс., Янь Сишань — 200 тыс. штыков. Под командованием Чан Кайши находилось 420 тыс. В основу своего плана Чан положил обычный расчет на ослабление других.

Амбициозным планам Чан Кайши, стремившегося упрочить свои позиции за счет ослабления соперников, не суждено было осуществиться. Не помог в этом и дух с горы

Чжуншань. Генералы Фэн Юйсян и Янь Сишань не хотели уступать Чан Кайши. Конференция была прервана.

Генерал Янь Сишань, как и Фэн Юйсян, к этому времени имел довольно яркую биографию. Родился он в семье разорившегося менялы и торговца в провинции Шаньси и, как многие его сверстники, оказался в армии. Учился в Японии, где в 1909 г. закончил военное учебное заведение. Как и Чан Кайши, он сошелся с представителями суньятсеновской организации «Тунмэнхуэй». Военный диплом, полученный в Японии, обеспечил для него место начальника военной школы, а связи с «Тунмэнхуэй» помогли сделать дальнейшую карьеру: после Синьхайской революции Янь Сишань стал губернатором родной провинции.

Чан Кайши, понимая, что Фэн попытается укрепить свои форпосты в провинции Шандунь, откуда должны были быть выведены в результате длительных переговоров японские войска, решил прежде всего договориться с японцами — вместо их войск предполагалось разместить подразделения не Фэна, а Чан Кайши. Фэн стал концентрировать свои силы в Хэнани. Чан Кайши с тревогой наблюдал за действиями своего «единоверца». Среди ближайших соратников Фэна неограниченным, казалось, доверием пользовался Хан Фучжу. Солидная взятка сделала свое дело. Хан вместе с тремя командирами дивизий, с лучшими частями из армии Фэна (100 тыс. человек) перешел на сторону Чан Кайши.

Позиции соперника значительно ослабли. Последовала и новая победа. Генералы гуандун-гуансийской группировки в результате войны (апрель—июнь 1928 г.) вынуждены были признать нанкинский режим.

Сначала — умиротворение внутренних врагов

Шанхайский переворот обозначил важную веху в борьбе Чан Кайши с КПК. Уже в 1927 г. стало ясно: схватка приобрела характер открытых вооруженных столкновений, когда физическое уничтожение коммунистов провозглашалось чуть ли не одной из наиболее важных и благородных задач гоминьдановского движения. Чан Кайши при осуществлении жесточайших акций против КПК опирался на силы как милитаристов, так и западных держав. События декабря 1927 г. в Гуанчжоу показали решимость правых гоминьдановцев утопить в крови оппозицию, возглавляемую КПК.

После поражения Наньчанского восстания несколько сот солдат из подразделений Е Тина и Хэ Луна пробились в Гуандун. Гуандунский провинциальный комитет КПК принял решение поднять восстание в Гуанчжоу¹. 10 декабря 1927 г. части Красной армии получили приказ начать выступление по сигналу фабричного гудка. Ранним утром 11 декабря в расположении учебно-инструкторского полка, которым командовал Е Цзяньин, прогремели выстрелы, офицеры-коммунисты возглавили восстание, гоминьдановская агентура была изолирована. 15 старших офицеров, оказавших сопротивление, поплатились жизнью. Не прошло и двух часов, как штаб восстания взял под свой контроль основные объекты города. До наступления рассвета оставалось еще немало времени, и на центральных улицах Гуанчжоу в свете прожекторов вспыхивала сталь длинных ножей, остроконечных пик. Огромная толпа двигалась к управлению общественной безопасности, где находился плот сопротивления восставшим. Схватка отличалась особой жестокостью. 12 декабря гоминьдановцам удалось застрелить одного из видных деятелей КПК, организатора и вдохновителя Кантонского восстания Чжан Тайлэя. Это было тяжелым ударом для восставших, ослабла координация отдельных его звеньев, подорвана вера в успех. А тем временем войска милитаристов окружили город, их действия прикрывались огнем с американских, английских, японских кораблей, стоявших на реке Чжуцзян.

Чан Кайши и во время кантонских событий не обманул надежд своих союзников на Западе. Для выполнения чудовищных замыслов были подобраны проверенные люди. Среди них — один из верных пособников гоминьдановцев полковник Чжоу Дун. Под предводительством Чжоу Дуна вооруженный отряд и агенты службы безопасности нагрянули на улицу Байцзы, где находилось советское консульство. Началась расправа над советскими представителями в Южном Китае. Тяжкие муки довелось испытать советским людям в гоминьдановских застенках. Во время следствия, которое вели органы общественной безопасности КНР по делу палачей Кантонской коммуны, фигурировали снимки, где запечатлена трагедия. Под одной из фотографий подпись: «Русских коммуни-

¹ Поскольку Гуанчжоу в соответствии с местным диалектом именовался нередко Кантоном, то восстание вошло в историю как Кантонское.

стов водят по улице под конвоем и показывают публике», под другой — «Красные русские, казненные в управлении общественной безопасности»¹.

Коммуна просуществовала три дня, но подвиг коммунаров не забыт, как не забыта и мученическая смерть советских представителей в Южном Китае. Ежегодно 11 декабря в КНР отдают дань памяти беспримерной стойкости и мужеству участников кантонских событий.

Но обескровленные после переворота 1927 г. воинские подразделения, возглавляемые коммунистами, вновь заявили о себе как о вполне реальной силе, с которой нельзя не считаться. Более того, коммунисты, овладевшие командными постами в ряде милитаристских армий, сумели повести за собой некоторые части, объединить их с остатками соединений КПК, сохранившихся после первых военных поражений, и создать таким образом ядро вооруженных сил КПК.

Гоминьдановский лидер рассуждал о единых действиях против внутренних и внешних врагов. Но единство, если оно и достигалось, носило в большей мере символический характер, нежели отражало реальные внутривнутриполитические тенденции того времени. За плечами Чан Кайши уже был богатый опыт сражений с милитаристскими кликами, но победы в них обеспечивались отнюдь не единичными действиями, а скорее изощренными спекуляциями на противоречиях в стане противостоящих сил. Рост вооруженных сил КПК вызывал особое раздражение Чан Кайши, но, когда подразделения Красной армии наносили урон его временным союзникам, он захватывал территории последних и разоружал войска. Таким путем удалось ему, по существу, расправиться с Лю Вэньхоем, Тянь Суньяо и другими.

Чан Кайши, отдавая приоритет борьбе с КПК, учился в этом отношении у Ван Цзинвэя. «Подавление коммунизма,— писал некогда прославившийся своей «левизной» Ван Цзинвэй,— есть, в сущности, оборонительная мера против иностранной интервенции, поскольку если в период военных действий обдумывается наступление на фронте, то здесь прежде всего должна быть обеспечена безопасность тыловых позиций». Чан Кайши, как и Ван Цзинвэй, взял на свое вооружение тезис: «Сначала — умиротворение внутренних врагов, а затем сопро-

¹ Подробнее см.: Проблемы Дальнего Востока, 1988, № 1. С. 120—128.

тивление внешним». И того и другого волновал рост влияния КПК. Когда же дело доходило до использования военной силы против вооруженных формирований КПК, гоминьдановцы нередко терпели поражение. Несколько походов против находившихся под контролем КПК районов и Красной армии закончились безрезультатно¹.

Ван Цзинвэй, хотя и разделял позицию Чан Кайши о приоритетности линии на умиротворение внутренних врагов, не мог мириться с упрочением диктатуры своего соперника. Он, чувствуя рост недовольства политикой Гоминьдана в различных слоях общества, решительно осудил деятельность Чан Кайши. Аргументов для критики было предостаточно: родственники и личные друзья — на ведущих правительственных постах, замашки диктатора, действующего так, словно государство его собственное владение, и т. п.

21 октября 1929 г. Ван Цзинвэй публично обвинил Нанкинское правительство в разложении. В выступлении Вана немало было призывов к «реорганизации» Гоминьдана. Поэтому самого Вана и его соратников в противоборстве с Чан Кайши называли «реорганизационистами». Рассуждения «реорганизационистов» в значительной степени были сдобрены демагогией. Они порой увлеченно говорили в «защиту» национальной политики, а в действительности пользовались поддержкой Японии в борьбе с Нанкинским правительством, опиравшимся на США и Англию. «Реорганизационисты», обвиняя нанкинскую бюрократию в коррупции, взяточничестве, приверженности диктатуре, благословляли в то же время расправы над красными профсоюзами, организациями КПК.

Чан Кайши подстегнул своих «теоретиков» на противоборство с Ван Цзинвэем. Слишком опасными с точки зрения интересов диктатора оказались рассуждения «левых» об угрозе перерождения партии, о ее загнивании как результате деятельности бюрократов и милитаристов. «Левые» совсем распоясались: требовали подчинить военную власть партийной, провести принцип демократического централизма. Группировка Чан Кайши, признавая тенденцию к загниванию в партии, свалила вину за деградацию в Гоминьдане на... коммунистов, призвала усилить роль военных в партии, обуздать «прокоммунистические элементы».

¹ См.: Овчинников Ю. М. Становление и развитие единого национального фронта сопротивления Японии в Китае. М., 1985. С. 24.

Чан Кайши использовал в борьбе с партийными соперниками и иные методы. Его группировка возобладала в столкновениях по поводу созыва III съезда партии. ЦИК Гоминьдана, находившийся под контролем чанкайшистов, отобрал и назначил до 79% всех делегатов. Съезд, состоявшийся 18 марта 1929 г., прославил личный вклад Чан Кайши в строительство партии, а сторонники Ван Цзинвэя были изгнаны из центральных органов и организаций Гоминьдана. Армия и полиция, разыскивая непокорных, громила провинциальные и городские комитеты Гоминьдана. В конце 1929 г. Чан Кайши отдает приказ об аресте Ван Цзинвэя.

Ван Цзинвэй рассчитывал с помощью Фэн Юйсяна и Янь Сишаня изолировать Чан Кайши, в лучшем случае — избавиться от него. К началу апреля 1930 г. Янь Сишань возглавил античанкайшистские войска, его заместителем стал Фэн. Шесть месяцев длилась кровавая бойня. 150 тыс. убитых и раненых — такова цена, которую заплатила коалиция Яня — Фэна в борьбе с Чан Кайши. Янь Сишань бежал в Маньчжурию. Правительство в Нанкине потеряло 30 тыс. убитыми и 60 тыс. ранеными. Своей следующей победой над политическими противниками Чан был во многом обязан Чжан Сюэляну.

18 сентября 1930 г. Чжан Сюэлян объявил о поддержке Чан Кайши. Его силы быстро овладели Пекином. Лидерство Чжана на Севере вряд ли мог кто-либо оспаривать. Он распространил свое влияние на провинцию Хэбэй. Вскоре Чан Кайши назначил молодого маршала заместителем главнокомандующего вооруженных сил Китая, а затем и членом Политического совета ЦИК Гоминьдана.

10 октября Чан Кайши объявляет о первоочередных задачах Гоминьдана — подавление коммунизма, бандитизма, восстановление финансов, организация неподкупной и эффективной администрации, экономическое развитие, обеспечение автономии для районов. Он пытается лишить своих противников основных аргументов и бросает в лицо соратникам по партии обвинения в коррупции, злоупотреблении привилегиями, в нарушении законов. Бранное выступление Чана по этому поводу на очередном заседании ЦИК в середине ноября оказалось, по существу, бурей в стакане воды — фамилии главных нарушителей закона не были названы.

Но вот борец за нравственную чистоту членов Гоминьдана встречает приехавшего в Китай посланца Второго Интернационала Эмиля Вандервельде. В тот самый

момент, согласно воспоминанию самого Вандервельде, когда он садился в машину, принесли дары: массу коробок с чаем, шелком, дорогими материалами, фруктами, веера, расписанные по золотому фону. Их преподнес мэр города Ханчжоу. Губернатор Чэн лично вручил гостю свой подарок: кули, сгибавшиеся под тяжестью груза, принесли огромный ящик с надписью на французском языке: «Правительство провинции Чжэцзян Эмилю Вандервельде». Трудно было отличить взятку от подарка. Но гость не остался равнодушным. Яркими красками он нарисовал читателям встречавшие его политические фигуры. И среди них самого Чан Кайши. «Высокий, тонкий, удивительно молодой, очень простой в своем мундире цвета хаки, без погон. Чан Кайши,— восхищался гость,— чужды всякая театральность и поза. В нем нет ничего жестокого, и он не позирует для галерки...»¹

Диктатура нуждалась в конституционном оформлении. 5 мая 1931 г. в Наньянском университете собралось Национальное собрание. Все 447 делегатов были членами Гоминьдана, Чан Кайши говорит о верности программе Сунь Ятсена, по его предложению 12 мая принимается временная конституция.

Оппозиция проявляет себя на различных уровнях и в различных формах. Ху Ханьминь, хотя и был многим обязан Чан Кайши, попытался указать на необходимость повышения роли партии, а не личности. Чан просто посадил его под домашний арест. Сложнее было побороть противников в Гуанчжоу. Гуандунский генерал Чэнь Чжитан вместе с гуансийскими генералами создает «национальное правительство» во главе с Ван Цзинвэем в Гуанчжоу. В это правительство вошли такие известные деятели, как Сунь Фо и Евгений Чэн. 31 июля 1931 г. три человека стреляли в автомобиль Чан Кайши. Схватенные террористы заявили: они посланы правительством в Гуанчжоу.

Чан Кайши ощущал нарастающие удары различных сторон: оппозиции внутри Гоминьдана, КПК, Японии. Главная угроза, по его мнению, исходила, как и прежде, от КПК. Чан Кайши предпринял ряд карательных операций против района Цзянси, где был учрежден руководимый КПК центр советского движения (то есть где высшими органами власти были советы). Стотысячная армия, состоящая из отрядов местных милитаристов, дви-

¹ Проблемы Китая. 1931, № 8—9. С. 18—19.

нулась на 40 тыс. бойцов, оборонявших советскую провинцию Цзянси, где с ноября 1930 по январь 1931 г. разворачивались кровопролитные сражения. Командующие корпусами Красной армии Чжу Дэ, Пэн Дэхуай, Хуан Гунлюэ, проявляя умелую тактику, сумели отбросить полки карателей. В начале 1931 г. Чан Кайши заявил о своем решении разгромить возглавляемые коммунистами войска. Вторая карательная экспедиция (с середины марта до конца апреля 1931 г.), в которой приняла участие половина (до 200 тыс.) войск Чан Кайши, также окончилась безрезультатно. Наконец в июне Чан сам возглавил третью карательную экспедицию с участием примерно 300 тыс. войск, 100—120 самолетов, 150—200 орудий. Но и эта экспедиция закончилась крахом.

Главком, подавленный неудачей карательных походов против КПК, не замечал или не хотел замечать военных приготовлений японцев, отмахивался от внешней угрозы. Он взывал к необходимости «привести в порядок дом», консолидировать силы в опорных районах Гоминьдана, усилить вооруженные формирования. «Только после искоренения красных бандитов в Цзянси,— говорил он,— я смогу быть готовым пойти на жертвы, которые, возможно, будут необходимы в отношениях с японцами на Северо-Востоке».

В Японии к этому времени заканчивались приготовления к вторжению в ослабленную междуособными распрями страну. Начиналась новая глава трагической и славной истории борьбы китайского народа с японскими захватчиками. Предлогом (скорее, сигналом) для начала агрессии должна была стать тщательно разработанная японской разведкой провокация. Группа японских диверсантов заложила в один из железнодорожных вагонов взрывчатку. Взрыв произошел во время движения состава по Южно-Маньчжурской железной дороге. Японское командование возложило всю ответственность за взрыв на «китайских бандитов», заявило о намерении императорской армии принять меры для безопасности своих граждан.

В 8.20 утра 19 сентября 1931 г. две роты японских солдат появились на полотне железной дороги в районе Шэньяна (Мукдена). Китайские полицейские открыли огонь, но были тут же смяты наступавшими. Японская батарея тяжелых орудий открыла сокрушительный огонь по казармам полиции, по аэродрому. До 10 тыс. китайских солдат и полицейских не выдержали огневого натиска

японской артиллерии и рассеялись. Понадобилось всего лишь 500 японских солдат, чтобы овладеть казармами. Такова была первая проба сил.

Активный участник разработки Маньчжурской операции Сэйсиро Итагаки позвонил со станции Мукден в Порт-Артур и доложил командующему Квантунской армией генерал-лейтенанту Сигэру Хондзё об успехе. В ответ он услышал: «Да, наступление — лучший вид обороны, что должно было случиться, то и случилось».

Еще 11 сентября Чан Кайши уговаривал Чжан Сюэляна предпринять все, что в его силах, с целью предотвратить столкновение с японцами. Чжан Сюэляну не так легко это было сделать. Японские войска маршируют по улицам Шэньяна, Аньдуна и других городов Северо-Восточного Китая. Жители этих мест — бойцы и офицеры армии, находящейся под командованием Чжан Сюэляна, — с тревогой ждут вестей с родины. Чжан Сюэлян, избегая боя, отходит на Юг. Рабочие и кули мукденского арсенала объявляют всеобщую забастовку протеста против японской оккупации, мужественно вступают в уличные схватки с японскими солдатами и полицией. В то же время по поручению Нанкинского правительства в Женеве китайский представитель официально поставил перед генеральным секретарем Лиги Наций вопрос о противозаконных действиях Японии. Китайская сторона безуспешно взывает к Лиге Наций, умоляя незамедлительно принять необходимые меры и предотвратить дальнейшее развитие событий, подрывающих мир. В планы правящих кругов Англии, Франции, США не входили какие-либо ответные действия. Многие на Западе ожидали, что японская агрессия будет в конце концов направлена на Север, против Советского Союза, и стремились содействовать такому повороту событий.

21 сентября 1931 г. Чан Кайши собирает совет политических и военных лидеров. На встрече он выражает сомнение в возможности Китая вступить в войну с таким сильным противником, как Япония. Казалось, что реальная угроза со стороны Японии заставит соперников внутри Гоминьдана протянуть друг другу руки. Начинаются переговоры между Нанкином и Гуанчжоу о прекращении войны. Новый состав руководящих органов, избранный на IV съезде Гоминьдана (12—22 ноября 1931 г.), почти на равных объединил основные враждовавшие между собой группировки — нанкинскую и гуандун-гуансийскую. Но чаша весов в их борьбе качалась то в одну, то в

другую сторону. За Чан Кайши было преимущество: он контролировал армию.

Чан Кайши, несмотря на оптимистические оценки обстановки, не верил, что японцы выведут свои войска из Маньчжурии. «Я знаю японцев. Я знаю японскую философию,— утверждал он,— они скорее позволят уничтожить Токио и Японский архипелаг, нежели уйдут из Маньчжурии»¹. В его дневнике 22 сентября 1931 г. содержится следующая запись: «С началом японской агрессии в Китае началась вторая мировая война».

...10 января 1932 г. полковник японской разведки Итагаки направляет в Шанхай своему шефу телеграмму. В ней, в частности, говорилось о целесообразности отвлечения внимания великих держав от Маньчжурии. Глава японской разведки в Шанхае майор Танака был вызван в Мукден, где и состоялась его встреча с полковником Итагаки. Полковник заявил: Квантунская армия намеревается в недалеком будущем оккупировать Харбин, учредить новое маньчжурско-монгольское государство во главе с последним представителем маньчжурской династии Пу И. Такое развитие событий будет идти, полагал полковник, вразрез с настроениями в Лиге Наций. Танака получил конкретное задание: спровоцировать инцидент в Шанхае, чтобы отвлечь внимание мировой общественности от событий в Маньчжурии. Итагаки передал в руки Танака 20 тыс. долларов. В Шанхае майор мог получить дополнительно 100 тыс. долларов от японских текстильных промышленников.

18 января 1932 г. группа буддийских монахов — три ученика секты из пагоды Мёхо и два японских монаха из секты нитиран мирно шествовали по шанхайскому переулку Иншань, обращаясь к собратьям по религии звоном колокольчиков. Вдруг неизвестные лица напали на скромную процессию. Двое монахов тяжело ранены. Один сразу же скончался от побоев. На следующий день члены молодежной организации японского селтльмента «Общество единой цели», вдохновляемые секретной агентурой, нападают на фабрику полотенец. Объект для нападения выбран отнюдь не случайно,— рабочие фабрики известны активным участием в движении против японской агрессии в Маньчжурии.

В Шанхае назревало кровопролитие. 23 января японские боевые корабли бросили якорь недалеко от города.

¹ *Fuguя К.* Op. cit. P. 343.

На стихийных митингах народ требовал от правительства защиты города от агрессии. Назначенный президентом Исполнительного юаня (парламентской палаты) член ЦИК Гоминьдана Сунь Фо вел переговоры с японцами. Сунь Фо с его прозападной ориентацией не подходил, однако, для этой роли и вынужден был уйти в отставку. Его место занял Ван Цзинвэй. Настало время продемонстрировать трогательное единство Чан Кайши с Ван Цзинвэем. Расчеты связывались скорее всего с тем, что прояпонская позиция Вана поможет ослабить силу японо-китайского столкновения.

В 23.00 26 января адмирал Сёдзава направил ультиматум шанхайским властям, требуя прекратить антияпонские выступления. Ответ на ультиматум был еще не получен, а хорошо обученная японская морская пехота уже направилась в рабочий район Шанхая Чапэй (Чжабэй), где проживала значительная часть японских граждан. Японские солдаты не ожидали какого-либо серьезного сопротивления, но их встретили пулеметные очереди. Из района Северного вокзала вели прицельный огонь солдаты 19-й армии. Адмирал Сёдзава отдал приказ бомбить жилые кварталы. Под обломками зданий гибли старики, женщины, дети. Пылал Чапэй. Возмущенные рабочие и студенты обрушили свой гнев на японских служащих и полицейских, произошли столкновения с французской и английской охраной селтльментов, взявших под защиту японских резидентов. Весть о событиях в Шанхае разнеслась по стране.

Вторжение японцев в Маньчжурию всколыхнуло патристические чувства китайцев независимо от их социальной принадлежности. 20 тыс. студентов из различных районов страны начали марш под антияпонскими лозунгами в Нанкин. Наиболее популярными призывами были следующие: «Порвать с Лигой Наций!», «Объявить войну с Японией!», «Объединить Нанкинское и Кантонское правительства!»

Чан Кайши стремился спустить на тормозах антияпонское движение. 5 декабря 1932 г. были запрещены студенческие демонстрации. Чан обратился к участникам движения протеста: «Все мы должны действовать в соответствии с нашими обязанностями и оставаться в рамках закона. Нет другого пути спасения нашей страны от агрессии».

Антияпонское движение развивалось помимо воли и желания гоминьдановских лидеров. Шанхайские собы-

тия января—февраля 1932 г. показали: солдаты, добровольцы вполне сознательно шли на смерть в схватках с превосходящими силами агрессора, не имея порой ни директив, ни даже одобрения правительства. Храбро сражались бойцы 19-й армии, хотя и имели приказ отходить. Чан Кайши был, по существу, сторонним наблюдателем.

Иностранные обозреватели сообщали: 19-я армия наиболее дисциплинированная и эффективная сила. После ее отхода с шанхайского фронта до 40 тыс. рабочих продолжали участвовать в забастовочном движении. Казалось, что интересы сопротивления иностранным захватчикам диктовали необходимость использования 19-й армии. Но 19-я не входила в число личных подразделений Чан Кайши, а представители командного состава не считались его людьми. Этого было достаточно для решения о роспуске армии. Командование армии отказалось подчиниться приказу и отвело свои части в прибрежные районы провинции Фуцзянь. Тогда Чан Кайши направил своего приближенного Чжэнь И на пост губернатора провинции Фуцзянь, снабдив его инструкцией разоружить и распустить 19-ю армию. Героическая армия оказалась в трудном положении: ее изолировали, лишили снабжения. Чан Кайши, предпочитая иметь дело с милитаристами, принимает решение о компромиссе с Янь Сишанем: возвращает ему его вотчину — провинцию Шаньси и даже предлагает ему пост председателя Комиссии по делам Монголии и Тибета при центральном правительстве.

Сила агрессора, поощряемая чанкайшистской политикой умиротворения, как и следовало ожидать, все же возобладала. Под жерлами пушек адмирала Сёдзава было подписано унижительное для китайской стороны перемирие. Соглашение вызвало новые протесты, возмущенные студенты напали на тех, кто его подписывал. Участники антияпонского движения все глубже начинают проникаться идеей мобилизации сил в рамках единого фронта.

Борьба в среде гоминьдановских лидеров лишь способствовала осуществлению японских планов овладения Маньчжурией. 1 марта 1932 г. мир узнал о провозглашении нового «государства» Маньчжоу-Го во главе с Пу И.

В марте 1932 г. в Лояне состоялся пленум ЦИК Гоминьдана. 18 марта Чан Кайши занял пост председателя Военного совета. Председатель, декларируя свою платформу, отмечает первостепенную опасность со стороны «внутренних врагов» — коммунистов («...внутренние бес-

порядки — наиболее благоприятные условия нападения агрессора»).

1931—1932 годы стали для простого народа, обездоленных крестьян особенно тяжелыми. После обильных дождей Янцзы вырвалась из берегов, огромная территория оказалась под водой. Улицы города Ханькоу превратились в русла рек. За два месяца утонуло до 2 млн человек. Целые деревни сносились потоками. И стоило отступить водяной стихии, как начинались голод, инфекционные заболевания.

Резкое падение цен на экспортные сельскохозяйственные товары еще больше усиливало эксплуатацию сельской бедноты. Крестьяне бросали насиженные места, уходили в города, пополняли ряды безработных и люмпенов.

5 апреля 1932 г. руководство советских районов объявляет войну Японии. Авторитет КПК рос по мере повышения ее роли в антияпонском движении, в осуществлении новой аграрной политики в сельских районах. Лидеры Гоминьдана пытаются противопоставить КПК не только кулак, но и различного рода подачки сельскому населению: претворяются в жизнь планы социального маневрирования в деревне. В гоминьдановских верхах для Чан Кайши готовятся новые предложения по «умиротворению» Красной армии и советских районов. Намечены и осуществляются меры по преобразованию деревни в провинции Цзянси, откуда были удалены вооруженные силы КПК. Одна из задач — обеспечить лояльность населения бывших советских районов по отношению к правительству Нанкина. Особые надежды возлагались на «Ассоциацию моральных усилий офицеров», созданную в 1927 г. и призванную определять поведение военной элиты. Полковник Хуан Чжэнлин, возглавлявший ассоциацию, в прошлом секретарь «Ассоциации молодых христиан», имел тесные связи с мадам Чан Кайши. Сун Мэйлин благословила полковника на привлечение представителей методистской церкви к воспитанию военных и сельской паствы.

Союз гоминьдановцев с шэньши, крупными землевладельцами, милитаристами ограничивал для Чан Кайши возможность использования крестьянства как опоры для осуществления своей политики. В этих условиях Чан Кайши не мог добиться желаемых успехов в сельских районах.

«Моральные усилия» офицеров из чанкайшистского окружения подкреплялись жесткими военными акциями.

18 июня 1932 г. в Гуйлине собралась конференция пяти провинций (Хэнань, Хубэй, Аньхой, Хунань, Цзянси). Обсуждался вопрос о «подавлении коммунистов». Там же было принято решение о четвертом походе. На этот раз Чан Кайши бросил в бой до 90 дивизий общей численностью 500 тыс. человек.

Чанкайшистам все же удалось овладеть частью территории некоторых советских районов в Центральном и Южном Китае, заставить отдельные соединения Красной армии передислоцироваться. Главного, однако, Чан не смог осуществить. Красная армия не была разгромлена, она не только сохранилась, но и укрепилась в численном и боевом отношении.

В конце июля—начале августа 1932 г. на Лушаньскую конференцию Гоминьдана собираются ведущие лидеры партии — Чан Кайши, Ван Цзинвэй, Сунь Фо, там присутствуют видные представители шэньши, тухао (ростовщики, землевладельцы, держатели притонов, связанные с уголовным миром). Конференция принимает новый план: «Три десятых места — военным и семь десятых — политическим мероприятиям». Чан Кайши, оценивая новую тактику, учитывал прежде всего причины превосходства КПК, в частности успешную работу по мобилизации сельского населения... он призывал в связи с этим полагаться не только на регулярные войска для подавления коммунистов («регулярные войска должны быть использованы в плановых операциях и позиционных сражениях»), но и создавать народные корпуса обороны, усовершенствовать систему «баоцзя», «организовать народные массы и вооружить их»¹.

Система «баоцзя»... Самодержавные правители Китая в целях укрепления национальной обороны с давних пор устанавливали воинскую повинность для крестьян — «баоцзя». При этой системе население регистрировалось и формировалось в специальные ячейки для набора солдат и рабочей силы (10 хозяев составляли одно цзя, а 10 цзя — одно бао, 10 бао, или 1000 хозяйств, — сян (село) либо чжэнь (город). Чан Кайши стремился обратиться в борьбе с КПК к традициям, прежде всего к круговой поруке, рекрутированию в ополчение (крестьянин — солдат).

В соответствии с такого рода установками Чан Кайши создавалась система массовых школ «баоцзя». По

¹ Воронцов В. Б. Дело «Амерэйша». М., 1974. С. 41.

существо, развернулась кампания по «вытравливанию из сознания народа коммунистических идей». Особенно насаждалась система «баоцзя» на территории бывшего Центрального советского района, куда после ухода КПК пришли гомиьдановские части. Организационная группа разъясняла населению принципы системы «баоцзя», проводилась регистрация населения, аппарат управления разбивался на подразделения, формировалась местная милиция, которая отвечала за охрану деревень, ликвидацию неграмотности, гигиену, распространение основ агротехники и идеологическое воспитание.

Чан решил не давать Красной армии передышки: он сразу же приступает к организации пятого похода. США в канун похода предоставляют заем. Нанкинское правительство субсидируют англичане, французы, немцы, в том числе на строительство для Китая на американских заводах 850 самолетов. К октябрю 1933 г. Чан закончил военные приготовления; в его руках сконцентрировалась огромная военная сила — до 90 дивизий, включавших наиболее преданные Нанкину части, 300 самолетов, более 200 орудий. На службе у Чан Кайши находилось тогда до 150 американских и канадских пилотов.

Отличительной чертой нового похода против Красной армии стало участие в разработке оперативных планов Чан Кайши опытных специалистов из Германии. Гитлер, пришедший к власти в 1933 г., одобрил поездку руководителя рейхсвера Ганса фон Секта в Китай. В 1933 г. Сект стал начальником генерального штаба Нанкинской армии. Затем Секта сменил фон Фалькенхаузен. Немецкие советники организовывали специальные школы, курсы по подготовке военных и военно-технических специалистов, руководили созданием военных сооружений, принимали непосредственное участие в боевых действиях.

В борьбе Чан Кайши с Красной армией отражалось, хотя порой и в весьма сложном преломлении, столкновение в международной политике противоположных мировоззрений. Немецкие советники, находившиеся при Чан Кайши, с удивлением узнали, что в советских районах действует их соотечественник. Нацистская разведка в Китае информировала свой центр в Берлине: в Баосане (Северная Шэньси) находится немец по фамилии Ли Дэ, который сотрудничает с командирами Красной армии. Гомиьдановские генералы были поражены, когда познакомились с попавшими в их руки записками Ли Дэ,

из которых узнали, как автор довольно точно предугадал планы чанкайшистов и умелыми маневрами сорвал их. «Мозг КПК» — так назвал Ли Дэ один из гоминьдановских генералов. Под фамилией Ли Дэ скрывался немецкий коммунист-интернационалист Отто Браун.

Чан Кайши видел для себя серьезную угрозу во взаимодействии Центрального советского района и 19-й армии, возглавляемой генералом Цай Тинкаем. 19-я армия, в рядах которой резко усилились антияпонские, античанкайшистские настроения, стала опорой Народно-революционного правительства провинции Фуцзянь. О создании этого правительства было объявлено на массовом митинге в городе Фучжоу 22 ноября 1933 г. В фуцзяньских событиях приняли участие бывшие военные лидеры Гоминьдана Чэнь Миншу, Ли Цзишэнь, политические деятели Евгений Чэн, Сюй Цянь и другие.

Участники событий требовали ликвидации диктатуры Чан Кайши в Гоминьдане, прекращения его «ошибочных и незаконных действий». В специальной прокламации от 22 ноября Чан был клеймен «за пренебрежение к воле народа, предательство нации». Через день он получает от них телеграмму с предложением уйти в отставку. Оппозиция в Фуцзяни требовала отказа от неравноправных договоров с капиталистическими державами, удаления из портов и вод провинции всех иностранных войск и организаций колониального характера, введения всеобщего избирательного права и демократических свобод, проведения ряда социально-экономических мероприятий в интересах трудящегося народа.

Чан Кайши с глубокой тревогой отнесся к событиям в Фуцзяни. «Цай Тинкай капитулировал перед коммунистами, — жаловался он Секту, — это измена, она должна быть осуждена и пресечена, ибо это плохой пример для сепаратистов, которых немало на Севере и Юге Китая»¹.

Античанкайшистское восстание в Фуцзяни не было, однако, использовано руководством КПК. «Только совместные с 19-й армией военные действия, — отмечалось позднее в решении совещания Политбюро ЦК КПК в Цзуньи (8 января 1935 г.), — могли уничтожить основную силу Чан Кайши, но этот выгодный и небывало удобный случай нами не был использован». Было ли это ошибкой? Ясно одно: слабостью КПК тех времен объ-

¹ Crozier B., Chou E. Op. cit. P. 155; Сапожников Б. Г. Указ. соч. С. 61.

ясняется ограниченное использование военных и политических средств, находившихся в ее распоряжении, против Чан Кайши.

Часть своих войск, предназначенных для борьбы с Красной армией, Чан Кайши бросает на фуцзяньский фронт, против 19-й армии. Гоминьдановцам удалось захватить провинцию Фуцзянь, использовав свое военное и техническое преимущество. В Цзянси против Центрального советского района было сосредоточено около двух третей наличного состава войск Чан Кайши.

С весны 1933 г. Гомиьдан пошел на значительные уступки Японии. Ван Цзинвэй показал себя активным сторонником японской ориентации, и при его участии и было достигнуто соглашение в Тангу (31 мая 1933 г.). Япония получила ряд привилегий в Северном Китае. Устанавливалось сквозное железнодорожное сообщение и прямая почтово-телеграфная связь с Маньчжоу-Го.

Глава 3

Упрочение диктатуры — слабость режима

Спасение нации, или Выживание Чан Кайши

Вскоре после начала японской агрессии в Маньчжурии обучавшиеся в Японии китайские студенты, взволнованные тревожными вестями с родины, стали активно обсуждать возможные пути противодействия захватчикам. В октябре 1931 г. состоялась встреча антияпонски настроенной молодежи и в Нанкине. Участники собраний выдвинули лозунг «Спасти нацию!». Маньчжурский инцидент благоприятствовал появлению различных организаций националистического характера — «Армия железа и крови», «Антияпонская ассоциация» и т. д.

Чан Кайши обратил внимание на новое движение, которое стало именоваться «движением за спасение нации». Основатели движения утверждали: «Китай имеет обширную территорию, богатые ресурсы, многочисленное население. Если в чем и нуждается Китай, так это в сильной организации». Они призывали по-настоящему оценить потенциальные возможности народа и страны, развивать экономическую мощь, повысить эффективность правительственного руководства, усилить армию. Только так, утверждали представители движения, можно противостоять «коммунистической угрозе и японскому вторжению». В среде либеральной интеллигенции зрело стремление к обновлению общества, к спасению от того зла, которое нанесли стране грызня между милитаристскими кликами, система неравноправных договоров Китая с капиталистическими державами.

Уже в начале 30-х годов нанкинский режим показал полную беспомощность в деле преобразования прежней административной системы. Провинции пользовались, как и во времена господства милитаристов, самостоятельностью по отношению к центральной администрации. Провинциальные чиновники обладали, по существу, бесконтрольным правом по сбору налогов. В условиях, когда во всех сферах жизни военная сила подменяла закон, административный механизм не мог действовать слаженно. Начальники уездов десяти провинций Центрального Китая в лучшем случае находились на своей должности до полутора лет. Чиновник, получив подходящую синекуру, спешил удовлетворить свою страсть к наживе, и в этом смысле перед ним открывались самые благоприятные возможности. Он произвольно устанавливал налоги, облагал крестьян дополнительными поборами. В условиях противоборства различных региональных и политических клик, борьбы с КПК, а также стихийных бедствий дополнительные поборы принимали характер военных реквизиций. Многие чиновники вынуждали крестьян производить опиум, устанавливали монополию на продажу этого зелья.

Какие-либо шаги центральной администрации по борьбе с коррупцией выглядели как усилия по борьбе с «мухами и комарами», а «тигры и львы» оставались на свободе. Наиболее состоятельные собственники, провинциальные чиновники передавали официальным лицам высшего ранга часть награбленных у народа средств, покупая таким путем право на безнаказанное воровство.

Государственные учреждения становились убежищем для бездельников, казнокрадов и взяточников. Китайский город разлагался под активным воздействием отбросов западной цивилизации, деятельности, тесно связанной с иностранным бизнесом китайской мафии, возрастало потребление спиртного, невиданный размах приняло курение опиума. Еще в 1928 г. Чан Кайши, как председатель Военного совета, принимает меры против наркомании. Официальным лицам Гоминьдана и правительства, если они находились в плену этого тяжелого недуга (а таких было немало), давалось три года на излечение. Приняты были специальные законы против опиумокурения. Тем из них, кто игнорировал добровольное лечение от недуга, угрожала смертная казнь. Виновные в транспортировке, продаже этого яда расстреливались, а их собственность конфисковывалась.

Генералиссимус взял в свои руки всю машину подавления наркомании, чем в немалой степени способствовал своей популярности. В ноябре 1928 г. во время поездки по стране Чан Кайши отдавал приказы закрывать различного рода сомнительные заведения. В ряде районов широко рекламировались указания Чан Кайши о строительстве новых школ, дорог. Всюду говорили о новой эре. Глава государства хотел показать себя в роли ее родоначальника. «Рабочий день в наших учреждениях весьма короткий — всего лишь 5 часов, — констатировал Чан, — и, несмотря на это, я видел служащих, возлежащих на своих рабочих местах, бессмысленно глазающих в потолок, читающих газеты или спящих».

Необходимо было — и об этом говорилось немало — восстановить социальную справедливость. Сам Чан Кайши давал собственное толкование этому понятию.

12 сентября 1932 г. на расширенном заседании работников партийных, правительственных и военных учреждений в Ухане Чан Кайши говорил: «Если требуют несправедливого уменьшения квартирной платы, лишаящей домовладельцев всякой прибыли, из-за чего у них отпадает желание вкладывать капитал в жилищное строительство, или же требуют несправедливого увеличения заработной платы, непосильного для капиталистов и вынуждающего их закрывать свои предприятия, то такие требования расшатывают экономическую основу общества. Мы считаем это недопустимым. Я хочу, чтобы наша партия и правительство обратили особое внимание на эту сторону дела, чтобы с максимальной быстротой проводить необходимую экономическую политику».

Сам Чан и его помощники могли позавидовать реальным результатам «шаньсийского эксперимента», осуществленного Янь Сишанем. Здесь в качестве важнейшего налога использовался поземельный, от которого центральные власти отказались в пользу провинций. Главным же в налоговой политике стало то, что основную его тяжесть пришлось взять на себя богатым, имущим слоям населения. Губернатор распространял займы среди крупных землевладельцев, поднял налоги на торговые сделки, получал доходы и от опиумной монополии. Накопления позволяли вкладывать больше средств в развитие промышленной и торговой инфраструктуры. Критики обвинили Янь Сишаня в «большевизме». «Шаньсийский эксперимент» приводил к элитарному обособлению провинци-

альной военной и административной бюрократии, к росту амбиций самого губернатора, мечтавшего занять место в когорте национальных лидеров. Нечто подобное «шаньсийскому эксперименту» было в некоторых мероприятиях Чан Кайши, когда он начинал «кампании» по борьбе с коррупцией.

За казнокрадство Чан наказал немало высокопоставленных деятелей, но семейства Сун и Кун, доказавшие преданность генералиссимусу, процветали. В простом народе пользовалась популярностью поговорка: «Ловишь разбойника, так сперва лови главаря!» Многие участники революции, боровшиеся под знаменем Сунь Ятсена, оказались морально опустошенными, использовали свои посты для бессовестного обогащения, для обеспечения своим близким прибыльной синекуры.

Семейные связи цементировали высший слой гоминьдановской элиты, взявшей в свои руки контроль над экономической жизнью страны и оказавшейся выше любых законов и уставов. Этот контроль распространялся на ключевые отрасли — финансы, промышленность, транспорт, внешние связи. Сун Цзывэнь в начале 30-х годов занимал пост министра финансов, вице-президента Исполнительного юаня (1928—1931 гг.), президента Исполнительного юаня (1932—1933 гг.), управляющего китайским банком (1930—1933 гг.). Ловко действуя в сфере финансов, он умножал свое состояние, вкладывал собственные капиталы в предприятия, расширяя сферу своего бизнеса, приобретал фешенебельные отели. Прямой потомок Конфуция (75-е поколение) Кун Сянси занимал влиятельные посты: министра труда, торговли и промышленности (1927—1930 гг.), министра промышленности (1930—1932 гг.), управляющего китайским банком (1933 г.).

Проникновение родственников и ближайших друзей на ведущие государственные посты стало важной чертой движения Китая к чанкайшистской диктатуре. Это было царство чернозубатых, свинорылых, трехголовых, черноногих и многих других персонажей, которых китайские прозаики находили в древней мифологии и использовали для иносказательного описания нравов современного им Китая. Благодаря же деятельности пропагандистского аппарата глава Гоминьдана изображался мудрым, могущественным, заботящимся лишь о благе народа.

Американские дипломаты информировали в январе 1934 г. госдепартамент: Гоминьдан бессилён из-за разоб-

щенного и слабого руководства. Они сравнивали его с полностью разломанной рисовой лепешкой. Губернаторы ряда провинций на Северо-Западе действовали независимо от Нанкина, тамошние милитаристы относились к гоминьдановскому центру со свойственным им цинизмом. Каждый из милитаристов был озабочен прежде всего тем, как бы сохранить свою армию. Были случаи, когда милитаристы выводили свои войска из боя, отказываясь от лавров победы над какой-либо японской группировкой. Зачастую это можно было наблюдать на границах провинций, когда каждый ожидал большего вклада в военные действия от своего соседа.

Американский дипломат Джонсон не скрывал своих опасений. Китай «никогда не был в большей, чем сейчас, опасности перед лицом внешнего вторжения». В чем Китай нуждается, ядовито иронизировал Джонсон, так это в руководстве с иной квалификацией, нежели у «обычного бандитского лидера». Эта страна «нуждается не в западных советах, не в западных деньгах, а в компетентном руководстве, способном навести порядок в своем доме».

Чан Кайши стремился показать: настала пора общественного прозрения. Велико было желание выступить в роли радетеля за чистоту нации, за ее моральное очищение.

Все громче звучат призывы участников «движения за спасение нации»: не ждать смерти сложа руки, а найти мужество для борьбы с агрессорами, делать всё для спасения народа («Бороться и умирать за нашу родину!»). Размышляя о судьбах своего народа, мыслящие представители молодого поколения Китая задавались вопросом: почему Китай так отстал от других государств мира? Одни, отвечая на этот вопрос, возлагали вину целиком на империализм — безработица, обезземеливание крестьянства, высокий уровень эксплуатации, волнения, коррупция. Другие видели основные причины в слабости самого Китая. В туманном поиске выхода из затянувшейся «смуты» они ломали голову над возникшими перед ними проблемами: нужно ли выступать за сильное правительство? Принять ли христианство? Может ли марксизм-ленинизм спасти Китай от его врагов? А не лучше ли фашизм? Многие предпочитали видеть дик-

¹ *Russel B., Jhonson N. T. American policy Toward China 1925—1941. Michigan, 1968. P. 88.*

татора во главе сильного китайского государства. Споры отражали подъем общественной активности, крепло желание увидеть свою страну сильной, ни в чем не уступающей «иноземным варварам». В них сталкивались порой противоположные идеи — революционные и консервативные, реалистические и утопические, патриотические и проимпериалистические. Сторонники «сильной личности», способной предотвратить поражение Китая, с надеждой смотрели в сторону фашистской Германии.

Пропаганда высоких целей спасения нации не приносила инициаторам очередной кампании желаемых результатов. Привилегированное положение гоминьдановской верхушки, опиравшейся на компрадоров, шэньши, милитаристскую бюрократию, подрывало престиж партии в глазах воспитанных в духе национальных традиций граждан. Разговоры о желании военных и партийных лидеров «служить народу», проявлять «самоотверженность» и т. п. встречались в среде просвещенных представителей китайского общества как проявление лицемерия.

Генералиссимус надеялся: возбуждая патриотический подъем, дух самопожертвования, он сумеет все же сплотить Гоминьдан, подготовить его к борьбе с КПК, объединить распадающееся государство. Действия Японии на Севере страны не способствовали какому-либо серьезному успеху в деле объединения страны, приводили к дальнейшему разобщению сил в рядах китайской элиты. Региональные милитаристы с еще большим усердием отстаивали свои права. Укреплялись позиции КПК в Цзянси, Хубэе, Фуцзяни; ее деятельность привлекала к себе разорившихся, страждущих, люмпенов города и деревни.

Генералиссимус не оставляет, как и прежде, надежды на использование имени вдовы Сунь Ятсена для повышения своего авторитета среди патриотических сил страны. Казалось бы, удобный для этого случай снова представился в июле 1931 г., когда Сун Цинлин возвратилась в Шанхай, чтобы проводить в последний путь свою мать. Но общая для сестер беда не смогла зарубцевать раны в родственных отношениях. Диктатура предстала перед Цинлин во всем своем отвратительном обличье...

Помыслы Цинлин устремлены на защиту гражданских прав, она не может примириться с ужасающим по-

ложением жертв гоминьдановских застенков. Но как спасти обреченных на страдания политических узников? Сколько раз сестра жены Чан Кайши давала себе обет не обращаться по этому поводу к своему высокому родственнику. Но однажды не сдержалась. Речь шла о судьбе Дэн Яньда — одного из патриотов из левого крыла Гоминьдана, угодившего в связи с этим за решетку. Чан Кайши смилостивился и терпеливо выслушал просьбу Сун Цинлин о помиловании Дэн Яньда. Но после того как она изложила эту просьбу, спокойно заявил: а он уже... убит. На долю Дэн Яньда выпали невероятные муки — его пытали месяцами...

В конце 1932 г. вдова Сунь Ятсена организует национальную лигу движения за гражданские права. Ей помогают общественно-политические деятели, среди которых особым влиянием пользовался Лу Синь. Цинлин видела задачу лиги в борьбе против насилия над человеческой личностью, против жесточайших пыток в гоминьдановских тюрьмах. Ее деятельность встретила злобную реакцию в правящем лагере. Гангстеры расправились с секретарем лиги Ян Чэном, стали угрожать и другим представителям лиги, включая Лу Синя. Лига не выдержала давления, ее деятельность сошла на нет.

Чан Кайши воспринимает идеологию фашизма, а Цинлин становится вице-президентом Международного антифашистского комитета, созданного в Париже в 1933 г. Когда фашисты пришли к власти в Германии, голос вдовы Сунь Ятсена, разоблачающей нацистскую теорию и практику, звучит по всему миру.

Благотворительная деятельность Цинлин отвечала интересам радикально настроенной китайской молодежи, студенчества. Молодые люди, особенно студенты, не могли равнодушно слышать о бедствиях страны. Студентов глубоко волновали их же собственные проблемы. Представители молодежного движения не видели иного выхода, кроме установления нового порядка, в их представлении этот порядок выглядел в виде идиллического общества людей, объединенных идеологией коммунизма.

Один из христианских деятелей — Е. Е. Барнетт приходил к выводу: китайская молодежь подпадает под влияние «коммунизма» и других «измов». Секретарь Международной ассоциации молодых христиан, комментируя свою поездку в Китай, нашел в этой стране три основных движения, которые, по его мнению, заслуживали внимания, — коммунизм, национализм и христианство.

Чан Кайши, видя рост студенческих волнений, возросшую оппозицию среди интеллигенции, пытался опереться на силы, имеющие влияние в среде учащейся молодежи, в академических учреждениях. Важной в этом отношении опорой становилась миссионерская община, которая в своих учебных заведениях не только готовила кадры для пополнения бюрократии, как надеялись чанкайшисты, но и воспитывала в своей пастве идеи неприятия марксизма. Для Чан Кайши не было секрета в том, что слушатели христианских колледжей не раз участвовали в антияпонских демонстрациях. Христианское движение, будучи в значительной мере выразителем англосаксонских интересов, объективно противодействовало японской агрессии, которая содействовала изменению представлений китайцев об «иностранных дьяволах».

Гоминьдановский лидер стремился противопоставить росту революционных настроений в стране как идеологические, так и военно-силовые методы. Уже в 1931 г. Чан Кайши обращается к христианской церкви в Китае. Вместе с Кун Сянси он обсуждает с миссионерами вопросы национальной политики. В это же время приглашенные Национальной комиссией по восстановлению ущерба от наводнения миссионеры выступают перед пострадавшими от бедствий с проповедью, нацеленной на «поднятие духа потерпевших от стихийных бедствий».

Когда лозунги единства, призывы к возрождению конфуцианских ценностей и соблюдению христианской морали не достигали цели, неудачи призвана была компенсировать дубинка, вложенная в руки тайной полиции, специальных организаций и тайных обществ.

1 марта 1932 г. в Нанкине родилась организация «синерубашечников». Несколько десятков молодых людей (от 20 до 30 лет) стояли у ее истоков. Большинство из них — выходцы из провинций, расположенных вдоль Янцзы. Чан Кайши возглавлял школу Вампу, когда эти молодые люди там учились. Выпускники школы оказались в центре новой организации. Культ Чан Кайши, неукоснительное следование трем принципам Сунь Ятсена, воспитание в «синерубашечниках» духа, сравнимого, возможно, лишь с национал-социалистским либо с самурайским, — все это стало основными политическими целями новой организации. Повсюду в стране культ личности Чан Кайши принимал самые уродливые формы. На военных совещаниях, где присутствовали порой сотни офицеров, при каждом упоминании Чан Кайши —

«Чжу Си!» — все резво вскакивали со своих мест. И это проходило не только в присутствии самого Чан Кайши. В кинотеатрах перед началом демонстрации каждого фильма на экране появлялся портрет генералиссимуса на фоне гоминьдановского знамени. Зрители поднимались со своих мест, сдергивая шапки. И плохо приходилось тому, кто «забывал» встать перед священным обликом генералиссимуса. В общественных местах все чаще стали появляться портреты генералиссимуса, и люди, оставаясь перед ними, склонялись в низком поклоне.

Организация «синерубашечников» по своей структуре напоминала концентрические круги. В центре — руководящий орган «Общество ответственных действий». Чан Кайши стал главой «Общества» с резиденцией в Нанкине. Рядом с ним действовало «13 старших хранителей», а среди них — наиболее влиятельные — Дай Ли, Кан Цзэ, Дэн Вэньи. Второй круг — «Революционная молодежная ассоциация» и «Революционная ассоциация солдат». Третий круг составляли массовые общественные организации, открытые для свободного вступления: «Ассоциация лояльных патриотов», «Молодежная ассоциация зарубежных китайцев», «Общество возрождения Китая».

Всего лишь за несколько месяцев, к концу 1932 г., были учреждены отделения этой организации в каждом большом городе, в сельских центрах. Под знамена «синерубашечников» хлынули представители различных слоев общества: землевладельцы, солдаты, студенты, ученые, рабочие, бизнесмены, а также довольно разношерстная прослойка люмпенов города и деревни. В ответ на консервативные, а часто и просто фашистские призывы в отряды «синерубашечников» потянулись и представители преступного мира. Фашисты вербовали своих сторонников из различных слоев общества, в том числе и в среде различного рода подонков, завсегдаев пивных и сомнительных заведений. Вдохновители и организаторы «движения за новую жизнь» не отличались в этом отношении от нацистов.

Чан Кайши бросал «синерубашечников» туда, где ощущалась опасность утери контроля, прежде всего в воинских частях, со стороны Гоминьдана. «Синерубашечники», например, вместе с военной жандармерией проводили чистку в рядах 19-й армии, где после обороны в 1932 г. Шанхая значительно возрос авторитет КПК.

В чем секрет выживания Чан Кайши? Этот вопрос волновал многих и в Китае, и за его пределами. Эдгар

Сноу, блестящий знаток ситуации в стране, видел секрет генералиссимуса в умении балансировать между различными группировками в верхнем эшелоне власти. Он действительно стал центром, вокруг которого стабильность обеспечивалась либо путем различного рода компромиссов между соперничающими силами, либо откровенной игрой на противоречиях между ними. Чан Кайши, как ловкий игрок, умело спекулировал на распрях между отдельными милитаристами. «Если Дунбэйская армия успешно покончит с коммунистами,— провоцировал, например, он Чжан Сюэяна,— то в будущем можно будет убрать из Шэньси и Янь Хучэна, тогда весь Северо-Запад перейдет к тебе». В то же время Янь Хучэн получил от Чан Кайши совет: «Чжан Сюэян лелеет планы о великом Северо-Западе, будь настороже, не позволяй ему проглотить твои владения».

У генералиссимуса складывалась своя собственная система управления в партии и государстве. Он пользовался неограниченным правом диктовать свою волю Исполнительному и Законодательному юаню. Братья Чэнь Лифу и Чэнь Гофу контролировали средства массовой информации, образование. Чэнь Лифу держал в узде партийные кадры, он приобрел известность как идеолог, пропагандист националистической доктрины «философия жизни», прослыл архитрадиционалистом, высоко чтившим конфуцианские моральные ценности.

С братьями Чэнь активно сотрудничал Дай Цзитао — основатель «Центрального клуба» — «Си Си» («Central Club»). Созданный еще в ноябре 1929 г., «Центральный клуб» объединил в своих рядах представителей высшего и среднего эшелона гоминьдановской бюрократии. «Си Си» тесно координировал свою деятельность с политической разведкой — ЦБРС, опирался на Нанкин, Шанхай, провинции Цзянсу, Чжэцзян, Аньхой. Националистическая сущность «Си Си» проявляла себя в антияпонской направленности этой организации.

Жертвами братьев Чэнь становились представители интеллигенции. Аресты производились по малейшему подозрению в симпатиях к КПК, арестованных либо сразу сажали за решетку, либо сразу же посылали на смерть в сражающиеся на передовой подразделения.

Другая мощная клика группировалась вокруг генерала Хэ Инцина. Внешне генерал Хэ казался многим весьма обаятельным, вежливым человеком, с как бы приклеенной улыбкой. На военных советах он предпочи-

тал отмалчиваться; генерал, казалось, дремал с полузакрытыми веками, но ничто не ускользало от его внимания. Хэ, человек низкого роста, был самолюбив. Неудовлетворенное честолюбие питалось и тем, что стоящая за его спиной военная бюрократия была недовольна соответствующей ее заслугам платой в период прихода к власти Чан Кайши. Распри внутри этой группировки серьезно ограничивали ее влияние.

Недовольные диктатурой Чан Кайши ищут себе союзников среди античанкайшистских милитаристских группировок (в частности, гуандунской). Радикально настроенная молодежь, отражая антияпонские настроения молодых патриотов, студенчества, склоняется к сотрудничеству с левыми организациями. Отсюда и обеспокоенность Чан Кайши по поводу того, что война с Японией может осложнить внутривластную ситуацию в стране, подольет масла в огонь схваток между противоборствующими группировками и окончательно подорвет его положение как лидера. Судьба Гоминьдана, говорил Чан в закрытых лекциях перед высшими офицерами армии, зависит от того, насколько удастся избежать войны с Японией, поскольку в случае ее «определенные беспринципные и сеющие распри группы, выступающие против правительства, без сомнения, воспользовались бы ситуацией для создания беспорядков».

Противоборствующие фракции в Гоминьдане объединялись лишь тогда, когда под угрозой оказывались их собственные привилегии, когда назревала угроза благополучию феодально-милитаристского клана в целом.

«Движение за новую жизнь»: идеализм и реалии деспотии

19 февраля 1932 г. на массовом митинге в Наньчане Чан Кайши призвал соотечественников начать «движение за новую жизнь». Выступая перед 50-тысячной толпой, он обратился к опыту Германии и Японии, к традиционным конфуцианским постулатам, к христианству. Гоминьдановцы стремились восстановить утерянный энтузиазм своих легионов, преданность власти объединенного вокруг единых целей народа. Примеров для подражания в истории можно было найти немало.

В истории Германии внимание Чан Кайши привлекало прославление «великих личностей», «вождей» немец-

Судьба китайского Бонапарта

И потом
и кровью
полита земля
Китая

Трудно одолеть
течение Янцзы,
но еще труднее
было измерить
всю глубину
страданий
народа

В Поднебесной
ничто так
не ценилось,
как сыновья
почтительность
Чан Кайши
и его мать

Чан Кайши —
молодой офицер.
1915 г.

Рядом
с Сунь Ятсеном

Шанхай —
восточные
ворота Китая

Судьба китайского Бонапарта

Террор —
орудие устрашения:
голова казненных
революционеров

Расправа

Чан Кайши
(слева)
в дни переворота
1927 г.

Свадьба
Чан Кайши
и Сун Мэйлин.
1927 г.

Судьба китайского Бонапарта

Фэн Юйсян
в двух ипостасях:
в роли маршала
... и простолюдина

Судьба китайского Бонапарта

Чан Кайши
и Фэн Юйсян —
соратники
и соперники

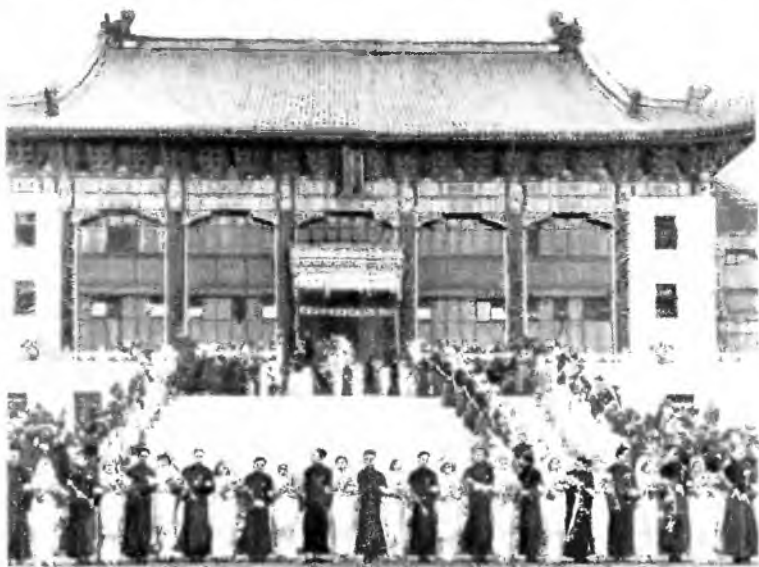
Гоминьдан
сражается
с врагами

Вторжение японских милитаристов в Маньчжурию. 1931 г.

Японские солдаты атакуют рабочий район Шанхая. 1932 г.

Студенты призывают
к борьбе

Очередная кампания:
массовое бракосочетание.
1934 г.

Ханькоу
после японской
бомбардировки.
1938 г.

Ван Цзинвэй
призывает
к сотрудничеству
с Японией

Чан Кайши
в обществе
сестер Сун.
1942 г.

С генералом
Стилуэллом

Судьба китайского Бонапарта

Генералиссимус
инспектирует
войска

Сун Мэйлин в палате
представителей США.
1943 г.

Жертвы голода.
1943 г.

Сун Мэйлин
с четой Рузвельтов

Прибытие
Мао Цзэдуна
с послом
П. Хэрли
в Чунцин.
Август
1945 г.

Чан Кайши
и Мао Цзэдун.
Тост в честь
переговоров
в Чунцине.
1945 г.

Чан Кайши
у мемориала
Сунь Ятсена

Судьба китайского Бонапарта

Чжоу Эньлай

В кругу семьи.
1959 г.

Чан Кайши, Сун Мэйлин,
Цзян Цзинго на Тайване

кой нации — Фридриха II, Бисмарка, Вильгельма II и других. Чан Кайши говорил о демократии, когда это считал необходимым, но грезил милитаристскими категориями. Влияние милитаризма в Германии проявлялось как в росте вооружений, так и в политической и социальной психологии. Милитаризм в Германии, в Китае, как и в любой другой стране, нуждался в националистическом, шовинистическом покрывале. Успехи в военной области в Германии, которая еще совсем недавно испытала горечь поражения, не могли не привлечь внимания гоминьдановского лидера. Поражали темпы восстановления былых позиций Германии в Китае. Когда Чан Кайши упрочил свое лидерство в Гоминьдане, в Китае уже имелись основы для развития отношений с Германией, заложенные еще во времена Сунь Ятсена. Дух прусской военной монархии, ее милитаристская инфраструктура унаследовались Веймарской республикой.

Чан Кайши в своих речах отмечал энергию лидеров Германии, их способность в короткие сроки ослабить бремя репараций. Чан нашел даже общее в «неравноправных договорах» Германии и Китая, Германия вышла в 1933 г. из Лиги Наций, в 1935 г. присоединила Саарскую область, в Берлине требовали аншлюса Австрии, отказались от возложенных победителями на Германию ограничений по реимитаризации и гонке вооружений. Чан Кайши сравнивал несравнимое: ограничения, возложенные на агрессора, с одной стороны, и навязанные капиталистическими державами Китаю неравноправные договоры, с другой. И если Германия, подчеркивал он, находится на пути к избавлению от «неравноправных договоров», Китай связан этими договорами.

На рубеже 30-х годов доверие народных масс к парламентской демократии было резко подорвано даже в Европе. В Китае, не знавшем парламентской демократии в подлинном смысле этого слова, большую популярность приобрела идея нацистов о «выходе» из бедствий и нужды путем «возвращения Германии былого величия» и «уничтожения марксизма». Призывы Чана последовать примеру Германии находили отклик не только у политиков, одержимых воинственным национализмом, но и у отчаявшихся, обездоленных, живших ожиданием чего-то нового людей. «Но только ли Германия с ее спартанской дисциплиной является примером для Китая?» — следовал вопрос. И Япония! Чан приводил в качестве эталона для Китая и эту страну, когда китайская земля стонала от японской агрессии.

Официальным лозунгом «движения за новую жизнь» стал лозунг «Пристойность, справедливость, честность, чувство собственного достоинства». Китайский народ, обращался Чан к «синерубашечникам», эгоистичен, недисциплинирован, разобщен. Ради воспитания соотечественников необходимо было «распространить революционные идеи среди масс» и снискать их доверие к «синерубашечникам». Развернулась широкая пропагандистская работа. Чан Кайши дал указание подготовить до 200 групп студентов и направить их с лекциями перед народом в различные уголки страны.

Руководитель страны сформулировал принципы управления народом:

— рассматривать вчерашний день как время смерти, а сегодняшний — как время жизни. Освободить себя от прошлых злоупотреблений и создать новую нацию;

— взять на себя ответственность за возрождение нации;

— следовать установленным правилам, быть добросовестными, честными и скромными;

— наша одежда, еда, образ жизни должны быть простыми, обычными, ясными и чистыми;

— быть готовыми к лишениям, быть бережливыми;

— обладать, как граждане, в равной мере знаниями и моральной чистотой;

— действовать в соответствии с нашими обещаниями.

Среди объявленных Чан Кайши правил ежедневного поведения были следующие: необходимо быть энергичным, подтянутым в одежде, стоять прямо, есть бесшумно.

С 5 по 21 марта 1934 г. Чан Кайши четырежды выступал с разъяснениями целей нового движения. 11 марта, после десяти дней тщательной подготовки, на митинге в Наньчане при огромном скоплении народа — до 100 тыс. человек — было официально объявлено о начале движения. Губернатор Сян Шиюй присоединился к Чан Кайши, призвав граждан Цзянси к новой борьбе за чистоту, непритязательность, прилежание, пристойность. Шесть дней спустя с благословения Ван Цзинвэя открылось отделение движения в Нанкине, затем 18 марта в Пекине. Начало движения связывалось с различными, порой весьма туманными событиями. Странники генералиссимуса, прославляя личность любимого вождя, пред-

лагали свою версию причастности Чан Кайши к «движению за новую жизнь». Генералиссимус следовал однажды по улицам Наньчана и наткнулся вдруг на группу из двадцати молодых людей в студенческой форме. Студенты, не вынимая изо рта сигарет, сквернословили, спорили, дрались. Вождь якобы был глубоко потрясен увиденным. Он понял основные причины презрительного отношения некоторых иностранцев к китайскому народу. И Чан Кайши сразу же отдал распоряжение начать движение за улучшение жизни китайского народа в целом и китайской молодежи в особенности.

Конечно, не поведение на улице разболтанных молодых людей подтолкнуло лидера Гоминьдана к «движению за новую жизнь». За время существования Центрального советского района помещичьи земли были экспроприированы и распределены на большей части провинции Цзянси. Еще в 1932 г. на совещании губернаторов в Лушани некоторые гоминьдановцы взяли на себя смелость выступить за национализацию земли в районах, освобожденных от КПК. Но лидеры Гоминьдана настаивали на возвращении земли владельцам. Попытки осуществить хотя бы некоторые меры, ослабляющие эксплуатацию крестьян, не привели ни к чему.

Чан Кайши провозгласил в качестве главной цели движения установление всего лишь «справедливого общественного строя». Сельское строительство должно, как подчеркивал Чан, привести к претворению в жизнь идеалов справедливости — датун. Легковерным внушалось: скоро они получают пищу, одежду, жилье.

Родоначальник движения пропагандировал идеал поведения гражданина его государства, который регулярно чистит свои зубы, моет тело, содержит в чистоте одежду, воздерживается от алкоголя, употребления опиума, табака, занимается физическими упражнениями. Если в «старой жизни,— рассуждал Чан Кайши, обращаясь к слушателям,— вы могли где попало харкать, мочиться, разводить невероятную грязь и никогда не мести под кроватями, то в новой жизни с такими варварскими привычками следует покончить». Молодежь нуждалась в примерах. Чан обратился к примеру из собственной жизни. «Родители,— отмечал оратор,— привили мне привычку содержать себя в чистоте. Такого рода воспитание сделало меня тем, кем я стал к настоящему времени». «Каждый из вас должен понимать, что невозможно от рождения быть революционным вождем.

Надо упорно трудиться, и каждый сможет быть таким, как я, жить такой жизнью, как я»¹.

Высочайший предлагал своим слушателям начать с самоусовершенствования. Сам Чан Кайши со второй половины 30-х годов не пил и не курил и в этом смысле был примером для подражания. В дипломатическом корпусе ходили слухи о Чан Кайши: скромн, прост в одежде, умерен в пище, физически вынослив. Разве не достойной для подражания выглядела привычка Чан Кайши употреблять лишь кипяченую воду?! Это, однако, не означало его отказа от проведения хмельного мужского застолья. На встречах, носивших зачастую политический характер, помогал существующий обычай: пить вместо хозяина. Чан Кайши, как хозяин, садился во главе расставленных буквой «П» столов. Рядом с ним вставал охранник-маузерист. Раздавалась команда хозяина: «Хэ!» Все присутствующие должны были опустошить свою посудину хмельного. За Чан Кайши с подобной задачей справлялся его маузерист. Через какое-то время раздавался стук: охранник падал. Появлялась замена. Чан Кайши, будучи трезвым, наблюдал, как под воздействием алкоголя теряли человеческое достоинство и его приближенные, и гости. От количества потребляемого алкоголя и способности выстоять на ногах во многом зависела карьера «пьющего вместо хозяина».

В первый год «движения за новую жизнь» были проведены две кампании: за порядок и за чистоту. Энтузиасты отработывали специфические правила — а их сформулировали до 96 — относительно еды, одежды, жилища, деятельности. Особое внимание отводилось личной гигиене, уничтожению насекомых, соблюдению пунктуальности. Эта программа стала для Чан Кайши приоритетной. «Бедность нашей страны, — говорил Чан Кайши, — вызвана прежде всего тем, что в стране слишком много потребителей и очень мало производителей. Чтобы исправить это положение, мы должны подчеркивать четыре принципа, мы должны сделать так, чтобы народ больше трудился и тратил меньше, чтобы должностные лица были честными»². Чан Кайши вынашивал амбициозные планы. Движение, развернувшееся в низах,

¹ IV научная конференция. Государство и общество в Китае. М., 1973. С. 246.

² Thomson J. C. Jr. *While China Faced West*. Harvard, 1969. P. 157.

поощряемое сверху, распространялось из города в город благодаря активности партийных функционеров. Генералиссимус выражал уверенность: движение покончит с «нищенством и грабежами», сделает официальных руководителей «честными и патриотичными», ликвидирует коррупцию и побудит народ к более продуктивной деятельности.

Идейные установки Чан Кайши были нацелены на мелкобуржуазные, помещичье-шэньшйские слои населения. За внешними проявлениями милитаризации общественной жизни — чистота, простота, скромность и т. п. — скрывалось твердое желание — привести к единообразию и поведению, и мышлению людей, что означало бы утверждение казарменных порядков.

Осенью 1935 г. американский миссионер Джордж Шеферд приехал в Нанкин для обсуждения с гоминьдановскими лидерами проекта преобразований в Цзянси. Чан проявил к гостю повышенное внимание, даже пригласил в один из воскресных дней в загородную резиденцию. Чан Кайши и его супруга обсуждают с ним в основном проблемы «движения за новую жизнь». Шеферд польщен: после ряда лет гонений на миссионеров китайские лидеры более глубоко, нежели когда-либо, озабочены духовными ценностями и реалиями жизни. Ведь после 30 мая 1925 г. волна антиимпериалистических выступлений обрушилась на миссионерские общины. Обитатель иностранных миссий приобрел статус «белого дьявола» и вынужден был искать убежища у других берегов. Миссионерские семьи покидали Китай, находя пристанище в Японии, на Филиппинах, в США.

Чан Кайши, хотя и пошел на разрыв с КПК, оставался для миссионеров загадочной фигурой. Когда было объявлено о его женитьбе на христианке, служители церкви воспрянули духом, хотя многим западным проповедникам Чан Кайши представлялся, как и раньше, ординарным китайским милитаристом. В Китае мало кто знал о решении Чан Кайши перейти в христианскую веру. После женитьбы на Сун Мэйлин Чан Кайши четыре года должен был изучать Библию, прежде чем стать христианином. И только в 1931 г. Чан принимает христианство.

В первой беседе с хозяевами Шеферда поразило неожиданное откровение: супруги Чан Кайши не желали рекламировать свою принадлежность к христианской вере, поскольку Фэн Юйсяна до сего времени именуют

в печати так называемым «христианским генералом». Была и другая, пожалуй, более важная причина. В первой половине 30-х годов в стране продолжают антиимпериалистические выступления, выливающиеся порой в наскоки на миссионерские общины. Чан Кайши предпочел умалчивать о свершившемся обряде. Он, как националист, уповал в большей мере на традиционные конфуцианские ценности, видя в них идеологическую опору сильной власти.

К 1934 г. гоминьдановский лидер становится ближе к миссионерской общине. В послании к студентам в 1934 г. Чан говорит о религии как о неотъемлемой части жизни («без религии жизнь бесцельна»). Только религия, по его словам, помогает достичь окончательного результата. Генералиссимус трактует христианство как религию с вполне определенными «намерениями» и «возвышенной» целью, а основатель религии по своей жизненной и социальной концепции является революционером. Три принципа Сунь Ятсена, заявил Чан Кайши, «развивались из философии Иисуса Христа». Такие откровения гоминьдановского лидера вдохновляют миссионеров. Они с удовлетворением отмечают возросшее внимание властей к скромным служителям христианской религии.

В основе нового подхода Чан Кайши к деятельности в Китае христианской церкви лежали в основном важные политические мотивы. В политике США в связи с агрессивными действиями Японии в Маньчжурии все отчетливее противоборствовали две тенденции: одна отражала интересы американского капитала в Китае, которым угрожало японское нашествие, другая действовала в пользу глобальной стратегии капитализма: союз с японским милитаризмом в борьбе с «коммунистической опасностью». Миссионерское движение развивалось в соответствии с первой.

«Движение за новую жизнь» управлялось правительственными рычагами. Планы движения предусматривали упрочение воинской дисциплины, увеличение производства, повышение культурного уровня. Недостатка в желающих получить доходное место не было. Инспекционный корпус движения насчитывал до 136 выпускников правительственного Центрального политического института. Корпус предпринял «расследование» квалификации общественных деятелей, соблюдения ими принципов движения, а также инспектировал «народные организации» и «социальное образование».

Руководство движением официально перешло в руки мадам Чан Кайши; она заняла пост генерального директора. Новое назначение было связано, конечно, не с особой занятостью Чан Кайши, как это официально объяснялось, а с поворотом движения в 1936—1937 гг. в сторону Запада, христианской церкви.

Назначение мадам Чан Кайши на пост генерального директора «движения за новую жизнь» объяснялось и тем, что Сун Мэйлин, в отличие от своего супруга, чувствовала себя менее скованной в религиозных делах. На воскресных богослужениях в доме генералиссимуса в Нанкине нередко службы проводили миссионеры. Чан Кайши благодаря связям своей супруги получал возможность лично знакомиться с большим числом лидеров американской миссионерской общины в Китае, реально воздействуя на организации этой общины. В то же время миссионеры стремились воздерживаться от ссылок в печати на генералиссимуса как на христианина. Возможно, будет лучше осторожно сослаться на мадам, полагал Шеферд, как на христианку и оставить генералиссимуса за сценой.

Наиболее приближенные к Чан Кайши лица, намереваясь нанести визит своему патрону, иногда ожидали неделями удобного для этого случая. И когда они преодолевали, как казалось, все барьеры на пути к долгожданному свиданию, их зачастую осчастлививала мадам Чан, которую стали именовать, видимо с легкой руки иностранцев, не иначе как «мадамиссимо».

Мадам осознавала значение общественного мнения в США и в Англии в процессе формирования политики и внимательно следила за тем, как в представлении этих государств выглядит ее супруг. Сун Мэйлин широко использовала связи с журналистами, писателями, дипломатами для передачи на Запад целенаправленной информации о деятельности Чан Кайши. Подчас она готовила и свои собственные материалы. Вполне естественно, что благодаря такого рода усилиям в общественное сознание на Западе внедрялся облик Чан Кайши в образе героя-воина, искусного политика.

На страницах христианского ежегодника Дж. Шеферд не пожалел высоких эпитетов. «Движение за новую жизнь» стало, по его словам, «первым залпом великой социальной революции, которая произойдет в истории», а посему радикализм и коммунизм ожидает гибель. Чан Кайши не мог не оценить миссионерское усердие, тем

более что возникли трудности. Если в первую годовщину можно было говорить об определенных успехах кампании, то в 1936 г., после второго года развития движения, Чан Кайши не скрывал своего раздражения и разочарования по поводу его результатов.

Так, взрыв студенческих антияпонских выступлений в декабре 1935 г. показал оторванность от жизни навязанного сверху «движения за новую жизнь». В некоторых городах спонтанно создавались ассоциации национального спасения. Чан Кайши продолжал делать ставку на свое детище. 19 февраля 1936 г. он упомянул о недостатках движения. В больших городах, заявил генералиссимус, порядок и чистота «блистают своим отсутствием». Вновь прозвучали надоевшие всем призывы. Фэн Юйсян поддержал своего брата. «Христианский генерал» осудил дьявола курения, пьянства, проституции, вымогательства, призвал к сохранению китайских добродетелей.

Надежды Чан Кайши, связанные с движением, не оправдались. Супруги Чан ждали от Шеферда содействия. У миссионера был удачный, по мнению Чана, опыт осуществления нововведений в Цзянси.

Правительство Чан Кайши в 30-е годы выслушивало иностранных советников, но никто из них не назначался на административные посты в правительстве. Чан Кайши сделал исключение из этого правила, когда назначил в 1936 г. Шеферда руководителем специальной комиссии, наделил его исполнительной властью. Конечно, пост не имел особого практического значения. Главное состояло в другом: Шеферд становился связующим звеном между Гоминьданом и миссионерской общиной, а через нее и странами Запада.

Шеферд привлек внимание мадам Кун. Богатейшая леди Китая претендовала на роль носительницы передовых идей, меценатки в сфере культуры и просвещения. Она попросила Шеферда подготовить программу для студентов на летний период. «Поместите в небольшой буклет, — напутствовала она миссионера, — несколько простейших дел, которыми студенты могли бы заняться, возвратившись к себе домой». Предполагалось, что новая программа получит наименование «Летнее студенческое добровольческое движение». Мадам Кун готова была субсидировать программу. Занялся Шеферд и другими делами. В сотрудничестве с шанхайскими профсоюзами и китайской торговой воднотранспортной ком-

паний осуществлялся проект «плавающей по Янцзы рекламы новой жизни», для чего готовились специальные суда.

Чан Кайши, прославляя милитаристские цели своего предприятия по «обновлению жизни», по существу, открывал клетку с тигром. Ведь милитаристскую окраску движению придавала прежде всего деятельность офицеров, ориентированных на державы «оси», получивших немецкую, итальянскую и японскую военную подготовку. Чан, как всегда, балансировал, поощрял проамериканские группировки, с надеждой взиравшие на Сун Мэйлин. Движение принимало все в большей степени милитаристский характер. Оно напоминало многим функционерам движение «синерубашечников», нацеленное на милитаризацию страны. Об этом говорилось в середине апреля 1936 г. на конференции функционеров движения. Управление движением постепенно брали в свои руки армейские офицеры. Иначе и не могло быть. Бонапартистский характер власти предполагал такого рода трансформацию.

«Что такое «движение за новую жизнь», которое я сейчас предлагаю?» — спрашивал Чан. И сам давал ответ: «Проще говоря, это полная милитаризация жизни граждан всей страны ради того, чтобы они могли культивировать храбрость, быстроту, выдержку перед лицом несчастий, терпение в тяжелой работе и особенно привычку и способность к объединенным действиям, готовность в любой момент пожертвовать собой ради нации»¹.

В борьбе милитаристских клик, в варварском поведении японских милитаристов на китайской земле проявляло себя все экстремально-жестокое.

«Синерубашечники» в гоминьдановской структуре становились опорой деспотизма. В услужении у диктатора находились тайные службы, разросшиеся в разветвленную разведсеть. Чэнь Лифу руководил государственной разведкой, сфера деятельности которой выходила и за рубеж. Дай Ли возглавил контрразведку. В его ведении была и довольно многочисленная тайная организация террористического толка «синие стрелы». Среди ее членов — торговцы и банкиры, уголовники и вымогатели. Сюда же примыкали «синерубашечники».

Молодой генерал Чжан Цюнь входил в число наиболее доверенных у Чан Кайши лиц. Он, будучи главой

¹ Crozier B., Chou E. Op. cit. P. 167.

личной разведки Чан Кайши, просеивал через свой аппарат всех приближенных к главнокомандующему. В конце 1938 г. в одной из бесед Чан Кайши был задан вопрос: «Зачем вам столько разведок? Не лучше ли объединить все эти подразделения?» Чан Кайши своеобразно разъяснил свою позицию: «Объединенная разведка будет иметь больше власти, нежели я сам. Может убрать меня. Могу ли я допустить это?!» Тем не менее Чан Кайши, видя, что руководители разведок, помимо Чжан Цюня, не раскрывают перед ним всех своих карт, решил все же создать Объединенное бюро разведок. Для контроля над этим органом он привлек своего племянника генерала Сюй Пэйчана, сделав его главой этой организации. Сюй Пэйчан, однако, продержался недолго.

Чан Кайши обнародовал указ, ограничивающий развлечения, ввел запрет на работу в ночные часы ресторанов и дансингов. Дай Ли, зная Сюй Пэйчана как повесу, внимательно проследил за главой нового бюро. И тот попался. Сюй устроил кутеж в одном из ресторанов Чунцина, заставив хозяина продлить работу заведения в часы, запрещенные указом Чан Кайши. Дядя, получив донос Дай Ли, не стал церемониться и отстранил племянника от занимаемого поста.

...Базарная площадь в центре Чунцина. Раздается вой сирены, громяхают хлопушки. Собирается народ. На площадь конвой выводит пять-шесть узников с завязанными белой тряпкой глазами. У каждого из них на груди плакаты с надписью «бандит». Чаще всего такими обвинениями удостаивались коммунисты. Метрах в ста от «бандитов» выстраиваются солдаты. Раздаются залпы. Солдаты стреляют неприцельно, затем добивают свои жертвы, продлевая мучения несчастных. Такие сцены, по воспоминаниям очевидцев, можно было видеть не только в центре города, на окраинах, но и в сельских местностях. К трупам запрещалось подходить, они лежали в назидание другим. В тюрьмах применялись средневековые пытки. Жертвы содержались в ямах, в тесных клетках. Вот на заключенного накладывают деревянные колодки, закручивают их на болтах. Человек не может пошевелиться. На живот водружают перевернутый керамический сосуд, а под ним — голодные мыши. Трудно представить, какие муки испытывает узник в эти минуты... Или над закованным и находящимся в неподвижном положении заключенным помещали сосуд-капельницу, и вода, каплями падающая на его голову,

обрекала жертву на чудовищные мучения. Многие пытки, которые использовались в тюрьмах, применялись и в фашистских застенках, недаром «синерубашечники» действовали под непосредственным руководством немецкой резидентуры в Китае.

В списки лиц, предназначенных к уничтожению, составленные в организации «синерубашечников», включались не только видные коммунисты, но и деятели культуры, писатели, редакторы различных периодических изданий, а также выступающие против Чан Кайши милитаристы и политики. Исчезновение людей становилось явлением постоянным. В Шанхае горели костры, в которых было уничтожено до 2800 изданий. Это были реалии деспотии.

Культ силы, беспощадность, неразборчивость в средствах, ненависть — все это в силу вполне объективных условий того времени не могли не воспринять «синерубашечники», так же как восприняла эти методы нацистская партия Гитлера. Бесноватый фюрер провозглашал: «Не существует никакой морали в международных делах, каждый хватает то, что может». Этот принцип пользовался популярностью и среди китайских милитаристов. В глазах Чан Кайши сила выглядела в качестве главного средства политики, хотя балансирование между различными военно-политическими полюсами призвано было компенсировать порой военную слабость перед противником.

В своих взаимоотношениях с КПК глава Нанкинского правительства в первой половине 30-х годов основную ставку делал на чисто военный аспект, шел по пути упрощенного понимания и решения сложной внутриполитической обстановки Китая. Он, когда оценивал отношения с КПК, поднимал воинственную риторику выше политики и дипломатии. Американский посол Нельсон Джонсон сказал тогда о Чан Кайши: «Он будет диктатором Китая; он в действительности и в настоящее время диктатор, поскольку никто из Нанкинского правительства не возьмет, видимо, ответственность за что-либо без консультаций с Чан Кайши»¹.

Осенью 1934 г. Чан Кайши готов был торжественно отмечать победу над КПК. 16 октября главные силы 1-го фронта Красной армии бросились на прорыв блокады. Отборные части Чан Кайши преследовали дви-

¹ *Russell B., Johnson N. T. Op. cit. P. 89.*

жущуюся на Запад Красную армию. КПК утратила территории советских районов в Центральном Китае. Чан Кайши вновь почувствовал себя в седле. Вместе с Сун Мэйлин он совершает воздушные путешествия по стране. Широко рекламируются «встречи с народом». Такого прежде правители страны позволить себе не могли. Чан Кайши посетил 10 провинций на Севере и Северо-Западе страны. Население отсталых районов воспринимало прибытие лидера, да еще редким для того времени способом, как чудо: ангел с неба.

Благодаря антикоммунистической кампании 1934—1935 гг. Чан Кайши сумел укрепить свое влияние в провинциях, ранее находившихся вне пределов его досягаемости.

2 марта 1935 г. Чан Кайши прибыл в Сычуань, где оставался, с некоторыми перерывами, до 31 октября. Находясь в провинции, Чан планировал операции против КПК, отдавал приказы непосредственно провинциальным военным властям, старался использовать свой престиж ради успешного осуществления политических, экономических и военных реформ в Сычуани, заранее, видимо, предполагая учредить здесь в случае чрезвычайных обстоятельств центральную власть. Сычуань стала, согласно утверждениям гоминьдановского лидера, «базой для возрождения китайского народа».

Сычуаньский милитарист Лю Сянь демонстративно отсутствовал, когда Чан Кайши 17 апреля 1935 г. прибыл в Чэнду. Глава финансового отдела губернаторства дважды выезжал в Нанкин с надеждой добиться займов, но возвращался с пустыми руками. Чан Кайши, узнав, что к нему прибыли эмиссары от Лю Сяня «обсудить финансовые споры», просто отказался иметь с ними дело.

Результатом прибытия Чан Кайши в Чэнду, административный центр Сычуани, стало закрытие там 1300 опиумокурилен. Лидера принимали с энтузиазмом. Супруга сычуаньского милитариста Лю Сяня, подражая Сун Мэйлин, возглавила местное «движение за новую жизнь». Но попытки Чан Кайши упрочить позиции центральной административной власти в Сычуани натолкнулись на сопротивление местной бюрократии, особенно тогда, когда Нанкин издал новые правила, нацеленные на усиление механизма центрального контроля, что вело к уменьшению численности аппарата провинциальной власти и масштабов ее деятельности. Признаки обострения ситуации появились весной 1936 г.

Осложнение отношений между Нанкином и Сычуанью происходило на фоне тяжкого бедствия, обрушившегося на провинцию весной 1936 г. Засуха продолжалась около года. Пострадало более 90 % территории провинции. Спасаясь от голодной смерти, люди бросились в города. Толпы голодных ели кору и листья с деревьев. Тысячи людей умирали на улицах Чунцина. Только в феврале — марте полиция захоронила до 4 тыс. умерших от голода. Не менее тяжелым бедствием для народа стало нашествие чиновников из Нанкина, усиление налогового бремени, активизация бандитизма. Возможно, в иных условиях засуха и голод могли способствовать примирению между Чан Кайши и Лю Сянем. Положение, однако, лишь осложнилось. Торговцы взвинтили цены, не опасаясь никаких ограничений, коррупция усугубила последствия голода. Провинциальные власти обратились к Нанкину за помощью. Но ответа не получили. Лю повторил просьбу. В апреле 1937 г. правительство одобрило наконец небольшой заем для Сычуани. Полученные средства быстро испарились. Чан Кайши опасался, что все его старания в Сычуани окажутся напрасными. И эти опасения возросли, когда Лю стал искать возможность совместных с гуаньдун-гуансийскими милитаристами действий против Чан Кайши. Восстание Чэнь Чжитаня, Ли Цзуньжэня, Бай Чунси в июне — июле 1937 г. вело, как казалось, к новой вспышке гражданской войны. Специальные эмиссары от Ли Цзуньжэня и Бай Чунси, прибыв в Чэнду, обсуждали ситуацию с Лю в июне, и Лю сохранял своих специальных представителей в Гуандуне и Гуанси до весны 1937 г. Политика Чан Кайши в Сычуани, как и в других провинциях, объективно стимулировала рост напряженности.

Приближалось 50-летие Чан Кайши. Юбиляр выбрал древнюю столицу Лоян в качестве подходящего места для торжеств. Решено было отметить это событие посланием к нации. «Я посвятил значительную часть моей жизни делу революции, — говорилось в послании... Я посвятил себя делу национальной революции... мой долг стране огромен. Страна и партия столкнулись с величайшими трудностями». Послание не отличалось скромностью, но Чан был прав в одном: путь к возрождению нации мучителен и долог.

Задолго до юбилейных торжеств в окружении Чан Кайши бойко обсуждали вопрос, какой подарок может порадовать солдатское сердце генералиссимуса. После

долгих споров пришли к заключению: лучшего подарка, нежели аэропланы, вряд ли можно подыскать. Решили придать событию общенациональное значение. Народу предоставили возможность продемонстрировать преданность родине и Чан Кайши. Развернулась подписка на подарочный фонд. В США закупили до 70 аэропланов. Представитель Госсовета Лин Шэн от имени правительства принимал покупку.

31 октября 1937 г. тысячи людей собрались перед военной академией в Лояне. В честь дня рождения состоялся парад. В тот же вечер мадам Чан поразила своим гостеприимством. Перед ней красовались два огромных торта, которые и были поглощены присутствующей знатью, с восторгом отдавшей дань придворным кулинарам. Чан Кайши всем своим видом показывал, что тронут поздравлениями. «Я должен служить нации, своему народу!» — торжественно повторял юбиляр.

Чан Кайши, пытаясь продемонстрировать свое рвение в служении народу, старался влить новые живительные соки в «движение за новую жизнь». Усилия эти не приносили ни пользы, ни результатов. Инициаторы движения, отражая интересы власть имущих, расцветавших на грабеже народа нуворишей, не могли выйти из рамок предлагаемой им косметики. Развитие производительных сил, несмотря на застойные явления, толкало китайское общество на изменения в экономической и политической жизни. Но гоминьдановская элита не способна была возглавить процесс экономических и социальных преобразований, она лишь тормозила развитие. Разговоры о необходимости глубоких перемен в общественной и социальной жизни так и оставались разговорами, поскольку основные планы гоминьдановских руководителей не менялись: обеспечить необходимые условия для самосохранения и обогащения привилегированной касты.

Стремление гоминьдановской верхушки сохранить за собой место «избранной элиты» входило в противоречие с любыми, даже незначительными, проявлениями демократии, с деятельностью передовой китайской интеллигенции. Особое внимание «движению за новую жизнь» уделяла Сун Цинлин. В статье, опубликованной в нью-йоркском журнале «Эйша», «Конфуцианство и современный Китай» она показала, что «движение за новую жизнь» базируется на традиционной конфуцианской философии. Но нуждается ли в этом движении Китай? «Движение за новую жизнь,— писала она,— ничего не

дает народу. Поэтому я предлагаю заменить это движение другой, нежели конфуцианство, революционной перспективой»¹.

Сиань, декабрь 1936 г.

27 ноября 1934 г. Чан Кайши заявил в интервью: «Конечно, в Китае есть те, кто склоняется к всеобщей войне против Японии. Но те, кто хорошо знаком с положением на международной арене и в Восточной Азии, не могут быть настолько легкомысленны, чтобы желать возникновения международного кризиса, который может привести к войне». Чан называл Китай и Японию братскими странами, в основе отношений между ними, как утверждалось, должны были лежать принципы «морали и справедливости». Солдаты императорской армии втапывали в пески Маньчжурии провозглашенные Чан Кайши высокие «моральные принципы», а генералиссимус с упорством призывал японцев изменить отношение к его стране. В начале 1935 г. в интервью японскому корреспонденту Чан долго повествует о необходимости японцам и китайцам соединить свои руки в дружеском рукопожатии, забыть все распри. Ведь от этого зависит благополучие Восточной Азии! Такова была открытая дипломатия. Окружавшие Чан Кайши политические деятели не могли не считаться с ростом антияпонских настроений, взрыв националистических страстей толкал чанкайшистскую гвардию на борьбу с Японией. «Японский империализм,— подчеркивалось в программе «синерубашечников»,— извечный враг китайского народа, и мы полностью отрицаем возможность компромиссного мира». Программа не признавала альтернативы: либо Гоминьдан уничтожит японский империализм, либо Япония уничтожит Китай. В то время как Чан Кайши говорил о необходимости установления «братских» отношений между Китаем и Японией, смельчаки из отрядов «синерубашечников» организовали убийства высших представителей японской и маньчжурской бюрократии, китайских коллаборационистов. Политика умиротворения японского агрессора раздражала «синерубашечников», усилились голоса в пользу установления единоличной диктатуры Чан Кайши. Последний, понимая, что

¹ *Juny Chang*. Op. cit. P. 88.

судьба Гоминьдана, его личная судьба зависят во многом от умения в нужный момент найти соответствующий компромисс между различными группировками в партии, старался все же оправдывать политику умиротворения агрессии.

Китаю необходимо идти на уступки, объяснял он свою позицию слушателям офицерской школы в Лушани в июле 1934 г., поскольку он не подготовлен к войне ни в экономическом, ни в политическом и социальном смысле. Война привела бы к тому, что за три дня Япония овладела бы важнейшими стратегическими пунктами Китая. Один из основных выводов генералиссимуса: главный враг для Японии не Китай, а Советский Союз.

Весной 1934 г. соратник Чан Кайши Чжан Сюэлян возвращается из Европы. Казалось, еще совсем недавно, всего год назад, он прощался с гоминьдановским лидером в довольно сложной обстановке. Дунбэйская армия Чжан Сюэляна доставляла немало беспокойства императорской армии в восточной части провинции Жэхэ и западной части провинции Чахар. Чан Кайши получил ультимативное по своему содержанию послание японцев с предложением отвести войска Чжан Сюэляна южнее Великой Китайской стены. Послание подкреплялось военной силой. Передовые отряды японской армии продвигались к Великой Китайской стене. Чан Кайши отдал приказ Чжану отойти. «Молодой маршал» переместился со своими войсками (150 тыс. человек) в провинцию Шэньси. Это было вынужденное отступление. Чан Кайши не мог не знать, что армия его маньчжурского союзника плохо вооружена, нуждается в боеприпасах. Но все просьбы Чжана Сюэляна по этому поводу Чан Кайши оставлял без ответа. После того как японцы овладели провинцией Жэхэ, Чжан Сюэлян предпочел уйти в отставку, а остатки армии — численность ее уменьшилась наполовину — передать под контроль Чан Кайши. Среди высшего состава его армии вспыхнуло недовольство: вина за отставку «молодого маршала» возлагалась на Чан Кайши. Но была и еще одна причина. Многие, конечно, не ведали о тайной привычке Чжан Сюэляна. Курение опиума привело его в шанхайский госпиталь. Вылечившись от тяжелого недуга, Чжан отправился в Европу на год. И вот он по зову Чан Кайши возвращается в Китай и предстает перед соотечественниками будто бы совсем иным человеком: танцует, играет в гольф. Чан Кайши назначил Чжан Сюэляна заместителем коман-

дующего силами по подавлению «бандитов» в провинции Хэнань, Хэбэй и Аньхой. «Молодой маршал» принимает участие в нескольких антикоммунистических кампаниях.

Главная ставка Дунбэйской армии (20 дивизий — 150—160 тыс. человек) была учреждена в Сиани. В сентябре 1934 г. там начал действовать «Северо-Западный главный штаб подавления бандитов». Глава — Чан Кайши, его заместитель — Чжан Сюэлян.

В условиях роста патриотических, антияпонских настроений Чан Кайши с его политикой «умиротворения» не стал и не мог стать для Чжана той опорой, благодаря которой он вернул бы утраченные в Маньчжурии позиции. Чжан только за четыре месяца теряет почти три дивизии, терпит одну за другой неудачи на фронте. Не было более смысла рассчитывать на Чан Кайши: тот окунулся в политическую борьбу.

Чжан Сюэлян не мог простить японским интервентам смерть своего отца. До него доходили вести о зверствах захватчиков на оккупированной территории, о мужественной борьбе партизан, среди которых заметную роль играла КПК.

В народе с болью воспринимались соглашения, заключенные между Китаем и Японией в 1935 г.: китайские войска должны были быть выведены из провинций Хэбэй и Чахар, антияпонски настроенные гоминьдановские чиновники лишались своих постов, закрывались местные комитеты Гоминьдана, запрещалась антияпонская пропаганда и т. д. Японцы пошли дальше: они стали требовать автономии Северного Китая.

Оккупанты с глубоким пренебрежением относились к законам и обычаям страны. И в этом им нередко помогали люди из окружения Чан Кайши. Ближайший соратник Чан Кайши Чжэн И, пребывая на посту губернатора провинции Фуцзянь (с 1934 по 1942 г.), закрывал глаза на нелегальную торговлю между Китаем и Японией даже после новой японской агрессии в 1937 г. Выявилась общность интересов могущественных сил в Шанхае и Японии. Эти силы пользовались покровительством японского императорского флота, патрулировавшего китайское побережье от Шанхая до Гонконга и Гуанчжоу. Японское вторжение выглядело лишь как инцидент для подпольного бизнеса. Демилитаризованная зона в провинции Хэбэй служила базой крупномасштабных контрабандных операций. В 1935 г. через эту зону из Китая уплывало серебро, золото. Японцы лишили

китайскую таможенную службу возможности использовать свои суда для операций у берегов провинции Хэбэй. Контрабанда через Тяньцзинь приобрела гигантские размеры. Особенно бросалась в глаза активность на черном рынке японских мастеров подпольного бизнеса. Именно они переправляли опиум и другие наркотики из Восточного Хэбэя в Северный Китай; среди контрабандных товаров были искусственный шелк, сахар, сигареты и другие японские товары. На протесты китайского правительства по этому поводу японская сторона отвечала молчанием. Гоминьдановский министр иностранных дел Чжан Цюнь в речи перед аппаратом МИД заявил: систематические нападения на китайские таможи контрабандистов, поощряемых японскими вооруженными силами, не содействуют улучшению отношений между Японией и Китаем.

Чжан Сюэлян и его советники все чаще сомневаются: нужно ли вести братоубийственную войну против КПК? Коммунисты, подчеркивали ближайшие соратники Чжана, прежде всего китайцы.

Знакомство с японской пропагандой также толкало на путь пересмотра отношений с КПК. «Сейчас целью наступления армии (японской.— В. В.),— отмечалось в передовой «Харбин симбун» от 22 октября 1935 г.,— является не Чита и Урга, а Чэнду. Главная цель— подавление китайской Красной армии, затем удар направляется на Чжан Сюэляна и на армию Чан Кайши». Чжан прислушивался к советам, но продолжал пока подчиняться приказам Чан Кайши.

Линия Чжан Сюэляна к концу 1935 г. в целом как бы вписывалась в усилия Чан Кайши, решившего прощупать возможность активизации связей с Советским Союзом. Чан дает поручение Чэнь Лифу связаться с советским полпредством, Кун Сянси подготовил встречу генералиссимуса с полпредом СССР Д. В. Богомоловым. 18 октября встреча состоялась. Чан Кайши хотел добиться заключения секретного китайско-советского соглашения. Но не было гарантий, что за инициативой гоминьдановцев последуют реальные шаги, что обещания объединиться с КПК в антияпонском фронте найдут свое реальное воплощение. Советская сторона, прими она предложение Чан Кайши, была бы втянута в войну с Японией. СССР не мог тогда пойти на это.

У съезд Гоминьдана (ноябрь 1935 г.), несмотря на неудачи Чан Кайши в переговорах с Советским Сою-

зом, прошел под знаком критики японофильской платформы председателя гоминьдановского правительства Ван Цзинвэя. Вскоре Ван Цзинвэй был вынужден уйти с поста председателя и выехал за границу. Чжан Сюэлян присутствует на съезде. Он ожидает, что Гомиьдан учтет рост антияпонских настроений и примет наконец решение об организации отпора агрессору. Среди командного состава армий Чжан Сюэляна и Янь Хучэна все громче раздавались голоса недовольных политикой правительства. Чжан Сюэлян начинал осознавать необходимость пересмотра своей позиции, ведь его армия ведет братоубийственную борьбу с Красной армией, обе стороны несут тяжелые потери, а Чан Кайши на съезде отделяется общими фразами, призывами к «поиску гармоничных отношений» с оккупантами. Чжан Сюэлян задает вопрос: если такая дорогая цена заплачена за борьбу с «бандитами», то что останется для борьбы с Японией? Чан Кайши, ставший председателем гоминьдановского правительства, не мог помочь Чжану найти приемлемый ответ. Он был получен от КПК: прекратить междоусобные распри, объединить усилия в борьбе против общего врага — милитаристской Японии. Такого рода сигналы поступали в Дунбэйскую армию по разным каналам. Во время работы съезда Чжан Сюэлян выезжает в Шанхай, где в обстановке строжайшей тайны ведет переговоры с известным своей антияпонской деятельностью политическим деятелем Ду Чжуньюанем. Ду Чжуньюань познакомил Чжана с «Обращением» КПК от 1 августа 1935 г., где была изложена антияпонская программа и содержался призыв к созданию единого фронта. Тогда же Ду подбросил гостю идею создания антияпонского северо-западного союза с включением в него КПК. Чжан Сюэлян встретился и с другими антияпонскими деятелями. В начале 1936 г. начались активные контакты между КПК и Дунбэйской армией.

Чан Кайши следил за тем, как Красная армия готовилась к наступлению на японцев, и в это время вводил свои войска в Сычуань, Шэньси, Гуанси. К 1935 г. контроль Нанкина был установлен над провинциями Сычуань, Гуанси, Гуанчжоу, Цзянси. Цель была ясна: не только окружить Красную армию, но и контролировать армии Чжан Сюэляна и Янь Хучэна, где росли антияпонские и античанкайшистские настроения. Чан наряду с этим решил предпринять и дипломатические акции. Он встретился с Чжан Сюэляном и Янь Хучэном и постарался

убедить их в том, что необходимо с армией Янь Сишаня навалиться совместно на Красную армию и советский район в Шаньси. Чан не получил согласия. Чжан Сюэлян сохранил видимость нейтралитета. Разве можно ему, имея всего лишь 10 тыс. солдат в Шэньси, предпринимать серьезные операции против Красной армии? Он даже обещал главе правительства не идти на соглашение с КПК.

Чан Кайши, вдохновленный мартовскими победами над Красной армией, торопил соратников покончить раз и навсегда с главным противником. События, однако, развивались вопреки воле генералиссимуса. Чан предпринял, казалось, все меры, чтобы вынудить Чжан Сюэляна обратить оружие своей армии против КПК. Последовали аресты видных деятелей «движения за спасение нации» в Шанхае, было закрыто 14 печатных изданий, выступавших за сопротивление. Он направил в составе специальной команды 1500 «синерубашечников» в расположение армии Чжана. В условиях подъема антияпонского движения, и прежде всего в армиях Чжан Сюэляна, Янь Сишаня, Фэн Юйсяна, это был вызов патриотическим силам. Обстановка накалялась.

9 апреля Чжоу Эньлай и другие представители КПК встретились с Чжан Сюэляном в Яньани. Известно было, что многие влиятельные представители КПК ставили на одну доску Чан Кайши и японского агрессора. Чжан Сюэлян, напротив, отметил имеющийся у гоминьдановского лидера «антияпонский потенциал». Возникла идея склонить Чан Кайши к действиям в рамках единого фронта. Устанавливались тесные связи между Красной и Дунбэйской армиями. В Сиань в качестве специального представителя Красной армии выехал Е Цзяньин. Коммунисты получили возможность проводить политическую работу в армии Чжан Сюэляна. «Молодой маршал» стал передавать часть оружия и боеприпасов, получаемых от Чан Кайши, Красной армии.

Командование Красной армии в целях маскировки от вездесущих ищеек Чан Кайши «организовало» для Чжан Сюэляна «победы» над противником. В связи с этим отдельные районы довольно часто переходили из рук в руки, а Чжан Сюэлян докладывал Чан Кайши о своих «победах» в сражениях с Красной армией. Но разведывательные органы Гоминьдана узнали о соглашении Чжан Сюэляна с КПК. Информация о «предательстве» «молодого маршала» так или иначе достигала ушей Чан Кайши, и он понял — об этом Чан писал

позднее,— что если не принять серьезных мер, то ситуация может привести к мятежу. Тайные агенты Чан Кайши в Сиани делали свое дело: они инспирировали саботаж, вели подрывную работу в армии. В мае 1936 г. в их руки попали материалы эпизодически выходящего в Дунбэйской армии журнала «Дорога к выживанию», где была отражена позиция КПК. Этого для Чан Кайши было достаточно, чтобы уличить сианьских генералов в «антиправительственных действиях». В конце августа Чан Кайши посылает телеграмму в гоминьдановские провинциальные штабы с приказом арестовывать коммунистов, действующих в Дунбэйской армии. Этим он предупреждает непокорных генералов: расплата неминуема.

27 октября 1936 г. Чан Кайши вылетел в Сиань. Сведения о достигнутом соглашении между Чжан Сюэляном, Янь Хучэном и КПК взволновали генералиссимуса: как мог Чжан протянуть руку КПК и действовать вопреки его рекомендациям?! Необходимо было разобраться на месте.

Чан Кайши воспринял как личное оскорбление холодный прием, оказанный ему в Сиани: ни государственного флага, ни почетного караула; ни торжественной встречи. Повсюду Чана сопровождали демонстранты, требовавшие прекращения гражданской войны и организации сопротивления агрессору. Пришлось сразу же изложить свою позицию. Коммунисты — наши ближайшие враги, заявил генералиссимус в своей речи перед местными курсантами, а Япония далеко от нас. Слушатели в центре подготовки военных кадров немало подивились, как им показалось, абсурдным речам. Их воспитывали в духе ненависти к захватчикам, и они не видели иного пути для спасения страны, кроме объединения всех сил в борьбе с агрессором. Поэтому у некоторых стоявших перед оратором военнослужащих возникал вопрос: почему все же не отстранили этого лидера? И Чан Кайши, как бы угадывая тайные мысли, дал обещание прислать войска для наказания всех «нелояльных» военных. После короткого пребывания в Сиани Чан Кайши совершает поездку по другим районам провинции Шэньси. 4 декабря он снова возвращается в Сиань. Чан Кайши представляется, что стоит предпринять еще одно усилие — и КПК будет ликвидирована.

Чжан Сюэлян и Янь Хучэн не поддались, однако, нажиму гоминьдановского лидера; они пришли к обоюдному соглашению:

- никогда не вступать в гражданскую войну;
- никогда не покидать Северо-Восток.

Мятежные генералы принимают решение применить силу, если уговоры Чан Кайши окажутся бесполезными. 7 декабря Чжан Сюэлян навестил гостя. Японские интервенты усиливают свой натиск, делился своими тревогами Чжан Сюэлян, после того как они захватят Северо-Восток, Северный Китай окажется в их руках... Судьба нации — на волоске, невозможно спасти Китай, не организовав сопротивление японцам, невозможно сражаться с японцами, не остановив гражданскую войну, не объединив нацию. Чжан Сюэлян говорил возбужденно и даже прослезился. Для Чан Кайши не существовало, когда дело касалось КПК, каких-либо сомнений. Генералиссимус навалился на стол. «Даже если вы направите на меня оружие, — прошипел он, — я никогда не изменю своих планов подавления коммунистов». Янь Хучэн, пришедший на помощь Чжан Сюэляну, также потерпел фиаско¹.

Так получилось, что в этот же день японские десантники, высаженные в порту Циндао, захватили местный комитет Гоминьдана. Отдельные гоминьдановские подразделения вступили в жестокую схватку с оккупантами. Трудящиеся в Шанхае, Циндао, Цзинани, Тяньцзине встретили новую военно-политическую акцию агрессора волной забастовок на японских предприятиях, демонстрациями протеста.

8 декабря Чжан Сюэлян и Янь Хучэн встретились с Чан Кайши. «Как бы то ни было, в настоящее время необходимо подавлять деятельность коммунистов. Если кто-либо посмеет выступить против этого приказа, — заявил им Чан, — ЦИК Гоминьдана... не может не принять в ответ надлежащих мер». Чжан и Янь в это время думали о другом: как повлиять на Чан Кайши и склонить его к действиям в рамках единого фронта. Среди офицеров армии Чжан Сюэляна («Товарищество по сопротивлению Японии», или, как еще именовали эту организацию, «Группа молодых офицеров») вызревали дерзкие планы насильственных мер против Чан Кайши. Чжан, однако, охлаждал самые горячие головы. Он убеждал своих соратников: если не удастся уговорить генералиссимуса занять «патриотическую» позицию, то сле-

¹ Lu Ruiqing, Lü Zhengcao, Wang Bingnan. Zhou Enlai and the Xi'an Incident, Beijing, 1983. P. 45.

дует подчиниться ему. В случае же развязывания новой гражданской войны, предупреждал Чжан, все они будут «преступниками на многие тысячи лет».

9 декабря ассоциация за национальное спасение провела митинги и демонстрации. 15 тыс. сианьских студентов, возглавляемых подпольной организацией КПК, вышли на патриотическую демонстрацию. Демонстранты обратились к Чжан Сюэяну и Янь Хучэну с петицией, где содержалось требование прекратить наконец внутренние распри и объединиться для борьбы с Японией. Агенты Чан Кайши пытались спровоцировать беспорядки, стреляли в демонстрантов, появились раненые. Стрельба лишь подтолкнула студентов к более решительным действиям, и они двинулись к резиденции гоминьдановского лидера. Чан Кайши, узнав об этом, позвонил Чжан Сюэяну и приказал расстреливать на месте любых «нарушителей закона». Это был вызов. «Молодой маршал» спокойно воспринял гневную вспышку Чан Кайши. Он не мог равнодушно воспринимать лозунг «Китайцы не должны воевать с китайцами», который несли студенты, и глаза его увлажнились. Чжан Сюэян обратился к собравшимся с взволнованными словами: пусть патриоты верят ему, он разделяет их чувства.

Чан Кайши обвинил Чжана в безволии: «Только оружие может утихомирить невежественных студентов».

10 декабря генералы вновь навестили Чан Кайши. На этот раз Чжан Сюэян проявил большую жесткость. «Если Чан Кайши, — заявил он, — не будет внимать увещаниям, а действовать своевольно и опрометчиво, то он станет известным предателем нации подобно Юань Шикаю и должен быть осужден народом». Генералы, убедившись в бесполезности уговоров, решили обратиться к силе. Чжан отдал приказ своему батальону охраны и 105-му подразделению подготовиться к аресту Чан Кайши. 17-я армия получила приказ арестовать находящихся в районе ее действия представителей гоминьдановского командования, жандармов, полицию, блокировать аэропорт.

Было раннее утро 12 декабря. Чан Кайши вскочил с постели, едва слышались звуки приближающейся стрельбы. Бросился в нижнем белье к задней двери, она оказалась заблокированной. Что же все-таки произошло? Если восстание, то силы слишком неравны: в распоряжении Чан Кайши всего лишь несколько десятков охранников и солдат. Стрельба между тем не затихала.

Чан понял: это мятеж, «заговорщики» осмелились поднять руку на «вождя нации»! Они приближались к резиденции. Охранники просили генералиссимуса как можно скорее, пока есть возможность, скрыться...

Стрельба стихла к 9 утра. Осаждавшие резиденцию бросились на поиски Чан Кайши. Спальня оказалась пустой. Седан стоял в гараже, значит, его владелец находился не так уж далеко. Ранним утром 12 декабря Чжан Сюэлян, узнав об исчезновении Чан Кайши, объявил своим офицерам: «Если смогу найти генералиссимуса, я сделаю все от меня зависящее, чтобы заставить его вступить в сражение с японцами». Он хотел продолжить свои контакты с Чан Кайши как с лидером, но только после изменения его позиции в отношении японцев. Вскоре Чана нашли. «Я генералиссимус,— заявил он.— Сохраняйте ко мне уважение. Если вы считаете меня пленным, то убейте, но не относитесь ко мне с пренебрежением». «Мы не будем убивать вас,— ответили ему,— мы лишь просим вас повести нашу страну против Японии»¹.

Инцидент привел к жертвам. Более 40 охранников было убито и ранено, 17 высших военных и правительственных чинов оказались под арестом. В 10 утра Чан Кайши посадили в машину и привезли в штаб к Янь Хучэну. На обращение «генералиссимус» Чан Кайши сразу же отреагировал: «Если вы так обращаетесь ко мне, то признаете во мне вышестоящего офицера. Если это так, то вы немедленно доставите меня в Лоян. В ином случае вы — заговорщики и можете меня убить».

Чжан Сюэлян и Янь Хучэн пригласили Чан Кайши к столу и ознакомили с документом, который должен был, как предполагалось, открыть путь к единому фронту. Документ содержал восемь пунктов:

- реорганизация Нанкинского правительства и принятие в него всех партий и клик с целью разделить ответственность по спасению нации;
- прекращение гражданской войны;
- немедленное освобождение лидеров патриотического движения в Шанхае;
- освобождение всех политических лидеров;
- предоставление гарантий свободы для народных собраний;
- обеспечение гарантий прав народа на организацию патриотических движений;

¹ *Furuya K.* Op. cit. P. 512—513.

— искреннее осуществление воли доктора Сунь Ят-сена;

— немедленный созыв Конференции национального спасения.

Эти же требования были изложены в обращении к нации Чжан Сюэляна и Янь Хучэна, опубликованном в сианьских газетах 12 декабря 1936 г.

Чан Кайши достаточно было прочитать первые требования, чтобы заклеить Чжан Сюэляна и Янь Хучэна изменниками. Пришлось ему остаться на положении пленника.

Чжан и Янь решили готовить политические условия для успешного завершения переговоров: они отправили телеграмму в ЦК КПК с предложением прислать в Сиань делегацию для обсуждения планов сопротивления японцам.

12 декабря в Баоани, где находились резиденция КПК и правительство советского района, на митинге выступили Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай. Говорилось о Чан Кайши как о предателе интересов китайского народа. Раздавались настойчивые голоса с требованием суда над Чан Кайши, который привел бы к осложнению и без того тяжелого положения на фронтах сопротивления японскому агрессору. На совещании Политбюро ЦК КПК было принято в целом реалистическое, свободное от излишних эмоций решение, где содержался тезис о необходимости ради сплочения нации мирного разрешения конфликта. В письме Мао Цзэдуна и других лидеров КПК Нанкинскому правительству от 15 декабря все же содержалось помимо иных предложений требование лишить власти Чан Кайши и предать его суду.

14 декабря в Сиани был создан Чрезвычайный комитет объединенной антияпонской армии. Комитет возглавил Чжан Сюэлян. От КПК в работе комитета должен был принять участие ее представитель.

В Нанкине сианьские события были восприняты поразному. Многие среди высокопоставленных правительственных чинов потирали руки: будущее Китая не может, как полагали они, ставиться в зависимость от Чан Кайши. Хэ Инцин требовал предпринять необходимые боевые акции по умиротворению мятежных генералов, мечтая заодно устранить чужими руками и Чан Кайши. В этом он надеялся на поддержку Токио. Японцы, а к ним примыкали немцы и итальянцы, подумывали о создании

в сотрудничестве с Хэ Инцином прояпонского марионеточного правительства во главе с Ван Цзынвэем.

Претенденты на власть в Нанкине, казалось, не обращали никакого внимания на Мэйлин: стоит ли считаться со «слабой женщиной», которая озабочена прежде всего плачевным положением своего супруга. Но «слабая» Мэйлин заставила слушать себя, поскольку она говорила от имени могущественных семей Китая. Мадам разгадала план Хэ Инцина. Жертвой бомбардировки Сиани может быть ее муж, и она сделала все, чтобы этот план не осуществился. Хэ Инцин энергично занялся концентрацией военных сил с явным намерением нанести удар по мятежным генералам.

В Советском Союзе внимательно следили за тем, что происходит в Китае, центральные и местные газеты сообщали читателю новости о событиях в этой стране. Но была в СССР одна газета, судьба редактора которой непосредственно зависела от исхода сианьских событий. Речь идет о газете Уралмашзавода «За тяжелое машиностроение». На ее страницах подробно освещались, со ссылками на информацию из Японии, события в Сиани. 15 декабря... В Нанкине введено чрезвычайное военное положение, ибо командование нанкинским гарнизоном полагает, что некоторые круги в столице связаны с восставшими. Нанкинское правительство запретило публикации о восстании как в Китае, так и за границей. 16 декабря... Восставшие перебили охрану Чан Кайши, состоявшую из 50 человек. Назначенный временно председателем нанкинского военного совета генерал Фэн Юйсян послал телеграмму Чжан Сюэляну, в которой предложил себя на роль пленника вместо Чан Кайши... Чжан взял на себя полную ответственность за безопасность генералиссимуса.

Обязанности редактора газеты исполнял Николай Владимирович Елизаров. Его настоящее имя — Цзян Цзинго. Да, это был сын Чан Кайши.

Пока Чан Кайши находился в Сиани, Лю Сянь попытался прибрать к рукам правительственные учреждения и вооруженные силы в Чэнду, включая военную академию, подразделение военной полиции и даже местное отделение Гоминьдана. Согласно свидетельству американского дипломата, Лю вначале советовал Чжан Сюэляну не церемониться с пленником и избавиться от него. Сычуаньский милитарист выступил в поддержку Чан Кайши лишь пять дней спустя после похищения лидера Гоминьдана.

Американцы, как и англичане, уповали на мирное разрешение конфликта, они симпатизировали сианьским генералам, поскольку усиление сопротивления Японии в Китае, нажим на соперника чужими руками соответствовали их интересам. После начала сианьского инцидента английское и американское посольства активизировали контакты с Сун Цзывэнем, Сун Мэйлин, Кун Сянси.

Посол США Джонсон усмотрел в сианьских событиях пользу для Чан Кайши. Американский посол дал развернутую оценку событиям в Сиани: «Он был одиноким, холодным, жестоким человеком, у которого не было друзей; он не способен оказывать кому-либо доверие; его ненавидели те, кто усматривал наличие у него амбициозных устремлений к диктатуре. Несмотря на это, Чан Кайши получал их поддержку, поскольку они не видели в Китае человека, равноценного ему по способности внушать верноподданнические чувства. Когда Чжан Сюэлян захватил Чан Кайши, он декларировал призыв, который должен был быть популярным... Народ, однако, не слушал его; люди отвернулись от него и назвали Чжан Сюэляна предателем. А почему? Да, я думаю, это произошло потому, что действия Чжана, пленившего Чан Кайши, сделали внезапно Чан Кайши символом того, чего хочет китайский народ больше всего, конкретно: единства»¹.

По заданию ЦК КПК в Сиань прибыл Чжоу Эньлай. Он изложил позицию КПК, подчеркнул ее заинтересованность в мирном урегулировании сианьского инцидента. Этот интерес КПК стимулировался рекомендациями Коминтерна. Чжоу Эньлай вошел в состав Чрезвычайного комитета объединенной антияпонской армии во главе с Чжан Сюэляном.

Чан Кайши опасался участия в переговорах представителей КПК: за последние годы он сделал немало, пытаясь уничтожить коммунистов. И вот перед ним посланник КПК — Чжоу Эньлай, известный ему еще по школе Вампу, по встречам в 20-х годах. Но Чжоу Эньлаю, когда тот появился с предложением о переговорах, было указано сначала на дверь. Все же старые связи действовали в пользу диалога. Чан защищал свою политику как единственно правильную в сложившейся обстановке, обвинял Чжан Сюэляна в том, что тот ставит

¹ *Borg D. The United States and the Far Eastern crisis of 1933—1938. Cambridge, 1964. P. 226.*

под угрозой дело объединения Китая. Диалог зашел в тупик.

Приятной новостью стало предложение Чжоу Эньлая освободить сианьского пленника. Представитель КПК упорно излагал Чан Кайши позицию, которую ему не раз повторяли и местные генералы: без сопротивления Японии Китай не выживет как нация, а национальное спасение невозможно без единства. Были и другие аргументы, толкавшие Чан Кайши на изменение позиции. Сианьская драма, писала генералиссимусу Сун Мэйлин, стала частью нанкинской драмы. Жена явно намекала на планы Хэ Инцина, пытавшегося вместе с ударом по мятежным генералам расправиться заодно и со своим соперником. Стоило задуматься: Чжан Сюэлян и Янь Хучэн не собирались убивать своего пленника, а хотели лишь договориться с ним; но в то же время в Нанкине среди его соратников зрел против него заговор. Чан Кайши дал согласие на единые действия против Японии, обязался прекратить линию на подавление коммунистов.

В середине декабря 1936 г. иностранные корреспонденты, инспирируемые главным образом японской дезинформацией, передавали в свои газеты сообщения, будто Чан Кайши убит. Советник Дональд бросился 14 декабря в Сиань.

Сун Мэйлин попросила Дональда привезти от Чан Кайши письменный приказ, предотвращающий любое нападение на Сиань гоминьдановских войск с целью обеспечения безопасности генералиссимуса. Приказ был издан. В нем говорилось о трехдневном перемирии. Через несколько дней Дональд позвонил в Нанкин: успокойтесь, генералиссимус жив, в добром здравии, живет в комфортабельном доме и с ним хорошо обходятся. Для Мэйлин эти вести стали утешением, для Хэ Инцина послужили поводом для вспышки раздражения.

Длительные переговоры закончились согласием Чан Кайши написать в присутствии «молодого маршала» письмо в Нанкин, которое было отправлено через одного из наиболее доверенных советников генералиссимуса. В письме правительству содержалось предложение Чжан Сюэляна направить представителей в Сиань для переговоров об освобождении Чан Кайши. Министры в Нанкине упрямылись. Вскоре они дали согласие Сун Цзывэню на поездку в Сиань в качестве члена семьи. 20 декабря Сун вылетел в Сиань и на следующий день возвратился, поведав журналистам о своих надеждах.

Чжан Сюэлян с удовлетворением воспринял прибытие в Сиань Кун Сянси и Дональда. «Молодой маршал» надеялся, что они могут повлиять на пленника, сделать Чан Кайши сговорчивей. Генералиссимус оставался непреклонным. Дональд возвратился в Нанкин, где его с нетерпением ожидала Мэйлин. 22 декабря супруга Чан Кайши, сопровождаемая Дональдом, вылетела в Сиань. Когда самолет пошел на посадку, Мэйлин вытащила из своей сумочки револьвер и передала его Дональду. Она просила старого друга семьи, знавшего Мэй еще с детства, застрелить ее, если сианьские мятежники попытаются схватить посланцев Нанкина.

У трапа самолета гостей холодно, но вежливо приветствовал Чжан Сюэлян. Чан Кайши настолько был поражен, увидев Мэй в «клетке льва», что чуть было не закричал. Разговор Мэйлин с Чжан Сюэляном не дал результата. Маршал упорствовал: пока Чан Кайши не примет требований, об освобождении не может быть и речи.

Участники заговора решили все же с честью завершить сианьскую операцию.

Мадам, казалось, использовала все находящиеся в ее распоряжении средства для воздействия на «молодого маршала». 25 декабря Чан Кайши поставили в известность об изменении позиции Чжана. В то же время Сун Мэйлин просили покинуть Сиань — могли произойти столкновения в войсках. Мадам ответила: только с супругом. В 2 часа пополудни Сун Цзывэнь сообщил наконец чете долгожданную новость: они могут покинуть Сиань.

Чжан Сюэлян сопровождал чету, полагая, что этим докажет свою преданность генералиссимусу. Когда 26 декабря самолет приземлился на нанкинском аэродроме, Чжан Сюэлян понял, что ошибся. Его ожидала изоляция. Он был лишен всех своих постов. Прежде всего Чан Кайши посадил Чжан Сюэляна под домашний арест и заставил его сделать письменное заявление «с признанием вины, с просьбой о наказании». Высший военный трибунал Гоминьдана осудил «молодого маршала» на 10 лет тюремного заключения за «противозаконное использование силы своей банды». Когда все судебные формальности были соблюдены, Чан Кайши показал свое «благородство»: обратился к правительству с просьбой о специальной амнистии для Чжан Сюэляна. Фарс закончился тем, что маршала взял под свой

контроль на долгие годы Военный совет Гоминьдана. Чжан Сюэлян так и остался под домашним арестом, его судьба стала наглядным примером для тех, кто хотел бы использовать силу против главы правящей партии.

Сианьские события, однако, не стали случайным эпизодом. Предпринятая в Сиани акция не могла не повлиять на позицию враждующих сторон. Усиление давления Японии, патриотический подъем по всей стране способствовали более четкому размежеванию сил в верхушке Гоминьдана.

Мао Цзэдун заявил 28 декабря: «Чан Кайши заплатил за свою свободу тем, что принял сианьские условия». Появившиеся затем в печати сведения говорили лишь о существовании устного обязательства Чан Кайши, в котором помимо восьми пунктов содержалось обещание созвать конференцию с участием представителей от всех вооруженных сил, которая должна выработать общую линию борьбы с японскими захватчиками и спасения страны.

Чан Кайши дал устное обещание провести в правительстве решение о принятии предложенных ему условий создания единого антияпонского фронта. «Если вы будете бороться с японцами, — сказал Чжоу, — мы будем сотрудничать с вами».

Пленум ЦИК Гоминьдана (февраль 1937 г.) выразил согласие прекратить гражданскую войну и продолжить переговоры по предложениям ЦК КПК относительно условий создания единого фронта.

Провозглашение единого фронта не означало какого-либо серьезного успеха на пути создания под знаменем Гоминьдана единого национального государства. Стоящие за диктатором силы были весьма раздроблены, ни одна группировка не могла подняться выше фракционных интересов, даже борьба с Японией не представлялась общественно-государственной задачей. Упрочение авторитарной власти Чан Кайши не означало всеобщего контроля централизованных органов управления. Внедряемые сверху «движение за спасение нации», «движение за новую жизнь» не могли компенсировать отсутствие объективных, цементирующих общество факторов жизни общества.

Глава 4

Нашествие

Луугоуцяо

Осенью 1936 г. Чан Кайши неоднократно встречается в Нанкине с японским послом Кавагое. Послу вменялось в обязанность поддерживать тайные контакты с Чан Кайши и стремиться склонить гоминьдановского лидера к соглашению с Токио на предлагаемых японской стороной условиях. Впервые после сианьских событий Кавагое был у Чан Кайши 6 марта 1937 г. Японский посол не стал ходить вокруг да около. Он прямо спросил: правда ли, что, как отмечалось в прессе, между Нанкинским правительством и КПК достигнут компромисс? Чан отрицал достоверность сообщений. «Правительственная политика по отношению к КПК,— заявил он,— не изменилась». Чан блефовал. Он, как и прежде, опасался войны с Японией, видя в ней угрозу своему положению в партии и государстве.

В генеральном штабе Японии в это время обсуждались предложения Квантунской армии о захвате Северного Китая, о нанесении удара по Нанкину. В мае японцы решили, что им необходимо закрепиться в Северном Китае. В середине месяца японские самолеты стали совершать полеты в сторону Пекина, сбрасывая над городом пропагандистские листовки.

8 июля 1937 г. Чан Кайши получил доклад о событиях у моста Луугоуцяо. Старинный мраморный мост через Юндинхэ, построенный в 1190 г. и расположенный в 15 км к юго-западу от Пекина, иногда называли мо-

стом Марко Поло. Великий путешественник упомянул этот мост в своей книге. Район представлял для японцев стратегический интерес.

В ночь на 8 июля японские солдаты приступили к учениям восточнее моста Лугоуцяо. Вскоре они попали под обстрел китайского подразделения. Появилась версия: во время инцидента прогнал японский солдат. И японская пропаганда целиком возложила вину за события «на коммунистические элементы 29-й армии».

Японский кабинет представил эти события как запланированный «недругами» Токио инцидент. Премьер-министр Коноэ, выступив перед журналистами, грозил: терпению пришел конец, в Китай будут направлены дополнительные силы для пополнения японского контингента. Инцидент привел в замешательство сторонников умиротворения захватчиков. Они не могли не считаться с растущим в стране возмущением — нашествие выходило за рамки допустимых границ. Чан Кайши предъявил Токио свои требования: признать ответственность за инцидент у моста Марко Поло, принести свои извинения, компенсировать потери и обещать, что подобного рода акции не повторятся. Он отдал приказ командованию 29-й армии не отступать, не принимать требований японцев.

Расчет японцев на внезапность нападения, на капитуляцию противостоящих им китайских войск не оправдался. Подразделения 29-й армии, перейдя в контрнаступление, отбили Лугоуцяо. Приказ Чан Кайши не принимать требований японцев соответствовал патриотическому подъему, захватившему всю страну. В канцелярию генералиссимуса хлынули телеграммы, петиции, письма, авторы которых требовали решительных действий против агрессора. Население с вдохновением воспринимало лозунги китайской компартии: «Северный Китай в опасности!», «Все на войну сопротивления!» Вооруженные силы КПК получили приказ защищать Северный Китай, оборонять линию по железной дороге Пекин — Тяньцзинь.

Генерал Такэо Имаи счел поведение противника вызывающим. Его ультиматум звучал категорически: наказать виновных, вывести все китайские войска из зоны железной дороги Пекин — Тяньцзинь. Японское командование, не дождавшись ответа на ультиматум, начало наступление на Пекин, Тяньцзинь и другие важные пункты. Чан Кайши расценил инцидент у Лугоуцяо как попытку задавить Нанкинское правительство до того, как оно

будет способно принять решение. В его прокламации говорилось: «Если мы позволим событиям такого рода развиваться без контроля, то Пекин, веками бывший столицей нашей страны, культурным и политическим центром и бастионом Северного Китая, будет вторым Мукденом». Капитуляция не входила в планы Чан Кайши, и японцы, понимая это, стремились военными средствами толкнуть своего противника на отказ от сопротивления.

В конце июля 1937 г. пал Тяньцзинь. Японское командование бросило основные силы на Шанхай, подвергнув его жесточайшим бомбардировкам. Чан Кайши сосредоточил у Шанхая достаточно крупную армейскую группировку, но отдал приказ не ввязываться в военные действия. Зачем жертвовать собственными силами, если США и Англия не должны были допустить японцев к своим заветным анклавам. Но Чан Кайши просчитался. Западные державы, по существу, поощряли агрессию. Более трех месяцев китайские войска, невзирая на приказ Чан Кайши, вели ожесточенные бои за Шанхай. Китайские патриоты — рабочие, ремесленники, студенты, как и во время первой шанхайской обороны, вступили с солдатами в схватку с врагом. Но агрессор имел военное преимущество.

Японские войска, сломив сопротивление китайской армии, двинулись к древней китайской столице. Этот бросок иногда сравнивали с движением монгольских орд, взламывающих ворота Великой Китайской стены. Командование китайских войск, стремясь обеспечить спокойное отступление, избегало втягиваться в бои.

7 августа японское командование официально объявило о вступлении императорской армии в Пекин. Западный корреспондент обратился с вопросом к группе японских солдат: почему они здесь? Мы, японцы, ответил один из солдат, миролюбивы, но китайцы продолжают тревожить нас. Другой сослался на необходимость отомстить за погибших соотечественников. А третий заявил: «Мы пришли спасти Китай от коммунизма». Крестьянский паренек видел в этом исполнение своего долга — служить императору.

В условиях нависшей над страной угрозы порабощения Китай, как никогда, нуждался во внешней опоре. В самый тяжелый для китайского народа час северный сосед протянул ему руку помощи, подписав 21 августа с Китаем договор о ненападении. Китайский народ не остался в одиночестве. Страна Советов оказывала во-

енную помощь сражающейся с фашизмом Испании, перестраивала свою экономику на военный лад в преддверии второй мировой войны. И, несмотря на это, советские кредиты, оружие, боевая техника стали важнейшим подспорьем для Китая в его борьбе с захватчиком. Чан Кайши осознавал, что развитие советско-китайского сотрудничества предполагает изменение его отношения к КПК, к проблемам единого фронта. На переосмысление прежней политики подталкивали и рост влияния в стране КПК, популярность в народе идеи единого фронта в связи с расширением японской агрессии.

Сразу же после Лугоуцяо Чан Кайши получил от КПК официальную декларацию с предложением о сотрудничестве между партиями. Но прояпонские элементы в гоминьдановском правительстве делали все, чтобы сдерживать усилия по сопротивлению Японии. Хэ Инцин открыто заявил: Китай будет оккупирован за семь дней, если начнется война сопротивления. Пораженческие настроения захватили министерство иностранных дел. «Примиренчество приведет к беспорядку, — отмечалось в докладах МИД, — сопротивление — к поражению». Гоминьдановский министр иностранных дел выступил в канун взятия японцами Пекина с весьма пессимистическим прогнозом: недостаток средств и разгром лучших китайских войск на Севере сделали невозможным для Китая дальнейшее сопротивление. Он даже объявил о достижении предварительного соглашения по поводу прекращения военных действий.

Новый подход Чан Кайши к сотрудничеству с КПК в борьбе с Японией незамедлительно сказался на положении в армии. 20 августа 1937 г. из основных сил Красной армии формируется 8-я Национально-революционная армия под командованием Чжу Дэ. Чан Кайши официально признает 8-ю армию. Она получает от Гоминьдана три дивизии и одну бригаду. Чжу Дэ, пользовавшийся авторитетом не только в частях 8-й армии, но и в гоминьдановских, сычуаньских, юньнаньских войсках, стал заместителем командующего шаньсийским фронтом. Выступая перед военнослужащими этих формирований с докладами, он в положительных тонах высказывается о Чан Кайши. Заместителем Чжу Дэ стал Пэн Дэхуай. В роли заместителя начальника политотдела армии как энергичный работник проявил себя Дэн Сяопин¹.

¹ См.: Проблемы Дальнего Востока. 1987. № 5. С. 144.

23 сентября 1937 г. Чан Кайши объявил о готовности сотрудничать с КПК. В томиньдановской печати появляется совместная, предложенная коммунистами декларация об основных принципах сотрудничества. В декларации звучал призыв к немедленному заключению договора с СССР, установлению с ним тесного единения «как с наиболее надежным, наиболее могущественным государством, наиболее способным оказать Китаю помощь в войне против японских захватчиков». Результатом переоценки прошлого опыта стало решение Чан Кайши об удалении из Национального правительства скомпрометировавшего себя прояпонской линией министра внутренних дел Чжан Цюбина и других; он не только сместил с должности, но и казнил ряд генералов и губернаторов.

Наступление японцев снова обострило сычуаньскую проблему. Чан Кайши соблазняла возможность поставить под свой контроль военный потенциал провинции. К 1936 г. Лю Сянь имел независимые авиасилы. На предприятиях близ Чунцина при содействии чехословацкой фирмы «Шкода» выпускались пулеметы и современные ружья, зенитные орудия немецких образцов... К началу 1937 г. дополнительные подразделения войск центрального правительства начали движение в Сычуань из провинций Шэньси и Хубэй.

Лю Сянь стремился защитить собственные интересы в своей вотчине. Чан Кайши сделал небольшой публичный жест, объявив о намерении снизить уровень напряженности вокруг Чунцина, не ослабляя позиций центрального правительства. В мае 1937 г. он издал приказ, предоставлявший центральным властям право наказывать всех, кто «нарушил закон»: «Сначала наказывать... потом докладывать об этом». К июню Лю Сянь уступил силе: передал 10 самолетов центральному правительству. Вся политическая и военная власть в Чунцине переходила практически в руки Чан Кайши.

Не обошлось и без кровавых инцидентов. Как только в 1937 г. административные власти Суйнина соорудили флагшток для национального флага и начали кампанию по патриотическому воспитанию местных жителей, разразилась засуха. Слова «флагшток» и «засуха» близки в китайском языке по произношению, и пошли слухи, что бедствие вызвано сооружением «флагштока». Толпы народа потребовали снять флаг, и, когда власти отказались пойти на это, магистрат подвергся нападе-

нию. Полиция открыла огонь. Были убитые и раненые.

Захватив военной силой власть в провинции, Чан Кайши оставался в зависимости от местной бюрократии, которая не проявляла особого интереса к «сотрудничеству» с ним. Лю Сянь оберегал свои вооруженные формирования, несмотря на потерю, как он считал, значительной части территории. Когда же армии милитаристов стали участвовать в сражениях с японцами, Чан Кайши воспользовался и этим, чтобы ослабить военно-политические позиции своих потенциальных соперников. Сычуаньская армия, испытывая острую нужду в снаряжении, медикаментах, картах, в продовольствии, несла огромные потери.

В последние недели октября вслед за падением Шанхая Чан Кайши объявил: Национальное правительство переезжает в Чунцин. Официальное же сообщение об этом было сделано 20 ноября. Многие гоминьдановские лидеры и учреждения последовали сначала в Ухань.

Как показал сычуаньский опыт, Чан Кайши владел искусством управления находившимися с ним в каких-либо отношениях милитаристами. Он либо приближал к себе высокопоставленных генералов, либо раскалывал довольно хрупкие генеральские альянсы, противостоящие каким-либо путем его личной диктатуре.

...Уханьский университет расположен в поистине райском уголке, что за городом Учаном. Белые, утопающие в зелени дворцы университета удивительно сочетаются с покрытыми травой и цветами склонами горы Лоцзяшань, с раскинувшимся у подножия горы озером Дунху. Вскоре после событий в Лугоуцяо сюда 27 июля 1937 г. приезжает из Японии Го Можо. Десять лет он пробыл за границей, где вынужден был скрываться после переворота 1927 г. Теперь он великодушно прощен. Насколько восторженны его впечатления от красоты здешней природы, настолько сумрачны его рассуждения о поведении ведущего лидера Гоминьдана. Каждый понедельник на территории университета царил оживление. Высшая знать собиралась на церемонию чествования Сунь Ятсена. В огромном зале университета собирались видные сановники, разжиревшие на казенных харчах генералы, сверкающие знаками отличия. Не только их внутренний мир, но даже и внешний вид резко контрастируют с образом великого китайского революционера... Раздаются звуки оркестра, и присутствующие замирают по стойке «смирно». Появляется Чан Кайши.

Он бросает взгляд по сторонам, плотно сжав губы, белозной выделяются перчатки. Немного отступив от него, рядом следовали Чэнь Чэн и Дай Ли.

Смолкала музыка, и Чан Кайши начинал говорить.

— Сегодня... э... Я хочу рассказать господам... э... это... это... о любви к ближнему и почитании мудрого... о том, как править миром...

Оратор говорил целый час, 40 минут из которого отнимало слово «это». Все же лучше, вспоминал Го Можо, когда он ругался. Тогда речь его была более правильной, он не повторял слишком часто слово «это».

После взятия японцами Уханя в октябре Чан Кайши перебрался в Чунцин. К этому времени соратники Лю Сяня отвели подчиненные им силы в другие провинции. Вскоре наступила и развязка в отношениях между Чан Кайши и Лю Сянем. Гоминьдановское правительство создало 7-ю военную зону во главе с Лю Сянем. Штаб этой новой организации находился в Нанкине. Вскоре новый командующий 7-й зоной заболел. По настоянию Чан Кайши он лег в находящийся под иностранной опекой госпиталь в Ханькоу. Сычуаньский милитарист так и не вышел из госпиталя. Он скончался 20 января 1938 г. Вполне вероятно, что сычуаньского лидера убили агенты Дай Ли. На место Лю Сяня гоминьдановский лидер посадил генерала Чэнь Чэна.

Японцы продолжали наступление. Истекал кровью Нанкин. Высшая гоминьдановская знать увозила с собой имущество и капиталы, а нанкинцы были брошены на милость победителя. Старики, женщины, дети сгорали в пламени пожаров и умирали в мучениях от ран во время ожесточенных бомбардировок с воздуха.

В схватку с наглым агрессором в небе Нанкина вступили в бой советские летчики-добровольцы. Их было всего лишь семеро, но, только что прибыв, уже в первом бою 1 декабря над Нанкином они показали высокий профессионализм. Японские летчики встретили наконец достойный отпор; несколько самолетов агрессор потерял в первой же схватке с советскими пилотами. Но силы были неравными. Ко времени решающих схваток за Нанкин из 520 китайских самолетов в строю находилось лишь 20. Да и на земле, в армейских частях, отсутствовал порядок. Командиры подразделений покинули Нанкин задолго до начала осады. Когда город был окружен со всех сторон, началась паника. Солдаты металась в поиске хотя бы какой-то лазейки для выхода из окружения. Но трагедия еще только начиналась.

9 декабря японский летчик сбросил письмо генерала Матсуи гоминьдановскому генералу Тану с требованием согласиться на капитуляцию в течение 24 часов. Японцы, не получив ответа, обрушили на Нанкин жесточайшие бомбовые удары. Разрушались вековые стены, окружавшие город. 13 декабря захват города был завершен, потери китайской стороны достигли примерно 40 тыс. человек.

Стотысячная гоминьдановская армия в панике отступала. Генерал Матсуи показал свое великодушие: его люди будут беспощадны к тому, кто окажет сопротивление, но будут снисходительны к гражданскому населению и солдатам, сдавшимся на милость победителя. Приличия были соблюдены. А затем последовал и другой приказ генерал-лейтенанта принца Асаки Ясухико, положивший начало кровавой трагедии в Нанкине.

На город обрушилась озверевшая японская солдатня. Не успевших уйти китайских защитников города оккупанты связывали вместе по 40—50 человек и казнили. Около 7 тыс. китайских женщин получили приют в женском колледже, организованном Международным комитетом спасения. Но японские солдаты выталкивали несчастных на улицу, насиловали, а зачастую и убивали. Иностранцы, члены комитета спасения, обращаясь к японскому командованию, взывали к милосердию. Все их протесты оставались без внимания.

Ефрейтор Масуда, один из участников нанкинской резни, описал события того времени. 4-я рота, в которой служил Масуда, войдя в город, приступила к уничтожению остатков «противника». Солдаты искали «врагов» прежде всего в нанкинской городской больнице. 14 декабря, на следующий день после вступления в Нанкин, была начата «очистка» района, где находился лагерь беженцев, опекаемый Международным Красным Крестом. Солдатам удалось обнаружить несколько сот безоружных китайских солдат. Несчастных раздели донага, связали электропроводом, зверски избили и после этого казнили.

Японская пресса того времени писала о редкостном соревновании офицеров императорской армии. Победителем был тот, кто, мастерски владея самурайским мечом, мог поразить 100 китайцев. Двух офицеров увенчали лаврами «победителей»: перед ними были безоружные горожане. В газете «Токио нитинити симбун» 40-х годов обращала на себя внимание фотография двух япон-

ских солдат. Подпись под фотографией гласила: «Один убил 106, другой — 105 человек».

...13 декабря 1987 г. У разрушенных стен Нанкина, символизирующих трагедию 30-х годов, собрались представители общественности КНР. Сюда пришли оставшиеся в живых свидетели кровавых событий. Со скорбью в глазах они смотрели на каменные барельефы на полуразрушенных стенах, воскресавшие события тех дней. Время не стерло память о трагедии. У ворот Цзяндун возник музей, в различных местах установлены мемориальные плиты. На серой гранитной стене воспроизведена надпись, сделанная рукой Дэн Сяопина: «Мемориальный музей жертв нанкинской резни, совершенной японскими агрессорами».

Оккупанты в течение двух месяцев истязали Нанкин. Во время нанкинской резни, которая потрясла мир, отмечалось в «Бэйцзин ревью» 20 июля 1987 г., было убито 300 тыс. человек. Треть жилых зданий города сгорела дотла. Агрессоры хотели сломить волю патриотов, лишить их способности к сопротивлению.

Исход войны, делал вывод 17 декабря 1937 г. Чан Кайши, будет решен не в Нанкине или в другом большом городе, он будет решен в сельской местности нестигаемой волей нашего народа. Генералиссимус, однако, полагался больше не на массовое сопротивление агрессору, а на содействие извне, со стороны США, Англии.

Вскоре после событий у Лугоуцяо, 21 июля, Чан Кайши встретился с английским послом. Он не скрывает надежды: США и Англия окажут в конце концов должное внимание сопротивлению Китая. Но Англия, озабоченная судьбой собственных интересов в Китае, стремилась избежать столкновений с Японией.

Агрессоры втайне надеялись, что давние и тесные связи Чан Кайши с Японией должны в конце концов сработать, а военные победы должны стимулировать прояпонские настроения в Гоминьдане. Эти надежды не оправдались. Масла в огонь подлило опубликование закрытых лекций Чан Кайши, прочитанных им еще в 1934 г. в школе по подготовке офицерских кадров. Лекции были выдержаны в резко антияпонском духе. Для японских политиков казалось невыносимым, что получивший военную выучку в Японии Чан Кайши восстал против воли всемогущего императора. Принц Коноэ, отражая подобные чувства, заявил: «Когда имперские ле-

гионы захватят Чан Кайши в плен, ему не будет пощады — его просто обезглавят».

25 июля Чан в беседе с американским послом Нельсоном Джонсоном выражает надежды на американское содействие. США продемонстрировали заботу об обеспечении мира в Шанхае: они призвали не допустить кровопролития в этом городе. Гуманность становилась ширмой для голого практицизма — волнения были связаны прежде всего с проблемой сохранения американской собственности в Шанхае. Ведь американские компании купили в 1929 г. Шанхайскую электростанцию, в 1930 г. стали хозяевами телефонной сети, а в 1931 г. — и радиостанции Шанхая. 12 августа на заседании генерального штаба в Нанкине Чан недвусмысленно дал понять, что рассчитывает на активное вмешательство США и Англии в китайские дела. Он не верил в равнодушие хозяев «Стандард ойл», «Техас ойл», «Дженерал моторс» и других мощных американских монополий, чьи позиции в Китае были широко известны. Военные действия в бассейне Янцзы таили прямую угрозу интересам ведущих держав Запада, собственным интересам Чан Кайши в промышленном бизнесе Шанхая. Угроза этим интересам должна была определить в официальных заявлениях «пределы терпения» народа. И вот наконец настало время, когда Китай подошел, делал публичное заключение Чан, к той черте, когда стало необходимым «приносить жертвы и сражаться до конца».

Мадам Сун Мэйлин, как могла, помогала супругу. Пресса расписывала ее деятельность. Вот она спешит на фронт вдохновить солдат на подвиг. Сун Мэйлин попадает под обстрел, ее шофер, спасая жизнь первой леди, бросает машину на обочину дороги. Героиня отделалась лишь легкими ушибами, ее жизнь спасена. Сун Мэйлин — секретарь авиационной комиссии, шефствует над авиацией. Она посещает с супругом аэродромы, председательствует на банкетах с авиаторами. Блистая рядом, супруга Чан Кайши произносит на банкете тост в честь советских летчиков-добровольцев по поводу их успешной операции — разгрому крупнейшей японской военно-воздушной базы на Тайване, вручает награды и подарки всем советским участникам налета на Тайвань¹. Она же вовлечена в активную дипломатическую

¹ См.: В небе Китая. 1937—1940: Воспоминания советских летчиков-добровольцев. М., 1986. С. 47.

деятельность. 12 сентября 1937 г. Сун Мэйлин обращается по радио к американцам, умоляет их о поддержке. Но ее призывы наталкиваются на глухую стену равнодушия: правящая Америка прочно увязла в путях изоляционистских настроений.

14 сентября президент Рузвельт объявляет: нейтралитет США распространяется на Дальний Восток. Торговым судам, принадлежащим США либо находящимся под их флагом, отныне запрещалось транспортировать и в Китай, и в Японию «оружие или любое иное снаряжение, предназначенное для ведения военных действий». Подобный акт, однако, в действительности отнюдь не коснулся Японии, а поставил в безвыходное положение жертву агрессии, лишив ее возможности получить материальную помощь от США.

24 сентября на пресс-конференции Чан напомнил американцам о Вашингтонской конференции 1922 г., зафиксировавшей обязательство девяти держав соблюдать принцип территориальной и административной неприкосновенности его страны. Один из основных тезисов на этот раз, как и в предыдущих выступлениях, указывал на ответственность Вашингтона за события, происходящие в Китае.

Наступление нового, 1938 г. Чан отметил посланием. Генералиссимус обращается к патриотическим чувствам своих сограждан. «Нам не следует,— подчеркивал он,— надеяться на другие нации ради нашего выживания, мы должны полагаться на себя»¹. Чан выглядел героем ежегодной традиционной ритуальной церемонии «избавление дьявола», которая обычно происходит в храмах 1—2 марта, в канун нового года по тибетскому календарю. В старину, как повествует легенда, жил злой тибетский сановник Лондармо. Много горя принес он народу: уничтожались храмы, гибли люди. Казалось, что спасения от дьявольского наваждения нет. Но вот появляется неизвестный герой. Он танцует. Искрометный танец завораживает, но неожиданно из рукава его халата появляется кинжал — справедливость торжествует.

В действительности было, конечно, не совсем так, как хотел представить Чан Кайши. Китай все больше опирался на советскую помощь. В трудных условиях, сталкиваясь порой, казалось бы, с непреодолимыми препятствиями, советские пилоты перегоняли самолеты и

¹ *Furuya K.* Op. cit. P. 564—565.

необходимую технику через безлюдные монгольские степи. Для многих советских людей подвиги в схватках с воздушным агрессором стали продолжением той суровой борьбы, какую они начали в Испании. Среди них был летчик-истребитель П. В. Рычагов, сбивший над Испанией более 20 фашистских самолетов. Таких пилотов фашисты окрестили «красными дьяволами». «Жизнь их была суровой, дисциплина — строгой,— писал о советских летчиках-добровольцах Го Можо.— Они спали под крыльями своих серебристых птиц, не покидая аэродрома ни в воскресенье, ни в праздники. ...Мало кто знал, что в начале антияпонской войны советские добровольцы много для нас сделали (особенно в период обороны Уханя), они не щадили жизни, защищая нашу землю»¹.

Развитие советско-китайского сотрудничества способствовало упрочению сил в рамках единого фронта.

В 1938 г. Чан Кайши дает согласие и на организацию Новой 4-й армии. Ее ядро составили революционные офицеры и солдаты, порвавшие с гоминьдановцами после шанхайского переворота 1927 г. Создается штаб по развертыванию партизанского движения в тылу врага, Чжоу Эньлай организует школу подготовки партизанских кадров в Хунани. «Политическая мобилизация народных масс на данном этапе войны,— говорил Чан Кайши на совещании в Хэшани в конце ноября 1938 г.,— гораздо важнее, чем сама по себе борьба на фронтах».

«Пробуждение масс важнее сражений» — к этому лозунгу, как казалось, приобщался и сам Чан Кайши. Руководство КПК в это время поддержало генералиссимуса. Положение Чан Кайши как политического и военного лидера не ставилось под сомнение в рамках единого фронта и даже укреплялось благодаря успешному претворению в жизнь новой тактики. Генералиссимус публично рассуждал о том, что не следует идти на большие жертвы ради того, чтобы удержать какой-либо город или провинцию, а необходимо избрать поле боя, неблагоприятное для врага. Десятилетний опыт маневренной войны, тактика «окружения города деревней» были поставлены на службу войне сопротивления Японии. Чан Кайши, как военный человек, не мог не признать результативность военной тактики и пропагандистской работы КПК. «Не ругать мы должны коммуни-

¹ Го Можо. Песнь о бушующей волне. М., 1962. С. 144—145.

стов, — говорил он в одной из конфиденциальных бесед, — а учиться у них руководить массами». Коммунисты, признал в феврале 1938 г. генералиссимус, и их 8-я красная армия — «лишь часть вооруженных сил, добившихся удовлетворительных результатов» в войне с Японией. Гоминьдановские генералы получали совет «последовать примеру руководства КПК». Генералы, однако, помнили: в 1934 г., когда Чан Кайши окружил войска КПК, их лидер посулил за головы руководителей КПК — Чжу Дэ, Пэн Дэхуая и Мао Цзедуна — до полумиллиона долларов.

В январе 1938 г. Чан Кайши передает пост премьера Кун Сянси. Новый премьер, отдавая дань идее единого фронта, объявляет об освобождении всех арестованных коммунистов, подчеркивает необходимость вооружить их как союзников в борьбе с Японией. Враг наступал. Генералиссимус помнил об угрозах из Токио. Он просит жену выехать в Гонконг. В новостях, появившихся в мировой печати 21 февраля 1938 г., Гонконг был назван местом свиданий семьи Сун. «Китайский премьер Кун Сянси нашел последнюю неделю самой подходящей, — отмечалось в новостях, — чтобы покинуть Ханькоу, где его правительство продолжало организовывать сопротивление Японии, и прибыл в колонию британской короны — Гонконг». Здесь его встречали мадам Кун, ее брат банкир Сун. В Гонконге находились и две другие сестры Сун — Мэйлин и Цинлин. Японская пропаганда изобразила семейство Сун бегущим с тонущего корабля с мешками валюты и драгоценностей в руках.

Японское командование, добившись успехов на центральном фронте, обратило внимание на Юг — особо важным для контроля над всей стратегической ситуацией в стране становились захват и освоение коммуникаций Южного и Юго-Восточного Китая. Чан Кайши и его американские друзья понимали, что достижение японцами цели окончательно похоронит надежды на получение Китаем помощи от западных держав, изолирует Чунцин от США и Англии. Гоминьдановские гарнизоны на южном побережье оказались беспомощными. 22 октября японцы овладели Гуанчжоу. Вскоре пал Уханьский промышленный район. Начинался второй этап японо-китайской войны.

Поиск внешней опоры

Самая популярная чета 1938 г. — супруги Чан. Об этом объявил журнал «Тайм». Рекламой популярная чета была обязана американским миссионерам. Редактор журнала «Тайм» Генри Люс — выходец из миссионерской семьи. Миссионеры использовали любую возможность, чтобы подчеркнуть принадлежность к западной религии большей части официальных лиц чанкайшистского правительства — выпускников христианских учебных заведений. Сун Мэйлин представлялась мировому общественному мнению чуть ли не святой, способной спасти страну от нашествия дьявола. Христианские миссионеры помогали сохранять США «дружеское лицо» в отношении китайского народа, маскируя зачастую неприглядную роль Вашингтона как пособника японской агрессии, жестокость политической практики Чан Кайши и его соратников.

В то время как Япония приступила к практическому осуществлению давно готовившегося плана создания «всеобщей сферы совместного процветания», а США и европейские капиталистические державы успешно проводили политику «умиротворения» агрессора, «друзья» Гоминьдана, в основном из среды миссионеров, потребовали от Белого дома прекратить поставки военных материалов в Японию. Инициаторы кампании призывали к решительной борьбе с широко распространенным, на их взгляд, мнением, будто для того, чтобы избежать конфликта с Японией, США должны удалить всех своих граждан и военнослужащих с территории Китая.

Но что могли противопоставить миссионеры политической игре правящей Америки, увидевшей главную для себя опасность в Советском Союзе? Миссионеры и их «друзья» организовывали различные комитеты, которые призывали к бойкоту японских товаров и шумно ратовали за отказ от «участия в японской агрессии».

Строители дальневосточной политики США оказались перед довольно сложной дилеммой: совместить, казалось бы, противоположные цели — обеспечить интересы американского капитала в Китае, сохранить лицо «друзей» китайского народа и остаться при этом партнером японского милитаризма в борьбе с «коммунистической опасностью».

17 сентября 1938 г. чунцинское правительство назначило Ху Ши (Ху Шичжи) послом в США. Это назна-

чение известного в Китае и за рубежом ученого-обществоведа хорошо восприняли как в официальных, так и в научных кругах США. Ху Ши, как и другие почитатели и ученики американского философа Дьюи, воспитанный в классических канонах американского прагматизма, смотрел на США как на «символ непревзойденной морали», как на «неиссякаемый источник вдохновения». Ху Ши тогда убежденно верил в «ценности американской демократии», призывал покориться силе «западного ветра», «идти на Запад». С появлением в Вашингтоне Ху Ши в качестве посла Чан Кайши начиналась новая веха в китайско-американских отношениях. Вслед за Ху в США последовал известный шанхайский банкир П. К. Чэнь. Предстояли переговоры о предоставлении Чунцину финансовой и экономической помощи. Сам Чан Кайши обращается с личным письмом к Рузвельту.

Еще во время осады японцами Нанкина Чан пошел навстречу предложениям Германии и Италии о мирных переговорах с Японией. 21 ноября 1937 г. немецкий посол Траутман представил гоминьдановцам подготовленный японцами ультиматум, содержащий ряд унижительных требований, в том числе признание, по существу, имперских завоеваний, запрещение антияпонской деятельности и т. д. Через месяц были повторены ультимативные, но еще более жесткие требования. Японская сторона поставила чунцинского диктатора в сложное положение.

Гоминьдановцы 2 января 1938 г. решились обратиться через Траутмана к Гитлеру с просьбой «повлиять на японцев», добиться хоть какого-то смягчения их требований. Германское посредничество между противоборствующими сторонами в Китае вызвало досаду в США и Англии. Последние опасались потерять инициативу.

16 января 1938 г. премьер Коноэ заявил, что терпение Токио лопнуло и нет необходимости вступать дальше в какие-либо переговоры с Чунцином. Япония активизировала усилия с целью внести раскол в Гомиьдан изнутри. Сторонники Ваң Цзинвэя — Чжоу Фохай, Тао Сишэн и другие — организовали в Нанкине, Ханькоу капитулянтские группы; в Токио, Гонконг, Шанхай едут из Чунцина тайные эмиссары.

В трудное для Китая время, когда рухнули расчеты гоминьдановцев на содействие Запада в мирном урегулировании конфликта, Советский Союз усилил оказание моральной и материальной поддержки Китаю. К марту

1938 г. в Китай поступили советские танки, большое количество артиллерии, стрелкового вооружения.

И лишь 16 декабря 1938 г. Экспортно-импортный банк США предоставил Китаю кредит в сумме 25 млн долларов для закупок сельскохозяйственной продукции и промышленных товаров. Этот кредит был скорее демонстрацией Вашингтоном солидарности с Китаем, нежели выражением самой солидарности. Министр иностранных дел Японии Арита заявил 20 декабря 1938 г.: «Кредит не помешает установлению «нового порядка» в Азии». Соглашение министерств финансов США и Китая (8 июля 1937 г.) предусматривало поставки китайского серебра в США, что, как полагали в Вашингтоне, должно было прочнее связать доллар и юань, обеспечить таким образом американский контроль над китайской денежной системой. Японцев больше тревожила боевая советская помощь, которая обеспечивала китайскому командованию не только возможность сдерживать натиск агрессора, но и переходить нередко в наступление.

Чан Кайши был вынужден заявить о «бескорыстном характере помощи Советского Союза китайскому народу в его борьбе против японской агрессии». И это была правда. Советские кредиты обеспечивали поставки в Китай различного вооружения, боеприпасов, транспортных средств.

Чан Кайши хотя и говорил публично о большой роли советских военных советников, на деле ограничивал их деятельность. Невежественных генералов, окружавших генералиссимуса, беспокоила прежде всего личная судьба, их заботили привилегии, которые они стремились во что бы то ни стало сохранить. Люди, приехавшие из Советского Союза и воспитанные в духе иных человеческих ценностей, вызывали у них лишь подозрительность и недоверие. Но диалектика взаимоотношений между СССР и Китаем уже в то время отличалась гораздо большей сложностью, нежели это было показано историками в первые послевоенные годы. Культ личности Сталина не мог не бросить на эти отношения свою неприглядную тень. Советские военные советники не были изолированы от событий в своей стране, где репрессии захлестнули и Наркомат обороны. В ведущих управлениях Генерального штаба в 1937 г. практически сменилось все руководство, обстановка слежки, всеобщего недоверия сковывала деятельность и военных специалистов,

вовлеченных в китайские дела. В то же время в условиях культа личности Сталина появились благоприятные условия для деятельности различного рода приспособленцев, авантюристов, обязанных сталинскому покровительству своей карьерой. Одним из таких деятелей был полковник Власов. Последний, как вспоминал М. С. Шмелев, состоял при ставке Янь Сишаня. «Сталинский полководец» не стеснялся в средствах. Он усердно пишет рапорты на имя Чан Кайши. Один из таких рапортов пришелся по душе генералиссимусу, поскольку в нем русский советник «разоблачил» маневры его соперников. Услуга за услугу. И Власов становится кавалером высшего ордена Золотого дракона. Лавры великого полководца не дают Власову покоя. С его благословения издается плакат, на котором изображены Янь Сишань, Власов, возглавляющие устремившиеся в бой против японцев войска. Поведение Власова не остается незамеченным в группе советников. Был поставлен вопрос об исключении Власова из партии. Но из Москвы ему протянули руку помощи, и он, будучи отозванным из Китая, вновь оказывается на коне и пишет рапорты на своих начальников, которые многие считают ординарными доносами. И вот уже Власов — генерал-майор, а на его груди новенький орден Боевого Красного Знамени. «Товарищ Сталин оказал мне доверие...» — говорил и писал нередко Власов. Перешедший в годы войны на службу к гитлеровцам, Власов был казнен за предательство Родины. Но не такие люди, как Власов, делали погоду в отношениях между СССР и Китаем. Из 3600 советских военных советников подавляющее большинство честно выполняло свой долг.

К 40-летию разгрома милитаристской Японии политическая академия ВМС Китая опубликовала материалы о советской помощи Китаю во время антияпонской войны. Согласно этим материалам, СССР с 1938 по 1940 г. предоставил Китаю кредиты на сумму 450 млн долларов в виде оружия; с октября 1937 по сентябрь 1939 г. из СССР было поставлено в Китай 980 самолетов, более 80 танков и 1300 орудий.

Японцев не устраивали развитие связей СССР с правительством Чан Кайши, рост советской военной помощи гоминьдановскому Китаю, и они усилили военное давление на гоминьдановский режим.

Захват японцами Гуанчжоу и Уханя несколько подорвал тезис Чана о том, что не следует идти на большие

жертвы, чтобы удержать какой-либо город. Ведь после новых успехов японского оружия на китайской земле вновь в рядах Гоминьдана вспыхнули раздоры, наносившие ущерб престижу партии и ее лидеру. Потеря Гуанчжоу и Уханя привела к росту недовольства политикой Чан Кайши среди населения Юга. Видный гоминьдановец Евгений Чэнь потребовал устранить Чан Кайши с поста главнокомандующего. «Японское вторжение,— говорил он,— распространилось на самые богатые районы Китая. Мы не можем спасти Китай и самих себя от завоевателя, если будем думать, что Чан Кайши выиграет войну... Оскорбительно представить себе, что Чан Кайши есть лучшее, что может породить нация»¹. Приверженец Сунь Ятсена, каким прослыл Чэнь, вел себя вызывающе. Чан Кайши такого не прощал.

Чан Кайши ощущал давление не только слева, но и со стороны прояпонских элементов. Успехи японцев, рассчитывавших военным давлением вынудить гоминьдановцев стать на колени, не привели, однако, к желаемым для Токио результатам. В декабре 1938 г. премьер-министр Японии Коноэ, отмечая новые победы императорской армии — захват Гуанчжоу и уханьского трехградья, пригрозил Чан Кайши: если Национальное правительство не прозреет, будет придерживаться политики сопротивления Японии и сотрудничества с коммунистами, то военные действия будут продолжаться до полного уничтожения врага. Если Чан Кайши не покорится, намекнул при этом Коноэ, то найдется и другое «китайское правительство», с которым империя будет иметь дело.

Японские политики решили ввести в игру возглавлявшего гоминьдановский Политический совет Ван Цзинвэя. Подготовка началась заранее...

12 ноября 1938 г. в различных частях города Чанша вдруг вспыхнули пожары. Японские войска находились в 180 км севернее города. Среди населения поползли слухи, что это дело рук Чан Кайши. Расследование показало: пожары на совести командующего местным гарнизоном Чанша генерала Фэн Цзы, начальника управления общественной безопасности Вэн Чжунфу и других. Предлог для поджогов — японцы на подступах к городу (город действительно был захвачен императорской армией, но лишь спустя шесть лет). А тогда, в 1938 г.,

¹ Daily Herald. 1938. 24 oct.

в городе было уничтожено 50 % строений, боеприпасов, снаряжения, погибло до 5 тыс. жителей. За спиной поджигателей маячила тень Ван Цзинвэя. Как только загорелся город, Ван Цзинвэй публично обрушился на инициаторов политики «выжженной земли», которая, по его словам, несла китайскому народу «бесчисленные жертвы». Инициаторы пожаров в Чанша рассчитывали спровоцировать анархию, показать власть имущим опасность для них линии на вооружение простого народа, окончательно скомпрометировать Чан Кайши, добиться его отставки, открыть путь для заключения мира с Японией.

Ван Цзинвэй и его сторонники просчитались. За Чан Кайши стояла армия. 18 декабря 1938 г. Ван Цзинвэй начал в Куньмине переговоры с губернатором Юньнани генералом Лун Юнем, пытаясь склонить его к сепаратному миру с Японией. Для японцев такого рода сделка имела бы огромное значение, поскольку подвоз вооружения в Китай осуществлялся с Юга, через Бирму и Индокитай.

И здесь Ван Цзинвэя постигла неудача. Чан Кайши узнал о поведении Ван Цзинвэя от самого Лун Юня. Чану не раз приходилось вступать в конфликт с Ван Цзинвэем, но теперь, когда его противник стал действовать с открытым забралом, опираясь на помощь и содействие японцев, их дороги разошлись окончательно. Ван Цзинвэй в декабре 1938 г. бежал со своими единомышленниками в Ханой. Они всерьез стали пропагандировать идею создания «китайского правительства мира с Японией».

Ван Цзинвэй мечтал, как вспоминал брат Мао Цзэдуна Мао Цзэминь, захватить в правительстве портфель министра финансов. Это действительно был чрезвычайно важный пост. Недаром после смерти Сунь Ятсена наследником лидера революции считался Ляо Чжункай, занимавший пост министра финансов. Ван Цзинвэй и его сторонники, согласно версии Мао Цзэминя, были весьма раздосадованы, когда узнали, что министром финансов стал Кун Сянси. Состоялась неприятная для Ван Цзинвэя встреча с Чан Кайши. После нее главком разослал всем командующим армиями телеграммы, где сообщал о намерении Ван Цзинвэя заключить с японцами мир, те в своих ответах заклеили Ван Цзинвэя как предателя.

Китайские историки Шэнь Цзяшань и У Дэхуа, обращаясь в середине 80-х годов к истории перехода Ван

Цзинвэя в лагерь агрессора, дадут оценку причин его разрыва с чунцинским правительством. Признавая давнее соперничество между Чан Кайши и Ван Цзинвэем в качестве одной из причин этого разрыва, они проанализируют главные факторы, повлиявшие на поведение отступника. Альянс Вана и Чана на антикоммунистической платформе в начале 30-х годов оказался временным. После сианьских событий и начала японской агрессии между ними обостряются разногласия, в центре которых оказывается вопрос о войне с Японией и едином фронте с КПК. Попытки Вана убедить Чан Кайши в пагубности сопротивления Японии, неизбежности поражения Китая оказались тщетными. У Дэхуа видит главные причины предательства Ван Цзинвэя в «полной утрате национального духа, капитулянтстве, ненависти к КПК и революционным силам и, кроме того, в стремлении стать верховным лидером Гоминьдана».

Чан Кайши решил, о чем свидетельствуют появившиеся в середине 80-х годов источники, расправиться с Ван Цзинвэем испытанным способом. На роль мстителя избирается 25-летний Ван Луцзяо, закончивший полицейскую академию в Чжэцзяне. Террорист настиг Ван Цзинвэя в Ханое, но промахнулся. 8 июня 1939 г. правительство Чан Кайши издает указ об аресте Ван Цзинвэя и наказании его. Но и эта акция не имеет практических последствий. В июне 1939 г. Ван Цзинвэй и его сподвижники — Гао Чжун и Чжоу Фокай улетают в Токио.

В тяжелой обстановке, сложившейся в стране после бегства Ван Цзинвэя, видные деятели КПК, озабоченные судьбами единого фронта, выступили в поддержку Чан Кайши. В Яньани проходила политическая кампания под лозунгом: «Поддержим генералиссимуса Чан Кайши, долой предателя Ван Цзинвэя».

Это было время кульминации политики «умиротворения» Японии, проводимой США и Англией, что нашло отражение в переговорах английского посла Крэйги и министра иностранных дел Японии Арита 21—22 июля 1939 г. Соглашение, достигнутое в результате переговоров, развязало руки японской военщине в Китае.

Чан Кайши взял под защиту интересы китайского национального капитала, крупных китайских землевладельцев. Этим он противопоставил себя Ван Цзинвэю, опиравшемуся на ту часть китайской торговой и промышленной буржуазии, чьи интересы так или иначе были

крепко связаны с японским бизнесом, страдали от блокады портов, контроля Национальным правительством иностранной валюты и торговли. Под напором японских агрессоров, не щадивших никого и ничего на своем пути, толстосумы бросились кто куда: одни, используя любые лазейки, бежали за границу, другие перебирались на территории иностранных концессий, третьи искали защиты у Чан Кайши, благословлявшего их на деловую активность в отсталых районах Юго-Западного и Западного Китая.

Представители национального капитала, мечтавшие сбросить с себя груз зависимости от своих иностранных хозяев, жаждали увидеть Гоминьдан в качестве ведущей и основной силы в рамках единого фронта. «Мы должны вести себя так,— призывал демократ Чжан Цайли,— как ведут себя пассажиры на пароходе... Они вверяют свою судьбу рулевому». Иной кандидатуры на роль рулевого, помимо Чан Кайши, эти круги предложить не могли.

Чан Кайши, действуя в рамках общенародного анти-японского фронта, одобрил курс на некоторое сокращение налогов в деревне, снижение арендной платы, ослабил гонение на рабочих, разрешил легально отмечать праздник 1 Мая. Поступить иначе в то критическое для страны время генералиссимус не мог. Союз с японцами лишил бы чунцинского диктатора знамени освободителя китайского народа, а с этим Чан Кайши смириться не мог. Японцы обещали его обезглавить, и генералиссимус, зная Японию, не мог отбросить мысли о такого рода печальной для себя перспективе. И Чан Кайши сохранял твердость. 17 апреля 1939 г. он выступил по поводу японских «принципов» отношений с Китаем, предусматривавших создание «нового порядка в Восточной Азии». «Цель китайской оборонительной войны,— заявил он,— заключается в сохранении существования, самостоятельности и свободы всей китайской нации в целом. Наша борьба не может быть прекращена ни на один день до тех пор, пока мы не добьемся этой цели... Если даже вся территория Китая будет оккупирована, то все равно у нас останется уверенность и убеждение в том, что мы сумеем отобрать у японцев всю нашу территорию и на ней восстановить всю нашу власть». И это были не только слова.

После падения Ханькоу Чан Кайши готовил ежемесячно 98 тыс. солдат. За время войны к 1939 г. в Китае было

мобилизовано примерно 4,5 млн человек, из них 2 млн — в действующую армию, 700 тыс. — в резерв, 500 тыс. — партизанские войска. Китайские солдаты приобретали опыт. Соотношение потерь японской и китайской армий, согласно данным, которыми располагала КПК в то время, было в начале войны один к пяти, к 1939 г. — один к одному.

Рост политических настроений в пользу единого фронта объективно способствовал авторитету КПК как внутри страны, так и за рубежом, что не могло не противоречить конечным целям Чан Кайши. Именно тогда американцы впервые смогли опубликовать материалы о положении в районах, контролируемых КПК. И это не отвечало интересам гоминьдановцев. Мадам Чан дала понять представителям западной прессы, что не доверяет сообщениям корреспондентов, посетивших Яньань. Эти сообщения показывали высокую общественную и личную нравственность коммунистов, их честность, готовность к самопожертвованию, решимость и благородство духа. Такого первая леди Китая перенести не могла. «Но я не понимаю, — патетически восклицала она перед журналистами, — разве коммунисты могут быть благородными и честными, как вы их изобразили?!»

Генералиссимус усилил давление на КПК. 1 апреля 1939 г. Чан Кайши выступил на заседании Политического совета. Тезис о едином фронте вдруг исчез из лексикона генералиссимуса. «Главной заботой правительства и командования, — заявил оратор, — является ликвидация баз коммунистической деятельности и пропаганды». Чан Кайши поставил эту задачу рядом с задачей борьбы с агрессором.

В апреле 1939 г. Чан Кайши призвал к уничтожению «баз коммунистической деятельности», а в июне того же года направил командованию Новой 4-й армии телеграмму: «Ваша твердая решимость всегда идти вперед и никогда не отступать показывает, что вы преданы родине. Я доволен вами». Гоминьдановцы, выполняя приказ генералиссимуса, блокировали базы КПК, ее вооруженных сил на территории Северного и Центрального Китая, готовили наступательные операции против 8-й и Новой 4-й армий. Зная двулличие генералиссимуса люди не могли не вспомнить народную мудрость: «Не бойся, если у тигра родилось три тигренка, бойся человека, у которого в груди два сердца».

Чан Кайши блокировал пограничный район Шаньси — Ганьсу — Нинся, где находилось командование

8-й и Новой 4-й армий. Гоминьдановские войска общей численностью 750 тыс. человек приняли участие в операциях против отрядов КПК. Будто и не было призывов к единому фронту.

Об изощренных методах психологического давления на Красную армию со стороны Чан Кайши подробно рассказал в своих мемуарах маршал Пэн Дэхуай. В частях Красной армии пользовался известностью командир 3-го корпуса Хуан Гунлюэ, его же дядя — Хуан Ханьсян находился по другую сторону баррикад. Накануне третьего карательного похода Чан Кайши гоминьдановские средства информации объявили о назначении Хуан Ханьсяна командующим со штабом в Наньчане, а вскоре в расположении частей Красной армии появился бродяга по имени Хуан Мэйчжуан. Пришел, как оказалось, приходился Хуан Гунлюэ старшим братом. Но зачем ему понадобилось пересекать линию фронта? Пэн Дэхуай, ранее встречавшийся с Хуан Мэйчжуаном, оказал гостю теплый прием, его ожидал роскошный ужин. Ликер «Чжуге цин» («Зелень листьев бамбука») сделал свое дело. Охмелевший Хуан предложил от имени Чан Кайши пост главнокомандующего Пэн Дэхуаю и командира корпуса — Хуан Гунлюэ. В подтверждение своих слов он достал из тайника чемодана письма от Чан Кайши и Хуан Ханьсяна к Хуан Гунлюэ. «Когда я был начальником офицерской школы Вампу, — писал Чан Кайши, — то вел дела недостаточно умело, в результате чего курсант Хуан Гунлюэ вступил на ложный путь». А Хуан Ханьсян напоминал в своем письме о добродетелях генералиссимуса, о своей готовности добиться от него изменения отношения к Хуан Гунлюэ. Чан Кайши получил ответ в чемодане Хуан Мэйчжуана. «Чан Кайши, — говорилось в ответе, — бандит и предатель родины, ответственный за массовые убийства рабочих и крестьян, за свои преступления он заслужил смертную казнь, Хуан Ханьсян идет по стопам Чан Кайши и тоже заслужил высшую меру наказания...» Рядом с ответом лежала голова хозяина чемодана¹.

В блокаде освобожденных районов, находившихся под контролем КПК, принимали участие японские войска. Командование 8-й армии приняло решение нанести в августе — сентябре 1940 г. удар по коммуникациям, активно использовавшимся японской армией и маршоне-

¹ См.: Пэн Дэхуай. Мемуары маршала. М., 1988. С. 244—246.

точными войсками Ван Цзинвэя. Операция известна как «битва ста полков». Части 8-й армии под командованием Пэн Дэхуая нанесли серьезный урон противнику: было убито, ранено и взято в плен до 46 тыс. японских солдат и офицеров. Ущерб, нанесенный противнику, оценивался в 100 млн иен. В годы «культурной революции», как пишут китайские историки, «битва ста полков» расценивалась «не как большое достижение, а как преступление». Китайские авторы отмечают «битву ста полков» как самый большой успех 8-й армии в период антияпонской войны. Пэн Дэхуай вел боевые операции, а гомиьндановцы продолжали блокаду партизанских баз. Особую заботу у Чан Кайши вызвали действия Новой 4-й армии. Численность армии возросла к 1941 г. до 100 тыс. человек.

Район, очерченный треугольником Нанкин — Шанхай — Ханькоу, — один из богатейших. Несмотря на японскую оккупацию, ближайшее окружение Чан Кайши смотрело на эти места как на свою вотчину. Рост авторитета сражавшейся против захватчиков 4-й армии среди народа, возможность упрочения здесь влияния КПК отнюдь не входили в планы Чан Кайши.

Чан использовал любые аргументы для оправдания своей политики, нацеленной на подрыв единого фронта. Одним из таких аргументов стала директива Мао Цзэдуна командованию 4-й армии, с которой Чан Кайши ознакомился через несколько дней после того, как она была доставлена адресату. Директива предлагала 8-й армии «установить связь с городами по южному берегу Янцзы и проводить кампанию подрыва доверия к Гомиьндану, создавать организации «спасения родины» и борьбы против реакционной линии политического и экономического угнетения масс». Этого было достаточно. Чан Кайши отдал приказ: Новой 4-й армии перейти на северный берег Янцзы. Маршрут передвижения этой армии по южной части провинции Аньхой гомиьндановцы предусмотрительно передали японскому командованию. Гомиьндановцы окружили соединения этой армии с востока, юга и запада, японские войска ударили с севера. Недаром говорили и писали о Чан Кайши: он принимал решения обычно с малой долей риска, будучи уверенным в успехе. Новая 4-я армия понесла большие потери. Командующий армией Е Тин, будучи раненым, попал в плен к гомиьндановцам и был брошен в тюрьму. Советская сторона не могла не реагировать на эту акцию, ведь

в данном случае помощь СССР могла идти не на нужды борьбы с агрессией, а на развязывание Чунцином гражданской войны. Советское правительство приостановило реализацию займа.

25 января 1941 г. посол СССР А. С. Панюшкин сделал заявление. В нем говорилось: «Нападение на Новую 4-ю армию ослабляет военные усилия китайского народа, а это на руку японским захватчикам». Именно тогда, когда японские войска терзали китайскую землю и несколько месяцев назад (сентябрь 1940 г.) вошли в Индокитай, необходимы были единые действия китайского народа¹.

Террор гоминьдановцев направлялся не только против коммунистов, но и против либерально настроенной интеллигенции, ненавидевшей диктатуру. Усиливался поток беженцев из Чунцина, Гуйлиня, Куньмина, спасавшихся от преследований службы Чэнь Лифу и Дай Ли.

Весть о событиях в провинции Аньхой вызвала протесты в Китае, за рубежом. Чан Кайши ограничился ничего не значащим обещанием «расследовать» инцидент с Новой 4-й армией. Главное для Чунцина на этом этапе было достигнуто. Позициям КПК в долине Янцзы был нанесен, как казалось, непоправимый удар.

Чан Кайши, проявив солидарность с японцами в нападении на Новую 4-ю армию, отказывался в то же время идти навстречу «миротворческим» инициативам Ван Цзинвэя. Этим он путал карты японских политиков. Ведь из 200 дивизий гоминьдановской армии, действовавшей на фронте, до 53 находились в непосредственном ведении генералиссимуса. Использование этих сил против КПК означало бы для Токио достижение малой кровью успеха в политике по созданию «сферы совместного процветания». Расчеты Токио строились на возможности объединения в прояпонском правительстве Ван Цзинвэя и Чан Кайши, разрыва таким путем антияпонского фронта, уничтожения сил сопротивления, КПК как враждебной агрессии силы. Военные победы на китайском фронте вдохновляли политиков в Токио в их игре вокруг прояпонской группировки в Гоминьдане. К 1940 г. до 2 млн солдат и офицеров китайской армии отдали свои жизни в угоду воинственным амбициям архитекторов «нового порядка в Восточной Азии». С падением Тянь-

¹ См.: *Международные отношения на Дальнем Востоке*. М., 1973. Т. 2. С. 159—160.

цзиня, Пекина, Шанхая, Ханькоу и других промышленных центров Китай потерял 90 % своей промышленности. Упорство Чан Кайши не было, однако, сломлено.

30 марта 1940 г. японские правящие круги инсценировали создание в Нанкине так называемого центрального национального правительства во главе с Ван Цзинвэем, противостоявшего чунцинскому правительству Чан Кайши.

Все отчетливее становилась поляризация сил в Китае. Ф. Рузвельт заявил о решимости Вашингтона поддерживать лишь одно правительство в Китае — чунцинское правительство Чан Кайши.

Горький опыт 30-х годов

10 февраля 1939 г. японский самолет высадил десант на острове Хайнань (один из островов Южно-Китайского моря). Чан Кайши, узнав о событии, пригласил «посоветоваться» несколько человек. Среди приглашенных были Чэнь Лифу, Го Можо, Чэнь Бошэн и другие. Го Можо вспоминал впоследствии беседу:

« — Японцы высадили десант на острове, как вы оцениваете это? — задал вопрос хозяин и бросил вопросительный взгляд на Го Можо.

— Японский флот прощупывает англичан и французов, особенно англичан, — отвечал Го Можо. — Если они не предпримут ответных мер, Япония, вероятно, начнет военные действия в Южном Китае. Между командованием сухопутной армии и военно-морских сил Японии существуют серьезные разногласия: первое требует продвижения на Север, второе — на Юг. Сухопутная армия пыталась прощупать Советский Союз в районе озера Хасан и потерпела поражение, поэтому японский флот решил прощупать почву на Юге.

— А как поступят англичане и французы?

— Мне кажется, Англия и Франция ничего не будут делать. Они еще не готовы к войне на Дальнем Востоке. В Европе Англия и Франция придерживаются политики «умиротворения» агрессора, здесь же, возможно, они займут позицию сторонних наблюдателей.

— А что в этом случае будут делать японцы?

— Японцы нападают на слабых, а не на сильных. Если Англия и Франция не окажут противодействия, японцы пойдут на крупный военный акт.

— Как же вести пропаганду? — спросил Чан Кайши, обращаясь к Го Можо.

Присутствующие не могли дать ответ.

— Как же быть с пропагандой? — не унимался хозяин, прощупывая присутствующих взглядом.

Все смотрели на генералиссимуса, но никто не отвечал.

Чан Кайши взял инициативу на себя.

— ...Мы должны, так сказать, поднять Англию и Францию, чтобы они выступили, э... чтобы они вмешались. Если они не выступят! Это посягательство на их интересы. Это посягательство на интересы Англии в Гонконге, в странах Южных морей, на интересы Франции в Аннаме и Гуанчжоуване. Э... к тому же Англия заинтересована и в Южном Китае! Англия не может сидеть сложа руки!.. Так вот, э... мы и должны вести пропаганду».

В подобных рассуждениях Чан Кайши не было, конечно, чего-то необычного. Традиционный подход милитариста, предпочитающего исполнять роль «мудрой обезьяны, сидящей на горе и наблюдающей за борьбой тигров».

Западные державы стремились подтолкнуть Японию к борьбе с Советским Союзом, а Чан Кайши хотел, хотя от его желания и мало что зависело, втянуть как можно глубже англичан и французов в противоборство со своим главным врагом — Японией.

Присутствующие на заседании продемонстрировали свои верноподданнические чувства, казалось, что их осенило само небо; они закивали головами, открыто выражая свое согласие. Один из соратников — Чжан Цзилуань — взял на себя смелость высказать «правду», как он ее понимает: «Его превосходительство очень глубоко проник в суть дела».

Чжан Цзилуань предложил разъяснить Англии, США и Франции печальные для них последствия последних событий на Тихом океане. Если нам удастся побудить эти страны к совместному выступлению, вещал оратор, тогда японскую агрессию в Азии можно будет остановить.

События развивались независимо от воли Чан Кайши и его соратников. Они могли лишь констатировать случившееся, но не влиять на ход развития событий.

Жене Чан Кайши вновь понадобилось выехать в Гонконг: кожное заболевание требовало постоянного внимания высококвалифицированных специалистов. Айлин и Цинлин прибыли в Гонконг, чтобы встретиться с сестрой. После длительной беседы все трое приняли решение

возвратиться вместе в Чунцин. Перед отъездом на родину сестры предприняли несвойственный им шаг. Они пошли на обед в гонконгский отель. Ни одна из сестер публично ранее не появлялась в подобном месте, да и за десять последних лет они не собирались вместе. В этом и была необычность встречи. Они устроились у одной из стен, наблюдая за гонконгской элитой — английскими чиновниками, офицерами, молодыми англичанками, местными китайскими миллионерами и их женами. Веселье было в разгаре. Новость о присутствии здесь сестер Сун быстро облетела зал. Можно было поверить, что две сестры встретились здесь. Но трое?! В представлениях английских консерваторов появление вдовы Сунь Ятсена в обществе своих сестер представлялось невероятным.

В апреле 1940 г. три сестры вылетели в столицу сражающегося Китая — Чунцин. Встреча сестер и решение быть вместе отвечали росту настроений на их родине в пользу единого антияпонского фронта.

Для Чан Кайши май — июнь 1940 г. были весьма тревожным временем. Англия, войдя в сделку с Токио по вопросу о закрытии бирманской дороги, ущемила интересы гоминьдановского Китая. Чан Кайши не удалось получить желаемый заем от США. Постоянные поражения на фронте понижали моральный дух армии, возрастали экономические трудности.

Вскоре пришли новые вести. Еще не высохли подписи под Тройственным пактом, заключенным 27 сентября 1940 г. Германией, Италией и Японией, признавшим руководящую роль Японии в создании «нового порядка» в Восточной Азии, а министр иностранных дел Японии Мацуока обещал Берлину начать военные действия против Сингапура. Чан Кайши такое развитие событий устраивало — они приближали непосредственное вступление в войну на Дальнем Востоке Соединенных Штатов.

В ноябре 1940 г. Чан Кайши принимает посла США Нельсона Джонсона и Англии — Арчибальда Кларка Керра. Повод был вполне подходящий: 5 ноября Ф. Рузвельт был избран на третий срок президентства. Генералиссимус хотя и принял послов по отдельности, рассчитывал на совместные усилия Вашингтона и Лондона для поддержания Китая. Расчет Чан Кайши имел вполне реальную основу, ведь различные звенья общей цепи международного бизнеса связывали английские и американские интересы в защите своих обширных азиатских

рынков. «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» контролировала объекты связи в США, Западной Индии, Центральной и Южной Америке и в некоторых странах Дальнего Востока. Американские Дюпоны тесно сотрудничали с английской «Империал кемикл индастриз» (ИКИ). ИКИ ревниво оберегала свои позиции в странах Британской империи, в США.

В окружении Чан Кайши не могли не понимать, что теперь, когда в небе сгущаются тучи японо-американской войны, необходимо искать более эффективные формы отношений с возможными союзниками, расширять сферу активной дипломатической игры. Прошедшие годы показали, как постепенно, шаг за шагом США подбиралась к Китаю. На Филиппинах под прикрытием американских штыков расцветали центры финансовой деятельности, тесно связанные как с США, Англией, так и с Китаем. Названия банков говорили сами за себя: «Бэнк оф Индия», «Острэлия энд Чайна», «Гонконг энд Шанхай бэнкинг К°». Их основной хозяин — английский капитал, «Чайна бэнкинг К°», «Филиппин бэнк оф коммюникэшн» действовали от имени китайского капитала; под смешанным американо-китайским контролем находился «Пиплз бэнк энд траст компани». Разобраться в этой пестрой картине, за которой скрывались порой сложные комбинации черного рынка, было не под силу даже матерому дельцу. Ясно было одно: рост японской экспансии ставил под угрозу систему налаженных связей между деловым миром США, Англии, Китая.

Накануне встречи Чан Кайши с американским и английским послами в октябре в Японии начали издаваться правительственные законы о мобилизации ресурсов Страны восходящего солнца для обеспечения военной экспансии в Восточной, Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. Здесь агрессор шел на новые авантюры, побуждаемый своей внешнеполитической программой и философией большой войны. С другой стороны, он пытался подогревать эгоистические устремления своих конкурентов и будущих противников на Тихом океане, их ложные расчеты и сохранявшуюся еще веру в движение Японии на Север.

Чан Кайши, представляя свой план американцам и англичанам, учитывал настроения в правящем лагере США и Англии: японские милитаристы, умело используя свои географические и стратегические преимущества, поднимали свой меч не против Советского Союза, а над

американской и английской вотчиной на Дальнем Востоке. Японский милитаризм все больше воспринимался в Вашингтоне как основной вдохновитель международного кризиса на Дальнем Востоке.

План Чан Кайши состоял в следующем:

— Англия и США вместе или в одиночку предоставят Китаю финансовую помощь в размере от 200 до 300 млн долларов для содействия в стабилизации валюты;

— США предоставят Китаю кредит для закупки от 500 до 1000 самолетов. От 200 до 300 самолетов должны были быть предоставлены в 1940 г. Была выражена также просьба к США и Англии предоставить и другое военное снаряжение, типы и качество которого следовало согласовать во время переговоров;

— в Китай должны быть приглашены советники по военным и экономическим делам, по связи;

— при вовлечении США и Англии в военные действия против Японии вооруженные силы Китая будут сражаться рука об руку с армиями союзников и аэродромы Китая будут предоставлены в их распоряжение.

Большое внимание Чан Кайши к авиации не было случайностью. Еще несколько лет назад он направил официальное приглашение поступить на службу в Китае в качестве эксперта по авиационным делам американскому генералу в отставке Чэннолту. Интерес Чэннолта к Китаю подогревался письмами друзей, служивших инструкторами в китайских воздушных силах.

В Китае к концу 30-х годов действовала группа иностранных наемников — 14-я бомбардировочная эскадрилья. В ней объединилось 12 пилотов во главе с Винсентом Шмидтом. Вскоре после того как 1 марта 1938 г. группа, ведомая советским летчиком Ф. П. Польшинным, совершила налет на Тайвань, эскадрилья Винсента Шмидта была расформирована. Тем не менее американские летчики, побывавшие в Китае, нашли возможность рассказать мадам Чан Кайши о чрезвычайных способностях Чэннолта. Чэннолт появился в Китае всего за месяц до событий у Лугоуцяо. При встрече в Нанкине его приветствовали сама мадам Чан Кайши, австралийский советник генералиссимуса В. Д. Дональд. Первая леди Китая очаровала американского летчика, и он назвал ее «принцессой».

Чан Кайши всячески поощрял Чэннолта на более активное китайско-американское сотрудничество в сфере

военной авиации. Интересы партнеров совпадали. Уже в 1940 г. генерал предложил использовать в Китае американцев не только как пилотов, но и в качестве специалистов по наземным службам. Американской стороне оказалось довольно сложно принять решение по такому деликатному делу. Американцы, идущие на службу Чунцину, рисковали: их могли лишиться гражданства США. К концу 1940 г., когда в правящих кругах США стали смотреть на японскую экспансию в Китае не как на события на другом берегу, положение изменилось. Чэннолт стал обретать силу. Между Чунцином и Вашингтоном налаживалось сотрудничество по организации «добровольческого» американского авиационного подразделения для операций в Китае. Идея стала осуществляться первоначально от имени Центральной компании по производству самолетов, созданной в рамках торгово-экономического сотрудничества между Китаем и США и имевшей авиационное предприятие недалеко от бирманской границы.

Был создан американский 14-й авиационный корпус под командованием генерала Чэннолта.

Чан Кайши дал своему послу в США Ху Ши четкие инструкции: выяснить, сумеют ли США остановить агрессию Японии против Китая. Государственный секретарь К. Хэлл ограничивался уклончивыми ответами: вопрос о выводе японских войск, мол, не обсуждался. Чан требует от Ху Ши заявить американской стороне протест и поставить К. Хэлла в известность о позиции китайской стороны — любое послабление либо модификации американских торгово-экономических ограничений с Японией приведут к подрыву китайского сопротивления, и тогда никакая дальнейшая американская помощь не принесет пользы. В Чунцине не могли не понимать, что Вашингтон затягивает игру в надежде на успех «дальневосточного Мюнхена».

В условиях весьма противоречивой обстановки на Дальнем Востоке, накануне войны на Тихом океане, японский милитаризм вдохновлялся успехами своей агрессии в Китае и маневрами инициаторов «дальневосточного Мюнхена».

8 марта 1941 г. в Вашингтоне начались секретные американо-японские переговоры. Вопрос о Китае фигурировал в качестве одного из основных. После длительных дискуссий американцы дали согласие учесть японское предложение и обсудить вопросы о «совместной

борьбе против коммунистической деятельности», о «размещении» японских войск на территории Китая и в дальнейшем — вопрос о признании Маньчжоу-Го. Вашингтон стремился избежать кризиса или во всяком случае оттянуть его. Американский план напоминал в известной мере тихоокеанский вариант мюнхенского сговора, который, как предполагалось, был бы осуществлен за счет интересов Советского Союза и Китая. Японцы стремились обезопасить все же северное направление. 13 апреля 1941 г. японский министр иностранных дел Мацуока подписал в Москве японо-советский пакт о нейтралитете. Во время пребывания в Берлине он узнал о намерении Гитлера напасть на Советский Союз.

В феврале — марте 1941 г. помощник Ф. Рузвельта Л. Кэрри посетил Китай. Чан Кайши выдвинул в беседе с ним требование о финансовой поддержке режима в размере 50 млн долларов и напомнил об обещании предоставить Китаю современные самолеты. В это время мадам Кун беседовала с американским военно-морским атташе Маккью, прекрасно зная о его тесных отношениях с Л. Кэрри. Она сообщила: до Кун Сянси только что дошли новые японские сигналы о мире. Гоминьдан должен познакомиться с японскими условиями. Шантаж произвел впечатление на помощника президента. Вернувшись домой, он доложил: если США хотят сохранить и усилить роль Китая в качестве барьера на пути японской экспансии, для Вашингтона нет иного пути, кроме расширения своего влияния на китайскую политику. Необходимо, полагал Л. Кэрри, вдохновить Чан Кайши на реформы, рассматривать Китай в качестве важнейшего союзника США.

Чан Кайши не просто пребывал в ожидании начала американо-японского столкновения, а усиливал свой нажим на Вашингтон с целью получения как можно большей помощи от США. 16 апреля 1941 г. он обратился к американскому послу Н. Джонсону с просьбой проинформировать Вашингтон о настроениях глубокого разочарования в Чунцине в связи с недостаточными поставками конкретной американской помощи, несмотря на данные ранее обещания.

Сохранить Китай в противоборстве с Японией могла, как полагал возвратившийся из Чунцина Л. Кэрри, спасительная сила реформ.

Но это были лишь иллюзии. За спиной Чан Кайши стояли земельная аристократия, милитаристы феодально-

го типа, подкреплявшие основы власти чунцинского диктатора. На американскую помощь окружение Чан Кайши смотрело как на подспорье в борьбе за упрочение чунцинской диктатуры.

Реакция США на японо-советский пакт затронула и китайскую политику Вашингтона. В апреле 1941 г. Ф. Рузвельт издал директиву, разрешающую военнослужащим увольняться из армии с целью поступления в добровольческий корпус в Китае. 10 июня первый контингент добровольцев отплыл из Сан-Франциско на голландском судне в Сингапур. А 1 августа Чан Кайши отдал приказ об учреждении «добровольческого» отряда («летающие тигры»).

Генерал Маршалл, глава Объединенного комитета начальников штабов, убедил Рузвельта направить в Китай американскую военную миссию во главе с генералом Дж. Макгрудером. Миссия должна была действовать скрытно до того времени, пока США не вступят непосредственно в войну. Маршалл имел в виду и еще одну цель миссии: контроль над предоставлением помощи Китаю со стороны военных.

В Чунцине и Вашингтоне в 1941 году особенно внимательно следили за событиями в Европе. Ведь там было хорошо известно о возможном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Уже 22 мая Чан Кайши направил телеграмму Л. Кэрри. Со ссылкой на данные разведки в ней сообщалось о возможном вторжении Германии в Россию где-то в июне текущего года. На следующий день Чан Кайши, встретившись с американским послом Н. Джонсоном, затронул вопрос о возможном нападении гитлеровцев на СССР. Хозяин решился даже дать Вашингтону «совет»: оставаться до определенного времени в случае советско-германского конфликта в стороне. Основной мотив подобного поведения Чан Кайши следовало, конечно, искать в желании видеть США прежде всего на своей стороне, не делить американскую помощь с какой-либо жертвой агрессии.

События нарастали как вал, и вскоре они со всей очевидностью подтвердили иллюзорность надежд США и Англии на скорый вооруженный конфликт между Японией и СССР. В Чунцине враждебно встретили подписание японо-советского пакта о нейтралитете. В гоминьдановской печати появились обвинения СССР в «предательстве». С советской стороны последовали заявления наркоминдела В. М. Молотова послу Китая в Москве

Шао Лицзе и посла СССР в Китае А. С. Панюшкина. В заявлении отмечалось: советско-японский пакт не означает изменения дружественной политики СССР по отношению к китайскому народу. Чан Кайши, знавший о предстоящем нападении Гитлера на Советский Союз, признал: «Главной целью СССР при подписании пакта о нейтралитете с Японией является не предательство интересов Китая, а избежание войны на два фронта в случае нападения Германии на СССР на Западе»¹.

Для Чан Кайши известие о нападении Гитлера на Советский Союз не было неожиданностью. Но как дальше поведет себя Япония? Вести из Токио указывали на бурный рост там ультрапатриотических настроений. Милитаристы, прославлявшие их журналисты наперебой предлагали лучший, с их точки зрения, вариант дележа территории СССР, подавления сил КПК в Китае, умиротворения Чан Кайши. Чанкайшистский генеральный штаб следил за событиями и ограничивал активность своих войск и против КПК, и против агрессоров. Немецкие дипломаты в Чунцине развернули лихорадочную деятельность: в то время, когда гитлеровские полчища надвигались на Москву, они убеждали Чан Кайши «воспользоваться благоприятной обстановкой и опереться на поддержку Германии. Нападение Японии на Советский Союз поможет, — утверждали они, — с помощью Гитлера остановить японское продвижение по китайской территории». Окружение военного министра Хэ Инцина склонялось к тому, чтобы использовать предоставляемую державами «оси» возможность. Для Чан Кайши казалось вполне естественным, что вслед за падением Москвы должны были сложить оружие и китайские коммунисты. В Яньани ограничили вылазки против оккупантов, там ссылались на «нежелание Чан Кайши воевать против японцев», «невыполнение Чунцином своих обязательств по снабжению 8-й и Новой 4-й армий оружием и боеприпасами».

Вашингтон не ослаблял дипломатическую активность. 24 ноября 1941 г. государственный секретарь Хэлл созвал представителей Англии, Китая, Австралии, Нидерландов. Ху Ши требовал разъяснений по поводу обсуждения китайской проблемы на американо-японских переговорах. Хэлл успокаивал представителя Чан Кайши: американским военным нужно время для подготовки обороны на

¹ Международные отношения на Дальнем Востоке. Т. 2. С. 176.

Тихом океане, а переговоры дают им эту возможность. Ху Ши трудно было убедить. Японии, заявил посол, должно быть позволено сохранить весьма ограниченное количество солдат в Индокитае. Даже 25 тыс. японских войск в Индокитае, разъяснял Хэлл, ссылаясь на мнение военных, не представляют угрозы для Китая.

25 ноября Чан Кайши обратился к Вашингтону с резким посланием: «...китайский народ будет вправе считать, что Китай полностью принесен в жертву Соединенными Штатами. Результатом станет падение морали всего народа, и каждая азиатская страна потеряет веру в демократию...»¹ Он призывает к благоразумию: ведь поражение Китая станет катастрофой для всего мира. Ху Ши высказал Хэллу опасение Чунцина по поводу американских поставок Японии. Хэлла эта позиция раздражала. «Мы слишком много получаем от Чан Кайши,— жаловался он английскому послу,— истерических посланий». Государственный секретарь просил не преувеличивать опасность: разве может ограниченное количество американской нефти усилить японский военно-морской потенциал до какой-либо существенной ступени? Это была полуправда. На американские доллары, предоставленные США Японии в виде займов, закупались оружие и обмундирование для японских солдат. К Пёрл-Харбору всего лишь через несколько дней должны были подойти боевые корабли, вышедшие из японских доков, но построенные по американским чертежам из американского металла.

Чан Кайши получил телеграмму от Ху Ши с весьма пессимистическим заключением: «Компромисс между США и Японией неизбежен». Америко-китайские отношения достигли, казалось, критической стадии. Беспокойство Чунцина дошло до Лондона. Премьер У. Черчилль пишет Ф. Рузвельту: «Как обстоят дела с Чан Кайши? Не имеет ли он слишком щадящей диеты? Наши устремления обращены к Китаю. Если китайцы потерпят поражение, общая для нас угроза неизмеримо возрастет. Мы уверены, что забота США о китайских делах будет направлять Ваши действия». Ху Ши ошибался в своих выводах. Черчилль был ближе к пониманию ситуации. 7 декабря японские самолеты напали на американский флот, базирующийся в Пёрл-Харборе.

¹ *Shaller M. The U. S. Crusade in China 1938—45. N.Y., 1979. P. 61—62.*

«Горький опыт 30-х годов,— напишет государственный секретарь Дж. Шульц в 1987 г.,— научил нас, что только с помощью силы и солидарности демократии способны убедить экспансионистские державы в том, что авантюризм и чрезмерное военное наращивание не сулят легких успехов»¹. Этот опыт со всей очевидностью показал, что попытки Запада умиротворить агрессора за счет интересов Советского Союза и Китая привели мир на грань катастрофы, дорогой ценой обошлись они и американскому народу.

Разгром американского флота на Гавайских островах окончательно означал крах расчетов на «дальневосточный Мюнхен».

¹ Цит. по: Правда, 1987, 6 июня.

Глава 5

От Пёрл-Харбора до Каира

Пёрл-Харбор и межсоюзнические распри

8 декабря 1941 г. в 1.00 вести о событиях в Пёрл-Харборе дошли до Чунцина. Вице-министр информации, убедившись в правильности полученных сведений, позвонил Чан Кайши. Наконец свершилось! В 8 часов утра началось чрезвычайное заседание Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана. Обсуждался вопрос о политике Китая в связи с изменившимися условиями войны. Участники встречи приняли решение, изложенное в довольно категорической форме.

1. Все страны, выступавшие против агрессии, должны участвовать в военном союзе и объединять свои операции под американским руководством. Они должны создать Объединенный военный совет для координации стратегии войны на Тихом океане.

2. Великобритания, США, СССР и Китай должны объявить войну Германии, Италии и Японии.

3. Они должны прийти к соглашению не заключать сепаратный мир с Японией до достижения победы на Тихом океане.

9 декабря Чунцин официально объявил войну Японии, Германии и Италии.

Чан Кайши понимал, что англосаксонские державы, прежде всего США, заинтересованы в активизации китайского театра военных действий. Он, однако, не спешил с какими-либо наступательными операциями. Видя, что японцы рвутся в юго-западную часть Тихого океана и

активизируют свою миротворческую дипломатию в направлении Чунцина («поток мирных японских предложений к Чунцину превратился в бурную реку»), гомиьндановский лидер делает ставку на использование создавшейся ситуации для маневрирования между враждующими сторонами.

Чанкайшистская дипломатия не только приветствует американские усилия, нацеленные на втягивание СССР в войну на Тихом океане, но и стремится создать для этого благоприятные условия. 8 декабря Чан Кайши вручил советскому послу декларацию. В ней выражалась надежда на вступление СССР в тихоокеанскую войну. Советская сторона считала необходимым сосредоточить главные силы для борьбы с основным и самым мощным противником — гитлеровской Германией.

23 декабря 1941 г. Чан Кайши, получив полномочия от Ф. Рузвельта, председательствует на конференции, где США представляли глава авиационного корпуса генерал Джордж Бретт и генерал Джон Макгрудер, Англию — глава английского командования в Индии генерал сэр Арчибалд Уэйвелл, Австралию — член кабинета Фредерик Иглестон. Прежде чем подготовить доклад Ф. Рузвельту, председатель предложил выработать компромиссный план, который после длительных дебатов и был принят.

Во время дискуссии американцы поддержали идею о направлении чанкайшистских дивизий в Бирму. Чунцин не только был озабочен сохранением бирманско-китайской дороги — единственного тогда канала, по которому поступали американские поставки в Китай, несомненно, здесь сыграли свою роль и его традиционные интересы в этом районе. А. Уэйвелл отклонил предложение о направлении китайских войск в Бирму.

Союзники признали, во-первых, важность сохранения в борьбе с врагом Бирмы. Рангун имеет особо важное значение в продолжающемся сопротивлении Китая Японии и в объединенных операциях против японских баз и опорных пунктов. Во-вторых, участники конференции отметили необходимость поддержки сопротивления Китая, чтобы обеспечить боеспособность и подготовку армий для окончательного выступления против Японии. В-третьих, китайским армиям надлежало продолжать отвлекать японские вооруженные силы нападениями или угрозой нападения по всему фронту и действиями против жизненно необходимых для Японии коммуникаций.

И наконец, было решено, насколько позволит обстановка, перейти в наступление всеми возможными силами Китая, Англии, США.

Чан Кайши не удалось взять на себя основную миссию в планировании тихоокеанской стратегии, хотя он прилагал к этому гигантские усилия. Но даже искусной руке, как говорили в Китае, трудно противостоять против двух кулаков. Американские и английские представители несколько охладили пыл китайского Бонапарта, претендовавшего на роль освободителя народов Азии от нашествия дьявола.

Чан Кайши не упускал случая, чтобы не напомнить Уэйвеллу — китайские войска готовы к походу в Бирму. Так случилось и во время завтрака 24 декабря. «Нельзя допустить, — заявил собравшимся хозяин, — чтобы Англия либо Китай потерпели поражение. Ну а если вы нуждаетесь в китайских войсках, мы можем направить 80 тыс. своих солдат в Бирму»¹. Уэйвелл не стал медлить с ответом: «Мы, англичане, считаем ниже своего достоинства использовать китайские войска в целях освобождения для нас Бирмы. Все, что мы просим от вас, — разрешить нам использовать запасы ленд-лиза». Имперское мышление не позволяло допустить — даже перед лицом растущей угрозы — вторжения иноземцев в пределы территорий, на которые распространялась власть британской короны. Уэйвелл знал, с каким восторгом гоминьдановские лидеры встретили объявленную 14 августа 1941 г. Рузвельтом и Черчиллем Атлантическую хартию. Чанкайшисты выделили те положения хартии, где провозглашалась необходимость восстановления «суверенных прав и самоуправления народов». Чан Кайши смотрел вперед. И не благие устремления к созданию суверенных государств побуждали его к рассуждениям о «свободе азиатских народов». Все выглядело гораздо проще. В качестве важнейшего побудительного мотива поддержки Чунцином американского лозунга «антиколониализма» стало желание обеспечить за собой авторитетное слово при решении многочисленных проблем в азиатско-тихоокеанском регионе, не оказаться в стороне от дележа военной добычи. И не случайно английский генерал с осторожностью прислушивался к предложениям Чан Кайши о посылке китайских войск в Бирму. И после отказа Уэйвелла

¹ *Furuya K. Op. cit. P 721.*

пойти навстречу генералиссимусу Чунцин с неослабевающей настойчивостью бомбардировал английское командование предложениями направить два китайских корпуса для «усиления бирманских сил».

Под давлением американской стороны Черчилль пошел навстречу Чунцину и по вопросу использования китайских войск в Бирме. В июне 1942 г. гомиьндановские войска появились в приграничных районах Бирмы. Гомиьндановцы свалили пограничные столбы и объявили, что англичане ушли и отныне они хозяева в стране. Чанкайшистская администрация просуществовала в этих местах до тех пор, пока японцы в конце 1943 г. не заняли эти районы.

В Лондоне прежде всего беспокоились о судьбе китайского фронта. Если бы японцам, писал Черчилль, удалось в 1942 г. «покончить с Чан Кайши», то «по крайней мере 15, а возможно, и 20 японских дивизий высвободились бы... после падения Китая». Высвобождение этих дивизий, делал вывод Черчилль, позволило бы японцам начать «широкое вторжение в Индию»¹. Чан Кайши, осведомленный о заинтересованности англичан в сохранении китайского фронта, требовал от Лондона увеличения суммы займа Китаю. Определенная в январе 1942 г. первоначальная сумма займа в 20 млн фунтов стерлингов была доведена к началу февраля до 50 млн.

Черчилль искал подходы к чунцинскому правителю. В своей речи по радио 16 февраля 1942 г. британский премьер превознес заслуги Чан Кайши. Падение в тот же день Сингапура означало триумф японского оружия. Значение китайского фронта резко возросло в свете интересов обороны Индии и Юго-Восточной Азии. Престиж английской армии катастрофически падал. Японцы усилили давление на Чунцин. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне ожидали возможный компромисс Чан Кайши с японцами как «ужасный удар».

21 декабря 1941 г. на объединенном совещании Комитета связи и Высшего военного совета по руководству войной в Токио столкнулись различные точки зрения по поводу формирования позиции в отношении Чан Кайши. Представители оппозиции, возглавляемой принцем Фумимаро Коноэ, предполагали, что любые изменения в пользу гитлеровской Германии на советско-

¹ Севостьянов Г. Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане М., 1969. С. 93.

германском фронте побудят Чан Кайши на примирение с Японией. Сторонники компромиссного мира с Чан Кайши указывали на возможность участия японской армии в совместных с гоминьдановцами операциях «по уничтожению партизанских районов». Премьер-министр Тодзио поставил под сомнение возможность компромиссного мира. «Исторические связи Чан Кайши и его ближайшего окружения с Соединенными Штатами,— заявил он,— прошлое его в качестве союзника коммунистов в Северном походе, склонность к добрым отношениям с Советским Союзом — все это должно насторожить и рассматриваться как главное препятствие на пути переговоров с Чан Кайши»¹. Главной опорой для Токио в Китае Тодзио считал правительство Ван Цзинвэя.

Союзники испытывали невероятные трудности в оказании помощи китайскому фронту. Англичане решили компенсировать неудачи в своих отношениях с Чунцином, сыграв на самолюбии гоминьдановского лидера. На груди у Чан Кайши засверкал новый орден: англичане вручили ему «Большой крест».

Чан Кайши согласовал с англичанами свою поездку в Индию. 10 февраля 1942 г. Чан Кайши с супругой отбыли в Индию. Англичане ожидали от высокого визитера определенного содействия в нейтрализации требования индийских национальных лидеров о немедленном предоставлении Индии независимости. Гость встретился с руководителями Индийского национального конгресса. На одной из встреч он заявил, что Индии следует согласиться, если ей английское правительство предложит статус доминиона. Позиция генералиссимуса выходила за рамки, определенные интересами хранителей Британской империи.

За спиной Чан Кайши стояли влиятельные силы США. Чан, как полагал помощник Ф. Рузвельта Л. Кэрри, представлял «азиатский национализм». Американская поддержка Чан Кайши в этом смысле подрывала тезис о единых действиях Лондона и Вашингтона в борьбе за сохранение колониальных империй и таким образом, согласно Л. Кэрри, обеспечивала большую свободу маневра для США в Азии.

Позиция Чан Кайши могла вполне удовлетворить Вашингтон, но англичане... Черчилль обратился с личным посланием к Чан Кайши, в котором категорически

¹ Сапожников Б. Г. Указ. соч. С. 233.

отвергал китайско-американское посредничество, которое могло бы затрагивать будущее Британской империи. «Мы уважаем суверенные права Китая и воздерживались от комментариев даже тогда, когда расхождения между Чан Кайши и китайскими коммунистами были наиболее острыми,— писал Черчилль,— поэтому мы надеемся, что Чан Кайши не будет втянут в отношения политического характера с индийским конгрессом и лицами, старающимися парализовать военные усилия правительства Индии и нарушить покой и порядок»¹.

Чан Кайши вновь высказал опасение, что индийские лидеры могут примкнуть к японцам, если Объединенные Нации «не завоюют у них симпатий». Единственный выход, по его мнению, состоял в посредничестве США.

Все это определило весьма прохладное отношение Англии к своему китайскому союзнику. Английское правительство с самого начала войны на Тихом океане не хотело принимать всерьез претензий гоминьдановского Китая на активное участие в руководстве военными действиями. Американские политики рассматривали неговорчивость англичан в этом вопросе как попытку «списать Китай в интересах Британской империи».

Чан Кайши и Стилуэлл

Чан Кайши просил Вашингтон назначить в свой штаб опытного американского генерала. Им и стал Дж. Стилуэлл. Генерал Стилуэлл начинал свою карьеру с чина младшего офицера. В 1926—1929 гг.— во время захвата власти Чан Кайши — служил в Тяньцзине; в 1935—1939 гг. был военным атташе в Китае. Теперь судьба генерала оказалась накрепко связана с китайским фронтом. 6 марта 1942 г. ему предстояло занять посты главнокомандующего союзными войсками на китайско-бирманско-индийском театре военных действий, начальника штаба Чан Кайши и заместителя командующего союзными войсками на юго-восточном театре военных действий. Ф. Рузвельт дал блестящую характеристику Стилуэллу. «Я не знаю иного человека,— подчеркивал он,— который имел бы способности, силы и решимость, необходимые для предотвращения разгрома Китая».

¹ Woodward L. British foreign policy in the second world war.

L., 1962. P. 94.

Военный министр Стимсон, напутствуя Стилуэлла, дал ему необходимые инструкции:

— наблюдать и контролировать выполнение всех мер, принимаемых Соединенными Штатами для обороны Китая и оказания ему помощи;

— командовать всеми вооруженными американскими силами в Китае, подчиняясь Чан Кайши как главнокомандующему на китайском театре военных действий;

— представлять американское правительство на любом международном совещании в Китае и действовать в качестве начальника штаба Чан Кайши;

— поддерживать, улучшать и контролировать бирманскую дорогу, по которой поставляются вооружение, военные материалы и горючее в Китай.

3 марта 1942 г. состоялась встреча Чан Кайши и американского генерала в Лашо. Бросалось в глаза отсутствие порядка в управлении военными операциями. Ни он, ни его коллеги не имели ни малейшего представления о намерениях Чан Кайши как главнокомандующего. Чан заявил командующим 5-й и 6-й армиями: Стилуэлл прибыл, все приказы получайте от него. Больше всего интересовал Стилуэлла вопрос: есть ли у Чан Кайши генеральный план операций в Бирме? Такого плана не было. У Уэйвелла, несмотря на похвалы Черчилля в адрес Чунцина, имелись разногласия с Чан Кайши.

Стилуэлл хотел взять на себя командование 5-й и 6-й армиями, которые по просьбе англичан должны были быть использованы в Бирме. Чан Кайши, формально передав командование армиями Стилуэллу, в частных разговорах обращал внимание на самомнение американского генерала: ведь последний должен вести себя как «начальник штаба» и советник, оставаясь в допустимых вежливостью рамках, а не как независимый командующий.

На одной из первых встреч Чан Кайши прочел Стилуэллу длинную лекцию о военном положении в Бирме. «Если англичане уйдут... — заявил он, — японцы загонят нас в могилу». Голоса подхалимов в генеральских мундирах слились в единый поддакивающий хор, приспешники вскочили со своих мест и стали без устали восхвалять военное искусство своего шефа. Стилуэлл на первых порах не перечил льстецам. «Как вы находите это?» — спросила Сун Мэйлин. «У меня, — вспоминал Стилуэлл, — хватило сообразительности ответить: я предпочитаю план генералиссимуса... наступление». Мадам пожаловалась на слабость китайской армии: армия обладает мощностью лишь одной японской дивизии.

Американский генерал советовал начать наступление, пока противник не усилил формирования. Чан Кайши предпочел выжидать.

Чем глубже Стилуэлл вникал в проблемы китайско-бирманско-индийского театра военных действий, тем яснее открывалась картина царившей на фронтах неразберихи, и не только в силу каких-либо фатальных обстоятельств, а из-за нерадивости чанкайшистских генералов, некомпетентности и нежелания высших гоминьдановских чинов отдавать основные силы на борьбу с агрессором. Китайские генералы уклонялись от службы под американским командованием. Стилуэлл вынужден был возвращаться в Чунцин для получения заверений в том, что гоминьдановские генералы будут наконец подчиняться американскому командующему. Кампания в Бирме ярко показала слабость англо-китайских войск перед лицом хорошо обученного и вооруженного противника. Японцы обладали превосходством в воздухе, прерывали снабжение англо-китайских войск, сковывали их движение.

К середине апреля 1942 г. битва на бирманском фронте была проиграна, английские, индийские, китайские войска оказались полностью дезорганизованными. «Нам чертовски здорово вложили», — констатировал Стилуэлл. Паническое отступление англичан из Бирмы стало еще одним осязаемым ударом по престижу Британской империи. 6 мая японцы вышли к западному берегу реки Салуин, но здесь остановились, встретив на пути китайцев. Дорога, по которой шло горючее и военные материалы в Китай, оказалась прерванной.

Ставка Стилуэлла находилась в Чунцине. Военная обстановка превратила гоминьдановскую столицу в довольно мрачный город.

Чунцин, до 1937 г. обычный отсталый провинциальный город, теперь переживал тяжкие военные будни. Свалки кишели крысами, дома — болезнетворными насекомыми. Болезни, голод обрушились на Чунцин как стихийное бедствие. Лишь во время туманов и облачности Чунцин был скрыт от глаз японских летчиков, и сокрушительные бомбовые удары обрушивались на него, как только они исчезали.

В то время, когда изможденные от голода люди строили на месте разрушенных бомбардировками зданий временные жилища из бамбука и вязкой глины, когда на улицах Чунцина в поисках пропитания бродили беженцы, предприимчивые дельцы наживались на черном рынке.

...«Обрати внимание, прохожий!» — такой призыв зазывалы, звуки хлопушек раздавались над движущейся по улице Чунцина пестрой процессией, состоящей из 12—15 обитательниц публичного дома. Впереди — хозяин заведения, он гарцует, как триумфатор, на белом коне. Зазывала провозглашал обычный для многочисленных сводников в отелях и постоялых дворов клич: «У нас самые лучшие женщины!» Сколько загубленных молодых жизней, сколько несчастных девушек из разоренных семей выступали в роли живого товара?

Нередко до ушей горожан докатывались звуки браваурного марша. Военный оркестр у ставки главнокомандующего оповещал о движении генералиссимуса по городу. За 5—8 минут до его появления по улице следовали машины с охраной. Все окна в домах по пути следования специальной колонны должны быть закрыты. Оркестр не умолкал до тех пор, пока Чан Кайши не преодолевал свой путь от дома до ставки.

Чан Кайши был убежден: японцы дальше не пойдут. Стилуэлл же стремился дать как можно более полный анализ поражения в Бирме.

На 50 страницах доклада генерал изложил причины поражения в Бирме. Он не стеснялся в выражениях по адресу английских и китайских командующих. Англичане, как отметил Стилуэлл, заботились о своих стратегических позициях в империи. Они отказывались от сотрудничества с китайцами, поскольку «в долгосрочном плане» усматривали угрозу «колониализму» со стороны Китая. Досталось и Чан Кайши. Стилуэлл обвинил его во вмешательстве в американское командование войсками, язвительно оценил существующую политическую и военную организацию в Китае как полностью безнадежную систему. Победа могла быть достигнута, считал автор доклада, только благодаря переподготовке, перевооружению китайского солдата, действующего под командованием офицера новой армии. Мечты о новой армии завладели Стилуэллом. Для этого нужно было реорганизовать гоминьдановскую армию численностью примерно 3,8 млн человек, объединенную в 300 небоеспособных, по существу, дивизиях, находящихся под контролем двенадцати региональных командующих.

В непосредственном ведении Чан Кайши находилось лишь до 30 дивизий. Главную свою задачу Чан Кайши видел в балансировании между противоборствующими группировками, между региональными командую-

щими, которых он старался держать на привязи, используя рычаги снабжения и фондов. Львиная доля средств, предназначенных на повышение боеспособности армии, шла в карманы генералов.

Чета Чан Кайши смотрела с недоверием на Стилуэлла. Взаимная подозрительность возросла, когда в июне 1942 г. часть 10-го американского корпуса, обещанная Чан Кайши, перебрасывается вдруг на Средний Восток. В действительности, как объяснял Стилуэлл, военное министерство отказалось удовлетворить многие заявки Чунцина, любые объяснения генерала не действовали.

Чан Кайши подготовил Рузвельту запрос. Он показал его Стилуэллу. «Минимальные требования» содержали следующее:

— США должны направить три дивизии с 500 самолетами в Индию;

— США должны гарантировать поставки в Китай 5 тыс. тонн грузов в месяц по воздушному пути через Гималайский хребет.

— Все к концу августа! — воскликнул Стилуэлл. — Абсолютно невозможно.

Чан намекнул при этом, что у Чунцина есть иные предложения. «Китай не может дальше удержаться без помощи... чрезвычайно сильна прояпонская активность». Генералиссимус был недалек от истины. Под аккомпанемент бомбардировок и в условиях активизации действий марионеточной армии Ван Цзинвэя в Чунцин непрерывно забрасывались японская и ванцинвэевская агентура. Чанкайшисты, соблазняемые сделкой на антикоммунистической основе, с почетом встречали и провожали «посредников» по секретному диалогу о мире между чунцинским правительством и Японией. Пронацистские настроения в Чунцине могли, несомненно, служить подходящей основой для компромисса между Чунцином и Токио. Американский дипломат Дж. Дэвис докладывал Стилуэллу в июле 1942 г. о существующем идеологическом сходстве между чунцинским режимом и нацистами. «В правительственных кругах, — выражал свое беспокойство Дж. Дэвис, — наблюдается благожелательное отношение — оно не скрывается — к нацизму, поощряемое известиями о военных успехах Гитлера. Единственными немцами в Чунцине, которых направили в концентрационный лагерь, стали... немецкие евреи, нацисты же оставались на свободе»¹.

¹ *Kubek A. How the Far East was Lost: American Policy and the Creations of Communist China. 1941—1949. Chicado, 1963. P. 212.*

«Мирное наступление» Токио в Китае и тайные политические спекуляции Чан Кайши не могли не волновать американцев, глубоко заинтересованных в стабильности китайского фронта. Американская разведка тщательно следила за флиртом между Токио и Чунцином. Японцы, пытаясь расколоть Гоминьдан, делали ставку на военного министра Хэ Инцина, готовившего заговор против лидера Гоминьдана. Предполагалось выслать Чан Кайши в Индию либо в Иран, где ему предстояло попросить политическое убежище. Группировка Хэ Инцина предпочитала иметь дело после войны с японцами, нежели с американцами. Возможное японо-китайское сближение, докладывали хорошо осведомленные в делах Чунцина американские разведчики, может привести к созданию «антизападного» союза всех азиатских народов. Рузвельт разделял такого рода опасения, предполагая возможность заключения сепаратного мира между Токио и Чунцином.

Черчилль успокаивал Рузвельта: если Китай выйдет из войны, особой беды не будет. Но проблема состояла в другом. Запрос Чан Кайши предусматривал заем в 500 тыс. долларов от Вашингтона. Американцы считали, как всегда, деньги. Последовали вопросы: необходима ли такая сумма? Не пойдет ли она на удовлетворение нужд коррумпированной бюрократии? У Куна всегда под рукой были цифры: сколько требуется армии, сколько экономике и т. п.

Стилуэлл должен был контролировать американскую помощь Китаю и китайским войскам, находящимся под его командованием.

В своем июльском послании в Вашингтон генерал был откровенен: Чан Кайши требует американскую военную помощь не для совместных военных усилий, а главным образом для усиления своих позиций в верхнем эшелоне власти, стремится упрочить положение своей группировки в борьбе против других фракций в Гоминьдане. Аргументы генерала, казалось, были неоспоримыми: ни воздушная мощь, ни усовершенствованное оружие не обеспечат победу над Японией; ключ к разгрому врага в реорганизации армии, а не в технологии. У Стилуэлла создалось впечатление, будто никто, кроме него самого, не проявляет интереса к реорганизации наземных китайских сил. «Чэннолт обещал, — язвил генерал, — выбросить японцев из Китая за шесть месяцев, так почему бы не передать ему службы, чтобы он сделал это? Это ведь наиболее короткий путь к победе!»

Чан Кайши, встретившись в очередной раз со Стилуэллом, пошел в решительную атаку. «То, что происходит, — возмущался он, — означает неподчинение приказам президента... Китаю предоставлено менее 10 % всех обещанных президентом поставок. Я не имею никаких оснований сомневаться в искренности президента. То, что произошло, имело место без его одобрения и ведома. И вы, как начальник штаба, ответственны за контроль над тем, чтобы обещанные материалы поступали».

Стилуэлл конкретизировал свои предложения: формирование новой китайской армейской группировки в основном из частей, сумевших выбраться из бирманского ада. Группировка из 30 дивизий должна была быть дислоцирована на Юге Китая и, согласно расчетам Стилуэлла, открыла бы путь в Бирму.

Армия действительно нуждалась в реформах — в ней отсутствовало единство, большинство высших офицеров подчинялись лишь своим провинциальным командующим, средства, отпущенные на жалование солдатам, бессовестно расхищались. Стилуэлл настаивал на подготовке новых вооруженных формирований, независимых от милитаристов. Чан Кайши, напротив, требовал участия американских подразделений в боях на китайском фронте, усиления американской авиации, от англичан он ждал повышения активности на море, наступления в Бирме.

Чан Кайши нашел Стилуэлла слишком надоедливым с его предложениями о подготовке армии к сражению за Бирму. Он направил в США Сун Цзывэню инструкции — потребовать от вашингтонских политиков отзыва зарвавшегося генерала. В Белом доме сочли не совсем благоразумным отстранить Стилуэлла от дел. Между тем отношения между главнокомандующим и Стилуэллом накалялись. Последний не скрывал надежд на замену генералиссимуса какой-либо удобной, с точки зрения Вашингтона, «фигурой». Но ни Стилуэлл, ни его либеральные соотечественники из среды дипломатов никого предложить не могли. Многие в стенах посольства США считали реальной силой КПК. Но коммунисты были неприемлемы для Вашингтона.

В начале июля 1942 г. в Китай прибыл помощник президента Л. Кэрри. Посланец Рузвельта приехал с надеждой, что ему удастся выполнить поручение президента: примирить американцев в Чунцине с Чан Кайши. Генералиссимус вынужден был выслушать мнение Белого дома: Стилуэлл не просто советник, а представитель

американского правительства, что и определяет положение генерала в Чунцине. Чан Кайши твердо дал понять: ему нужен советник, выполняющий его указания.

5 августа Л. Кэрри покидал Чунцин. Это событие решили отметить. Собрались чета Чан Кайши, нашедшая убежище в Чунцине Сун Цинлин, супруги Кун и Стилуэлл. В Чунцине Сун Цинлин пришлось не ко двору: она была чужой на фоне бюрократов, развращенных богатством и властью.

Импульсивная супруга хозяина отличалась энергией, интеллигентностью, исполнительностью. Стилуэлл, как и его соратники, видел в Мэйлин достаточно сообразительную, смелую женщину, понимающую западную точку зрения. Она имела огромное влияние на Чан Кайши. «Если бы не она,— воскликнул как-то он,— бог знает, где бы мы были!..» Мадам Кун привлекательна, но бесцветна. Сестры выражали беспокойство: не станет ли генерал Стилуэлл «антикитайским»? Для сестер не было секретом, что отношения между Чан Кайши и Стилуэллом обострились, и они в меру своих сил стремились как-то сгладить, нейтрализовать эти отношения.

На этот раз Л. Кэрри разочаровал Стилуэлла. В отчете о поездке в Китай он указал: напряженность в отношениях между Вашингтоном и Чунцином возникает из-за личных расхождений между Чан Кайши, Стилуэллом и Чэннолтом.

В Чунцине Л. Кэрри познакомился с представителями КПК. Мао Цзэдун готов был воспользоваться ситуацией и установить прямые контакты с официальными представителями США, тем более что опыт неофициальных контактов такого рода у него имелся. Чжоу Эньлай направил посланнику президента приглашение о встрече, но Кэрри в ответе подчеркнул «неразумность» для данного времени таких контактов. Представитель Вашингтона рекомендовал Ф. Рузвельту предпринять усилия по поддержке правительства Чан Кайши. Л. Кэрри, заключил Стилуэлл, искал легких решений, дабы произвести впечатление на президента. Кэрри был, однако, не одинок. В рекомендациях Объединенного комитета начальников штаба говорилось о решении дать широкую рекламу группировке Чан Кайши в США.

Игра затягивалась. Чан Кайши опирался на влиятельные в США силы, а они ограничивали возможности Стилуэлла.

Гниль в коридорах власти и трагедия народа

19 января 1943 г. Стилуэлл записал в своем дневнике: «В 7.30 в русском посольстве просмотр фильмов. Отлично... День войны... Русские — в полном порядке... Какую борьбу они ведут. Нация, вполне очевидно, обрела себя. Двадцать лет труда и борьбы. Результаты: сильны физически, едины в целях, горды своими свершениями, полны решимости одержать победу... Суровые молодые солдаты. Твердые духом женщины. Все до последнего человека — женщины и дети участвуют в военных усилиях»¹. Впоследствии некоторые сторонники Чан Кайши, ссылаясь на подобные отзывы о борьбе советского народа, обвинят генерала — поддался, мол, на удочку пропаганды. Но в том же духе писал с фронтов Отечественной войны соотечественник Стилуэлла Эдгар Сноу, который засвидетельствовал: «Кровь защитников Сталинграда смешалась с волжской водой».

Советский народ нес основное бремя борьбы с мировым фашизмом, судьбы второй мировой войны решались на фронтах России. Стилуэлл был прав. Только за 1943 г. Красная Армия разгромила 218 вражеских дивизий, уничтожила 14,3 тыс. самолетов, 7 тыс. танков, 5 тыс. орудий, было потоплено 296 неприятельских кораблей различных классов. Известен вклад американских вооруженных сил в общее дело борьбы против держав «оси»: ожесточенные бои за Сайпан, при овладении Марианскими островами американцы потеряли убитыми 5 тыс. человек, сражение у Лейте, схватки на ближних подступах к Иводзима и Окинава — эти и другие события говорили о значительной роли США в антигитлеровской коалиции. Японцы переходят к обороне, и их планы компромиссного мира с Чунцином связаны в основном с желанием компенсировать в Китае потери, понесенные на Тихом океане.

Китайский народ вел мужественную борьбу с агрессором. Его лучшие представители, как и патриоты различных стран, отдавали свои жизни за независимость своей родины.

Зарубежные наблюдатели, в том числе и сам генерал Стилуэлл, высоко отзывались о подлинных китайских патриотах: китайцы — честные, бережливые, деловые, бод-

¹ Hahn E. Op. cit. P. 259.

рые, независимые, терпеливые, храбрые люди. Стилуэлл, например, обратил внимание на отсутствие в Китае религиозных барьеров среди населения. Поражала демократичность простых граждан при полном отсутствии разумного управления.

В мрачных тонах описывал генерал политику гоминьдановцев — интриги, двойная игра, отчаянное желание урвать побольше, единственная забота — «позволить» другим сражаться на фронтах. В то же время повсюду фальшивая пропаганда их «героической борьбы», равнодушные «лидеров» к своему народу. И все это в условиях колоссального невежества, неприкрытой глупости кадрового состава, полной неспособности сверху контролировать фракции и клики, обирающие народ. Стилуэлл поражался тому, что его страна стала помогать обанкротившемуся режиму, восхвалять его лидера — «великого солдата», «патриота».

Чан Кайши, конечно, знал об истинном отношении к своей персоне генерала Стилуэлла, но вынужден был его принимать как официального представителя Вашингтона. Да и Стилуэллу приходилось фальшивить, что довольно ярко проявилось на церемонии, когда Чану вручалась американская медаль. Но Стилуэлл в частных посланиях и беседах не жалел красок, характеризуя гоминьдановского лидера «упрямым», «невежественным», «свинячеголовым», «нетерпимым», «неблагодарным», «волюнтаристом» и т. д.

Командование союзных армий возлагало на Стилуэлла большие надежды в связи с перспективами удержания Китая в войне с Японией. А Чан Кайши в это время обсуждал с представителями Ван Цзинвэя условия компромиссного мира. 7 мая 1943 г. на чунцинском аэродроме приземлился самолет. По трапу сошел бывший, но довольно известный деятель из ЦИК Гоминьдана У Кайсян и сразу же попал в объятия видных представителей чанкайшистского правительства. Встреча была торжественной, миссия — тайной. 11 мая Чан Кайши принял У Кайсяна. Дай Ли позаботился о секретности встречи. Гость был наделен высокими полномочиями: он представлял правительство Ван Цзинвэя, а японцы использовали его в качестве «посредника» в диалоге о заключении компромиссного мира. Чан Кайши получил от У Кайсяна следующие условия мира:

— японские войска отходят от Уханя и Гуанчжоу, а Чан Кайши перебрасывает освободившиеся силы для борьбы с КПК на Севере;

— Нанкин и морское побережье «временно» остаются под контролем Японии;

— Северный Китай становится зоной «совместной борьбы» с КПК;

— судьба Ван Цзинвэя будет решена без затруднений.

Стилуэлл и американский посол Гаус передали Чан Кайши недовольство Рузвельта закулисной дипломатией Чунцина и пассивностью гоминьдановских армий на фронте. Гоминьдановский лидер не мог не прислушаться к голосу из Вашингтона. Много лет спустя ревностные защитники Гоминьдана превозносили «геройский подвиг» Чан Кайши, якобы оказавшего неоценимую услугу всей антигитлеровской коалиции своей стойкостью в переговорах с Токио и отказом пойти на компромиссный мир. Чанкайшистские благожелатели непременно забывают, что в условиях побед на советско-германском фронте и коренного перелома в ходе второй мировой войны решение о компромиссном мире было бы для Чан Кайши равносильно самоубийству. Военно-политические планы Чан Кайши расходились не с личными убеждениями Стилуэлла, независимо от остроты оценок американским генералом китайского руководства, а входили в противоречие с курсом на осуществление основного стратегического замысла США. Позиция Стилуэлла, отражавшая этот замысел, нацеливалась на мобилизацию всех сил Китая в борьбе с основным империалистическим соперником США на Дальнем Востоке — с Японией.

Стилуэлл порой слишком резко осуждал Чан Кайши, игнорируя зачастую сложившиеся в Гомиьдане вполне объективные условия, соответствующие данному уровню развития китайского общества, скованного цепями феодализма, отягощенного стойкими традициями национализма и великодержавного шовинизма.

Несчастья, выпавшие на долю китайского народа, множились не только в результате чисто объективных причин — расширения агрессивных действий Японии, стихийных бедствий, которые обрекали население страны на новые страдания, — Чан Кайши, прикрываясь лозунгами борьбы за независимость и свободу, думал прежде всего об упрочении своей власти.

Диктатура Чан Кайши не могла мириться с оппозицией, хотя последняя готова была действовать против агрессора в рамках единого фронта. Чанкайшисты берегли силы для борьбы с окрепшими вооруженными форми-

рованиями КПК. В провинциях, где господствовали гоминьдановские генералы, оппозиция подвергалась жесточайшим репрессиям, демократические элементы преследовались агентами особой службы Чан Кайши. Единство, которое с таким энтузиазмом отстаивал Чан Кайши, принимало форму коалиции китайских милитаристов

Бедность, безграмотность, нищета крестьянства поражали европейцев, когда они получали возможность наблюдать жизнь китайской деревни военных лет. Мизерный земельный надел с труднообрабатываемой почвой мог обеспечить полуголодное существование. Недоставало даже основной пищи — горьких овощей (гуцай). На обнищавшие деревни обрушивалась мобилизация в армию. В отличие от голода и наводнений она посещала крестьянина два раза в год.

Однажды по весне Чан Кайши ехал днем по дороге, встречались лишь редкие путники. Но вот показалась группа во главе с офицером. Рекруты (их называли «добровольцами») двигались на сборный пункт. Они были связаны по шеренгам веревками, чтобы никто не сбежал. Такие сцены на дорогах нередко приходилось наблюдать иностранцам. Но Чан Кайши вышел из себя и жестоко избил офицера. Когда ему напомнили, что таковы китайские правила набора в армию, он тотчас сделал вывод: вина на генерале, ответственном за набор рекрутов, и также избил его. Через год генерала казнили. Поиск козла отпущения не приводил к улучшению положения крестьян в деревне, новобранцев в армии.

...Лето 1943 г. С ним пришло в Китай бедствие, последствия которого для населения страны стали роковыми. Приморские провинции Чжэцзян и Фуцзянь, внутренние Хубэй и Гуйчжоу и находящаяся под контролем Чунцина территория Хэнани оказались во власти голода. 1940—1941 годы в этих провинциях были неурожайными. Ужасающая засуха уничтожила в 1942 г. все посевы. Военная бюрократия, однако, не ослабляла налоговый пресс, и, когда были съедены все запасы, голод, а за ним и эпидемии стали буквально косить жителей охваченных бедствием районов.

Очевидцем событий стал совсем еще молодой корреспондент журнала «Тайм» Теодор Уайт. Перед ним предстала картина, которую Тэд запомнил на всю жизнь: повсюду лежали трупы, крестьяне сдирали с деревьев кору и тут же у дороги дробили ее и ели. К концу 1943 г. в зонах, охваченных голодом, умерло до 30 млн

человек. Уайт пытался на месте выяснить причины столь страшного бедствия. Один из офицеров заявил ему: «Если народ будет умирать, земля останется китайской, но, если солдаты будут голодать, японцы захватят эту землю».

Дело, однако, было не только в объективных трудностях военного времени. В ряде уездов власти требовали с крестьян больше продовольствия, чем они могли предложить. Крестьяне должны были отдавать сборщику налогов последний мешок зерна, предназначенного для посева. В это трагическое время возросли масштабы спекуляции землей. Купцы, чиновники и богатые помещики скупали у отчаявшихся крестьян наследственные земли просто за бесценок.

Надвигалась эпидемия. Из 30-миллионного населения Хэнани, согласно примерным подсчетам Т. Уайта и Э. Джекоби, примерно 2 или 3 млн человек бежало из провинции; еще 2—3 млн умерло от голода и болезней. На следующий год в провинции Гуандун разразился такой же голод, как в Хэнани.

Т. Уайт добился приема у генералиссимуса. Чан Кайши принял американского гостя в полутемном кабинете, сидя в широком мягком кресле. Со свойственным его возрасту жаром Т. Уайт нарисовал перед Чан Кайши картины голода в Хэнани: бесконечные поборы, вымогательство, невыносимый гнет военной администрации, смерть, смерть... Журналист сразу же понял: чунцинский правитель был равнодушен к трагедии своего народа

«Я постарался,— вспоминал Уайт,— произвести впечатление на генералиссимуса, говоря о людоедстве». И в ответ услышал: людоедства в Китае не может быть. Журналист заявил, что видел собак, терзающих трупы на дорогах. Реакция последовала та же: в Китае этого не может быть. Вот тогда Уайт прибег к фотографиям своего коллеги Г. Формана. Трупы, трупы, собака, стоящая над умершим. Генералиссимусу стало не по себе. Чан Кайши взял ручку, стал делать пометки... просил назвать как можно больше имен официальных лиц, ведь на кого-то нужно было возложить ответственность. Он даже попросил американцев подготовить подробный доклад об увиденном.

Последовали различные меры. Когда до ушей мадам Сун Мэйлин — а она находилась в США — дошла инфор-

¹ Time. 1978. July 3. P. 22—23; Уайт Т., Джекоби Э. Гром из Китая. М., 1948. С. 169.

мация Т. Уайта для журнала «Тайм» о голоде в Китае, она потребовала наказания журналиста.

Бороться с голодом, как полагали американские журналисты, можно было скорейшей переброской в бедствующие районы большого количества зерна. Администрация, однако, запретила жителям покидать территорию, где царил голод. В районы, где свирепствовал голод, Чан Кайши направил 200 млн китайских долларов. Но могли ли эти бумажки изменить положение?! Гоминьдановская пропаганда пыталась, естественно, обелить недовольство руководителей режима, списать ответственность за трагедию на местные власти. Читателя, открывшего «Шицзе жибао», пытались убедить в «истинных» причинах голода: «Более 400 тыс. человек умерло во время голода в Гуандуне. В одном лишь уезде Тайсань умерло 100 тыс. крестьян. Одна из главных причин этой трагедии заключалась в головотяпстве местных чиновников, пытавшихся скрыть положение вещей. В прошлом году генералиссимус запретил провинциальным властям пропускать ложные сообщения о голоде, так как они могли быть использованы для того, чтобы саботировать полную уплату рисового налога. Этот приказ был передан дальше в уезды и был воспринят там как запрещение вообще давать какие-либо сообщения о голоде. Вот почему некоторые уезды не решались сообщать о положении у них». Гоминьдановская пропаганда не только преуменьшала количество жертв, но и извращала причины голода.

Чан Кайши зачастую искал козла отпущения, повторяющиеся неудачи в военной и гражданской сфере он стремился объяснять «ошибками», «произволом» местной администрации. Лучший путь к тому, чтобы отвести от себя возмущение народа.

Чета Чан Кайши: в объятиях славы, но перед лицом заговора

18 ноября 1942 г. Сун Мэйлин по приглашению Рузвельта тайно выехала в США. 27 ноября, прибыв в Нью-Йорк, она немедленно направилась в медицинский центр — для лечения кожного заболевания.

Американцы нашли Сун Мэйлин требовательной гостью: она принимала как должное подхалимаж многочисленных помощников, крепко держала прислугу. Перед

американской публикой старалась выглядеть все же как можно скромнее. Если на родине она появлялась увешанная драгоценностями, в роскошном наряде, ничуть не стесняясь упреков и зависти, то здесь заставляла, несмотря на соблазн, сдерживать себя. Иногда она демонстрировала, по свидетельству очевидцев, такие платья, будто они приобретены на дешевой распродаже, чтобы показать, насколько Китай истощен войной и как он нуждается в помощи. Г. Гопкинс подготовил все необходимое для проведения курса лечения в госпитале. Уже 28 ноября раздался звонок госпожи Рузвельт. Она интересовалась самочувствием гостя и передала пожелание президента встретиться и обменяться мнениями по проблемам Китая. До февраля 1943 г. Сун Мэйлин находилась в госпитале, защищенная от назойливых посетителей. Ее почтовый ящик ломился от различного рода посланий — до 1000 поступлений ежедневно. 12 февраля высокопоставленная пациентка закончила лечение. Чета Рузвельтов встретила ее на вокзале, оказала гостю подчеркнутое внимание, пригласила провести несколько дней в имении президента.

17 февраля Сун Мэйлин официально была принята в Белом доме, а на следующий день выступила перед объединенной сессией конгресса. Перед сенаторами и членами палаты представителей выступила очаровательная женщина, которая, несмотря на свою не первую молодость, выглядела девушкой: сказывалось и искусство косметички. Слушатели, кто с любопытством, кто с недоверием, ожидали слова представительницы Азии, воспитанной в американских университетах.

«Когда Япония развязала тотальную войну против Китая в 1937 г... — обратилась к истории Сун Мэйлин, — военные эксперты всех государств не дали Китаю ни малейшего шанса». Оратор вежливо напомнила конгрессу: западные державы игнорировали нужды борющегося Китая. Супруга Чан Кайши заявила: «...когда же Японии не удалось поставить Китай на колени, мир, признав этот феномен, объявил, что военные возможности Японии были переоценены... После Пёрл-Харбора японцы маршировали от победы к победе, и мир начал думать о них как о сверхчеловеках». Здесь представительница Чунцина подошла к тезису, призванному подчеркнуть значение азиатского направления США: развенчать опасное, с ее точки зрения, заблуждение, будто поражение Гитлера имеет большее значение, нежели поражение Японии. «Давайте не будем забывать, — обрати-

лась она к американцам,— что Япония на всех оккупированных ею территориях обладает большими ресурсами, нежели Германия... Давайте не будем забывать, что, чем дольше Япония будет безоговорочно контролировать эти ресурсы, тем сильнее она может быть. Каждый прошедший день войны приносит в жертву все больше американских и китайских жизней... Китай сражается не только за себя, а за все человечество!»

Все американские радиостанции передали в эфир, все газеты на первых полосах поместили ее выступление. В последующих речах во время поездки по стране она в разных вариантах подчеркивала значение Китая во второй мировой войне.

Ради успешного пребывания Сун Мэйлин в США немало потрудился министр иностранных дел Сун Цзывэнь, прибывший в Вашингтон еще весной 1940 г.

Сун Цзывэнь, встречаясь с официальными лицами США, не скрывал своего беспокойства по поводу побед советского народа и роста в связи с этим авторитета и влияния Советского Союза на Дальнем Востоке. Сун готов был приветствовать нападение Японии на советские границы, нежели спокойно наблюдать за победным шествием Красной Армии на запад. Это была, конечно, не только личная точка зрения Сун Цзывэня. Чан Кайши, несмотря на вести о победе под Сталинградом, не потерял надежд на японо-советское столкновение и даже намекал своим американским союзникам на необходимость способствовать такому развитию событий. Посол США в Китае Гаус изложил основные идеи Чан Кайши в своем докладе в Вашингтоне 13 марта 1943 г.

Сун Цзывэнь положил практически начало активной деятельности китайского лобби. Очевидцы, соприкасавшиеся с китайскими лоббистами, отмечали: это движение было беспрецедентным по силе вмешательством иностранных интересов в правительственные сферы и в дело формирования общественного мнения США. Китайское лобби объединило в своем составе бизнесменов, политических маклеров, мечтавших об ослепительном взлете карьеры, авантюристов, падких на любую грязную пропагандистскую стряпню.

Во время пребывания в США посланцы Чан Кайши развили бурную деятельность, сблизились с «влиятельными друзьями», установили контакты с Гарри Гопкинсом, Генри Моргентау (министр финансов), Генри Люсом (владелец «Тайм», «Лайф» и других изданий),

с одним из газетных королей — Роем Говардом, с обозревателем Джозефом Олсопом. Эти силы обеспечивали Сун Мэйлин всяческую поддержку в США.

Национальный совет выпускников университетов принял решение выдвинуть Сун Мэйлин в качестве кандидата на получение ордена «За заслуги». Совет претендовал на то, будто он отражает мнение 400 университетов, 7,5 млн граждан США. Этот шаг напоминал миру: первая леди Китая — выпускница американского университета. Сун Мэйлин, принимая орден, воздала должное американской демократии: «Америка была и является арсеналом демократии, находящимся в авангарде оружия войны. Чтобы выполнить свой долг в качестве лидера человечества, она должна быть по-прежнему арсеналом демократии, возглавляющим оружие мира»¹.

Сун Мэйлин слушали в Нью-Йорке. Дань уважения оратору отдал лидер республиканцев Уилки, командующий ВВС США генерал Арнольд и другие.

Приезд мадам Чан Кайши в США означал и изменения в восприятии американцами образа Китая. Еще совсем недавно, в 30-х годах, этот образ связывался с поведением героев комиксов, романов, кинобоевиков, которые появлялись перед читателем и зрителем в роли «желтых дьяволов» — садистов, убийц, вымогателей. С американского экрана бросал свой кровожадный взгляд на публику доктор Фу Манчу; из фильма в фильм злодей Фу мучил, травил, душил, пытал, наслаждаясь мучениями своих жертв. Расистская Америка нуждалась в культивировании подобных представлений о Китае и китайцах.

Новые подходы в китайской политике, нашедшие отражение в блестящем приеме Сун Мэйлин в США, не могли не повлиять на формирование нового представления американцев о Китае и китайцах. Усилия американских средств информации направлялись теперь на то, чтобы стереть в памяти американцев образ представителя китайской национальности как убийцы и кровожадного садиста, а на его место поставить героя, наделенного всевозможными добродетелями, отличающегося необыкновенным трудолюбием. Крупным в США событием — особенно на фоне усиления давления на американских граждан японского происхождения — стала отмена в 1943 г. запрета на въезд в США представителей китайской национальности.

¹ Menon K. P. S. *Twilight in China*. Bombay, 1972. P. 66–67.

Сун Мэйлин обсуждала с президентом США послевоенные проблемы. Президент, несомненно, знал, какой огромный интерес в Чунцине проявляли к будущему ряда территорий. Великоханьский национализм, великодержавный шовинизм — характерные черты внешнеполитических концепций правых гоминьдановских лидеров. Чан Кайши размышлял не только о возвращении утерянной территории, но и о распространении своего контроля на ряд соседних стран.

Американцы поощряли подобную позицию Чунцина, имея в виду прежде всего ее направленность против держав классического колониализма. Ф. Рузвельт, встретившись с гостьей из Чунцина, заверил Мэй, что Маньчжурия и Тайвань должны быть переданы Китаю; Гонконг станет «свободным портом» под китайским суверенитетом; Корея перейдет под временную опеку США и Китая. Эти мысли Ф. Рузвельт излагал и ранее в своей переписке с Чан Кайши. Сун Мэйлин была удовлетворена.

Приезд и удачные выступления в США жены Чан Кайши, писал посол СССР в Вашингтоне М. М. Литвинов, значительно укрепили позиции Китая. Она произвела хорошее впечатление на американцев умением владеть собой, хорошим английским языком, выдержкой¹.

Длительное отсутствие Сун Мэйлин в Чунцине дало повод к распространению различных слухов о личной жизни генералиссимуса, далекой от принципов христианской морали. Друзья советовали: необходимо что-то предпринять, идут разговоры, будто у Чан Кайши до трех наложниц, а одну из них он навещает каждый день. Для ординарного китайского милитариста такой образ жизни — обычное явление, но для представителя семьи христиан подобное поведение равносильно грехопадению. Решили действовать. Генералиссимус устроил прием. Собралось много иностранных представителей и гостей. Хозяин взял слово. С нетерпением ожидавшая сенсации толпа была удовлетворена: Чан Кайши напомнил ей о грязных сплетнях и своем твердом намерении опровергнуть их. «Как член революционной партии, — заявил Чан Кайши, — я обязан подчиняться революционной дисциплине. Я должен, как христианин, соблюдать заповеди. Если я нарушу дисциплину и заповеди в общественном или частном моральном поведении, то

¹ См.: Севостьянов Г. Н. Указ. соч. С. 436.

должен буду восстать против Христа, против нашего отца — Сунь Ятсена, против миллионов моих соотечественников, которые отдали жизни нашему делу». Такое поведение, заключил оратор, заслуживало бы моего отстранения от дел в соответствии с дисциплинарными правилами и заповедями. Сцена, конечно, не могла не произвести впечатления на присутствующих. Добропорядочные миссионеры торжествовали. Но кто мог ставить под сомнение «высокую нравственность» диктатора?! Сун Мэйлин решила окончательно подтвердить моральную чистоту Чан Кайши. «Я никогда ни на йоту, — заявила она, — не сомневалась в своем супруге»¹. Хорошо организованное представление не положило, однако, конец слухам.

Когда в Чунцине аплодировали успеху Сун Мэйлин за океаном, Стилуэлл начал отрабатывать различные варианты перемен в чунцинском руководстве. Один из вариантов предполагал замену Чан Кайши и Хэ Инцина. Новым сильным человеком представлялся Чэнь Чэн — выпускник Баотянской академии, возглавивший группировку молодых офицеров школы Вампу. Появилась даже идея: с помощью Управления стратегических служб (разведка военного времени во главе с Донованом) и опираясь на американских врачей, задержать Сун Мэйлин в США, ограничив, таким образом, ее воздействие на Чан Кайши. Все эти расчеты так и остались лишь в памяти сторонников Стилуэлла.

В конце 1943 г. Сун Мэйлин и Сун Айлин проявили вдруг желание помочь Стилуэллу в изоляции Хэ Инцина. Американский генерал, видя, что к этому предложению присоединяется и их брат Сун Цзывэнь, опасался оказаться жертвой нового компромисса. Опасения были не лишены оснований. Сун предпочитал укреплять свои позиции, нежели поддерживать Стилуэлла. Тем не менее американский генерал призвал своих союзников к проведению дополнительных военных реформ.

Во время беседы 6 декабря 1943 г. в Каире Стилуэлл постарался возратить президента к интересующей его проблеме.

«Я обращаю ваше внимание на то, что наша политика имеет в виду строительство Китая.

Рузвельт. Да, да. Построить его. После этой войны будет огромная нужда в нашей помощи. Они хотят займов.

¹ *Hahn E. Op. cit. P. 292—293.*

Мадам Чан и генералиссимус хотят получить сейчас заем в миллиард долларов, но я сказал им, что будет трудно получить на это одобрение конгресса. Теперь я не эксперт по финансам (!!), но у меня есть план взять 50 или 100 миллионов долларов и скупить китайские бумажные доллары на черном рынке...»¹

Президент надеялся, что таким путем он сможет спасти Китай от тяжелого недуга — инфляции... Стилуэлла же интересовало другое. И Рузвельт, как бы улавливая мысли генерала, спросил, сколь долго может пробыть у власти Чан Кайши. Стилуэлл поделился с президентом своими предположениями о возможном смещении Чана с поста главы государства в результате заговора. Ведь в Чунцине снова зашевелилась оппозиция.

«Ф. Рузвельт, выслушав генерала, заявил:

— Хорошо, тогда мы должны искать другого человека или группу людей на его место.

Стилуэлл:

— Они, вероятно, будут надеяться на нас»².

Рузвельт просил своих дипломатов держать его в курсе дела относительно развития ситуации в Китае. Помощник президента Г. Гопкинс получил от соратника Стилуэлла Дж. Дэвиса послание со следующими словами: «Генералиссимус, возможно, единственный китаец, который разделяет широко распространенное среди американцев заблуждение, будто Чан Кайши олицетворяет собой Китай».

...В один из холодных дней зимы 1942/43 г. начальник штаба американского соединения в Куньмине Фрэнк Дорн был приглашен в резиденцию Сун Цзывэня. Хозяин простудился и шумно сопел, втягивая лечебные запахи ингалятора. Но его тонкие губы презрительно кривились, когда он начинал говорить о ненавистном своем родственнике. Сун вспомнил, что Чан Кайши обязан был ему своей жизнью в то лихое время, когда различные группировки Гоминьдана столкнулись в борьбе за лидерство в начале 20-х годов. Но нахальный родственник ни разу не проявил и тени благодарности. А периодически обостряющееся кожное заболевание Сун Мэйлин? Оно связано с нервной реакцией — Сун уверен в этом — на отвратительный нрав Чан Кайши.

Из разговора в доме Суна можно было понять, что хозяин нацелился выяснить через гостя реакцию Сти-

¹ The Stilwell Papers. N. Y., 1948. P. 252.

² Ibidem.

луэлла на свой план замены Чан Кайши. Сун хотел выдвинуть на роль главы правительства представителя военной клики генерала Сюе, а сам надеялся взять в свои руки реальные рычаги власти. Вскоре Сун рекомендовал генерала Сюе генералу Стилуэллу. Но американцы не проявили особого интереса к этой фигуре, дело ограничилось обсуждением.

Расстаться с диктатором оказалось не менее сложным, нежели найти на его место нового человека. Ф. Дорн вспомнил в связи с этим сенсационные факты.

Стилуэлл, возвратившись из Каира в Китай, сразу же в сугубо доверительной форме поведал Дорну об устном распоряжении Ф. Рузвельта, которое, по признанию самого Стилуэлла, поразило американского генерала. Стилуэлл даже замолк на некоторое время. Наконец, сосредоточившись, заявил: «Хорошо, приказ есть приказ, и у нас нет иного выхода, кроме как последовать ему... Я должен руководить подготовкой плана террористической акции по уничтожению Чан Кайши». «Если вы не можете действовать совместно с Чан Кайши,— якобы так сказал Ф. Д. Рузвельт и так были переданы Стилуэллом слова президента,— не можете его заменить, то покончите с ним раз и навсегда». Сам приказ исходил, как предполагал Дорн, либо от помощника президента Гопкинса, либо от одного из высокопоставленных офицеров Пентагона.

— Уничтожить Чан Кайши? — спросил с недоверием Дорн.

— В приказе не утверждается: убить его,— разъяснил генерал.— В нем говорится: подготовить план, что означает только план. Такой план, который никогда не возложит вину за совершенное ни на правительство США, ни на какого-либо американца.

— И все же это приказ,— заключил Дорн.

— Я знаю, насколько это отвратительно,— ответил либерал Стилуэлл.— Обдумайте тщательно план и помните: абсолютно ничего и никогда не записывать. Я обязан сказать вам, что все это дело должно быть особо секретным. Если что-либо просочится наружу, пока идет война, мы окажемся вместе в адском дерьме.

— Но почему я?

— Я обдумывал это с того времени, как покинул Каир. Я остановился на вашей кандидатуре в силу двух причин: вы знакомы с китайской ситуацией лучше, чем кто-либо другой, и вы знаете, чего нельзя сделать в Китае,

а в данном случае это настолько же важно, как осознать, что может быть там сделано...

— Могу ли я, сэр, спросить, кто отстаивал идею подготовки подобного плана? — не унимался подчиненный.

— Конечно, вы можете спрашивать все, что вам угодно. Я не отвечу, однако, на ваш вопрос. Но сообщу вам вполне определенно одно: это не моя идея. Она родилась на самом вершине. В следующий раз я буду следовать через Куньмин, дайте мне знать о том, что вы сварите. Вы, вероятно, должны будете готовить это с одним или двумя тщательно отобранными офицерами. Ну а это на ваше усмотрение...

Через неделю Дорн встретился с двумя наиболее доверенными офицерами штаба. «Осознаете ли вы, что может означать подобная акция? А если провал?» — офицеры задавали один вопрос за другим. Собеседники, конечно, понимали, насколько серьезны политические последствия американского заговора против главы союзного государства, да еще в разгар военных действий с державами «оси».

— Шеф, это невозможно осуществить, — заявили Дорну его офицеры.

— Хорошо, подобное не может быть осуществлено. Тем не менее мы должны работать над этим.

Часами обсуждали различные пути осуществления заговора. Застрелить Чан Кайши? Подобный план требовал привлечения к акции американца, и если бы он был убит охраной — возможность такого рода рассматривалась как вполне вероятная, — ответственность за заговор полностью ложилась бы на правительство США. Исключался и яд. Продукты, прежде чем попасть на стол Чан Кайши, опробовал врач. Отрицалась и подготовка взрыва. Тайная полиция могла не только обнаружить взрывное устройство, но и докопаться до его происхождения. «Дворцовый переворот» привлек бы слишком много участников, что резко ослабляло гарантии секретности заговора, к тому же генералиссимуса постоянно окружали хорошо подготовленные и вооруженные охранники.

Наконец один из офицеров предложил вроде бы приемлемый план: вместе с Сун Мэйлин убедить Чан Кайши отправиться в инспекционную поездку в Рамгархский центр военной подготовки в Индии, а в пути их самолет потерпел бы аварию. Чета должна была как бы «случайно» получить неисправные парашюты. При этом приходилось

пожертвовать и несколькими американцами. Детали согласовали тогда же. Люди, ответственные за парашюты, должны находиться в неведении о предстоящих событиях. Пилот получит секретный приказ лишь в воздухе.

Две недели спустя Дорн излагал этот план Стилуэллу.

— Я думаю, что подобный план сработает, — поддержал своих коллег генерал. — И вы правильно полагаете, что американские офицеры должны быть в самолете, даже если мы рискуем потерять из них одного или двух.

Стилуэлл предупредил о необходимости иметь абсолютные гарантии желаемого поведения пилота. Это Дорн брал на себя¹.

Итак, заговор против Чан Кайши имел место, но, согласно признанию его инициаторов, президент никогда не давал окончательного одобрения идеи устранения генералиссимуса. Сун Мэйлин, принимая орден «За заслуги», очевидно, и не предполагала, что под сенью демократии американские эксперты разрабатывают планы элементарной физической расправы с четой Чан Кайши.

В послании Ф. Рузвельта от 27 октября 1943 г. Чан Кайши получил приглашение на Каирскую конференцию глав великих держав. Конференция в Каире открылась 22 ноября. С 1 по 5 декабря после окончания Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря) проходил второй этап Каирской встречи. Чан Кайши прибыл в Египет на конференцию, расположился в одном из старинных особняков в предместье Каира. Главу Китая распирало от гордости: наконец его посадили на равных за один стол с главами великих держав.

В беседах Рузвельта с Чан Кайши и со Стилуэллом явно проявилось желание американской стороны подорвать позиции европейского колониализма в Азии. Ф. Рузвельт спросил Чан Кайши: хотел бы он заполучить Индокитай? Чан Кайши лицемерил: «Ни при каких обстоятельствах!» Он говорил президенту США неправду. Уже в 1942 г. американский посол Гаус, докладывая президенту о территориальных притязаниях Чунцина, обращал внимание на планы гоминьдановцев в отношении Индокитая: если Индокитай не будет готов к самоуправлению, предложить на международной конференции передать мандат на Индокитай Китаю.

¹ *Dorn F Walkout with Stilwell in Burma* N.Y 1973 P 116–123.

В беседе со Стиллуэллом президент изложил свой план превращения Гонконга в «свободный порт». Прежде всего он считал необходимым поднять в Гонконге китайский флаг, а затем Чан Кайши должен был сделать «великий жест» и объявить город «свободным портом». Сепаратные обсуждения колониальных проблем настораживали стойких защитников британской короны.

В Каире чета Чан Кайши имела возможность побывать в обществе У. Черчилля. Премьер, как отмечали биографы Чан Кайши, посмотрев сверху вниз на Сун Мэйлин, спросил: «Так, мадам, я думаю, вы считаете меня негодным, подлым империалистом, стремящимся захватить как можно больше колоний и не желающим делиться тем, что мы уже получили». Мадам предпочла ответу свой вопрос: «Почему вы уверены, что я так думаю о вас?»¹

Чан Кайши не мог не догадываться о растущем недоверии Черчилля к Чунцину, к его сепаратным переговорам в Каире с Рузвельтом. Создавалось впечатление, что Рузвельт поднимал роль Чан Кайши, а Черчилль старательно ее принижал. Присутствие Чан Кайши, по мнению английского премьера, лишь мешало переговорам подлинных участников войны на Тихом океане.

В дискуссиях по вопросам планирования военной стратегии Чан Кайши следовал прежде всего политическим интересам, его заботило сохранение милитаристской опоры его личной власти. Развитие военных операций на материке ставило под угрозу существование верных ему дивизий, на которые он рассчитывал в противоборстве с КПК. «Бирма является ключом ко всей кампании в Азии,— заявил генералиссимус на одном из заседаний.— После того как противник будет изгнан из Бирмы, его следующим рубежом будет Северный Китай и затем Маньчжурия. Потеря Бирмы была бы серьезным ударом для японцев, и поэтому они будут упорно цепляться, чтобы сохранить свои позиции в этой стране»².

Но когда участники встречи в Каире пытались заставить Чан Кайши начать наступление в Северной Бирме, то не встретили взаимности. Союзники обещали помочь китайской армии десантными операциями в районе Бенгальского залива (операция «Бакканнр»).

¹ Менон К. Р. S. Op. cit. P. 252.

² Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца. М., 1958. Т. 2. С. 461—462.

После Тегерана Стилуэлл в разговоре с Рузвельтом спросил: «Как же Чан Кайши объяснит своим подданным неудачи союзников в реализации планов по открытию бирманской дороги?». — «Но если мы не пойдём на эту операцию, — отозвался президент, — то сможем перебросить грузы большим тоннажем через Гималаи. Да, мы сможем доставить больше грузов этим путем...»¹

Генерал Маршалл без особого восторга воспринял эту позицию Ф. Рузвельта. Ему порядком надоели многочисленные требования Чан Кайши доставить в Китай новые самолёты, летчиков. С раздражением Маршалл заявил: «Это, в конце концов, американские самолёты и американские летчики, и позвольте нам самим ими распорядиться. А если Китай хочет получить больше материалов, пусть воюет сам и открывает бирманскую дорогу!..»²

Чан Кайши подводил итоги своей поездки в Каир. На пленуме ЦИК Гоминьдана генералиссимус превознес усилия США, нацеленные на «создание независимого и равноправного китайского государства». Оратор обратил внимание на Каирскую декларацию, опубликованную в Каире 1 декабря 1943 г. Благодаря успехам китайской дипломатии, констатировал Чан, в декларации говорилось о возвращении Китаю Тайваня, Маньчжурии, островов Пэнхуледао, предоставлении Кореи «в должное время» независимости. Каирская декларация отражала освободительный дух борьбы народов против держав «оси», торжество принципов справедливости и идей антиколониализма.

Чан Кайши несколько преувеличивал свою роль на Каирской конференции. Черчилль остался при своем мнении: он не разделял позицию Ф. Рузвельта, настаивавшего на восприятии Китая в качестве «великой державы», а Чан Кайши как величайшего лидера. В Каире Чан добивался признания своего международного статуса; он хотел также получить как можно больше оружия для своих арсеналов в Юго-Западном Китае. Военные действия союзников, надеялся генералиссимус, откроют ворота с Юга в Чунцин, и оружие, снаряжение хлынут к нему, как из рога изобилия. Американцы, однако, убеждались, что переправляемые с таким трудом в Чунцин грузы не идут впрок.

¹ The Stilwell Papers. P. 253.

² Tuchman B. Stilwell and the American Experience in China, 1911—1945. N.Y., 1972. P. 520.

Чан Кайши стремился выиграть время, чтобы воспользоваться плодами победы союзников. Но Вашингтону уже надоели бесконечные просьбы из Чунцина о помощи оружием и деньгами. И генералиссимус получает от президента сообщение, где говорится об отказе союзников от операции «Бакканир». Это был неожиданный политический удар, который потряс чунцинские верхи.

Единственный козырь, предназначенный для воздействия на Белый дом, был всегда под рукой. «Китай не сможет продержаться в войне, — писал Чан Кайши Рузвельту, — и поэтому не исключена его капитуляция». В Чунцине с глубоким разочарованием признали: интересы Чан Кайши принесены в который раз в жертву англо-американской стратегии.

Глава 6

„Падающий дворец трудно подпереть одним бревном“

Стилуэллу выносят вердикт

Луи Маунтбэттен прибыл вместе с генералом Стилуэллом в Чунцин 16 октября 1943 г. Вскоре у Стилуэлла состоялась длительная беседа с Маунтбэттенем. Главную новость сообщил генерал Самервелл: «Генералиссимус заявил: Стилуэлл должен быть отстранен». Основание — американский генерал «потерял доверие войск». Президент, как сообщил Самервелл, просил Дж. Маршалла сменить Стилуэлла.

Большинство политических и военных стратегов в Вашингтоне предпочитали уходить от вопроса реорганизации китайской армии, на решении которого так настаивал Стилуэлл. Их прежде всего привлекала перспектива использовать в Китае аэродромы для бомбардировок Японии. Чан Кайши, поддержанный этими силами, отказался от реорганизации 30 дивизий в Юньани.

Ранним октябрьским утром Мэйлин позвонила генералу. С ней была Айлин, которая сказала, что еще есть шанс поправить дела. Сестры добивались от Стилуэлла одного: пойти к Чан Кайши, сказать о своей единственной цели — содействовать благополучию Китая, наконец, покаяться: если и совершал ошибки, то лишь из-за недопонимания, а отнюдь не намеренно, обещать готовность к сотрудничеству. Стилуэлл сдался. Мэйлин сразу же организовала встречу. Чан старался настроиться на примирительный тон. Он подчеркнул два с точки зрения его самолюбия важных пункта. Стилуэллу следует:

1) понять обязанности главнокомандующего и начальника штаба; 2) избегать «комплекса превосходства» Перемирие установилось, но ненадолго.

Не личные антипатии Чан Кайши и Стилуэлла («личная вендетта Стилуэлла», как это часто представляли иные историки в США), а противоречивость самой американской политики в Китае обусловила серьезные расхождения между чунцинским диктатором и американским генералом. Миссия Стилуэлла в Китае в годы войны соответствовала основному стратегическому замыслу правящих кругов США — нанести наиболее ощутимые удары по Японии, используя, и как можно скорее, резервы Китая. Генерал Стилуэлл, сознавая ответственность за выполнение этого замысла, ставил перед собой конкретные задачи: сохранить Китай на стороне союзников в борьбе с Японией, сорвать сепаратные переговоры между Чунцином и Токио, опираться в военных действиях на материке на людские ресурсы не США, а Китая. Мобилизация ресурсов объединенного Китая предполагала — в Вашингтоне учитывали и дальнюю перспективу — создание на китайской территории мощного антисоветского плацдарма. В канун Каирской конференции военное ведомство США предложило Чан Кайши обсудить вопрос о подготовке и вооружении за счет ленд-лиза 90 китайских дивизий. США хотели, судя по американским источникам, «создать на Дальнем Востоке огромную, мощную армию, способную противостоять Красной Армии в Сибири»¹.

Линия Стилуэлла приходила в противоречие с позицией чанкайшистов. Последние саботировали военные действия против Японии, не прекращали налеты на 8-ю и Новую 4-ю народные армии, тесным кольцом блокады окружили освобожденные районы.

Чан Кайши, получая послания Рузвельта с просьбами уделить больше внимания бирманскому театру военных действий, либо уклонялся от ответа, либо ссылался на занятость «борьбой с коммунистами». Чан Кайши облюбовал вариант политики «дешевой войны» и ведущие свои силы (20 лучших дивизий, или 800 тыс. человек) бросил на блокирование освобожденных районов.

¹ *Romanus C. F., Sunderland U. S. Army in world war II, China — Burma — India Theatre. Vol. 2. Stilwell command Problem W., 1956. P 58*

В конце 1943 г. Сун Цинлин опубликовала декларацию, в которой написала: «Ни одна пилюля, ни одна повозка, ни одна винтовка не попала к 8-й НРА за все эти годы». Выдающаяся общественная деятельница обратилась с сенсационным, как оценили в дипломатическом корпусе, призывом к английским и американским рабочим о помощи для противодействия гоминьдановской блокаде районов, находящихся под контролем КПК. Вдова Сунь Ятсена обвиняла чанкайшистов в том, что они соорудили преграды на пути медицинского и иного снабжения этих районов. «Американские друзья могут помочь китайской демократии равномерной поддержкой всех элементов, в действительности вовлеченных в борьбу с Японией», — отмечала Сун Цинлин.

На пресс-конференции министр информации назвал абсурдом разговоры о блокаде. Журналисты выразили неудовлетворение по поводу полученного разъяснения и вручили совместную петицию на имя Чан Кайши с просьбой разрешить посетить районы, находящиеся под контролем КПК. Они, несомненно, знали, что еще в 1937 г. группа американских журналистов преодолела гоминьдановскую блокаду контролируемых КПК районов. Среди них были Г. Биссон, Ф. Джаффе, О. Латтимор, Э. Сноу, А. Смедли. Опасения в Чунцине перед возможным появлением объективной информации о КПК возрастали по мере публикаций материалов, авторы которых описывали Гоминьдан как защитника «привилегированного класса, индифферентного к проблеме благополучия масс».

Посетившие Яньвань американцы уносили с собой разнообразные впечатления после многих дней и часов, проведенных в обществе руководителей КПК. Мао, утверждали они, рассматривал национальное своеобразие революции в качестве главного и решающего фактора, определяющего деятельность КПК, его меньше всего заботили черты, имевшие не узконациональное, а международное значение. «Для народа, лишённого своей национальной свободы, — цитировал Э. Сноу слова Мао, — революционная задача состоит не в немедленном построении социализма, а в борьбе за независимость. Мы даже не можем обсуждать проблему коммунизма, если у нас отняли страну, где мы должны осуществить его на практике». Отсюда следовало, что борьба за национальную свободу не обязательно должна была бы привести к коренным социальным преобразованиям, к социальному

равенству в подлинном смысле этого слова. Сравнение положения в районах, контролируемых КПК, и в гоминьдановском Китае было не в пользу последнего.

Все это знал генералиссимус. Когда его попросили на пресс-конференции разрешить официальную поездку в Яньань, то он ответил, что у него всегда было намерение пригласить журналистов в Яньань, а что касается официального приглашения, то оно безусловно будет... в должное время.

Чан Кайши не мог не видеть, что массы приветствуют «красные отряды» в качестве единственной надежды на освобождение от растущего бремени налогов, злоупотреблений армии, террора Дай Ли.

Как одно из необходимых следствий политики «дешевой войны», которую проводил Чан Кайши, явилось ослабление китайско-бирманско-индийского театра военных действий. Блестящую характеристику этому району военных действий дали У. Уайт и Э. Джекоби: «Это была какая-то невообразимая смесь мероприятий по обеспечению тыла сражающихся войск, взяточничества, различных конфликтов, путаницы и трагического бессилия»¹. Увидев все это своими глазами, Стилуэлл вполне оправданно усомнился в возможности выполнения задач, стоящих перед ним. Трезвый подход к событиям, имевшим место на китайско-бирманско-индийском театре военных действий, приводил Стилуэлла к выводу о высокой боеспособности 8-й и Новой 4-й народных армий; он полагал целесообразным в интересах «большой стратегии» воспользоваться услугами этих армий в любом районе Китая. Его предложения предотвратить наскок гоминьдановцев на вооруженные силы КПК Чан Кайши встречал в штыки. Чжоу Эньлай и другие представители КПК в Чунцине предупреждали американских дипломатов Дэвиса и Винсента: перепоручая Чан Кайши контроль за ленд-лизом, вы позволяете Гоминьдану использовать американскую помощь против КПК. Чан Кайши любыми путями хотел уклониться от требования Стилуэлла увеличить войска для борьбы с Японией. «Китайцы не выполняют своих обязательств, — сетовал Рузвельту Стилуэлл, — они должны давать людей, а мы позаботимся об их вооружении и подготовке».

В противодействии Стилуэллу Чан Кайши опирался на Дай Ли. Глава гоминьдановской разведки поручил

¹ Уайт Т., Джекоби Э. Указ. соч. С. 150.

своему личному агенту в США Сяо Синьжу, официально занимавшему пост помощника военного атташе в гоминьдановском посольстве, войти в контакт с капитаном военно-морского флота США Мейлзом. Сяо убеждал Мейлза в готовности Чан Кайши назначить американского капитана своим личным помощником.

В США вокруг имени Дай Ли возник своеобразный ореол благочестивого политика, который «никогда не убьет никого без одобрения сверху». Дай Ли, встретившись с Мейлзом, поведал ему о том, насколько «опасны» коммунисты. «Они,— подчеркивал Дай Ли,— особенно ненавистны крестьянам, земли которых они конфисковали и привели в негодность». А генерал Дай Ли, напротив, образец благородного политика. «Будучи либеральной, демократической личностью...— говорили о Дай Ли его соратники,— он лишь учредил концентрационные лагеря, которые вполне законны, и деньги, которые он использует для своей организации, все поступают из сберегательных банков... Он любит свою мать и ратует за образование женщин». Мейлз вступил в союз с «благородным» Дай Ли.

Чан Кайши сделал все для того, чтобы помочь Дай Ли узаконить его союз с Мейлзом. 15 апреля 1943 г. подписи Ф. Рузвельта и Дай Ли скрепили обоюдное решение сторон о создании САКО (Китайско-Американская организация сотрудничества). Что хотел получить глава гоминьдановской разведки от деятельности САКО? Прежде всего материальную поддержку деятельности, направленную на обеспечение узкокорыстных интересов Гоминьдана, вступивших в противоречие с линией Стилуэлла. САКО приступила к подготовке китайских специалистов, чья квалификация предназначалась отнюдь не для борьбы с японским агрессором и даже не для противодействия уголовному миру. Ведомство «любящего свою мать сына» получало от САКО «специалистов-костоломов» для борьбы с «политической оппозицией». Организация готовила кадры для китайской полиции, мастеров физических расправ в тюремных застенках, готовых использовать «современную, созданную на научной основе технику».

Мейлз принимал непосредственное участие в репрессиях, осуществляемых Дай Ли, в том числе и в самых жестоких, когда, например, заключенных хоронили заживо. Мейлз, в отличие от Стилуэлла, видел свою задачу в срыве любых соглашений с коммунистами. Имен-

но поэтому он был незаменимым помощником Чан Кайши, а затем и Хэрли в противоборстве со Стилуэллом. Естественно, что деятельность Мейлза пришлась не по душе американскому генералу, озабоченному судьбами китайского фронта. Стилуэлл добивался удаления Мейлза из Китая, но эта задача оказалась ему не по плечу.

Чан Кайши в качестве контраргумента использовал тезис о том, что США игнорировали Китай. Чунцин сражался довольно долго, упрекал он своих критиков, а помощь по ленд-лизу доставалась Великобритании и России. Чан Кайши напоминал США об их большом долге перед ним. Аргументы Стилуэлла основывались на реальных фактах. Да, значительная часть материалов по ленд-лизу идет в Великобританию и Россию. Но Россия и Великобритания, особенно Россия, используют эти материалы в войне с фашистской Германией. Правда и то, что нет пути передачи материалов Чан Кайши, пока он не предпримет со своей стороны усилия, чтобы разорвать блокаду и открыть наконец бирманскую дорогу. Американцы ждали и от Великобритании использования большой индийской армии.

Чан Кайши все же пришлось направить войска в Бирму. Впоследствии генералиссимус жаловался на то, что вынужден был уступить давлению, что никогда не был согласен со Стилуэллом и что кампания в Бирме обошлась ему слишком дорого. «Мы взяли Митчину, но потеряли,— подводил итог Чан Кайши,— почти весь Китай». Стилуэлл «не понимал китайского народа,— восклицала мадам Чан Кайши,— и допустил трагическую ошибку, послав одну из лучших гоминьдановских дивизий в Бирму».

Пока Вашингтон и Чунцин обменивались мнениями о военной стратегии в Бирме, японское командование решило компенсировать на китайском фронте свои неудачи в других районах. Японцы преследовали вполне конкретные цели: занять удобные плацдармы на территории Китая, затянуть войну на Тихом океане и попытаться договориться с Чан Кайши о компромиссном мире. Начавшееся в марте 1944 г. наступление японских войск развивалось успешно. За восемь месяцев оккупанты овладели значительной частью территорий провинций Хэнань, Хунань, Гуанси, Гуандун, Фуцзянь. В ходе наступления японцы захватили ряд американских аэродромов. Разгромленный гоминьдановский фронт не представлял для японских частей серьезной силы, опасность

ожидала их в тылу, где в это время развернули успешные действия 8-я и Новая 4-я армии.

Генералиссимуса раздражало растущее желание Вашингтона установить официальные контакты с Яньанью, то есть с коммунистами. Он пугал американских дипломатов ростом влияния КПК, предлагал подменить эти контакты связями со своей... контрразведкой. Упорство Чан Кайши начинало раздражать Рузвельта, и президент посоветовал Чунцину «не предпринимать ничего, что могло бы осложнить сотрудничество Объединенных Наций». Генералиссимус вынужден был отступить, но пошел на новую уловку: «Пошлите, пожалуйста, в Яньань миссию американских журналистов». На вопрос: «Почему только журналистов?» — последовал ответ: «Журналисты — гражданские лица, в то время как американские офицеры представляют правительство своей страны, и их появление в Яньани будет означать подготовку США к непосредственному сотрудничеству с КПК»¹.

Весенне-летнее 1944 г. наступление японцев на материке ускорило события. Для частной встречи с Чан Кайши прибыл бригадный генерал Феррис. Во время встречи американские гости изложили хозяину сверхсекретное послание Вашингтона. Чан Кайши не верил своим ушам. «Положение в Китае безнадежное, и настоятельно диктует принятие решительных мер. Президент поэтому предлагает, чтобы все армии в Китае, включая армии коммунистов, были поставлены под контроль американского командующего. Хотя президент знает об отрицательном отношении Чан Кайши к генералу Стилуэллу, он, однако, считает, что лучшего, чем Стилуэлл, человека по опыту и навыкам для выполнения такого рода задач найти трудно»². Чаша терпения генералиссимуса переполнилась, когда ему внушили, что миссия в Яньань — результат политических интриг Стилуэлла.

Летом 1944 г. в Чунцин приехал вице-президент США Г. Уоллес. С 21 по 24 июня состоялось несколько встреч Чан Кайши с высокопоставленным представителем Вашингтона. Чан Кайши навязчиво подчеркивал одно и то же: «Китайские коммунисты — лишь марионетки Москвы», отнюдь не «реформаторы», «аграрные»

¹ Воронцов В. Б. Дело «Амерэйша» С 32

² The Amerasia Papers: A Clue to the Catastrophe of China W., 1970. Vol 1 P. 253. (Далее — The Amerasia Papers..)

демократы, как это представляют «несведущие» лица. К последним Чан Кайши относил Оуэна Латтимора, который сопровождал Уоллеса. Генералиссимус хорошо знал Латтимора: ведь он еще в конце 30-х годов нарушил табу и посетил Яньань. Более того, действуя в роли советника в Чунцине, выделялся среди окружающих вызывающей независимостью.

Само присутствие в районах, контролируемых КПК, официальных американских представителей в известной мере явилось бы признанием Вашингтоном КПК как реальной политической силы в Китае. Чан Кайши это не устраивало.

«Будьте добры, не давите, — оборонялся Чан Кайши в беседе с Уоллесом, — поймите, пожалуйста, что коммунисты не представляют собой подходящую силу для военных мероприятий против Японии»¹. Но слишком уж сложно было главному чунцинскому солисту исполнять одну и ту же арию, даже если она порой и производила впечатление на влиятельные силы в Вашингтоне. 23 июня 1944 г. Чунцин дал согласие на посылку американской миссии в Яньань.

Г. Уоллес, действуя по поручению Ф. Рузвельта, пытался втолковать Чан Кайши значение для Китая, для общего дела союзников активизации китайского фронта, а также скорейшего вступления в военные действия на Дальнем Востоке Советского Союза. Итогом встречи стало коммюнике. В нем отмечалось: «Отношения между Китаем и его ближайшим в географическом плане великим соседом — Советским Союзом должны поддерживаться на основе взаимопонимания. Такими должны быть отношения Китая и с другими соседями. Всякого рода конфронтация не может содействовать целям мира»². Американские политики, нацеливая Чан Кайши на сотрудничество с Советским Союзом, отдавали дань освободительным идеям антигитлеровской коалиции, учитывали они и опасения, связанные с возможными попытками китайской стороны в случае гражданской войны столкнуть СССР и США.

После своего пребывания в Китае Уоллес составил итоговый доклад. Этот труд увидел свет лишь в период «охоты за ведьмами», в 1950 г. Доклад содержал ре-

¹ The Amerasia Papers... Vol. 1. P. 88.

² Ледовский А. М. Китайская политика США и советская дипломатия. 1942—1954. М., 1985. С. 82.

комендацию направить личного представителя президента в Китай для посредничества между Чунцином и Яньанью. Этим представителем стал с 18 августа 1944 г. генерал-майор Патрик Хэрли, миллионер из Оклахомы. Генерал отличался самоуверенностью, был порывист, нетерпелив.

Спор между Стилуэллом и Чан Кайши о праве самим распределять ленд-лиз в Китае приближался к развязке. Сун Цзывэнь уповал на факторы морального порядка: необходимо помнить о достоинстве нации, которое будет подорвано, если контроль за ленд-лизом останется у Стилуэлла. Хэрли напомнил Суну: «...это наша собственность. Мы ее произвели, и можем ее предоставлять тому, кому считаем нужным». Стилуэлл с одобрением встретил деловую, с его точки зрения, позицию Хэрли. Но для успокоения было слишком мало оснований. Ф. Рузвельт делал, казалось, все, чтобы сохранить Стилуэлла в Китае, не видя лучшей кандидатуры на пост главнокомандующего китайскими армиями. «Я надеюсь,— пытался президент убедить Чан Кайши,— что вы примете надлежащие меры для назначения генерала Стилуэлла... Я так настаиваю на назначении Стилуэлла потому, что промедление грозит катастрофой, трагической по своим последствиям как для Китая, так и для совместных усилий в деле достижения победы над Японией». Сам Стилуэлл, опираясь на поддержку Вашингтона, лихорадочно искал выхода. «Если ГСМ (генералиссимус — так называли Чан Кайши американцы.— В. В.) не подпишет требование о назначении меня командующим,— предупреждал он гоминьдановского министра иностранных дел,— я должен буду предложить Соединенным Штатам уйти из Китая».

Копья скрестились в последний раз. «Высочайший» разразился бранью. Ни в коем случае он не назначит Стилуэлла командующим, пусть лучше убирается из Китая. Стилуэлл был объявлен персоной *non grata*.

В последней схватке Чан Кайши ощущал твердую поддержку генерала Хэрли. «Никто не стоит между вами и Чан Кайши,— докладывал П. Хэрли Рузвельту,— за исключением Стилуэлла...»— и предлагал убрать генерала, дабы не «потерять Чан Кайши и Китай»¹. Сторонникам Стилуэлла Хэрли представил это предложение в качестве условия, при котором Чан Кайши дол-

¹ Crozier B., Chou E. Op. cit. P. 259.

жен был пойти на соглашение с КПК. Но для генералиссимуса оказалось не так просто освободиться от Стилуэлла. Немало высших офицеров китайской армии и даже некоторые из тех, кто не всегда находился в ладах со Стилуэллом, были не согласны с решением Чан Кайши. Американский генерал, как считали они, понимал Китай и много сделал для него. И генералиссимус решил подсластить пилюлю. В Чунцине заговорили о награждении Стилуэлла орденом «Голубого неба и белого солнца» — высшей китайской наградой, которой обычно удостаивались иностранцы. Генерал игнорировал лицемерный жест хозяина, заявив посланцу: «Скажите этому маленькому ублюдку, чтобы он украсил этой наградой своего осла».

Успехи Чан Кайши в противодействии линии Стилуэлла не принесли Чунцину политических дивидендов. Китайско-бирманско-индийский театр военных действий разваливался. «Дворец диктатуры» постепенно падал.

«Судьбы Китая»

10 марта 1943 г. в Чунцине вышла в свет книга Чан Кайши «Судьбы Китая», а затем появилось и другое его произведение — «Китайская экономическая теория». Генералиссимус полагал, что вождь обязан быть и теоретиком. Сначала тираж «Судеб Китая» составил 200 тыс. экземпляров. Подлинным автором обеих работ был профессор Дао Сишэн. Профессор получил образование в Японии, с 1934 по 1937 г. работал в Пекинском университете. В 1928 г., вскоре после переворота, стал секретарем у Чан Кайши. Позднее близко сошелся с Ван Цзинвэем, но в январе 1940 г. решительно порвал с новым благодетелем, сбежал в Гонконг, прихватив, между прочим, текст секретного соглашения между Ван Цзинвэем и японцами. После возвращения в Чунцин Дао вновь занял пост секретаря Чан Кайши. Чан Кайши присвоил его труд. В награду составитель докладов генералиссимуса, а затем и автор книг получил из рук своего патрона место члена ЦИК Гоминьдана, председателя агентства Центральные ежедневные новости.

Вскоре тираж книги достиг 1 млн экземпляров. Произведения Чан Кайши рекомендовались для всех школ и колледжей, для всех военных и гражданских служб, слушателей кружков политической учебы. О «Судьбах

Китая» и «Китайской экономической теории» говорили, спорили, но... только в Китае. Гоминьдановские цензоры получили четкие указания изымать ссылки на книгу для зарубежных изданий, держать произведения генералиссимуса в тайне от вездесущих западных дипломатов и журналистов. И это не случайно. Чан хотел примирить две абсолютно противоположные политические линии: противопоставить, с одной стороны, «теоретическую» платформу Гоминьдана выдвинутым руководителями КПК лозунгам о «новой демократии», а с другой стороны, не разрушить иллюзий своих зарубежных покровителей, ожидающих от автора «Судеб Китая» верности идеалам западной демократии. Но читатель не мог найти верность такого рода в книге Чан Кайши. Прежде чем в Китае станет возможным ввести какую-либо из форм демократии, предупреждал Чан, страна длительное время будет нуждаться в сильном, централизованном правительстве.

«Судьбы Китая», призывая к почитанию конфуцианских традиций, должны были убедить читателя в совершенстве древнейших форм общественного строя, в необходимости поиска в прошлом примеров для подражания, особенно в отношениях между народом и правителем. Что может сцементировать китайскую нацию в единое целое? Чан Кайши, отвечая на этот вопрос, обращался к восьми «моральным заповедям» (этическим принципам конфуцианства — преданности, почтительности, гуманности, любви, верности, соблюдению долга, дружелюбию, спокойствию) и четырем «основам существования государства» (справедливость, соблюдение ритуала, скромность, стыдливость). «Присущая Китаю философия жизни, созданная Конфуцием, развитая Мэн-цзы и прокомментированная ханьскими конфуцианцами, — заявил Чан Кайши, — превратилась в совершенную систему, превосходящую любую философию в мире и недостижимую для нее». Это было яркое проявление великодержавного шовинизма. Правитель, согласно конфуцианскому учению, олицетворяет «совершенного человека» — мыслящую личность, а его подданные — безликая масса, нуждающаяся в управлении. Только «ничтожный» человек не способен понять веления Неба, оставляет без внимания речи совершенно мудрых. Если конфуцианская книга «Цзя-юй» сравнивает отношения правителя с народом с отношением между всадником и лошадью, то Чан Кайши уподобляет Китай «пространству

зыбкого песка», то есть безмолвной пустыне. Народ, согласно «Цзя-юй», как лошадь, не способен к самостоятельным поступкам. Император, словно всадник, управляет народом. Для этого он располагает «уздой» и «вожжами» — чиновниками и законами.

Чан Кайши, возомнивший себя наследником Сунь Ятсена, практически противопоставляя свое идеологическое кредо демократизму основателя Гоминьдана, начисто отрицал возможность осуществления демократических принципов в Китае. Сунь Ятсен, в отличие от Чан Кайши, обращая особое внимание на роль государства, никогда не противопоставлял интересы личности и государства. Он стремился пробудить творческую энергию народа, побудить своих соотечественников на революционные действия. Чан Кайши же действовал в традициях китайских милитаристов, привыкших повелевать безликой массой, подчинять ее своей воле.

Чанкайшистские теоретики не утруждали себя поиском каких-либо новых идей. Представления о китайцах как о «разрозненных песчинках» издревле бытовали как в Китае, так и в других странах Востока. С этим был согласен и Сунь Ятсен. Члены китайского общества, «разрозненные песчинки», полагал Сунь Ятсен, наделены чрезмерной свободой, поэтому в обществе царствует вседозволенность и разобщенность. Чан Кайши пошел дальше, усматривая в милитаризме панацею от разобщенности. «...Каждый молодой человек в Китае, — провозгласил он, — должен стать либо солдатом, либо летчиком». Подобного рода теоретические концепции претворял на практике Гоминьдан.

Чан Кайши никогда не мирился с существованием оппозиции, даже в рамках, определяемых законом. Если он встречал сопротивление со стороны провинциальных правителей, то сразу же объявлял их милитаристами, мыслящими феодальными категориями. Генералиссимус доверял лишь своим родственникам и находящимся в большой зависимости от них высокопоставленным коррумпированным бюрократам. На парламент он смотрел как на инструмент, годный для манипуляции во внутренней и внешней политике. Правительство становилось «личным» органом, конституция служила прежде всего обеспечению его, Чан Кайши, власти.

«Одна партия, одна идеология, один лидер» — приверженность к этому лозунгу стала важнейшим критерием при оценке патриотизма и полезности в среде гоминьдановской элиты.

Чанкайшистские генералы с неприкрытой ненавистью взирали на цвет китайского общества — интеллигенцию Лучшего средства, чем военная муштра, в деле воспитания молодежи из среды интеллигенции чунцинское правительство не могло найти. В стране развернулась кампания по созданию «особой армии», включающей в себя студентов и молодую интеллигенцию. Военные мундиры должны были образумить чрезмерно резвых интеллектуалов, которые, как говорил Чан Кайши, «прятались в тылу», «не хотели сражаться за свой народ», были «безучастными к судьбам нации», «сидели сложа руки и ждали, чтобы народ сражался за них». Прием испытанный, и он понадобился, чтобы обуздать китайскую интеллигенцию, оклеветать ее, найти отдушину для недовольства масс путем натравливания их на передовую, образованную часть китайского общества. Культ грубой силы возносился на пьедестал правительственной политики. Результаты гонений дорого обошлись китайскому народу, его интеллигенции.

Чан Кайши пытался возложить вину за отсталость страны на науку, на ученых, отошедших от прикладных исследований. Крутые меры применялись по отношению к тем, кто проявлял какое-либо недовольство существовавшими порядками, кто требовал прав — пусть даже минимальных — для народа. Недовольных причисляли к коммунистам, без суда и следствия их сажали в тюрьмы, подвергали чудовищным пыткам и издевательствам в гоминьдановских застенках.

Тезис о прочной, централизованной власти в Китае, о необходимости установления авторитарного правительства в этой стране — один из основных в книге Чан Кайши «Китайская экономическая теория». В ней центральное место отводится «экономическим обязательствам» государства. Конфликты в обществе, согласно Чан Кайши, возникают в связи с отсутствием возможности «удовлетворить неограниченные потребности и требования с помощью ограниченного производства товаров». Разумное управление обществом должно удовлетворять потребности людей, с одной стороны, сдерживать и ограничивать их — с другой; «отец народа» должен заботиться о справедливом распределении материальных благ.

Американский эксперт Дж. Сервис возмущался попытками Чан Кайши «теоретически» обосновать свои претензии на установление посредством государственных

рычагов тотального контроля над обществом. «В книге нет ничего,— писал Дж. Сервис,— что поддерживало бы квазидемократические цели программы Гоминьдана, описанный здесь режим похож на самодержавную помещичью бюрократию, которая правила феодальным и императорским Китаем». И в этом не было ничего удивительного. Чан Кайши, отражая интересы бюрократического капитала, рассчитывал упрочить социальную базу режима, апеллируя к возрождению традиционной морали, традиционного образа жизни. Наиболее консервативные, националистические представители китайского общества, связывавшие свое благополучие с сохранением традиционных форм общественных отношений, аплодировали «Судьбам Китая». Гоминьдан выступал, как оценивали эту книгу либерально мыслящие рецензенты, за «экономический национализм и централизованный правительственный контроль, основанный на традиционной феодальной системе, при которой деревня составляла бы ведущую экономическую и военную единицу».

В «Судьбах Китая» описывалась патриархальная жизнь сельского труженика уходящих времен. Образцовое поведение крестьянина соответствовало взаимным обязательствам, неписаным, передаваемым из поколения в поколение законам сельской общины. Все были, казалось, счастливы, когда следовали китайской традиции, насчитывающей до 5 тыс. лет. Китайцы прилежно трудились, отличались бережливостью, простотой, пробавлялись незамысловатой пищей, женщины пряли, мужчины возделывали землю. Но вот порядок в Поднебесной, столь красочно описанный в «Судьбах Китая», был нарушен. На смену благополучию сельской общины пришел упадок, вместо взаимопомощи начала торжествовать конкуренция. Уходила, теряла своих почитателей добрая традиция следовать мудрым предначертаниям предков, славить героев. Чан Кайши, представлявший интересы богатейших семей Китая, рассуждал о появлении новой, разъедающей общество, словно ржавчина, морали. Автор осуждал алчную устремленность к выгоде, стремление поживиться за счет другого, возвышение личных интересов над общественными. В деревнях пробрались к власти, как утверждалось, «развращенные, безнравственные личности». А в городах? «...Интриганы в городах шли незаконными путями, принося в жертву своим эгоистическим целям общественное благо-

получие и счастье других людей», — сказано довольно откровенно. Но читатель «Судеб Китая», хорошо знавший диктатора, мог подумать, что это написано о самом Чан Кайши. Традиции, укреплявшие добродетель, целостность нации оказались подорванными опиумом, азартными играми и бандитами из иностранных концессий. Кто же нес, по мнению автора «Судеб Китая», ответственность за подобную деградацию общественной морали? Это прежде всего силы, навязавшие стране неравноправные договоры («нет большей потери для наших прав и большего унижения для нас, чем это»), длительное владычество маньчжурской династии, отсутствие научных методов управления экономикой. Что касается положения науки в китайском обществе времен Гоминьдана, то оно было отнюдь не лучше, нежели в годы владычества маньчжуров.

Авторитарные оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию, и гоминьдановские пропагандисты брали на вооружение идеи из книги Чан Кайши «Судьбы Китая». Линь Ютан издал книгу «Смех сквозь слезы». Какие только эпитеты не использовал автор, клеймя китайскую политику США и Англии! Он обрушивался на западных прагматиков, называя «свинячей и помойной» их заинтересованность в материальной стороне жизни. Философия Линь Ютана не отличалась особой замысловатостью: пусть за все беды китайского трудового люда несет ответственность Запад, а «древние добродетели» будут стоять на страже власть имущих, снимать социальную напряженность.

Логика рассуждений гоминьдановских идеологов («нельзя позволить предпринимательскому духу подчинить природу человека») отражала столкновение традиционных ценностных ориентаций китайского общества с моралью заявившего о себе представителя капиталистического мира. Но это вовсе не означало, что описанная в «Судьбах Китая» идиллическая картина правдиво отражала прошлое. Волчьи законы проявляли себя и в феодальном Китае, страсть к наживе толкала милитаристов к новым завоеваниям, что лишь увеличивало бедствия народа. И не «внешние невзгоды и внутренний саботаж» стали первопричиной кризиса гоминьдановской структуры, а сама природа этого социально-экономического строя. Существующий режим искал искусственные подпорки для падающего здания, средства

для изоляции централизованного феодально-бюрократического общества от западного ветра с его инородными, как полагали китайские националисты, политическими и социальными течениями.

«...Китайцы, маньчжуры, монголы и тибетцы,— провозгласил Чан Кайши в «Судьбах Китая»,— являются представителями одной и той же расы, ибо происходят от легендарного императора Хуанди». Территории, населенные национальными меньшинствами, вошли, согласно Чан Кайши, в состав Китая благодаря высоким «моральным качествам», присущим китайской нации, все районы Китая оказались «пропитанными китайской культурой». Чанкайшистское правительство издало в свое время специальный циркуляр, строго предписывающий историкам изыскивать общие черты национальностей Китая и переделывать в связи с этим учебные пособия.

Важным средством во внешнеполитическом арсенале правых гоминьдановцев, выступавших против Советского Союза, да и против других «белых дьяволов», стал расизм. В период гражданской войны в Китае гоминьдановцы искали в расизме средства борьбы с влиянием прогрессивных идей, новых политических течений, зондировали пути сотрудничества с японской реакцией, ставя в основу этого сотрудничества идеи расовой общности, «братства по крови». Книга «Судьбы Китая», в которой Чан Кайши гневно обрушился на идеи коммунизма, была проникнута духом расизма и национализма, в ней воздавалась хвала маньчжурско-цинской династии, ее завоеваниям. «Судьбы Китая» хорошо встретили в Японии. «...С точки зрения японцев,— отмечало агентство Домэй Цусин 13 сентября 1943 г.,—она (книга.— В. В.) лишь повторяет уже досконально изложенные в Японской империи теории «Великой Восточной Азии», совпадает с концепцией пан-Азии (Великой Азии) и копирует теорию мира и государственного строительства Ван Цзинвэя». Чан Кайши «по своей натуре все-таки восточный азиат...»— выражалась радость на страницах японской прессы, а книга пропитана «восточно-азиатским духом», ибо автор подчеркивает превосходство «исконной морали Востока, настаивая на распространении этой морали...»

Книга «Судьбы Китая» не оправдала надежд американских прагматиков, мечтавших увидеть в Чан Кайши верного пропагандиста ценностей западной демократии.

Друзья Чан Кайши нашли в связи с этим повод для оправдания перед западными либералами столь жесткой линии в «Судьбах Китая»: автор, мол, декларирует идеи правления в соответствии с «конфуцианским идеалом», что важно было якобы в условиях, когда многие стали называть Чан Кайши «американским джентльменом с западными идеями демократии».

Принимались и иные меры для нейтрализации неблагоприятного впечатления на Западе от «Судеб Китая». Дипломатический корпус был приглашен на празднование 10-й годовщины «движения за новую жизнь». Один из номеров программы произвел большое впечатление на дипломатов. Участники представления демонстрировали сцену «массового бракосочетания». Двадцать пять одинаково одетых девиц вышли друг за другом на обширную площадку. С другой стороны поднялись столько же молодых людей. Затем они разбились на пары и продемонстрировали сцену бракосочетания. Инициаторы шоу стремились показать представителям Запада, что в Китае отходят от вековых церемоний бракосочетания, пересматривают, если это необходимо, отношение к сложившимся традициям. Дипломатов хотели убедить: Китай подготовлен к восприятию ценностей Запада. Но никакие декорации не могли нейтрализовать воздействие традиционных структур на развитие китайского общества, они еще длительное время действовали в направлении изоляции этого общества от внешнего мира.

Ф. Рузвельт:

«Нам придется опираться на Чанов»

Чан Кайши пришлось скрепя сердце одобрить поездку Хэрли в Яньань. 7 ноября 1944 г. Хэрли, прилетев на место вместе с группой наблюдателей от американских войск во главе с полковником Д. Барретом, приступил к переговорам с руководителями КПК. Генерал сразу же решил предупредить вопросы по поводу своих полномочий: в Китай он командирован Рузвельтом с согласия Чан Кайши, первостепенное значение для него имеет урегулирование спорных вопросов между КПК и Гоминьданом, а не развитие связей США с Яньанью.

В Яньани связывали с миссией Хэрли большие надежды: визит мог оказать давление на Чан Кайши и сделать его более сговорчивым. В целом же комму-

нисты не скрывали своего пессимизма относительно возможности достижения компромисса с Гоминьданом. Большой популярностью в Яньани пользовались слова Мао Цзэдуна: «Чан Кайши должен быть казнен как бандит», хотя очевидно, что столь суровые пожелания носили в значительной мере пропагандистский характер. Реально же решить проблему предполагалось путем установления контроля американского командующего над всеми вооруженными силами в Китае. Американский командующий не даст себя ввести в заблуждение, выражали надежду в Яньани, политическими маневрами Гоминьдана и будет достаточно благоразумен, чтобы использовать силы КПК в районах, где они более всего нужны, и в тех операциях, к которым они наиболее подготовлены. Но даже в этих условиях не предусматривалось слияние сил КПК и Гоминьдана («И те и другие должны иметь свои задачи и свои районы операций»). Подчеркивалась при этом необходимость высадки американских войск на материковом Китае, ставились под сомнение аргументы Баррета в пользу разгрома Японии с моря и утверждалось, что американцы, избирая такой путь, встретятся с большими трудностями (каждый житель на островах будет драться насмерть, силы японского военно-морского и военно-воздушного флотов находятся в этом случае в резерве, и, если будет необходимо, японцы двинутся в Маньчжурию и будут продолжать борьбу на материке).

Лидеры КПК не скрывали своей заинтересованности в военном сотрудничестве с США. Мао Цзэдун рассчитывал, отмечает американский историк Б. Такмен, на помощь США в связи с предполагаемой высадкой на материке и подчеркивал, что «стабильное правительство коммунистов может с большой пользой сотрудничать с американцами под союзным командованием, нежели под командованием обанкротившегося гоминьдановского правительства»¹.

Хэрли, направляясь в район Шэньси — Ганьсу — Нинся для переговоров с лидером КПК, имел скорее всего в своем распоряжении информацию о заинтересованности Яньани в военном сотрудничестве с США; он готов был открыть дорогу для американской авиации и военно-морского флота в Северный Китай. Созданные в этом районе военные базы могли стать опорными

¹ Tuchman B. Op. cit. P. 478.

пунктами и важными артериями переброски гоминьдановских войск. Актуальность для Вашингтона такого рода планов становилась очевидной, особенно перед лицом укрепления позиций КПК. Во время переговоров Хэрли с лидерами КПК Дэвис сообщал 7 ноября 1944 г. из Яньани: «Если ГСМ окунется с головой в гражданскую войну и не достигнет взаимопонимания с КПК, он будет обречен на поражение... Судьба Китая не в руках Чан Кайши, а в их (КПК. — В. В.) руках».

10 ноября 1944 г. Хэрли и Чжоу Эньлай подписали коммюнике, подтвердившее необходимость создания в Китае коалиционного правительства и объединенного командования. В коммюнике говорилось:

1. Китайское правительство, Гоминьдан и Коммунистическая партия Китая должны сотрудничать для достижения общей цели — поражения Японии, поэтому следует объединить все имеющиеся в стране вооруженные силы и приложить общие усилия для перестройки Китая.

2. Национальное правительство должно быть реорганизовано и превращено в правительство коалиционное, с тем чтобы в его состав вошли представители от всех антияпонских (принимающих участие в борьбе против Японии) партий и групп и не принадлежащих к тем или иным партиям и группам политических ассоциаций. Коалиционное правительство должно выработать и провозгласить демократическую политику, то есть выработать проект реформ в военной, политической, экономической и культурной областях и утвердить этот проект. Военный совет также должен быть одновременно реорганизован в объединенный военный совет, и в его состав должны войти представители от всех имеющихся в стране антияпонских армий.

3. Коалиционное правительство должно соблюдать принципы, провозглашенные Сунь Ятсеном, и создать правительство, которое будет правительством «народного режима, народной собственности и народных прав». Политика, которую будет проводить коалиционное правительство, по своим целям должна содействовать развитию прогресса и демократии, отстаиванию справедливости и защите свободы вероисповедания, печати, слова, собраний и союзов, а также предоставить народу право обращаться к правительству с петициями и право неприкосновенности жилища. Коалиционное правительство должно также установить политику,

которая приведет к устранению «свободы террора и свободы нищеты», и добиться, чтобы эта политика проводилась в жизнь.

4. Все антияпонские вооруженные силы должны соблюдать и проводить в жизнь приказы коалиционного правительства и объединенного военного совета и, в свою очередь, должны быть признаны правительством и объединенным военным советом. Все военное снаряжение, полученное от союзных держав, должно справедливо распределяться между указанными выше вооруженными силами.

5. Китайское коалиционное правительство признает в качестве легально существующих партий Гоминьдан, Коммунистическую партию Китая и все антияпонские партии¹.

10 ноября Хэрли, гордый своим успехом, сопровождаемый Чжоу Энляем и Барретом, возвратился в Чунцин. Чан Кайши отказался подписать документ, одобренный Хэрли. Генералиссимус выдвинул собственные предложения по урегулированию спора с КПК. Об этих предложениях в сугубо секретном докладе Хэрли доложил президенту. Предложения включали в качестве одного из наиболее важных пунктов создание «комитета 3-х» с включением в него представителей Гоминьдана, КПК и американского военного командования «с целью выработки деталей перестройки армии коммунистов в национальную». Предполагалось при этом предоставить американскому офицеру права командования всеми вооруженными силами КПК.

Чан Кайши не ошибся в расчетах. Хэрли, заняв 17 ноября место посла США в Китае, стал склоняться в сторону позиции гоминьдановского лидера. Теперь Чан Кайши снова диктовал КПК свои условия: в число членов национального военного совета можно включить только одного офицера от армии, возглавляемой коммунистами. В высокопарных тонах диктатор изложил и позицию о гражданских свободах, подчеркнув тезис о соблюдении свобод, но с учетом «специфики нужд безопасности».

Баррет, возвратившись в Яньань, убеждал руководство КПК согласиться на новые предложения Чан Кайши. Тонем, не терпящим возражений, Хэрли предупредил

¹ См.: Лю Данянь. История американской агрессии в Китае. М., 1953. С. 233—234.

Чжоу Эньлая: перед началом какого-либо сотрудничества с США «китайские коммунисты должны принять условия генералиссимуса». Посол оказывал на представителя КПК в Чунцине открытое давление. КПК, согласно новым предложениям Чан Кайши, должна была, по сути дела, передать свои вооруженные силы под контроль Гоминьдана. Разгадать уловку Чан Кайши не представляло особого труда.

Чан Кайши вместе с американскими дипломатами предприняли ряд политических маневров. 20 ноября 1944 г. на заседании ЦИК Гоминьдана принимается решение о реорганизации гоминьдановского правительства. Из состава правительства выводится прояпонски настроенный военный министр Хэ Инцин. Генерал Чэнь Чэн занял его пост. Пришлось покинуть пост министра финансов и Кун Сянси — слишком уж одиозной фигурой выглядел этот родственник Чан Кайши. Вице-министр финансов Ю Хуньчунь стал министром финансов. Расстался с должностью министра просвещения Чэнь Лифу, передавший свои обязанности президенту Китайской академии — Чжу Цзяхуа.

Реорганизация походила на косметическую операцию. Хэ Инцин остался начальником генерального штаба, Чэнь Лифу — заведующим орготделом ЦИК Гоминьдана, Кун Сянси — заместителем председателя Исполнительного юаня и, как и прежде, проводил финансовую политику. Раздавались и резко критические голоса по адресу Чан Кайши: если гоминьдановское правительство низведет Китай до положения второстепенной державы, комментировал 21 ноября 1944 г. происходящее Поль Шуберт, то события могут привести «к замене Чан Кайши таким руководителем Китая, который способен сделать нечто большее из этой великой и гордой страны».

Когда в феврале 1945 г. американский дипломат Ладден вернулся в Чунцин из длительной поездки в освобожденные районы, то сразу же направился к сменившему Стилуэлла на посту главного военного советника Чан Кайши генералу Ведемейеру. Он доказывал необходимость более гибкой военной политики и предлагал, вслед за своими коллегами, использовать вооруженные силы КПК против Японии. Генерал попросил подготовить письменный доклад, поскольку собирался в Вашингтон и нуждался в информации. Доклад, естественно, самым непосредственным образом касался судьбы Чан Кайши. Времени оставалось в обрез, и Ладден с

помощью Сервиса срочно написал меморандум, содержащий, кроме прочего, и идею привлечения на свою сторону всех китайских сил, способных оказать содействие союзному делу — разгрому Японии.

В феврале американское посольство в Чунцине во время отсутствия Хэрли приняло решение отправить в госдепартамент документ о положении в Китае. В документ должны были войти идеи Сервиса и Ладдена. Все ведущие сотрудники посольства с воодушевлением взялись за подготовку материала, тщательно обсуждали каждое его слово. Пять дипломатов поставили свои подписи под докладом от 28 февраля. В результате коллективного творчества родилось предложение от имени президента информировать Чан Кайши о том, что «военная необходимость требует от США снабжения коммунистов и сотрудничества с ними, а также с другими группами, которые могут способствовать проведению военных действий против Японии», и что предпринимаются «непосредственные шаги для достижения этой цели». Документ содержал составленную в категорической форме рекомендацию: методы и средства осуществления китайской политики США должны быть вырваны наконец из рук Чан Кайши. Эти предложения, по замыслам авторов, имели целью подтвердить отсутствие у США обязательства безоговорочно поддерживать Чан Кайши. Детали плана военного сотрудничества с КПК держались в строгом секрете.

Но в Вашингтоне прислушивались к советам Хэрли и Ведемейера. По указанию президента авторы документа были отозваны из Китая, чтобы впоследствии предстать в качестве обвиняемых перед комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

Американские политические деятели типа Дж. Сервиса исходили из того, что чанкайшистское правительство безжизненно даже с американской помощью. Только вооруженная интервенция могла спасти Чан Кайши, на что США не могли пойти. Кадровые дипломаты, так же как и Хэрли, задумывались над перспективой создания коалиционного правительства с включением в него коммунистов, однако с существенным дополнением; военное снаряжение, отправляемое в армию, находящуюся под контролем КПК, должно было способствовать укреплению политического контакта США с китайскими коммунистами и изоляции их от Советского Союза. Однако попытки оторвать КПК от СССР подавляю-

шему большинству американских политиков казались тогда бессмысленными. Спустя почти четверть века после этих событий Дж. Сервис обвинил Хэрли в содействии развязыванию гражданской войны в Китае.

Дискуссии в США вокруг вопроса, на какую лошадь ставить в Китае, продолжались. Чан Кайши все время напоминал американцам, что он — это «проамериканский, демократический» Китай, что США нужно бояться поражения его режима. Американские деловые круги обращали свои взоры к обширному китайскому рынку. Уже осенью 1944 г. сообщалось, что Дюпоны, некоторые другие промышленные группы, судоходные компании, «Бэнк оф Америка» приобрели четырехмильную полосу на тихоокеанском побережье для строительства доков, намеревались купить 100 судов, готовясь к обширной торговле с Китаем.

Чан Кайши и его соратники, озабоченные туманными перспективами своего положения в стране, отходили от установок, которые так усердно отстаивались автором книг «Судьбы Китая» и «Китайская экономическая теория». Прагматизм Чан Кайши со всей очевидностью проявил себя, когда гоминьдановцы стали искать всевозможные средства, чтобы как-то поощрить американскую деятельность в Китае. Еще в декабре 1944 г. Сунь Фо в своей речи в Чунцине по вопросам экономической политики Китая сообщил о решении гоминьдановского правительства «открыть доступ иностранному частному и государственному капиталу» во все отрасли китайской промышленности. Политические деятели США, в том числе американские специалисты по Китаю, реально оценивая ситуацию, показывали всю иллюзорность планов широкой экономической экспансии в эту экономически отсталую страну: в условиях существующего землевладения в Китае не может быть приемлемого рынка для товаров современных промышленных предприятий. «Затевать такие далеко идущие предприятия, как проект гидросооружений на реке Янцзы, — отмечалось по этому поводу в американском журнале «Амерэйша», — в сегодняшнем Китае, когда земельная система еще не модернизирована достаточным образом, чтобы обеспечить потребителей продукцией этих сооружений, означает ставить телегу перед лошадью»¹.

По мере того как в Вашингтоне росли надежды на вступление Советского Союза в войну на Тихом океане,

¹ Feis H. The China Tangle. Princeton, 1953. P. 219—220.

усиливалась там и тревога за судьбы разлагавшегося режима Чан Кайши. 4 января 1945 г. государственный секретарь Стеттиниус докладывал Рузвельту: «Чан Кайши оказался перед дилеммой. Коалиция будет означать конец консервативного господства Гоминьдана и предоставление возможности для более сильных и популярных коммунистов распространить свое влияние там, где контролирует Гоминьдан. Провал переговоров с коммунистами, которые с каждым днем набирают силу, создает опасность неизбежного падения Гоминьдана». Любые планы США в Китае предполагали сохранение режима Чан Кайши. «При всех недостатках,— признал однажды Ф. Рузвельт,— нам придется опираться на Чанов»¹.

Вслед за назначением генерала Ведемейера командующим китайским театром военных действий были предприняты усилия с целью остановить японское наступление.

В Китай хлынули американские военные, дипломаты, промышленники; правительство США не скупилось на подачки Чунцину. Но все это было напрасной тратой сил и средств. Гоминьдан продемонстрировал свое политическое бессилие, спасти его могло лишь чудо в виде прямого иностранного вмешательства. На это Вашингтон не мог решиться — не позволила международная и военно-политическая обстановка.

Дипломаты, готовившие в феврале 1945 г. свои предложения о необходимости расширения сотрудничества с КПК, в том числе о снабжении армии КПК, были, видимо, еще в неведении относительно Ялтинской встречи (4—11 февраля 1945 г.), где было достигнуто соглашение ведущих держав антигитлеровской коалиции о вступлении СССР в войну против милитаристской Японии. Участие СССР в войне на Тихом океане приближало победу над державами «оси» и с такой точки зрения рассматривалось американскими стратегами как позитивный фактор. В то же время этот фактор снижал возможности спекуляций на антисоветских настроениях в Китае, ибо СССР выступал в союзе с революционными силами, в том числе с китайскими коммунистами. Сам Хэрли узнал о ялтинском соглашении в период кратковременного пребывания в США после серии неудач своей миссии. С тех пор сторонники Чан Кайши стали обвинять госдепартамент в пораженческой политике.

¹ *Tuchman B.* Op. cit. P. 514.

Когда Хэрли рассказал Чан Кайши о Ялте, лидер Гоминьдана пришел в шоковое состояние.

Окружавшие Чан Кайши политики переполошились, когда узнали, что без их присутствия на Ялтинской конференции глав правительств трех союзных держав — СССР, США, Великобритании — обсуждались вопросы урегулирования на Дальнем Востоке. Не успел президент США возвратиться из Ялты, как к его главному советнику по военным делам адмиралу У. Леги обратился с просьбой о встрече глава китайской миссии в США Шан Чжень. Гоминьдановский эмиссар хотел выяснить, насколько верны слухи о ялтинских решениях. «Уста американского адмирала, — докладывал Шан Чжень в Чунцин, — были как плотно закрытый сосуд». Посол Чунцина в Вашингтоне Веллингтон Ку пытался оказать давление на администрацию. Если сведения о возможности передачи Советскому Союзу в аренду Порт-Артура и Дальнего подтвердятся, говорил он Леги, в Китае произойдет «всеобщий взрыв».

12 апреля 1945 г. скоропостижно скончался президент Ф. Рузвельт. Сторонники более жесткого курса в китайской политике вздохнули свободно. Чан Кайши с удовлетворением наблюдал, как окружение нового президента Трумэна охватила лихорадка ревизионистских настроений; политика бывшего президента, и дальневосточная в частности, подверглась усиленным нападкам как в конгрессе, так и в госдепартаменте.

На стороне Чан Кайши стали выступать видные политические и военные деятели США. Из тех, кто «подхлестывал» Трумэна, требуя ревизии согласованного союзниками в Ялте решения о вступлении СССР в войну на Тихом океане, выделялся американский посол в Москве А. Гарриман. Бывший посол США в Японии Дж. Грю, ставший заместителем государственного секретаря, открыто ратовал за укрепление режима Чан Кайши, требовал вообще пересмотреть китайскую политику США, высказывал мысли о необходимости сохранить «сильную Японию» на Дальнем Востоке.

В июне 1945 г. государственный департамент подготовил анализ обстановки в Азии и на Тихом океане к концу войны. Согласно предварительным оценкам, возможно было следующее положение: китайские коммунисты устанавливают контроль над основными районами Северного, Северо-Восточного, Центрального и Восточного Китая, над основными стратегическими пунктами

и районами: Аньхой, Хэнань, Хубэй, Южная Цзянси, Чжэцзян, Гуандун, Маньчжурия и Синьцзян. Провал попыток объединения сил коммунистов и гоминьдановцев приводит к установлению в Китае двух «военно-политических структур» (для одной — контроль гоминьдановцев и для другой — коммунистов). Вступление Советского Союза в войну с Японией создаст благоприятные условия для установления прямого контакта советской стороны с китайскими коммунистами, следствием чего будет оказание последним советской помощи и поддержки в установлении контроля над всем Китаем. Поддержка Советским Союзом китайских коммунистов, в то время как США и Великобритания делают ставку на гоминьдановское правительство, может привести к опасным для США неожиданностям. Рекомендации госдепартамента, учитывавшие этот анализ обстановки, имели в виду с точки зрения кратковременных целей эффективное объединение сил с целью военного давления на Японию и с точки зрения длительных интересов — содействие созданию сильного объединенного Китая.

21 июля командующий англо-американскими силами на Тихом океане Дуглас Макартур получил срочную информацию. Советский Союз, сообщалось в ней, вступит в ближайшее время в войну против Японии. Тогда же Макаргу было сообщено, что в правительстве усилились голоса в пользу принятия неотложных мер по капитуляции Японии до вступления Советского Союза в войну. Американский генералитет одолевали заботы о послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке. Макартур, когда впервые узнал о ялтинских решениях, потребовал ответа на вопрос: «Какие уступки сделаны России?» Но, как военный, он понимал, что без вступления в войну СССР американцы примут на себя основной удар японских дивизий и понесут тяжелые потери.

Чан Кайши по-прежнему смотрел на перспективу участия СССР в тихоокеанской войне сквозь призму внутренней ситуации в Китае и изменений в дальневосточной политике США после смерти Ф. Рузвельта. Советники делились с генералиссимусом своими опасениями: результатом присоединения СССР к усилиям союзников станет либо «захват Советами Маньчжурии», либо установление там контроля КПК.

Чан Кайши спешно искал возможные пути для предотвращения нежелательных для себя последствий

вступления СССР в войну на Дальнем Востоке. Предполагалось действовать различными средствами и прежде всего использовать внутренние рычаги. Кто мог бы возглавить прогоминьдановские силы в Маньчжурии? Многие из помощников называли Чжан Сюэяна. Никто, кроме него, рассуждали они, не может справиться с этой миссией. Но Чан Кайши не простил ему «предательство» в Сиани, свое позорное пленение в суровое время кануна войны с Японией. Чан Кайши даже не стал обсуждать эту идею. Он решил обратиться к испытанному методу «разделяй и властвуй». Три маньчжурские провинции были разделены на девять. Места губернаторов заполнили деятели, связанные с группировкой «синерубашечников». Среди них видную роль играл Эрик Чжоу, по происхождению маньчжур. Верховным комиссаром в Маньчжурию назначен был Сюн Шишуй. Чан Кайши направил в Маньчжурию и своего сына Цзян Цзинго, поручив ему роль комиссара по иностранным делам для связи с советским командованием.

В Китае уже во второй половине февраля было распространено сообщение Ассошиэйтед Пресс от 14 февраля о предполагаемом вступлении СССР в войну на Тихом океане. «В американских компетентных кругах считают,— отмечалось в нем,— что СССР скоро вступит в тихоокеанскую войну, и большинство полагает, что участие СССР в войне против Японии явится ценным вкладом в дело завоевания победы над японцами».

Гоминьдановский лидер лавировал не только во внутренней, но и во внешней политике. В начале мая на VI съезде Гоминьдана в своем выступлении он решил предсказать поведение северного соседа. Советский Союз, как полагал оратор, не должен был пойти на «захват» Маньчжурии и на передачу ее под контроль КПК — ему необходимо считаться с позицией США и Англии. Группа политических и военных деятелей предложила на съезде резолюцию с призывом к всестороннему сотрудничеству с Советским Союзом. Резолюция, как слишком «радикальная», была отклонена. Чунцинский диктатор пытался оправдывать доверие Вашингтона, хотя американские специалисты по Китаю продолжали искать компромисс с КПК, памятуя о том, что «падающий дворец трудно подпереть одним бревном».

Не рано ли пришла победа?

В начале июня Чан Кайши обратился к правительству СССР с просьбой начать переговоры по поводу послевоенного устройства в Маньчжурии. Министр иностранных дел Сун Цзывэнь, находясь в США и имея инструкции Чан Кайши, пытался втянуть в переговоры американцев и англичан. В Вашингтоне вынуждены были рекомендовать Чан Кайши действовать в соответствии с ялтинскими решениями.

30 июня 1945 г. в Москву прибыла китайская правительственная делегация во главе с Сун Цзывэнем. Чан Кайши послал в Москву и своего сына Цзян Цзинго. Сун Цзывэнь стремился определить сроки пребывания советских войск в Маньчжурии. Советская сторона решила не настаивать на безусловном соблюдении всех условий вступления СССР в войну. По принципиальным вопросам советской дипломатии пришлось выдержать битву.

Чан пытался организовать дипломатическое наступление на Москву. Цзян Цзинго получил от своего отца телеграмму, где содержались настойчивые рекомендации повидать И. В. Сталина и поведать ему о причинах, определяющих позицию Чунцина по территориальным проблемам и выдержанных в духе воззрений автора «Судеб Китая». Чан Кайши явно не хотел признавать независимость МНР. В глазах радетелей великоханьской политики это признание могло стать прецедентом, который поколебал бы всю систему великодержавно-шовинистической ориентации.

Встреча Цзян Цзинго со Сталиным состоялась в июле. Цзян пустился в пространные рассуждения о длительной борьбе Китая за восстановление суверенитета в пределах своей национальной территории, за возвращение всех своих земель. В этих условиях признание Гоминьданом независимости Монголии будет означать отказ его правительства «от такого куска территории» и народ попросту «не поймет такого шага китайского правительства». Сталина не убедили рассуждения о нежелательности для Китая потери «куска территории». Камнем преткновения оказались и вопросы о КВЖД и ЮМЖД, Порт-Артуре и Дальнем и др.

Чан Кайши пытался повлиять на американцев, надеясь, что Вашингтон сумеет заставить Москву отказаться от ялтинских договоренностей. Американцы опасались

лись открыто признаваться в нежелании следовать ялтинским соглашениям и рассчитывали, что «грязную» в этом смысле работу сделает за них Чан Кайши. Вашингтон подключал к «работе» и свои спецслужбы, действовавшие в Китае.

Генерал Ведемейер, хотя и отличался от Стилуэлла жесткой линией по отношению к КПК, воспринял у своего предшественника особое отношение к САКО. Генерал хотел оградить американцев (не настало еще время) от вмешательства через САКО во внутривнутриполитическую борьбу в Китае; он настаивал: американцы не должны принимать участие в убийствах коммунистов. Мейлз, не имея возможности открыто воспротивиться Ведемейеру, решил мобилизовать все имеющиеся в распоряжении САКО средства в борьбе с КПК. В июле — августе 1945 г. агенты САКО, двигаясь в различных направлениях, пересекали оккупированные японцами территории, оседали в наиболее крупных городах — Нанкине, Пекине, Гуанчжоу, Шанхае. Мейлз и Дай Ли в районе Шанхая вошли в контакт с одним из ближайших соратников Чан Кайши — Ду Юэшэном. Мейлз надеялся, опираясь на шанхайскую мафию, противостоять влиянию освободительных идей, которые были начертаны на знаменах антигитлеровской коалиции.

Вечером 8 августа стало известно: Советский Союз вступает в войну на Тихом океане. Американская сторона разработала проект приказа № 1, который предусматривал, что Главнокомандующему Советскими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке сдадутся японские войска в Северо-Восточном Китае, в северной части Кореи (севернее 38-й параллели) и на Южном Сахалине. Советская сторона в принципе не возражала против такого содержания и после внесения ряда поправок приняла этот приказ. После решающих побед в Китае и Корее Красная Армия приняла капитуляцию у большей части японских войск, расположенных в Китае, вступила в корейские города Хамхын и Вонсан.

10 августа Чан Кайши потребовал от своих генералов установить еще более тесную связь с марионеточными войсками (240 тыс. из 350 тыс. были на стороне гоминьдановцев) и занимать с ними освобожденные от японцев районы. В прокламации Гоминьдана от 11 августа марионеточным войскам предлагалось подчиняться только приказам Чан Кайши, оставаться на своих постах, сохранять «порядок», ни в коем случае не переходить

дить в другие армейские подразделения. Командующие марионеточными войсками, согласившиеся с условиями чанкайшистов, поступали в распоряжение Гоминьдана, получали от последнего особые привилегии. Чан Кайши пошел дальше: 12 августа он отдал приказ Красной армии Китая «оставаться на своих местах и ждать дальнейших указаний», «не предпринимать никаких самостоятельных действий».

Ведемейер был не на шутку встревожен, ему казалось реальным вовлечение в конфликт с КПК Соединенных Штатов. Он отдал САКО приказ не принимать участия в военных операциях в районах, находящихся под контролем КПК. Мейлз попросту игнорировал этот приказ. 12 августа глава САКО поставил своих служащих в известность о приказах Чан Кайши. Главное — не допустить движения коммунистов в районы, которые находились пока еще во власти оккупантов.

Приказ Мейлза гласил: «Американцы из службы САКО... следуйте со своими полномочными командующими китайскими подразделениями. Берите с собой полные комплекты радиоаппаратуры и полностью вооружитесь. Сохраняйте это в тайне от всех ваших друзей. Направляйте как можно скорее всевозможное снаряжение лояльной патриотической армии... и продолжайте оказывать ей техническое содействие»¹. САКО втягивало США в гражданскую войну в Китае. Но спор между Ведемейером и Мейлзом закончился неожиданно: Мейлза «по болезни» отозвали в Вашингтон.

14 августа 1945 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем. Советская сторона, идя на подписание договора, не поддавалась давлению Чан Кайши, потребовавшего от СССР отказаться от помощи и поддержки КПК. Мао Цзэдун приветствовал итоги переговоров, поскольку договор, по его словам, устранял «возможность конфликта между СССР и США по китайскому вопросу» и затруднял вмешательство США в гражданскую войну в Китае.

15 августа гоминьдановский министр иностранных дел официально получил текст капитуляции Японии. Чан Кайши поставил в известность главнокомандующего японскими вооруженными силами в Китае генерала Окамура, каким основным принципам капитуляции должны следовать подчиненные ему войска. Голос генералис-

¹ Schaller M. Op. cit. P 247

симуса прозвучал по радио: «Наша вера в справедливость благодаря беспросветным и безнадежным дням восьми лет борьбы восстановлена...»

В Чунцине праздновали победу. Рассыпался разноцветными искрами победный фейерверк... 10 млн китайцев отдали свои жизни, 11 млн остались калеками. Только материальный ущерб, нанесенный захватчиками, оценивался в 60 млрд долларов.

Сразу же после капитуляции Японии Мейлз повторил приказ о содействии Дай Ли. Практически американская разведка присоединилась к гоминьдановской политике сотрудничества с японцами и марионеточными войсками в деле восстановления контроля Чан Кайши в политических центрах Китая, прежде всего в Шанхае. 49 гоминьдановских армий (127 пехотных дивизий) общей численностью более миллиона солдат и офицеров под предлогом «принятия капитуляции» начали продвижение к границам освобожденных районов. Чанкайшитские войска перебрасывались на американских самолетах; благодаря этим и другим подобного рода спешным мерам гоминьдановцы восстановили контроль в Центральном и Южном Китае, оккупировали важные пункты и коммуникации в Северном Китае.

13 и 16 августа командующий 18-й армейской группой (так официально именовалась 8-я народная армия) Чжу Дэ и его заместитель Пэн Дэхуай послали Чан Кайши две телеграммы с протестом в связи с присвоением Гоминьданом монопольного права на прием капитуляции японских войск, излагались предложения КПК по предотвращению гражданской войны.

8 сентября 1945 г. на военном совещании в Чунцине Чан Кайши сообщил план перевооружения армии в соответствии с требованиями союзников. Чан Кайши отдавал себя в руки судьбы и своих американских союзников, объявив о согласии американского командования «оказать помощь в обучении войск и обеспечении военных действий гоминьдановской армии при завершающих операциях».

США предприняли серьезные попытки с целью изменить положение в Китае: американская морская пехота высаживалась в Циндао, Тагу и других портах Восточного Китая, содействовала гоминьдановскому командованию в подготовке наступления широким фронтом на районы, находящиеся под контролем КПК; благодаря «заботе» американского командования в Китае продол-

жалось интенсивное строительство аэродромов, ввозилось оружие, боеприпасы, продовольствие для гоминьдановской армии; сотни транспортных самолетов и кораблей, тысячи автомашин были переключены на обслуживание перевозок гоминьдановских войск.

Американская разведка действовала в тесном контакте с преемником Ван Цзинвэя — Чжоу Фокаем. Занимавший перед концом войны пост мэра Шанхая Чжоу Фокай заслужил похвалу Мейлза, который назвал приспешника Ван Цзинвэя «антикоммунистическим патриотом». Дай Ли доставил Чжоу Фокая в Чунцин, где гостя поместили в комфортабельную резиденцию. Немало военных преступников находило благодаря царившей в Гоминьдане коррупции убежище на освобожденной от японцев территории. Коллаборационисты за приличные взятки получали гарантии от ареста. Даже те, кто, как Чжоу Фокай, работали на Ван Цзинвэя, оставались безнаказанными.

Против сил КПК готовились выступить единым фронтом американские, чанкайшистские и японские войска. Только в Северном Китае более 300 тыс. японских солдат и офицеров, не сложивших оружия к осени 1945 г., практически содействовали гоминьдановским акциям против КПК. Японское командование, знавшее о приказе ставки сложить оружие, следовало все же указаниям Чан Кайши и поощряло выступление против НОА при попытках последней принять капитуляцию. Гоминьдановские штабисты с гордостью докладывали американскому командованию о том, что если бы коммунисты не встретили помех при приеме капитуляции от японских войск, то они получили бы оружие, достаточное для вооружения 65 дивизий.

10 сентября Чан Кайши попросил США обеспечить транспортировку гоминьдановских войск из Гуанчжоу в Дайрен, а спустя 20 дней гоминьдановцы проинформировали советское посольство о намерении перебросить свои войска в Дайрен. В Чунцине подумывали над тем, как овладеть Маньчжурией после ухода отсюда Красной Армии. Советское посольство разъяснило министерству иностранных дел, что в соответствии с китайско-советским договором Дайрен — коммерческий порт, предназначенный лишь для транспортировки товаров, а не «войск». Заключение было коротким и категорическим: «...высадка войск в Дайрене какой бы то ни было национальности является нарушением китайско-советского договора и вызовет протест Советского правительства». Впоследствии госдепартамент в своей Белой книге вы-

нужден был признать причины неудач гоминьдановских войск: «Вступлению сил китайского правительства серьезно препятствовал отказ русских разрешить им использовать Дайрен в качестве порта высадки, а их дальнейшему продвижению после вступления препятствовало промедление с отводом русских войск. Это промедление имело также результатом то, что оно дало китайским коммунистам время создать свои войска в Маньчжурии, которые, по-видимому, были подкреплены переброской спешно организованных или усиленных частей из провинций Чахар и Жэхэ. Кроме того, китайские коммунисты были в состоянии захватить в свои руки и распределить для использования среди войск запасы вооружения и военного снаряжения, принадлежавшие японцам к моменту капитуляции и которые русские представили коммунистам прямо или косвенно. После ухода из Мукдена русские военные власти отказались разрешить национальному правительству использовать железнодорожную линию севернее этого города, ведущую в Чанчунь, для перевозки китайских войск»¹.

Представители Советского правительства в Китае считали своей первой обязанностью оказать помощь китайским коммунистам и нередко выходили при этом из рамок, обозначенных официальными отношениями с Чунцином. Благодаря усилиям советской стороны в Маньчжурии было спасено множество промышленных предприятий от разрушения и полного демонтажа, а японское вооружение переходило в распоряжение НОА. Советские представители противодействовали попыткам гоминьдановцев установить контроль в Маньчжурии, способствовали укреплению в этом районе позиций коммунистов.

Военный министр Патерсон в ноябре 1945 г., осторожно взвешивая шансы на победу в Китае, направил меморандум госсекретарю Бирнсу, где предложил: «Было бы чрезвычайно ценно иметь ясное заявление о минимальных интересах, от коих США не откажутся в случае столкновения сторон на Дальнем Востоке, в частности в отношении Маньчжурии, Внутренней Монголии, Северного Китая, Кореи»². Определить «минимальные» интересы в Китае оказалось, однако, не таким уж простым

¹ The United States relations with China. W., 1949. P. 147—149.

² Tang Tsou. America's Failure in China 1941—1950. L., 1963. P. 361.

делом, и чем быстрее разваливался режим Чан Кайши, тем явственнее становилась возможность полной потери Вашингтоном своих позиций в Китае. Кризис режима Чан Кайши не могла скрыть даже гоминьдановская пресса. Журналисты из «Дагун бао» — газеты, находившейся в собственности лиц, тесно сотрудничавших с идеологами гоминьдановского правительства, вынуждены были горько сожалеть: призрачная власть ускользает из рук Гоминьдана.

С 16 июля по 18 сентября Ведемейер в качестве специального представителя президента обследовал положение в Китае. В его докладе по итогам проделанной работы, в частности, констатировалось, что мероприятия по земельной реформе в северных районах Китая обеспечили авторитет КПК среди широких крестьянских масс, а положение Чан Кайши оказалось чрезвычайно слабым из-за существовавшей оппозиции и сепаратистских движений. С нескрываемой горечью Ведемейер вынужден был признать, что действия Советского Союза упрочили позиции КПК в Маньчжурии, и это отрицательно сказалось на деятельности чанкайшистского правительства в политической, военной и экономической областях. Победа для Чан Кайши пришла, видимо, слишком рано. Гоминьдановский режим вступал в новую полосу кризиса.

Глава 7

Крах

Миссия генерала Маршалла в Китае

В августе 1945 г. Чан Кайши направляет председателю ЦК КПК Мао Цзэдуна телеграммы с приглашением прибыть в Чунцин для переговоров. Отказ Мао Цзэдуна, на что, видимо, рассчитывал Чан Кайши, помог бы Гоминьдану возложить вину за развязывание гражданской войны на КПК. В случае согласия Чан Кайши надеялся все же вынудить коммунистов подчиниться его воле, сложить оружие. Студенты КНР, познакомившись в 1985 г. с учебным пособием для вузов, впервые узнали о телеграмме, направленной И. В. Сталиным ЦК КПК. В телеграмме содержался совет Мао Цзэдуна пойти на переговоры.

28 августа в Чунцин прибыла делегация КПК, включавшая Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая. Начался первый этап мирных переговоров, который продлился до 10 октября, когда было подписано соглашение между КПК и Гоминьданом. В нем содержалось обязательство обеих сторон добиваться решения проблем демократического переустройства Китая мирным путем, избежать гражданской войны. Но этот путь стороны видели по-разному: КПК и Гоминьдан не смогли договориться о судьбе освобожденных районов и народных армий, руководимых коммунистами. Переговоры зашли в тупик. Делегация КПК во главе с Чжоу Эньлаем (11 октября Мао Цзэдун вернулся в Яньань) осталась в Чунцине для продолжения переговоров с Чан Кайши. Переговоры между КПК

и Гоминьданом возобновились еще 21 октября 1945 г. Целью переговоров стал созыв Политической консультативной конференции (ПКК) с привлечением к ее участию Демократической лиги и других партий и организаций. Чан, приступая к переговорам, держал оружие наготове. В Чунцине было переиздано вышедшее впервые в 1933 г. «Руководство по истреблению бандитов» (то есть коммунистов). В яньаньских же газетах писалось о решимости КПК заключить соглашение с Гоминьданом и другими демократическими партиями, о создании «прочного союза» с Гоминьданом на длительное время. Делегация КПК выдвинула требования: признание освобожденных районов, создание коалиционного правительства и т. д.

Генералиссимусу пришлось идти на уступки. На это его вынуждали, помимо прочего, успехи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в провинции Чахар. Он признал право народа на демократию, выдвинутый КПК курс мирного государственного развития, предложения о созыве Политической консультативной конференции.

Чан Кайши маневрировал, возлагая свои основные надежды на США. Президент Трумэн в конце ноября 1945 г. назначил своим личным представителем в Китае генерала Маршалла, которому предстояло выполнять функции посредника в переговорах между Гоминьданом и КПК по главным проблемам внутривосточного положения.

23 декабря 1945 г. самолет высокопоставленного гостя из США приземлился на чунцинском аэродроме. Маршалла приветствовали высшие чины Гоминьдана, представители КПК, американского посольства. Чиновники госдепартамента, несмотря на давление гоминьдановских лоббистов, определяли возможности и рамки использования в Китае вооруженных сил США с учетом установки «американские интересы в Китае не стоят войны» и трех путей, которые могли выбрать США: а) убраться из Китая; б) бросить в Китай необходимые ресурсы, военную мощь, чтобы постараться разгромить вооруженные силы КПК, «убрать» японцев и «убрать» русских из Маньчжурии; в) оказать серьезную помощь Чан Кайши и выработать соглашение между Гоминьданом и КПК, добиться сохранения мира в Китае¹

¹ *Tang Tsou. Op. cit. P. 371.*

Первый путь в сложившейся ситуации, вероятно, был бы для США самым благоразумным, ибо удовлетворительно сказался бы как на судьбах китайского народа, так и на американском престиже. Однако в основу американской дипломатии в Китае в первые послевоенные годы была положена концепция помощи Чан Кайши.

Провал миссии П. Хэрли не остановил стратегов китайской политики США. Средства, к которым они стали прибегать, выглядели далеко не мирными, ибо включали и открытую помощь Чан Кайши в вооружении и транспортировке войск. Через несколько часов после прибытия Маршалла Ведемейер объявил, что будет продолжать транспортировать на Север дополнительные гоминьдановские подразделения. С помощью США гоминьдановцы сумели установить к концу 1945 г. контроль над рядом крупных городов и коммуникаций северных районов страны. Положение в Китае обострилось.

Чан Кайши упорно отстаивал свою позицию. Только после оккупации Северного Китая, убеждал он Маршалла, КПК будет вынуждена обратиться к политическим средствам решения проблемы.

31 декабря супруги Чан пригласили дипломатический корпус и высшие официальные чины в одну из своих загородных резиденций. Гости предполагали, что едут на прием, организованный по случаю Нового года. В действительности, однако, здесь отмечалось 65-летие генерала Маршалла. Чан Кайши провозгласил в честь него тост. Оратор призвал китайский народ, особенно армию, следовать примеру генерала Маршалла. Юбиляр передал добрые пожелания китайскому народу от американцев, подчеркнул необходимость взаимопонимания между «правительствами, народами, обществами». «Будущий год,— сказал Маршалл,— покажет, возможно ли такое взаимопонимание, или цивилизация будет обречена на уничтожение»¹. Окружающие не могли не обратить внимания на существенную деталь: генерал не стал утруждать себя какими-либо комплиментами в адрес генералиссимуса и не произнес даже тоста в честь хозяина. Его заключительная тирада носила слишком абстрактный для того времени характер: «За лучшее взаимопонимание между народами».

Чан Кайши догадывался, что Маршалл явно недоволен стремлением Гоминьдана сорвать диалог с КПК.

¹ Menon .K.P.S. Op. cit. P. 142.

За спиной представителя президента ощущалась и международная поддержка. Только что, 26 декабря, были приняты решения на Московском совещании министров иностранных дел, в которых помимо иных тем указывались пути урегулирования ситуации в Китае — объединение и демократизация этой страны, широкое привлечение прогрессивных элементов в правительство и все его органы и прекращение гражданской войны. Чан Кайши просил Маршалла передать свою точку зрения президенту США по поводу московских решений: он оценил итоги Московской встречи как «оскорбление достоинства и суверенитета китайской нации». Выпад Чан Кайши, естественно, ударял по самолюбию американских политиков, еще следовавших, несмотря на рост консервативных настроений в США, традициям антигитлеровской коалиции. Понятно, что Маршалл воздерживался от восторженных отзывов по поводу деятельности четы Чан Кайши.

10 января 1946 г. в Чунцине открылась Политическая консультативная конференция с участием гоминьдановцев, коммунистов, представителей других политических партий, а также беспартийных политических деятелей. Якобы стоящий над всеми партиями и движениями генералиссимус произнес речь. Оратор обнадежил слушателей скорым окончанием периода политической опеки. Последовали обещания, которые отнюдь не соответствовали реалиям политической жизни Китая того времени: предоставление свободы народу, гарантии политических прав граждан, легализация деятельности всех партий, проведение выборов в местные органы самоуправления и т. п. На конференции от КПК выступил Чжоу Эньлай.

Конференция приняла решение о введении в стране конституционного режима, о созыве Национального собрания, об образовании коалиционных органов власти и создании единых вооруженных сил.

В специальном военном подкомитете был выработан документ, предусматривавший значительное сокращение как чанкайшистских, так и народно-освободительных войск и установление над ними единого контроля.

Работа Политической консультативной конференции и посредническая миссия Маршалла не помешали группировкам «Си Си» и САКО продолжать террор.

10 февраля гоминьдановская охранка расправилась с участниками митинга, собравшимися в Чунцине, что-

бы приветствовать совместные усилия Гоминьдана и КПК. 22 февраля были спровоцированы антисоветские демонстрации и разгромлен орган КПК «Синьхуа жибао».

Между тем генералиссимус выехал в Мукден, чтобы на месте руководить операциями против вооруженных сил КПК. Но там его настигло послание рассерженного Маршалла с предупреждением: если боевые действия не прекратятся, то глава миссии отойдет от всех дел. Чжоу Эньлай, встретившись с Маршаллом, обвинил генерала в двойственной политике в Китае — в поддержке Гоминьдана с претензией на посредничество.

Обструкционистская позиция Чан Кайши не останавливала Маршалла. «Я хочу посредничать,— заявил он Янь Сишаню в беседе 4 марта 1946 г.,— и уверен, что урегулирую конфликты между националистами и коммунистами...» Затем, выслушав точку зрения гоминьдановского генерала, уже с пессимистической ноткой спросил:

— Вы думаете, коммунисты действительно не пойдут на компромисс?

— Это нельзя с уверенностью утверждать,— ответил Янь.— Все будет зависеть от того, готовы ли коммунисты отбросить свои цели мировой революции и диктатуры пролетариата.

— Что касается Китая,— рассуждал Маршалл,— США посмотрят, как будет развиваться посредничество. Если оно будет безуспешно, то американцы уйдут¹.

Маршалл с первых шагов своей деятельности убедился в нежелании Чан Кайши пойти на компромисс с КПК. Генералиссимус в своих частных беседах демонстрировал стремление решить «коммунистическую проблему» в большей степени мирными средствами, нежели путем военной силы. Казалось, Чан Кайши начал мыслить по-новому в условиях критической ситуации в Китае. Но нет! Мирные методы, согласно позиции генералиссимуса, могли быть применены только в одном случае — лишения КПК своих вооруженных сил.

Состоявшийся в начале марта 1946 г. пленум ЦИК Гоминьдана принял курс на форсированную подготовку к гражданской войне.

1 апреля Чан Кайши разорвал соглашение с КПК.

В конце июня армии Чан Кайши начали общее наступление против освобожденных районов. Началась гражданская война.

¹ Crozier B., Chou E. Op. cit. P. 299.

Летом 1946 г. гоминьдановский террор привел к новым жертвам. 11 июля в Куньмине было совершено убийство широко известного в Китае демократического деятеля Ли Гунпу. Профессор Ли возглавлял Демократическую лигу (основную партию промежуточных сил) в провинции Юньнань. 15 июля от руки убийцы погиб другой деятель Демократической лиги — поэт Вэнь Идо. Каратели из окружения Чан Кайши полагали, что убийствами могут преподать урок «зарвавшимся» деятелям науки и искусства — Го Можо, Мао Дуню, Чжан Ланю, Шэнь Цзюньжу и другим. Террор, однако, вызвал бурю возмущения в стране.

Летом 1946 г. встал вопрос о замене Хэрли на посту посла США в Китае. Маршалл предложил кандидатуру Ведемейера, но услышал на пресс-конференции голос Чжоу Эньлая: эта фигура абсолютно неприемлема для КПК. Маршалл попросил предложить приемлемую в этом смысле кандидатуру. Чжоу Эньлай назвал имя Лейтона Стюарта.

Кандидатура Л. Стюарта пришлась по душе как сторонникам «демократизации» режима Чан Кайши, так и его противникам. Л. Стюарт родился в семье американских миссионеров в Китае в 1876 г. В 1904 г. с дипломом теологической семинарии в кармане и со своей невестой он вернулся в Ханчжоу, где родился. Сначала проповедник (продолжение родительского дела), затем с 1907 г. ведет курс в миссионерской теологической семинарии в Нанкине. В течение 11 лет Стюарт преподавал Новый завет и греческий язык китайским студентам, готовившимся стать служителями христианской церкви в Китае. С 1919 г. он — президент Яньцзинского университета. «Генерал Маршалл, учитывая мою репутацию либерального американца, — вспоминал Стюарт, — первоначально вовлек меня в свои усилия по формированию коалиционного правительства».

Для видного деятеля миссионерской общины Чан Кайши выглядел одним из представителей его многочисленной паствы, которую следовало направить на путь истины. Л. Стюарт, как знаток местной действительности, был сразу же привлечен к обсуждению наиболее важных проблем. В июне он принимает редактора гоминьдановской газеты «Дагун бао» Ху Линя у себя в резиденции. Ху Линю был задан вопрос: «Какова его точка зрения относительно перспектив мирных переговоров с КПК?»

— Китайские коммунисты не являются аграрными реформаторами, и американцы глубоко заблуждаются, думая так. «Вороны черны по всему миру», — процитировал Ху китайскую поговорку, — и почему бы и не в Китае?

— Форма коалиционного правительства означает нечто вроде объединенной республики Германии и Франции. Нет основы, на которой националисты и коммунисты могли бы работать сообща.

— В лучшем случае Маршалл способен добиться временного мира...

— Демократия в американском понимании никогда не будет утверждена в такой стране, как Китай, и, конечно, в любой другой азиатской стране.

Ху Линь отражал точку зрения правых в Гоминьдане. Эти же мысли повторил несколько позже Чан Кайши во время встречи со Стюартом. Никакой разницы, открыто высказал свои мысли генералиссимус, между коммунистами Китая, России, Франции или какой-либо иной страны не существует.

Чан Кайши начинал проявлять признаки нервозности по поводу миссии Маршалла. 6 июля 1946 г. он принимает Дж. Робинсона, советника генерала. На гостя обрушился град вопросов: поняла ли Америка цель КПК — выждать до тех пор, пока Китай развалится, и взять власть? Понял ли Трумэн, что его политика — ослабление вооруженного противоборства, коалиция с КПК, содействие КПК — играет на руку коммунистам? ¹

29 ноября 1946 г. в Национальном собрании открылись дебаты вокруг основного вопроса — о новой конституции. Две сессии проходили под председательством представителя Младокитайской партии Цзе Шуньшэна. В качестве лидера оппозиции выступил Гун Кэн, в прошлом один из соратников Сунь Ятсена. Поводом для критики послужило поведение генерала Маршалла, стремившегося повлиять на содержание конституционных документов. Гун обрушился на авторов проекта конституции, поскольку они занимались, по его мнению, копированием иностранных конституций. Зачем нам, спрашивал оратор, копировать сначала японскую, затем американскую конституцию, когда Китай нуждается в собственном китайском законодательстве?!

За спорами вокруг конституции скрывались острые противоречия между различными фракциями Гоминь-

¹ *Robinson J. B. Marshall in China. N.Y., 1970. P. 115.*

дана. Фракция политических наук («Чжэнсюэси») и представители либерального крыла Гоминьдана (Сунь Фо и другие) выступали вместе в борьбе с группировкой «Си Си» под лозунгом демократической конституции. Младокитайская и Социал-демократическая партии поддерживали «Чжэнсюэси». Спор разрешил Чан Кайши, пригрозив «Си Си». 1 января 1947 г. Гоминьдан обнародовал новую конституцию. КПК и Демократическая лига назвали конституцию лицемерной, оправдывающей диктатуру.

В начале января 1947 г. генерал Маршалл был назначен государственным секретарем США. Госдепартамент объявил о прекращении посредничества США в Китае. Представительства КПК в Нанкине, Чунцине и Шанхае прекратили свою деятельность. США открыто пытались в ходе гражданской войны раздавить революционные силы Китая руками Чан Кайши.

Начавшееся в Пекине движение против американского вмешательства в гражданскую войну стало распространяться на другие города. В мае 1947 г. под руководством КПК началось движение под лозунгом «Против голода, против гражданской войны, против притеснений».

Чиновники жиреют, народ — обескровлен

5 июня 1946 г. советник Маршалла Дж. Робинсон посетил дом Чэнь Лифу. Утопавшее в зелени здание примыкало к соседнему особняку, где обитал Чэнь Гофу. Власть братьев Чэнь распространялась и на местные партийные организации, они располагали собственной тайной полицией. Перед советником Маршалла предстал политик, абсолютно не понимающий и не воспринимающий любые, даже косметические, изменения правительственной машины в сторону демократии.

Робинсон старался направить Чэня на обсуждение политической ситуации, но безрезультатно. Трудно было поверить, что это один из могущественных воротил партии, глава орготдела Гоминьдана. Хозяин предпочитал рассуждать об истории своей собственной борьбы, в основном о том, как он героически спасал Чан Кайши во время сианьских событий 1936 г., затем позднее в Гуанчжоу. Трехчасовая тирада Чэнь Лифу предусмо-

трительно предназначалась для ушей любого собеседника¹.

В своем «учении», названном «философией жизни», Чэнь Лифу рассуждал о необходимости для человека жить для других, делать добро. А в это время в ряде районов Китая развивался простой товарный обмен — результат немыслимой инфляции. Служба на свадьбах, похоронах, помощь неграмотным оплачивались рисом, маслом, солью, топливом. Когда Чэнь Лифу призывал к моральному совершенствованию, к «очищению сердца» от воздействия греховной морали, чужой идеологии, в деревне расцветала торговля людьми. В конце 40-х годов в деревне продавали молодых девушек за несколько пикблей риса. Один боров обменивался на две девушки, корова — на три. Для крестьянина, который, не выдерживая голода и холода, бежал в город, проповедь Чэнь Лифу значила не больше, чем для слепого зажженный фонарь. «Философия жизни» призывала к смирению, покорности. Деревенская беднота, не имея возможности откупиться от призыва в армию, уходила в горы, где собирались отряды отчаявшихся людей, чтобы с оружием в руках добиться той справедливости, какой она им виделась и без идеологических наставлений Чэнь Лифу.

«Философия жизни» представляла интерес для гоминьдановской верхушки как идеологическое средство, способное как-то склеить разваливающуюся пирамиду государственной власти.

Гоминьдановские лидеры, опираясь на политическую и военную власть, осуществляли спекуляции гигантских масштабов. Бюрократический капитал контролировал торговлю, финансы, промышленность, коммуникации, сырье и т. п. К началу 1948 г. в Гуанчжоу, согласно гоминьдановским данным, не имели работы 280 тыс. человек. Из имевшихся в Циндао 1500 предприятий было закрыто 1200. Бизнесмены средней руки и основанные на частных инвестициях предприятия объявляли себя банкротами. К августу 1946 г. в гоминьдановском Китае было закрыто от 60 до 80 % предприятий.

В марте 1946 г. при аварии самолета погиб Дай Ли. О смерти главы гоминьдановского гестапо говорили шепотом, будто опасались возмездия даже со стороны покойного. Авария произошла недалеко от мемориала

¹ *Robinson J. B. Op. cit. P. 71, 73.*

Сунь Ятсена. Основатель Гоминьдана, как многие тогда подумали, «карал» тех, кто предал идеалы китайской революции.

Дай Ли поддерживал многочисленную группировку У Дайсяна, в прошлом лейтенанта в его ведомстве, а затем видного деятеля в Гоминьдане. Он занимал пост специального уполномоченного по социальным вопросам. Со смертью Дай Ли позиции У были поколеблены. Произошла перегруппировка сил противоборствующих фракций. Часть людей покойного перешла в организацию «Си Си». Ее позиции значительно упрочились. Главари «Си Си» стали контролировать секретную службу — Бюро по расследованию и статистике.

Отражением жестокой борьбы связанных с подпольным миром гоминьдановских фракций стал внезапный отъезд в Гонконг в прошлом крупнейшего финансиста, главаря наркоманов Ду Юэшэна. Столкновение с полицейским комиссаром и командующим гарнизоном Шанхая Сюань Дэву несколько ослабило позиции короля шанхайской мафии. Братья Чэнь в данном случае действовали совместно с Сюанем. Этот блок в конце концов одолел его.

Ду Юэшэнь за несколько дней до отъезда в Гонконг нашел приют в доме генералиссимуса, что дало повод для различного рода спекуляций по поводу якобы «специальной миссии» шанхайского мафиози. К тому же Ду выехал в Гонконг не один. Его сопровождал близкий соратник по делам шанхайского подпольного мира Янь Ху, в прошлом генерал, заслуживший признание Чан Кайши во время кровавых событий 1927 г. Бывший генерал умудрялся совмещать свою подпольную деятельность с ролью председателя профсоюза моряков. Он, как и Ду Юэшэнь, немало сделал для разгрома находившихся в оппозиции к Чан Кайши профсоюзов. Ду и Янь, прибыв в Гонконг, осудили Гоминьдан, они не могли примириться со своими недругами из организации «Си Си», да и необходимо было найти свое место в пестрой толпе эмигрантов с материка, настроенных в большинстве своем против Гоминьдана.

Наиболее серьезными для братьев Чэнь противниками стали промышленники и банкиры, находившиеся в верхних эшелонах власти.

23 февраля 1947 г. в иностранной печати появилось интервью Чэнь Лифу. Лидер укрепившей свои позиции группировки «Си Си», директор организационного отде-

ла ЦИК Гоминьдана, глава Бюро по экономическим исследованиям, вдохновитель гоминьдановских программ по образованию обрушился вдруг на банковскую систему Китая. Он возложил на нее вину за отсталость сельского хозяйства Китая. «Китайская банковская система,— говорил Чэнь,— выросла из идей и практики финансирования, осуществляемого иностранцами в зарубежных странах. Иностранцы проявляли интерес в основном к торговле, а не к развитию сельского хозяйства и промышленности Китая». У банкиров выработалась привычка, сокрушался лидер «Си Си», мыслить и действовать в духе времен открытия для торговли китайских портов. Гоминьдановский идеолог видел выход прежде всего в переориентировке банковской системы с торговли на сельское хозяйство. «Только экономическая политика, основанная на принципе благополучия для большинства народа,— заключал Чэнь,— хорошая политика». Большинство населения страны — крестьянство, следовательно, хорошая политика должна служить крестьянству. Пример — деятельность сельскохозяйственного банка, во главе которого стоял один из братьев — Чэнь Гофу.

Нападки на «вдохновляемую» иностранным опытом банковскую систему имели в виду вполне конкретную цель — дискредитировать противостоящую «Си Си» группировку. Чэнь воспользовался подходящим моментом. Страна вошла в полосу экономического хаоса, что особенно ярко проявилось в китайской деревне. Крестьяне из-за невыносимой кабалы забросили от 20 до 40 % обрабатываемой земли. Объем сельскохозяйственного производства составлял в 1946 г. около двух третей от среднего урожая в 1932—1936 гг., в 1947 г. — 60 % довоенного урожая.

Зарубежные свидетели ужасающего положения китайской деревни били тревогу. Специальный корреспондент «Чайна уикли ревью» (5 июня 1948 г.) описывал свои впечатления от поездки в провинцию Юньнань: «Наряду с расточительностью и богатством местных магнатов я видел ужасную нужду и вымирание в китайской деревне; 80—90 % населения провинции ходит совершенно нагое, без всяких признаков одежды. Земля пустует потому, что некому ее обрабатывать; все взрослое мужское население или взято в солдаты, или бежало из деревни под страхом призыва в армию. Невероятным кажется тот факт, что такие продукты первой необходимости, как соль и ляд, являются здесь предметами

роскоши, недоступными для крестьян. Из-за отсутствия ткани население спит не в кроватях, их нечем застилать, а вповалку вокруг очага, в фанзе, вместе с домашними животными. Жилища не освещаются, так как нет средств на приобретение керосина».

Американская помощь оказалась предметом гигантских спекуляций богатейших семей Китая. Программа Организации Объединенных Наций по возрождению и восстановлению (ЮНРРА) была предложена для Китая в конце второй мировой войны. В Европе международные организации стремились более или менее сохранять за собой контроль над распределением материалов по соответствующим программам вплоть до последней стадии их использования. Иначе все выглядело в Китае. Мадам Чан и ее брат Сунь придерживались особой позиции: только сами китайцы знают, как использовать фонды ЮНРРА, достоинство китайцев не позволяет мириться с иностранным вмешательством в контроль над программой помощи.

Объединенные Нации вынуждены были в конце концов принять условия чунцинской диктатуры. Грузы, приходившие в китайские порты по линии ЮНРРА, оказывались, по существу, под контролем богатейших семей Китая, которые преобладали в сфере торговли и водного транспорта. Китайская торговая пароходная компания контролировала основные складские помещения и имела свои филиалы на китайских водных артериях.

Орган шанхайской торговой палаты «Шан-Пао», близко стоящий к «Си Си», в передовой от 22 июля 1948 г. отмечал: «Китай, принимая экономическую помощь от США, должен быть на страже своей государственной целостности». США, согласно материалам газеты, добиваются преимуществ в Китае, чтобы американский капитал проник на всю китайскую территорию. Мы понимаем, отмечалось в передовой, что, когда в будущем Законодательный юань будет изучать соглашение, он особое внимание уделит сохранению государственной самостоятельности Китая. Забота о сохранении государственной самостоятельности ограничивалась в основном разговорами.

Связанные с американским капиталом семейства Сун — Кун поощряли деятельность американцев в Китае. Американская «Рейнолдс металл К°» господствовала в алюминиевой промышленности на Тайване, Сун Цзывэнь пригласил американских и японских экспертов для работ по расширению на острове Хайнань добычи железной

руды. За 28 месяцев со дня капитуляции Японии китайское правительство получило из США 4 млрд долларов, которые полностью были истрачены на гражданскую войну. За эти месяцы, если учесть различные виды помощи, китайское правительство ежемесячно тратило до 200 млн долларов.

Сун Цзывэнь провел через Законодательный юань законопроект, учреждавший Национальную администрацию по восстановлению, возрождению Китая. Эта организация обладала контролем за распределением помощи по ЮНРРА. Специалисты ЮНРРА имели право давать лишь советы этой организации, но были лишены какой-либо реальной возможности влиять на ее деятельность. Гоминьдановская сторона стремилась зачастую обходить молчанием источник помощи и представляла себя в качестве хозяина. Чан Кайши даже поставил вопрос о продаже на черном рынке поставок по линии ЮНРРА стоимостью до 200 млн американских долларов. Одна из официальных целей такой продажи — остановить девальвацию валюты. Либералы оценили эту идею как попытку ограбить народ, лишить его того, что ему поставляют дружественные нации.

Во время встречи с Чан Кайши 6 июля 1946 г. советник генерала Маршалла Дж. Робинсон заявил: престиж гоминьдановского правительства серьезно подорван в США из-за коррупции в правительстве.

— Какая коррупция? — прикинулся несведущим Чан Кайши.

— Например, на Тайване.

— Никакой коррупции на Тайване нет! — с уверенностью отрезал хозяин.

Чан Кайши говорил о губернаторе Тайваня как о «чрезвычайно хорошем человеке». Этим человеком был Чжэн И, который верно служил Чан Кайши еще со времени переворота 1927 г.

В сентябре 1944 г. Чжэн стал председателем комитета по исследованию проблем Тайваня. Отстранение соратника Чан Кайши с поста губернатора провинции Фуцзянь связывали с прояпонскими взглядами Чжэн И. Чжэн И входил в группу высокопоставленных деятелей фракции политических наук.

Команда Чжэн И прибыла на Тайвань после капитуляции Японии, когда среди населения острова крепились надежды на лучшее будущее, ведь завершился этап колониального господства.

Надежды населения Тайваня на освобождение не оправдались. Вокруг губернатора Тайваня собрались люди, поднаторевшие в коррупции. Наиболее доверенным из них был бывший оруженосец Чан Кайши Гэ Цзинэн, как и его патрон, воспитанник японского военного колледжа и Токийского императорского университета. За Чжэн И на остров хлынули родственники и друзья его помощников. Разгул коррупции и мошенничества оправдывался меропрятаниями в рамках необходимого «государственного социализма». Под лозунгом «государственного социализма» представители администрации Чжэн И стремились переправить, и как можно в более короткие сроки, доходы с тайваньского бизнеса в свои карманы.

Казнокрадство, взяточничество, вымогательство, спекуляции в среде гоминьдановской верхушки стали предметом внимания прессы как в Китае, так и за рубежом. 4 мая 1946 г. главный секретарь тайваньского губернатора Стэуэй Чэн выступил со статьей в «Чайна уикли ревью». Автор попытался отвести от администрации Чжэн И обвинения в коррупции. «51 год японской эксплуатации, — написал он, — сделали их (тайваньцев. — В. В.) мышление слишком узким, бессильным в подходе к жизни. Некоторые думали, что японцы уйдут и Тайвань будет тайваньским». Вывод статьи заключался в том, что «тайваньскому народу нужно еще многому научиться, многое изменить, чтобы ассимилировать себя с остальной китайской расой». Это был явно колониальный подход.

Выходцы с Тайваня, занявшие посты мэров, глав префектур, провели военные годы в Чунцине и смотрели свысока на своих земляков. Вся японская промышленность перешла либо в ведение комитета по национальным ресурсам центрального правительства, либо провинциальной администрации. Порядок, характерный для гоминьдановской бюрократии на материке, был учрежден и на острове. Послевоенная реконструкция оказалась фактически замороженной, инфляция распространилась и на остров. С первых шагов своей деятельности Чжэн И показал, что Тайвань — его вотчина. Он сразу же отослал на материк нанкинскую группу, представляющую четыре банка Китая и прибывшую в Тайбэй для «национализации» тайваньских финансов.

Жители Тайваня успели уже в 1946 г. познакомиться с образцами «демократии», которые внедрялись на остров новой администрацией. «Выборы» в Национальное соб-

рание в мае превратились в спектакль. Делегаты назначались, причем среди попавших в число «народных избранников» числились деятели марионеточной администрации, лица, сотрудничавшие с японцами, да и просто военные преступники. Тайваньцев вынудили собрать к октябрю 1946 г. огромную сумму для строительства зала в честь дня рождения Чан Кайши. Но в день рождения генералиссимуса жителям Тайваня не позволили выйти на демонстрацию, поскольку власти ожидали от ее участников отнюдь не выражения благодарственных чувств.

1 ноября 1946 г. Чан Кайши без особого энтузиазма выслушал шесть предложений делегации тайваньской провинциальной торговой федерации по поводу реформ на Тайване, в частности о необходимости восстановления промышленности. Цементная промышленность давала 2 тыс. тонн в месяц, в то время как при японцах — 40 тыс., стоимость жизни повысилась за год в 100 раз, но заработная плата увеличилась лишь в 3 раза. 800 тыс. жителей Тайваня, 10 % всего населения, были безработными.

В январе 1947 г. студенты, представители различных слоев города вышли на демонстрацию протеста. Поводом стало изнасилование студентки американским военным служащим. Вечером 28 февраля полиция жестоко избила на глазах у прохожих пожилую женщину, торговавшую без лицензии сигаретами. Собралась возмущенная толпа. Полицейские скрылись в ближайшем полицейском участке, их машины были подожжены. На следующий день волнения продолжались. Жители обрушили свой гнев на бюро табачной монополии, над которой поднялись языки пламени, служащие были избиты на улице. Демонстранты двинулись к губернатору. Но только они приблизились к его резиденции, как их встретили пулеметные очереди. Около 3 тыс. человек было убито и ранено. На следующий день деятельность губернаторства была парализована. По острову развернулось движение, возглавляемое «комитетом по урегулированию инцидента от 28 февраля 1947 г.».

В течение недели участники мятежа контролировали остров, за исключением военных баз, находившихся в руках гоминьдановцев. Восставших поддержали местные богатеи — их вполне устраивал лозунг «Формоза (остров Тайвань.— В. В.) для формозцев»; они потребовали независимости, по крайней мере автономии для острова.

Местные сепаратисты — среди них особым авторитетом пользовались братья Ляо — Томас и Джашуа — возлагали надежды и на содействие США. Томас прошел курс в университете Огайо, был женат на американке. Он приехал на Тайвань в 1946 г. и постепенно приобрел известность идеолога тайваньских сепаратистов.

Восставшие обратились к Чжэн И с протестами. Губернатор срочно передал на материк сигнал тревоги, моля о военной помощи. Действуя чанкайшистскими методами, он сразу же приступил к переговорам с повстанческим комитетом и не скупился при этом на успокоительные заверения.

Порядок был восстановлен 4 марта. С правительственных самолетов разбрасывались листовки за подписью Чан Кайши с обещанием не идти на репрессалии, если восставшие прекратят сопротивление. Обещания Чжэн И оказались лишь тактическим маневром. Губернатор съел, как говорят в Китае, свое слово. 8 марта с материка начали прибывать войска и подошел эсминец. Солдаты, жандармы обыскивали дом за домом, превратили улицы тайваньских городов в стрелковый тир. В руках Чжэн И находились списки лиц, обращавшихся с жалобами либо в центральное правительство, либо в американское посольство. Карателям помог Филипп Фу — секретарь американского посла Стюарта. Первыми, кого бросили на Тайване в застенки, были люди из списка Ф. Фу. Лидеры «комитета по урегулированию» оказались за решеткой, многих пытали, расстреливали. Тайваньская делегация в Нанкине не смогла добиться приема у Чан Кайши и вернулась на остров с пустыми руками. Пришлось познакомиться с чанкайшистскими застенками и лидеру тайваньских сепаратистов Томасу Ляо. Все же в 1948 г. ему удалось выехать в Гонконг.

10 марта Чан Кайши заявил: «Мир и порядок на Тайване скоро будут восстановлены, поскольку правительство направило туда регулярные войска для выполнения обязанностей по гарнизону». С самолетов снова разбрасывались листовки, теперь — послание «президента республики», «главнокомандующего вооруженными силами», «лидера партии». Он полностью поддерживал действия Чжэн И. Руководители восстания, утверждал генералиссимус, — «коммунисты» и «лица, испорченные японцами». Народ Тайваня, поучал Чан Кайши, в долгу у континентальных китайцев, которые «боролись 50 лет ради восстановления Тайваня».

К 12 марта число жертв среди тайваньского населения достигло 10 тыс., хотя в некоторых источниках указывается и до 20 тыс.¹

Чжэн И все же не рассчитал свои силы. Излишнее высокомерие, нежелание делиться пирогом со своими соратниками по фракции политических наук подорвали позиции тайваньского губернатора в Нанкине, который в начале 1946 г. вновь стал местопребыванием китайского правительства. К тому же террор, развязанный Чжэн И на Тайване, дискредитировал фракцию политических наук, члены которой кичились своим «либерализмом».

Некоторые представители сепаратистского движения на Тайване хотели американской интервенции на остров либо вмешательства ООН, так как были глубоко обеспокоены нерешенным статусом Тайваня и при любом удобном случае поднимали эту проблему.

До мартовских событий лидеры сепаратистов лояльно относились к центральному правительству и генералиссимусу, содействовали политическим реформам Чжэн И. Много изменилось после высадки войск и жестоких преследований всех, кто критиковал губернатора и его окружение. Даже те, кто принадлежал к наиболее консервативному крылу тайваньской политической элиты, убедились: центральному правительству доверять больше нельзя.

Спустя несколько месяцев после подавления восстания на Тайване появился генерал Ведемейер. Генерал встретился с лидерами сепаратистов и дал им понять, что возможно установление опеки США над островом, поддержка Вашингтоном стремления населения Тайваня добиться «независимости». Эти маневры соответствовали не раз высказывавшейся в США идее о «либерализации» гоминьдановского режима путем создания так называемых Соединенных Штатов Китая (СШК) с предоставлением прав автономии отдельным провинциям.

Ухудшающееся положение Чан Кайши на материке подрывало планы «либеризации» гоминьдановского режима, создания какой-либо автономии для Тайваня.

Фракция политических наук выдвинула на место Чжэн И генерала У Дэчэна. Последний даже встретил делегацию с Тайваня и обещал ей реорганизовать «администрацию на острове». Кризисом воспользовались братья Чэнь. Фракция «Си Си» выступила с нападками на центральное правительство, но главный

¹ Amerasia. 1947. 19 May. P. 129—134.

удар направила против своих соперников во фракции политических наук. Фракция «Си Си» предложила 22 марта резолюцию ЦИК Гоминьдана об устранении Чжэн И. Кандидатура У Дэчена, поскольку она выдвигалась не от фракции «Си Си», не прошла. Чжэну было разрешено задержаться в Тайбэе на шесть недель. Этого было достаточно. Его люди сумели нанести серьезный ущерб местной экономике: спешно упаковывались золотые слитки, американские доллары. Несмотря на прекраснорудные рассуждения в Нанкине о реформах, террор продолжался. На пост губернатора был выдвинут бывший посол Китая в США Вэй Даомин.

«Близкий огонь не погасить далекой водой»

В начале 1947 г. гоминьдановцам удалось все же успешно завершить военные операции в Восточном Китае, в марте они ворвались в Яньань, где 10 лет билось сердце КПК и НОА, развернули наступление в Шаньдуне. Чан Кайши, воспрянув после новых успехов в гражданской войне, заверял Стюарта: в августе или начале сентября коммунисты будут либо уничтожены, либо загнаны в глубинные районы. Стюарт, как и другие американские дипломаты, был осторожен в оценках перспектив развития событий в Китае.

Генералиссимус собирался провести весну 1947 г. в Пекине. Город был переполнен солдатами. Они располагались порой в отелях, проводя время либо в поисках коммунистов, либо охраняя высокопоставленных особ, денежных тузов. Операциями против КПК руководил генерал Сун Лянцзунь, возглавивший штаб генералиссимуса в Пекине.

На противоположном полюсе находился университетский Пекин. Университетские власти заявили, что не поддержат любое вмешательство в студенческие дела. Президент Пекинского университета Ху Ши пользовался авторитетом в университетских кругах Пекина. Студенческие волнения начали охватывать многие города, приобретать все большую силу. Так, 5 мая в Шанхае прошли студенческие демонстрации под лозунгом «Борьба с голодом, борьба с войной». Студенты выступили за соблюдение гражданских прав, увеличение государственных расходов на образование, повышение зарплаты профессу-

ры с 600 до 800 долларов. 18 мая правительство приняло чрезвычайную директиву о запрещении всех демонстраций и создало специальные подразделения для борьбы с демонстрантами. Чан Кайши объявил: «...коммунисты прямо или косвенно поддерживают подобные движения». По мнению генералиссимуса, необходимо было принять серьезные меры против «безответственных агитаторов».

«Строгие» меры не остановили студентов: они выступили с требованием отменить директиву от 18 мая, прекратить гражданскую войну, наказать коррумпированных правительственных чиновников, конфисковать собственность последних. Один из лозунгов, водруженных студентами напротив Исполнительного юаня, гласил: «Небо плачет, земля — в печали; народ обескровлен, чиновники жиреют». 2 июня объявляется всеобщая стачка. Жесткие меры по ее подавлению вызвали протест даже в кругах, симпатизирующих правительству.

Чан Кайши ждал результатов инспекционной поездки Ведемейера по стране. 22 августа 1947 г. он вместе с супругой пришел слушать Ведемейера. Среди присутствующих находился и посол Стюарт. В полной тишине Ведемейер излагал факты разложения гоминьдановского режима. Он говорил о грубых просчетах в деятельности официальных лиц, безответственности гоминьдановских чиновников, прославивших себя некомпетентностью и продажностью. Генерал относил военные провалы Чан Кайши за счет политической слабости его правительства, разъедаемого коррупцией, опирающегося исключительно на политику жесточайших репрессий. Оратор напомнил своим союзникам, что они оказались неспособными мобилизовать ради политических нужд финансовые средства как из внешних, так и из внутренних источников, а можно было собрать, по подсчетам Ведемейера, до 1 млрд американских долларов. Всего лишь за несколько месяцев 1947 г. 87 % полученных бизнесменами в Китае американских долларов (334 496 792) перешло в руки двух корпораций: «Фуцзян девелопмент К°» и «Янцзы девелопмент К°», принадлежащих семьям Кун и Сун. Это была суровая критика, тем более неприятная, что за ней стояли наиболее консервативные круги американского общества, одним из представителей которых и был Ведемейер. Генерал предсказал провал попыток одолеть коммунистов военными средствами. «Сегодня,— говорил он,— в Китай вторглась идея вместо мощных вооруженных сил из-за рубежа».

Аудитория безмолвствовала. Но каково же было удивление оратора, когда генералиссимус, мадам, несколько высокопоставленных чинов подошли к нему после выступления, пожали руку, поблагодарив за выступление. Чан Кайши разыграл сцену из очередного спектакля: «отец нации» показал себя пастухом, заботящимся о благополучии своего стада.

Выступление генерала, хотя и было с вниманием воспринято слушателями, уподобилось взрыву в тихой заводи.

Ведемейер взял на себя непосильное бремя: изменить сознание милитаристов, провинциальных и уездных вельмож, массы чиновников гоминьдановского аппарата. Гоминьдановская бюрократия мертвой хваткой держалась за удобные для грабежа народа порядки. Видные ее представители позволяли себе порассуждать о принципах Сунь Ятсена, «народном благоденствии», могли даже пустить слезу, слушая нравоучения Ведемейера, но отказаться от высокого — особенно на фоне бедственного положения китайского населения — жизненного уровня были не в силах. Здесь со всей очевидностью проявил себя один из важнейших социальных парадоксов. Гоминьдановская элита, контролировавшая национальный продукт и обеспечивавшая благодаря этому сохранность своих привилегий, твердо противостояла всему тому, что могло бы способствовать росту этого продукта. Благословляемая гоминьдановским руководством бюрократия все активнее стремилась использовать власть ради своего обогащения. Раздробленность подавленного нуждой мелкого производителя создавала благоприятную почву для развития подобного процесса. Феодалные методы управления обществом полностью лишали основных производителей экономических стимулов, материальной заинтересованности. Гоминьдановская бюрократическая машина оказалась в противоречии с экономикой государства.

25 августа, через три дня после выступления Ведемейера, Чан Кайши вызвал в свою резиденцию секретаря посла США Филиппа Фу и выяснил у него подробности, связанные с миссией Ведемейера. В руки секретаря, естественно, попадали фамилии лиц, которые обращались с теми или иными жалобами в посольство США на гоминьдановскую администрацию. Их ждала тяжкая доля.

Некоторые из окружения Чан Кайши пытались взвалить вину на США, прежде всего за «уступки» в Ялте

за счет Китая. Другие стремились выдать выступление Ведемейера за изложение личных взглядов генерала. Премьер Чжан Цюнь пытался главным образом оградить от обвинений высших правительственных чинов. «Генерал Ведемейер, — заявил премьер, — уделил больше внимания лицам вне правительства, нежели в нем». Есть много проблем, заключил Чжан, о которых Ведемейер не имеет ни малейшего представления. Китайское правительство не изменит свою внутреннюю политику, торопился провозгласить премьер.

По-своему реагировал на выступление Ведемейера Сунь Фо. Еще совсем недавно он резко критиковал Советский Союз. Но теперь несколько скорректировал свою позицию. «Китай должен выяснить, — говорил он, — будет ли лучше для него после изучения результатов доклада Ведемейера быть на стороне США или Советского Союза». Заявление вызвало критику с различных сторон.

В январе 1948 г. генералиссимус все еще говорил об имеющихся у Гоминьдана шансах добиться победы. Гоминьдановская пресса вслед за лидером пыталась убедить в этом общественное мнение. Стремление выдать желаемое за действительность всегда присуще политикам, подпирающим диктатуру, особенно во время острых политических кризисов. Гоминьдановцы, обманывая людей, обманывали и себя.

Неудачи на фронтах гражданской войны тотчас же сказывались на экономическом положении населения, и это невозможно было скрыть. В июне 1948 г. пал Кайфын, и сразу же в Шанхае цены поднялись на 25 %. Росло недовольство, массовый характер приняло дезертирство из армии. Население Фуцзяни, Гуандуна, Гуанси, Юньани восстало против воинской повинности, пополняло партизанские отряды.

В Шанхае заработок мелких торговцев и служащих не достигал прожиточного минимума. Подавляющее число трудящихся города зарабатывало в месяц до 15 млн китайских долларов, эквивалентным 3 американским долларам. На улицах — толпы истощенных, оборванных людей, безработных, находящихся на грани голодной смерти.

Чан Кайши повелевает начать продажу находящихся в ведении правительства предприятий (за исключением тяжелой промышленности) частным владельцам. Более того, он приказывает тем, кто имеет вклады за рубежом, возвратить свои капиталы в отечественные бан-

ки. Искушенные люди встретили подобный приказ с усмешкой. Три четверти этих денежных сумм, оценивавшихся в 2 млрд американских долларов, пребывали в тайных вкладах. Основные их держатели окружали генералиссимуса, занимая высокие правительственные посты; их вклады в США оценивались в 500 млн американских долларов. Доктор Кун немало насмешил своих соотечественников, заявив, что у него в банках США всего каких-то 30 тыс. американских долларов.

«Может быть, удастся остановить рост инфляции, выкупив значительную часть находящихся на руках бумажных денег?» — задавали вопрос отчаявшиеся советники. За время войны горы бумажных денег скопились в руках богатейших семейств Китая, связанных с ними крупных чиновников и спекулянтов. Но и в данном случае правящая элита погрела руки на приобретении у правительства золота за падающие в цене бумажные деньги. Каждая приобретенная таким путем унция золота стоила в 10 раз дешевле, чем пришлось бы платить за нее на рынке. Золото оставалось в американских банках, лишь переписываясь на имя частных вкладчиков.

Не успели утихнуть страсти, вызванные речью Ведемейера, как произошло событие, привлечшее всеобщее внимание. Сун Цзывэнь объявил о пожертвовании государству 300 млрд китайских долларов, составляющих общую сумму его вклада в «Янцзы девелопмент К°», на нужды пострадавших от войны вдов и детей. Этот жест был оценен на страницах печати как акт «патриотизма», «бескорыстия». В действительности Сун, принимая это решение, руководствовался отнюдь не альтруистскими мотивами. Ведь критика его финансовых махинаций достигала тогда апогея. Сун, жертвуя немалую сумму для государства, убивал одним выстрелом двух зайцев. С одной стороны, он ограждал «Янцзы девелопмент К°» от расследования, а с другой — приобретал известность как патриот, что восстанавливало подорванный престиж.

Сун получил пост губернатора провинции Гуандун и начальника штаба генералиссимуса в Гуанчжоу, где, кстати, концентрировались деловые связи с Западом. С этими назначениями связывалась возможность консолидировать силы Гоминьдана на Юге. Сумма, ушедшая же из кармана Суна в виде пожертвования, была лишь небольшой частью огромного состояния его семьи, даже если не принимались во внимание его вклады в золоте в американские банки.

Критика Ведемейера, но в еще большей степени поражения на фронте заставили Чан Кайши обратить внимание на причины ослабления позиций Гоминьдана во всех сферах жизни Китая. В его речах пропадают оптимистические оценки сложившейся ситуации. Критический настрой выступлений генералиссимуса по поводу положения дел в войсках поражал своей откровенностью. Большинство командиров подразделений различного уровня, согласно представленному Чан Кайши анализу, вели «бестолковые сражения», не учитывая возможности противостоящего противника, не имея для этого необходимой подготовки, не желая «шевелить мозгами». Высшие офицеры раздавали командные посты членам своих семей, вели себя в подчиненных им войсках как милитаристы в своих вотчинах, заботились лишь о собственной выгоде. Коррупция среди командного состава достигла невиданных размеров. Военачальники вводили в заблуждение вышестоящее начальство относительно развития и результатов сражений. Такое положение, особенно если учесть низкий моральный и боевой дух гоминьдановских офицеров, приходил к выводу главнокомандующий, давно должно было привести армию к разгрому. Результатом деградации, потери революционного духа стало то, что «большинство народа считает членов партии Гоминьдан преступниками против государства и нации».

Выступление генералиссимуса по случаю нового, 1947 г. — а оно передавалось по радио — заставило лидеров Гоминьдана глубоко задуматься над происходящим. «Положение в деревнях ухудшилось, — говорил Чан Кайши. — Наша национальная мораль пришла в упадок... Спекулянты становятся миллиардерами за одну ночь... Бедные умирают от голода на улицах. Но, несмотря на это, огромные денежные средства тратятся в ресторанах и дансингах ради мимолетного веселья». «Высочайший» давал рецепт для избавления общества от такого рода недугов. «Патриоты, живущие в городах, должны ликвидировать свои ненормальные и нежелательные привычки». Но это был глас вопиющего в пустыне.

Критика вскоре забылась. Начинаясь «холодная война» обнадеживала лидеров Гоминьдана: американцы ради собственных интересов не бросят гоминьдановцев на произвол судьбы. В конгрессе США все больший вес приобретали идеи чанкайшистов, несмотря на разложение гоминьдановского режима. Рекомендации Ведемейера — создание коалиционного правительства,

проведение кардинальных реформ — не представляли уже особой актуальности для генералиссимуса.

Окрепшая вера китайских лидеров в спасительную силу американской помощи содействовала принятию Гоминьданом решительных мер против инакомыслящих. В 1947 г. была поставлена вне закона Демократическая лига. Эта лига была единственной легальной организацией, находившейся в оппозиции Гоминьдану. И это решение объявлялось в канун выборов в Национальное собрание. В качестве основания для запрещения лиги явились обвинения ряда ее членов, якобы саботирующих войну с КПК. Демократическая лига объединяла либеральные элементы, ничего общего не имевшие с КПК. Сложилась, таким образом, казавшаяся на первый взгляд парадоксальной ситуация. Американская помощь, оказанная гоминьдановцам ради, как утверждалось, спасения «демократии», содействовала лишь упрочению разнузданной военно-бюрократической диктатуры. Запрет лиги вызвал бурю протестов. Сорок семь профессоров Пекинского университета издали по этому поводу манифест. Состоялись демонстрации.

Подавление оппозиции сопровождалось усилиями по «демократизации» режима. В декабре 1947 г. под давлением США была инсценирована первая предвыборная кампания в Китае. В списке кандидатов в президенты значилась вдова Сунь Ятсена. Те, кто опасался за положение Чан Кайши, стал всячески чернить Сун Цинлин. Ей припомнили все: бросила добропорядочную христианскую семью, вступила в «незаконную» связь, не посмотрела на то, что Сунь Ятсен был не разведен. Цинлин отказалась выставить свою кандидатуру. В апреле 1948 г. Чан Кайши был «избран» президентом¹.

В условиях политического и экономического кризиса Чан Кайши столкнулся с ростом оппозиции как вне, так и внутри Гоминьдана. В январе 1948 г. в Гонконге вновь создается Демократическая лига. Внутри Гоминьдана образуется Революционный комитет, объявляющий о своем намерении сотрудничать с КПК и осуждающий политику США.

После завершения реорганизации Народно-освободительная армия Китая получила задачу окружить и уничтожить главные силы гоминьдановской армии в Северо-Восточном, Северном и Восточном Китае, не допустить их отхода в Центральный и Южный Китай.

¹ Eunsou R. Op. cit. P. 125.

Выполняя поставленную задачу, НОАК с осени 1948 до октября 1949 г. осуществила ряд крупных наступательных стратегических операций. Среди них наиболее значительными были: Ляоси-Шэньянская, Хуанхайская, Пекин-Тяньцзинь-Чжанцзякоуская и, наконец, одна из самых сложных завершающая операция по форсированию реки Янцзы.

В конце 1948 г. в пекинском аэропорту царил полная неразбериха. Гоминьдановские генералы, расталкивая друг друга, с отчаянной решимостью проталкивали в самолеты свой багаж — золото и любовниц. Некоторые из них, отягощенные драгоценностями, еле-еле забирались по трапу на борт транспортных самолетов. Еще совсем недавно ведущие военачальники «личных войск» генералиссимуса хвастались своим могуществом, теперь же их бегство представляло жалкое зрелище. В этих условиях среди инициаторов китайской политики США еще большую популярность приобретала идея замены Чан Кайши на более приемлемую фигуру. Такой фигурой стал глава гуансийской клики Ли Цзунжэнь. Другой лидер гуансийцев — Бай Чунси, будучи министром национальной обороны, сумел сохранить большую часть своих войск, что обеспечивало Ли Цзунжэню серьезное преимущество перед Чан Кайши.

Американцы все больше убеждались в неизбежности краха чанкайшистского режима. Оказалась несостоятельной и ставка Чан Кайши на республиканского кандидата на президентских выборах 1948 г. Томаса Дьюи, обещавшего «всемерно поддерживать Чан Кайши». Чан Кайши воспринял неудачу Дьюи как свою собственную. Ставилась под сомнение и программа помощи со стороны США. Что делать? Как спасти престиж Гоминьдана? Кто должен поехать в Вашингтон, чтобы не прекратились американские поставки в Китай? После обсуждения ряда кандидатур выбор пал на мадам Чан.

Поездка мадам в США для Чан Кайши была необходима и потому, что оппозиция в Гоминьдане старалась заполучить американскую помощь для себя. Генералиссимус терял доверие к гоминьдановскому послу Ку. Его агенты стали замечать, что Ку после посещения официальных лиц США избегает направлять отчет Чан Кайши, что не могло не настораживать. «Я постараюсь еще раз», — заявила мадам. Она вылетела 28 ноября 1948 г., а через два дня американское посольство стало покидать Нанкин, к которому подходили части НОАК.

Чанкайшисты были весьма разочарованы, когда узнали, что государственный секретарь Маршалл готов с «удовольствием» принять первую леди лишь в качестве «личного друга». 1 декабря ее скромно встретили в Вашингтоне китайский посол Веллингтон Ку и муж сестры Х. Кун. Протокольный отдел госдепартамента не проявил особого энтузиазма: супругу Чан Кайши приветствовал второразрядный чиновник. Первая телеграмма домой была лаконичной: «Никто не проявляет интереса к нам»¹.

Пока Сун Мэйлин ждала, когда наконец к ней проявят достойное ее особе внимание, стали распространяться слухи о возможном отступлении гоминьдановцев на Тайвань. 8 декабря 1948 г. выступил делегат в ООН Цзян Динфу: «Настоящим заявлением китайская делегация категорически отвергает предъявленные китайскому правительству обвинения в том, будто оно планирует утвердить себя на Тайване и будто ведущие китайские официальные лица готовятся аккумулировать себя в новом коммунистическом режиме в Нанкине»². Мадам пришлось томиться в ожидании девять долгих дней, прежде чем президент удостоил ее своим вниманием.

Трумэн был вежлив, но холоден. Президент подарил гостье полчаса для беседы. Он подчеркнул значение американо-китайской дружбы и высказал сожаление о том, что США не могут предоставить Китаю больше обещанных в программе помощи 400 млн долларов.

Дом Кун Сянси в Ривердейл, где остановилась гостья, превратился в штаб лоббистов. Еженедельно там созывались «стратегические встречи». На них присутствовали влиятельные лица делового мира, доверенные люди Чан Кайши, дипломатические работники, военные.

В начале 1949 г. генерал Чжоу, начальник штаба Чан Кайши и командующий ВВС, установил деловые связи с СИС, компанией по военному снабжению Китая, принадлежащей Сун Цзывэню. СИС продолжала выступать в роли основного поставщика снаряжения, самолетов, бензина для чанкайшистов.

К услугам мадам Чан Кайши были находящаяся в руках чанкайшистов компания «Юниверсал трейдинг корпорэйшн», действия которой благоприятствовали американо-китайской торговле, китайская нефтяная корпора-

¹ Kern G. H. *Formosa Betrayed*. Cambridge, 1965. P. 365.

² Ibidem.

ция (приобретение и экспорт нефтяных продуктов), наконец, китайский банк, имеющий в США несколько филиалов. Сотни миллионов долларов в золоте и иностранной валюте исчезали, как в бездонной бочке, через Гонконг и Португальское Макао. По правительственным каналам текли огромные суммы в Цюрих, Буэнос-Айрес, Нью-Йорк, Сан-Франциско, где оседали на закрытых счетах богатейших семейств Китая. Американская помощь гоминьдановскому Китаю возвращалась, как по замкнутому кругу, для финансирования лоббирующих в США организаций.

Мадам стремилась добиться во время своего визита следующего:

— четкого со стороны США заявления относительно продолжающейся американской поддержки гоминьдановского правительства;

— широкомасштабной материальной помощи;

— расследования положения в Китае высокопоставленным военным деятелем из числа американских генералов. В ряду наиболее достойных гоминьдановский министр иностранных дел Ван Шичжи называл генерала Дугласа Макатура¹.

Д. Макатур возглавлял в это время штаб оккупационных войск в Японии. К голосу Сун Мэйлин, призывавшей привлечь Макатура к китайским делам, присоединились и голоса конгрессменов. Но когда сенатор Оуэн Брэвстер предложил распространить деятельность Макатура на Китай, одна из самых влиятельных в гоминьдановских кругах газета «Дагун бао» высказалась довольно откровенно по этому поводу: «Подобного рода оскорбительные слова слетают с языка американского сенатора. Происходит ли это потому, что мы, китайцы, слишком податливы?» Национализм, окрепший в борьбе с японскими колонизаторами, не мог примириться с линией Макатура на возрождение Японии.

Усилия Чан Кайши, его попытки как-то подправить оседающее здание гоминьдановского режима, деятельность в США Сун Мэйлин не приносили каких-либо существенных результатов. В американской прессе, несмотря на противодействие лоббистов, появились материалы, рисующие режим Чан Кайши как коррумпированный и невежественный. В Нанкине все больше приходили к мысли, что «близкий огонь не погасить далекой водой».

¹ Kerr G. H. Op. cit. P. 365.

Агония

Мощный революционный подъем в гомиьдановских районах, решающие успехи НОАК и укрепление освобожденных районов, тяжелые поражения войск Чан Кайши поставили реакционный режим перед неминуемым крахом. В чанкайшистских войсках, правительственном и партийном аппарате распространились пораженческие настроения. Страну охватил политический и экономический кризис.

Осенью 1948 г. Чан Кайши был вынужден заговорить об отставке, о преемнике на пост президента Ли Цзун-жэне. Как глава Гомиьдана, он сохранил за собой контроль в партии.

31 декабря 1948 г. Чан Кайши пригласил на обед около 40 высокопоставленных лидеров Гомиьдана. Генералиссимус, сидя во главе стола, сначала хранил молчание. Но вскоре тишину разорвал его истерический голос: «Я не очень стремился к этому, но вы, члены Гомиьдана, захотели, чтобы я ушел в отставку. Я намереваюсь уйти, но не из-за коммунистов, а из-за позиции определенных групп в Гомиьдане!»¹ Хозяин фальшивил. Позиция КПК влияла на обстановку в гомиьдановском лагере. Разве мог он, лидер Гомиьдана, спокойно слушать радио КПК? Его называли «преступником номер один», «главарем гомиьдановской бандитской шайки, который продал китайские национальные интересы США». В списке 45 военных преступников, переданном радио КПК, на первом месте значились супруги Чан.

В январе 1949 г. наиболее верные соратники вынуждены были признать крах своего режима. Обращения генералиссимуса к великим державам с просьбой повлиять на развитие событий в Китае, ограничить действия КПК успеха не принесли. В январе подразделения НОАК, разгромив наголову суйчжоускую группировку Гомиьдана, вышли к северному берегу реки Янцзы. Путь на Нанкин был открыт.

Среди ошибок Чан Кайши, которые привели Гомиьдан к поражению, противники генералиссимуса называли необдуманное решение назначить в Маньчжурию в качестве губернаторов своих людей. Эти ставленники Нанкина были отвергнуты местными бюрократами, не пожелавши-

¹ Crozier B., Chou E. Op. cit. P. 324.

ми делиться с пришельцами с Юга своими доходами. Вновь прибывшие из Нанкина в Маньчжурию чиновники выглядели, как говорили в народе, на один лад: они спешили как можно скорее нажиться. Но главное было то, что население «поворачивалось лицом» к КПК. Чан Кайши совершил и другую, как отмечалось, ошибку, отдав приказ расформировать 300-тысячное войско марионеточного режима Маньчжоу-Го. Это войско дружно перешло под знамена НОАК. Несмотря на разжигание чанкайшистами ненависти к КПК, и в рядах милитаристов появились генералы, решившие порвать с Чан Кайши.

Один из самых серьезных ударов по чанкайшистскому режиму нанес известный милитарист Фу Цзои. Генерал Фу никогда не отличался особой преданностью Чан Кайши. За ним шла армия численностью до миллиона человек, и судьба такой огромной армии могла серьезно повлиять на исход гражданской войны.

Представители американского командования, игнорируя Чан Кайши, связались напрямую с генералом Фу. Они выражали готовность оказать ему всестороннюю помощь. Фу, поверив в эти обещания, стал ждать поставок от американской стороны. Обещанный груз прибыл лишь 29 ноября 1948 г. Когда стали разгружать прибывшее судно, то обнаружили, что большинство доставленного оружия негодно.

Тяньцзинь пал 14 января 1949 г., Пекин лишился всякого щита. Генерал Янь Сишань шесть раз обращался к Фу Цзои, призывая его «к жертвам, к борьбе, к восприятию любой идеи, нацеленной на выживание». И Фу воспринял идею, предоставляющую шанс на выживание: он решил капитулировать. Решение пришло, конечно, не сразу. КПК обещала прощение прежних грехов и место в будущем правительстве, оказали давление и члены Демократической лиги. Двадцать пять дивизий генерала Фу влились в армии КПК. Офицерам разрешалось сохранить имеющийся у них чин, а тем, кто хотел покинуть армию, позволили взять с собой принадлежавшие им вещи, получить трехмесячное выходное пособие и покинуть свои части. Примеру генерала Фу пытались последовать и другие. 2 марта крейсер «Чунцин» — гордость гоминьдановского флота, всего год назад полученный от англичан, перешел на сторону НОАК. Но гоминьдановцы сумели все же потопить его.

Официально Чан ушел с поста президента Китая 21 января 1949 г. Его заменил Ли Цзунжэнь, Сунь

Фо, ставший премьером, возглавил фронду против Ли. Сторонники Сунь Фо взялись перебазировать многие правительственные учреждения в Гуанчжоу, большинство из них отказались сотрудничать с новым президентом. 23 января 1949 г., когда Народно-освободительная армия входила в Пекин, Ли стал склоняться, вопреки позиции Чан Кайши, к контактам с КПК. Для установления связи с КПК он направляет бывшего мэра Пекина Хо Сьюаня. Но гоминьдановская разведка перехватила посланца, и Хо расстался с жизнью.

Чан Кайши внешне сотрудничал с новым правительством, но на деле сохранял атрибуты независимой политической и военной власти. Соперничество в рядах переживавшей глубокий политический кризис коррумпированной верхушки сказывалось и на поведении гоминьдановских эмиссаров в США. Мадам, посольские чины и руководители официальных миссий продолжали посылать информацию непосредственно Чан Кайши: генералиссимус сохранил за собой влияние в партии, командование армией, распоряжался финансами.

22 января был назначен отлет Чан Кайши и его сына на родину. За несколько дней до этого Чан Кайши отправился к мавзолею Сунь Ятсена. Подойдя к гробнице, он старательно отвесил три поклона белой статуе Сунь Ятсена. Затем с сознанием исполненного долга двинулся к машине, последний раз бросив взгляд на запад, в сторону столицы.

Генералиссимус уезжает на родину, в местечко Цикоу, вместе со своим сыном Цзян Цзинго.

20 февраля посол Стюарт получает послание от генерала Хэ Инцина. Генерал просил американцев помочь выдворить Чан Кайши из Китая. На следующий день в посольство США поступила аналогичная просьба от генерала Бай Чунси. Объектом нападок оказался Сунь Фо. Его уличили в продаже дома в Шанхае по чрезвычайно высокой цене. Сунь Фо конечно же был крупным спекулянтом. Но разве окружавшие его политики были иными? Главная же вина Сунь Фо заключалась в нежелании найти взаимопонимание с новым президентом. За всем этим просматривались амбиции Чан Кайши и Ли Цзунжэня.

КПК укрепляла свои позиции в освобожденных от чанкайшистов районах. В марте 1949 г. в деревне Сибайпо (провинция Хэбэй) состоялся II пленум ЦК КПК. Доклад Мао Цзэдуна на пленуме был положен в основу резолюции. В числе задач партии называлось превра-

щение Китая в социалистическую страну. Государственный строй будущей Китайской Народной Республики пленум характеризовал как демократическую диктатуру народа.

«Под руководством государственной экономики, носящей социалистический характер, через кооперацию,— говорилось в резолюции пленума,— перестраивать индивидуальное хозяйство и через государственный капитализм перестраивать частное капиталистическое хозяйство — вот основной путь превращения новодемократического общества в социалистическое»¹. На фоне агонии в гоминьдановском стане весьма привлекательными для народа стали призывы КПК к членам партии — быть скромными, аккуратными, бороться с зазнайством. Пленум запретил поздравлять партийных руководителей с юбилеями, называть их именами местности, населенные пункты, предприятия. Авторитет КПК возрастал. Не считаться с этим гоминьдановцам было нельзя.

Ли Цзунжэнь готовился начать переговоры с КПК. Руководитель гоминьдановской делегации Чжан Чжичжун был связан с Чан Кайши еще по школе Вампу. И теперь в качестве министра без портфеля в Нанкинском правительстве он не мог не обратиться за советом к своему патрону. Чан Кайши получил от Чжана сообщение с просьбой о встрече, о предстоящих переговорах с КПК. Но генералиссимус остался равнодушным. «Какое это имеет значение,— говорил он,— приедет он или нет». Но Чжан приехал в Цикоу. Хозяин, вместо того чтобы проявить интерес к переговорам, предложил гостю побывать в примечательных местах Цикоу. Пришлось Чжану уехать ни с чем.

1 апреля начались переговоры гоминьдановцев с КПК. 15 апреля было завершено обсуждение текста достигнутого соглашения. Стороны определили порядок передачи гоминьдановцами власти компартии, не исключалась возможность участия патриотически настроенных элементов Гоминьдана в новой Политической консультативной конференции. Смягчался несколько удар по тем, кто был объявлен военным преступником. При искреннем раскаянии и оказании помощи в освобождении китайского народа обвинения в преступлениях могли быть сняты. КПК определила окончательный срок подписания соглашения — 20 апреля².

¹ Историография новейшей истории Китая. М., 1987. С. 216—217.

² *Spencer C. Chiang Kaishek, Generalissimo of Nationalist China.* N.Y., 1968. P. 237.

Вести о переговорах с КПК не застали Чан Кайши врасплох. Он уже отдал один из последних своих приказов в Фэнхуа: срочно закончить строительство аэродрома в местечке Диньхай, расположенном между Цикоу и Шанхаем. Генералиссимус поступил предусмотрительно: необходимо было подготовить стартовую площадку для бегства на Тайвань. Базу готовил старейший соратник Чана — Чэнь Чэн. Сын хотел иметь более определенное представление о своей судьбе. «Мы пробудем здесь,— сказал ему отец,— три месяца». На этот раз Чан Кайши не ошибся с прогнозом.

17 апреля Нанкинское правительство просит Чан Кайши взять на себя обязанности президента и, естественно, ответственность за ход военных действий. Чан предложил Ли встретиться в Ханчжоу. Из Нанкина на встречу вместе с Ли вылетели Хэ Инцин и генерал Бай Чунси. Состоялся короткий разговор. Генералиссимус, имея в виду условие КПК, спросил: «Какую позицию, по вашему мнению, мы должны занять?» «Я готов,— ответил Ли,— послать кого-либо для переговоров в Пекин с целью обсудить условия».

Чан Кайши отрицал возможность достижения какого-либо успеха в переговорах с КПК. Условия, предъявленные коммунистами, были для него неприемлемыми. Он кладет на стол проект телеграммы. «Эта телеграмма может быть подписана совместно: вами, как действующим президентом, и мною, как лидером Гоминьдана». Мирные переговоры, отмечалось в проекте, прерваны, правительство переезжает в Гуанчжоу с целью дальнейшего «сопротивления коммунистической агрессии». Ли требовал, просил, умолял Чана передать ему право на использование оставшихся ресурсов для обороны Янцзы, но Чан Кайши возвращается в Цикоу. На Тайвань перебрасывается авиация, соединения ВМС, часть дивизий, возглавляемых верными диктатору генералами.

Чан Кайши спешил переправить на Тайвань и золото. В последнем его указании управляющему Центральным китайским банком отмечалось: «Перебазировать оставшийся золотой фонд в Тайбэй».

В ночь с 20 на 21 апреля НОАК перешла в наступление к югу от Янцзы. Гоминьдановская оборона дрогнула. После возвращения делегации Нанкинского правительства от Чан Кайши появилось коммюнике о переговорах в Цикоу. Однако содержащиеся в коммюнике призывы к «единству», «борьбе до конца» полностью

заглушила приближающаяся к гоминьдановской столице канонада.

23 апреля началась стрельба на улицах Нанкина, загрохотали взрывы. Гоминьдановский гарнизон сложил оружие. 26-я армия — ей было поручено оборонять Нанкин — так и не появилась. Лидеры спасали свои жизни. Мэр Дэн Чжэ бросился в машину с 300 млн золотых юаней из государственной казны. Шофер и охрана не выдержали и учинили собственный справедливый суд: мэр был жестоко избит, а вскоре и попал в плен. Сколько таких высокопоставленных чиновников Гомиьдана старались унести с собой все, что попадалось под руку?! В этом смысле они мало чем отличались от иностранных завоевателей. Соратники Чан Кайши спасались бегством, но не забывали запихнуть в свой багаж изделия из слоновой кости, золота, серебра и бронзы, ковры, картины, фарфор.

С радостью смотрели жители Нанкина, как, соблюдая строгую дисциплину и порядок, проходили по улицам отряды НОАК. В городе еще кровоточили раны от японской оккупации, горожане еще не оправились от насилий и грабежей, творимых гоминьдановской армией. Население Нанкина наконец вздохнуло свободно. Поддерживать порядок на улицах бывшей столицы оказалось не так-то просто. Командующий фронтом Лю Бочэн, встретившись вскоре после взятия Нанкина с советскими дипломатами, рассказал об одной из наиболее трудных для него задач — удержать солдат НОАК от расправы над находившимися здесь американцами.

25 апреля Чан Кайши перебрался из Цикоу в город своей молодости — Шанхай. Местный командующий продемонстрировал решимость стоять насмерть: он заявил, что сумеет повторить здесь оборону Сталинграда. Чан Кайши отдал приказ своим изрядно потрепанным войскам удерживать Шанхай и заявил: три года будет достаточно для «тотальной победы». Гоминьдановский лидер блефовал.

Чан провел 11 дней в Шанхае. Здесь он получил послание от Ли Цзунжэня и Янь Сишаня. Соперники потребовали передать всю власть президенту и правительству, возратить переправленные на Тайвань ценности для «финансирования деятельности президента»; Чан Кайши предлагалось выехать в Европу или Америку для сбора необходимых правительству средств. Он не стал медлить с ответом. «Вы настаиваете на том,— писал

он,— что я должен выехать за рубеж. Я не могу поступить так, поскольку я не милитарист. Но я согласен на то, чтобы не касаться государственных дел. С завтрашнего дня я полностью снимаю с себя ответственность за эти дела»¹. Свое слово на этот раз Чан сдержал. Он отбыл на Тайвань, а посол Стюарт в это время налаживал связи с представителями КПК. Бывший слушатель Яньцзинского университета Хуан Хуа, говоря теперь со Стюартом от имени КПК, выражал недовольство по поводу продолжающейся помощи США гоминьдановскому режиму.

12 мая начался штурм Шанхайского укрепленного района. 27 мая над Шанхаем было водружено знамя НОАК. «Второго Сталинграда», о котором говорили местные милитаристы, здесь быть и не могло. Победители взяли в плен более 100 тыс. солдат и офицеров. Чан Кайши выступил с речью в Тайбэе. «Если мы не возвратим Шанхай за четыре месяца,— поклялся оратор,— я покончу с собой!» Сколько таких клятв пришлось давать беглецу за свою жизнь! С материка продолжали поступать печальные для него новости. Становились обычными вести о переходе гоминьдановских чинов на сторону КПК. Это не удивляло. Поражало другое. Как мог, например, мэр Шанхая У Шаошу предать своего патрона? Он обладал секретными документами, списками лидеров тайных обществ, агентов Гоминьдана и т. п. Все эти документы У передал в руки представителей КПК, оборвав таким образом надежную связь Чан Кайши с Шанхаем.

От президента Ли в Тайбэй полетел с письмом Янь Сишань. Снова, в который раз, призыв к благоразумию. «Все наши соратники надеются, что вы приедете в Гуанчжоу и поведете нас...— говорилось в письме,— и я сам искренне надеюсь, что буду ежедневно пользоваться вашими советами и получать ваши указания». Янь Сишань уговаривал генералиссимуса не слушаться американских политиков, вернуться на материк, создать твердое военное правительство.

«Американцы думают,— философствовал Янь,— будто они знают, что хорошо для Китая. Но что они знают о Китае? Они видят Китай глазами миссионеров... Они хотят предложить Китаю свой вид демократии, не принимая во внимание условия в Китае. Но мы едим рис,

¹ Crozier B., Chou E. Op. cit. P. 336—337.

а они — хлеб. Означает ли это, что мы должны есть хлеб, чтобы стать демократической нацией?» Янь знал о приверженности супруги Чан Кайши идеалам американской демократии. «Если бы я был госпожой Чан, — неожиданно заявил милитарист, — я бы позабыл об американцах. Что стоит демократия, если нет ни одной страны, где она практиковалась бы». Янь Сишань возвратился в Гуанчжоу с пустыми руками.

Чан Кайши слишком тесно связал себя с Вашингтоном, чтобы довериться советам Янь Сишаня. В июле он получил от своих агентов в США успокаивающие заверения: ведущие деятели республиканской партии намереваются отстаивать политику «непризнания» китайских коммунистов, а также изучить планы дальнейшей помощи Гоминьдану. Лоббисты Миллар и Гудвин уделяют особое внимание партийным лидерам и в то же время пытаются избежать раскола в партийных рядах, по вопросам китайской политики особенно.

В июле Чан Кайши — на Филиппинах. Здесь вместе с президентом Квирино подписывает коммюнике с настойчивым требованием организовать Тихоокеанский пакт. Этот шаг вписывался в русло мероприятий Вашингтона, направленных на консолидацию проамериканских сил в Азии и на Тихом океане. Но между встречами с Квирино и с президентом Южной Кореи Ли Сын Маном в Сеуле Чан все же посетил Гуанчжоу. Выступая там 16 июля перед членами ЦИК Гоминьдана, Чан Кайши сказал: «Я чувствую стыд за свое возвращение в Гуанчжоу при нынешних условиях отступления и поражения. Я не могу не отметить, что должен разделить большую долю ответственности за поражение. Я напуган размахом спекуляций и контрабандой опиума в Гуанчжоу...» Чан Кайши признавал ответственность правительства за положение дел во временной столице. «...Мы должны удержать Гуанчжоу, наш последний порт, последнее место, опираясь на которое мы сможем использовать свой флот и авиацию», — заявил Чан Кайши перед членами ЦИК. 21 июля Чан Кайши покинул Гуанчжоу, уже навсегда.

Драма приближалась к развязке. Руководители КПК, натолкнувшись на нежелание Вашингтона пожертвовать Чан Кайши, активизировали военные действия. За своими плечами они ощущали международную поддержку.

В начале июля 1949 г. в Москву прибыла делегация КПК во главе с Лю Шаоци. Состоялись беседы

китайских руководителей с И. В. Сталиным. В своих воспоминаниях Ши Чжэ довольно подробно воспроизвел их содержание. Во время третьей беседы Лю Шаоци сообщил Сталину о планах КПК образовать к 1 января 1950 г. центральное правительство. Последовал вопрос Сталина: «...где вы разместите свое правительство? Государство не может оставаться без правительства». Руководители КПК связывали свои надежды с признанием нового правительства прежде всего со стороны Советского Союза, не надеялись в этом смысле на державы Запада, хотя последние не прекращали политическую игру с КПК. В августе 1949 г., когда делегация КПК возвращалась на родину, Сталин, напутствуя Лю Шаоци, снова заявил:

«Время без правительства не должно быть очень долгим, в противном случае зарубежные страны воспользуются этим моментом для вмешательства, вплоть до объединенного вмешательства, в этом случае вы окажетесь в трудном положении»¹.

Мао Цзэдун получил гарантии признания новой власти со стороны северного соседа, и вскоре, 18 августа 1949 г., появилась статья руководителя КПК «Прощайте, Лейтон Стюарт», где было сказано следующее:

«Слушайте же, те из китайцев, которые полагают, что победа возможна и без международной помощи... США не выставили большого количества войск для наступления на Китай не потому, что правительство США не хотело этого, а потому, что у него были свои опасения... Правительство США опасалось, что народы Советского Союза, Европы и всего мира выступят против него...»²

21 сентября в Пекине открылась сессия Народной политической консультативной конференции Китая (НПКК). На сессии был принят Закон об организации Центрального народного правительства Китайской Народной Республики, а также решения о столице, гимне и флаге КНР. В последний день работы, 30 сентября, НПКК избрала свой постоянный рабочий орган — Всекитайский комитет и Центральное народное правительство КНР. 1 октября 1949 г. на многотысячном тор-

¹ Ши Чжэ. Сопровождая председателя Мао // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 141—142.

² Мао Цзэдун. Избранные произведения. Пекин, 1969. Т. 4. С. 533 (на рус. яз.).

жественном митинге в Пекине, на площади Тяньаньмэнь, была оглашена декларация Центрального народного правительства о создании Китайской Народной Республики.

В правительственной декларации говорилось, что народная освободительная война в основном выиграна и большинство народа страны освобождено. Правительство заявляет, что оно является единственным законным правительством, представляющим весь народ Китая, и готово установить дипломатические отношения с любым иностранным государством, которое будет соблюдать принципы равенства, взаимной выгоды и взаимного уважения, территориальной целостности и суверенитета. Пост председателя правительства занял Мао Цзэдун.

2 октября 1949 г. КНР была признана Советским Союзом, который установил с ней дипломатические отношения. Советским послом в КНР был назначен Н. В. Рошин, а послом КНР в СССР — Ван Цзясян.

Вместе со своими соотечественниками на празднике провозглашения КНР были и те, кто длительное время вынужден был сотрудничать с Чан Кайши. Здесь была вдова Сунь Ятсена — Сун Цинлин. Она восторженно встретила образование КНР. Новое правительство, по ее словам, стало подлинно народным, демократическим. Она призывала сограждан нового Китая посвятить себя задаче предотвращения разрушения цивилизации, использовать всю энергию человека и все созданное им ради счастья простых людей повсюду в мире. Сун Цинлин умерла 29 мая 1981 г. в возрасте 88 лет, спустя 13 дней после того, как ее официально объявили в Пекине почетным президентом КНР.

На площади Тяньаньмэнь находились и гоминьдановские генералы, перешедшие на сторону КПК. Христианского маршала Фэн Юйсяна, проживавшего некоторое время в США, подстерегла нелепая смерть: в августе 1948 г. он погиб, возвращаясь в Китай, в каюте парохода, задохнувшись в дыму во время пожара. Но его вдова нашла приют в КНР.

Чан Кайши теряет связь с материком. 10 октября в своем послании изгнанник клеймит «советскую агрессию» в Китае и объявляет о решимости бороться до конца. Гоминьдановский президент Ли Цзунжэнь не скрывал своего раздражения, когда говорил с соратниками о Чан Кайши, и хотел публично заклеить генералиссимуса, но воздержался. Он выехал на лечение в США. На призывы приехать на Тайвань он не ответил.

Чан Кайши назначил генерал-лейтенанта Сун Личжэна главнокомандующим китайскими армиями и оборонительными силами Тайваня. Сун сразу же предложил программу подготовки тайваньской молодежи, которую рассматривал как «отличный материал».

Шаг за шагом по мере реорганизации армии, партии и администрации ведущей фигурой во всех сферах деятельности на Тайване становится генерал Цзян Цзинго. Генералиссимус оставил за собой верховную власть в армии. В качестве партийного лидера он стремился представить армию как контролирующую администрацию силу. Цзян был назначен главой политического департамента в армии и членом ЦИК, который контролировал партийные дела. «Президент» Чан обладал диктаторскими полномочиями, особенно во время кризиса и войны. Цзян Цзинго, как министр обороны, контролировал секретную службу армии, партии и правительства, использовал институт политических комиссаров, назначенных на все уровни военной организации.

Семья Чан Кайши взяла власть в свои руки. На стороне интересов остатков гоминьдановской элиты стояли вооруженные силы США.

Глава 8

Отец и сын

Эволюция Цзян Цзинго

В 1985 г. лекционные дела привели автора в Свердловск. После выступления на Уралмашзаводе гостеприимные хозяева подарили лектору изданную в 1982 г. летопись Т. Ефимовой «Уралмашевцы». На 63-й странице хорошо изданной книги повстречалась вдруг знакомая фамилия. Не раз приходилось слышать ее от представителей старшего поколения китаеведов, она жила в памяти первостроителей Уралмаша, упоминалась и в разговорах во время различных бесед в Свердловске, а судьба человека, носившего ее, стала, по существу, легендой, которая обрастала все новыми и новыми подробностями. Так вот, фамилию (псевдоним) Елизаров получил сын главы Гоминьдана Чан Кайши — Цзян Цзинго, приехавший в Советский Союз в далекие 20-е годы. Большая часть жизни наследника Чан Кайши в СССР связана со строительством Уралмаша.

Судьба Цзян Цзинго действительно уникальна. Бывший член ВКП(б) стал ревностным защитником противоположных социалистической идеологии ценностей. Но личность Цзян Цзинго со всей своей неповторимой крутизной жизненных поворотов, политической и идеологической эволюцией принадлежит истории независимо от воли сторонников или противников как социалистической идеологии, так и гоминьдановской бюрократии.

...Они расстались в конце 1925 г., в год смерти Сунь Ятсена. Чан Кайши готовился к походу против

северных милитаристов и много говорил о борьбе с империализмом, даже призывал к мировой революции. Цзян Цзинго, будучи членом китайского комсомола, искренне воспринимает призывы отца и едет на учебу в Советский Союз. Мог ли тогда молодой Цзян предположить, что решение Чан Кайши послать сына в Москву стало одним из многочисленных хитроумных шагов гоминьдановского лидера, делавшего ставку на бонапартистские методы в своей политике? Льстивое заигрывание Чан Кайши с правыми в Гоминьдане, с шанхайской мафией сопровождалось красивыми жестами в сторону Москвы. Гоминьдановский лидер, услышав о негативном отношении военных советников к своей очередной провокационной акции, обычно любил напоминать: я ведь послал сына в Москву.

В воспоминаниях Цзян Цзинго, опубликованных в КНР, больше говорилось о погоде, об обстановке в Москве, нежели о политических событиях в Стране Советов. Автор мемуаров вряд ли лукавил, когда вспоминал о своем и своих сверстников наивном восприятии окружающей действительности. «Почему красноармейцы не носят красных фуражек и красной формы?» — проявил любопытство Цзян Цзинго. И получил ответ советского коллеги: «Мы называем свою армию красной из принципа. Коммунистическое знамя красное, и наша армия борется за коммунизм. Поэтому наша армия называется красной...»

Весной 1927 г. если чем и был известен в Москве Цзян Цзинго, то прежде всего родственными узами с главой Гоминьдана. В Советском Союзе среди слушателей Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) и Университета имени Сунь Ятсена уже тогда пользовался известностью будущий видный деятель КНР Дэн Сяопин. Он старше Цзян Цзинго всего лишь на пять лет, но за его плечами — опыт организатора-подпольщика, начавшего свою политическую биографию с распространения листовок среди китайских рабочих во Франции. Цзян Цзинго играл еще в мальчишеские игры, когда Дэн Сяопин, находясь в Париже, вступил в Социалистический союз молодежи Китая, а через два года — в европейское отделение КПК. Политический опыт Цзян Цзинго был для той поры действительно невелик, особенно если его сравнить с опытом студентов КУТВ. Да и сам Цзян не скрывал этого, в партийных документах он написал: «Состоял членом

Гоминьдана с декабря 1925 по январь 1927 г., входил как член китайского комсомола», «не имел никакого определенного политического убеждения...»

Итак, свободный от «определенного политического убеждения», молодой Цзян невольно окунулся в политическую жизнь неведомой для него страны. Казалось, что все только и говорят о событиях на его родине. На голову обрушился поток противоречивой информации о перевороте, совершенном Чан Кайши в Шанхае. Комсомолец 20-х годов, как уже знает читатель, отказывается от отца.

Теперь молодые люди, разноязычные и разноплеменные энтузиасты, должны были надолго заменить наследнику Чан Кайши родных и близких, оставленных им далеко за Китайской стеной.

Конец 20-х — 30-е годы стали для советских людей годами самоотверженной борьбы за технический и социальный прогресс. Но это было и время, когда после смерти Ленина набирала силу тенденция к бюрократизации аппарата управления, когда всевозможными путями в стране насаждалась невиданная диктатура И. В. Сталина. Именно тогда вовлеченные в круговорот общественной и политической жизни Страны Советов представители молодежных движений из различных уголков мира делили со своими советскими сверстниками не только радости, но и свалившиеся на них тяжкие испытания. Немало пережил в начале своего жизненного пути и Цзян Цзинго.

Николай Владимирович Елизаров учится в КУТВ, в военной школе, затем по рекомендации Исполкома Коминтерна поступает в Академию РККА имени Толмачева в Ленинграде. Он секретарь комсомольской ячейки КУТВ, член комсомольского бюро военной академии. В феврале 1930 г. Н. В. Елизарова принимают кандидатом в члены ВКП(б).

Елизаров — Цзян Цзинго взвалил на себя — надо признать — непосильное бремя. Разрыв родственных связей с Чан Кайши казался невыносимым в свете устойчивых традиций китайских семейных отношений. Но подобные ситуации, когда сын восставал против отца, брат против брата, нередко возникали в буднях революции и гражданской войны.

Сыну китайского генерала предстояло ответить в автобиографии помимо прочего и на такой вопрос: зачем он появился в Советском Союзе? «Руководство Комин-

терна,— отвечал Елизаров,— поставило передо мной задачу: для того чтобы стать хорошим и крепким большевиком, нужно проходить практическую большевистскую школу». И Цзян Цзинго учился жизни. Он и рабочий на заводе, и председатель подмосковного колхоза. Завод и колхоз, как признавал сам Цзян, стали «огромной жизненной, большевистской школой», где он «работал с большим желанием и подъемом, где учился у рабочих и колхозников, учился у руководителя партийной организации».

В начале 30-х годов Чан Кайши блокирует и осаждает советские районы Китая, делает все, чтобы уничтожить КПК, а его сын, откликаясь на призыв Коминтерна и ВКП(б), едет на Урал, где поднимается первенец советского тяжелого машиностроения — Уральский машиностроительный завод. Цзян Цзинго попал в удивительный, наполненный бурными событиями мир гигантской стройки Урала. Самоотверженность молодых строителей Уралмаша, казалось, не могли подорвать ни кампании чисток, ни голодный паек, ни тяжелейшие условия быта. Первая молодежная коммуна! Молодые коммунары делили между собой и радость и горе.

На Уралмаше постепенно росла известность Елизарова — Цзяна. Не раз в трудные моменты, когда на отдельных участках появлялись прорывы, отмечалось в книге «Уралмашевцы», партком формировал штурмовые бригады из коммунистов и комсомольцев. Слесарь-коммунист Н. В. Елизаров стал организатором первой коммунистической штурмовой бригады. Имя Елизарова было занесено в красную книгу ударников, его выдвигают на пост заместителя начальника по административно-хозяйственной части механического цеха № 1 (начальником АХО цеха). В протоколах сохранилась запись диалога, состоявшегося 30 сентября 1933 г. на заседании специальной комиссии во время чистки партийной ячейки механического цеха. Вопросы задавались Елизарову председателем и присутствующими с места:

— Что тебя заставило приехать в Советский Союз?

— Приехал в СССР получить опыт революционной борьбы и учиться...

— Сколько рабочих уволил из-за принципа или ради сведения личных счетов?

— Ни одного.

— Почему был груб с рабочими и оторвался от массы?

— Грубость бывает только в исключительных случаях. От рабочих масс я не оторвался.

— Как борешься за решение социально-бытовых вопросов рабочих механического цеха?

— Было подано 187 заявлений о квартирах, из них 90 удовлетворено квартирами. Заключен договор на три барака и благоустройство в цехе.

— Почему бывали случаи, когда в третьей смене не хватало обедов?

— Потому, что столовая отпускала обеды без карточек.

— Будут ли рабочих снабжать дровами?

— У заводууправления нет указаний по этому вопросу. Но мы дали заявку ОРСу на получение необходимого для нас количества дров.

— Каков принцип заселения в квартиры?

— В каменные дома вселятся высокоградники и завербованные рабочие. Остальные в каркасные дома и в бараки.

— Какие предпринимались меры по ликвидации обсе-та рабочих в бухгалтерии?

— Был суд бухгалтерии, но обчеты все же продолжают, сейчас штат бухгалтерии укомплектовывается.

— Почему меня, партизана, выселили из квартиры?

— Вас не выселяли, а хотели переселить в лучшую квартиру...

Напряженность разговора в комиссии по чистке отражала серьезные трудности, с которыми приходилось сталкиваться пионерам Уралмаша. В это суровое время Елизаров был своим для уралмашевцев, о нем было сказано немало добрых слов. Кто-то напомнил, что Николай Владимирович не считался со своим временем и, если нужно, день и ночь проводил на работе. Другой говорил о его товарищеском отношении к рабочим, о его честном отношении к делу («решительно боролся с рвачами и прогульщиками»), третьи признавали: Елизаров достоин быть коммунистом. Речь шла и о недостатках. К ним относили нервозность и то, что проверяемый уделяет излишнее внимание «мелочам» («сам подметает пол, прибирает инструменты»), не продумывает тщательно вопрос, прежде чем принять решение, и т. д.

Своими решительными шагами, главное — публичным разоблачением отца, умелым приспособлением к окружающей обстановке Цзян Цзинго сумел преодолеть недо-

рие коллег. Нет, он не выглядел, даже если принять во внимание раздававшиеся упреки, капризным отпрыском высокопоставленного представителя китайской элиты. Цзян сдал очередной, нелегкий экзамен, его авторитет не мог не повыситься среди уралмашевцев, а на фоне многих человеческих трагедий успех сына отступника от идеалов китайской революции предстал и в его собственных глазах как немаловажная победа.

Когда молодой начальник АХО Н. Елизаров подметал пол в цехе, сам прибирал инструмент, писал и говорил, что он учится у руководителей, то его поведение укладывалось в русло конфуцианских традиций, которые оказали на Цзяна воздействие в самый решающий период его формирования как личности. Вместе с тем молодой Цзян рано потерял связи с отцом — Чан Кайши был всегда далеко от дома. Но и эта причина, хотя и играет свою роль, не может быть главной для объяснения столь необычного поведения сына китайского генерала.

В условиях формирования диктатуры Сталина наивысшей похвалы удостоивалась демонстрация преданности «вождю и учителю». Для Цзян Цзинго, получившего раннее воспитание в духе конфуцианских традиций, психоз, связанный с культом личности, преклонение перед величием «сталинского гения» выглядели вполне естественным проявлением народной воли («император — сын неба», «народ — песчинка в мироздании»), закономерным с позиций укоренившейся на его родине морали проявлением взаимоотношений между возведенной в абсолют властью «наместника неба» и пассивной массой народа («ветер дует — трава клонится»). Сын Чан Кайши, как и многие его коллеги по работе на Уралмаше, отождествлял с именем Сталина партию, дело социализма, энтузиазм советских людей. Такого рода ложное сознание находило отражение в партийной документации тех времен. Цзян Цзинго, исполнявший обязанности ответственного редактора газеты «За тяжелое машиностроение» (с февраля 1934 по февраль 1937 г.), неизбежно воспринимает стиль и навыки, столь распространенные в окружавшей его социальной среде того времени.

Перед автором лежит заявление, написанное рукой сына Чан Кайши. Цзян Цзинго ставит вопрос о переводе его из кандидатов в члены ВКП(б).

«В первичную организацию ВКП(б) при типографии Уралмашзавода. От кандидата ВКП(б) Елизарова Н. В. № кандидатской карточки 0111710

Коммунистическая партия большевиков заботливо и внимательно воспитывала и выращивала меня, она переделала и сделала меня настоящим, свободным и счастливым человеком. Настоящее счастье — это бороться за дело миллионов. Настоящая свобода — это жить, бороться и мыслить передовой революционной идеей Маркса — Ленина — Сталина. Мой отец Чан Кайши является изменником и предателем великой китайской революции и в настоящее время главой китайской черной реакции. С первого же момента его измены я вел борьбу против него. Прошло 10 лет, проходя школу большевизма, мое коммунистическое убеждение стало еще тверже, еще решительнее. Теперь моя жизненная дорога прямая и открытая, путь коммуниста, борца за дело рабочего класса. Буду точно выполнять программу и устав ВКП(б). Отдаю всю свою жизнь за дело Ленина — Сталина. Прошу Вас перевести меня из кандидатов в члены ВКП(б).

Н. Елизаров 16.XI.36».

Вокруг личности Цзян Цзинго не умолкают разговоры. На страницах газеты «Уральский рабочий» печатались материалы, рассказывающие об очередных провокациях Чан Кайши, об отказе чанкайшистов от антиимпериалистической борьбы. Тем не менее коммунисты, обсуждавшие кандидатуру Н. Елизарова, дававшие ему рекомендации, хорошо отзывались о своем товарище. «Елизаров — сын бывшего, — заявил один из них, — но понял нашу линию и пошел против отца. У наших рабочих хорошее мнение об Елизарове». 7 декабря 1936 г. решением партийного собрания в типографии газеты «За тяжелое машиностроение» Н. Елизаров единогласно переводится из кандидатов в члены ВКП(б). Его имя появилось и в списках депутатов Орджоникидзеовского райсовета города Свердловска.

Ровно через месяц после того, как Цзян поставил свою подпись под заявлением о приеме в ВКП(б), его отец был пленен в Сиани, о чем читателю уже известно.

Для сына же в это время наступил тяжелый час испытаний. Репрессии обрушились и на ближайших

В приложении к журналу ВКП(б) при № 10 1935 г.

От Канцелярии ВКП(б) № 10 111710

Индивидуальная работа по выявлению и ликвидации
 элементов контрреволюции и шпионажа среди
 рабочих и служащих завода № 101 в г. Ленинград.
 В связи с тем, что в настоящее время в г. Ленинград
 имеется большое количество рабочих и служащих, ранее
 работавших на заводах № 101 и № 102, а также в
 других предприятиях г. Ленинграда, необходимо
 провести тщательную проверку их биографии и
 деятельности в период работы на заводах № 101
 и № 102, а также в других предприятиях г. Ленинграда.
 В связи с этим прошу Вас рассмотреть возможность
 проведения такой проверки.

И. М. Мухоморов

друзей Н. Елизарова, на тех, кто помогал ему, находившемуся вдали от родных, найти свое место в незнакомом для него обществе, рекомендовал его в партию. Сколько честных людей, искренне преданных великой идее, погибло из-за грязных наветов, лживых доносов и обвинений!

«Бюро Орджоникидзевского райкома ВКП(б), — говорилось на страницах газеты «Уральский рабочий» 15 января 1937 г., — вскрыло в работе редакции «За тяжелое машиностроение» ряд крупных политических ошибок, притупление политической бдительности и отсутствие самокритики». «...В коллективе редакции «За тяжелое машиностроение» не было должной самокритики и большевистской бдительности. Газета не раз допускала враждебные и мелкобуржуазные выступления. Райком постановил освободить временно исполняющего обязанности ответственного редактора Елизарова и укрепить состав редакции проверенными партийными кадрами». Было признано, что ошибки, допущенные газетой, — результат недостаточного руководства газетой со стороны РК ВКП(б). Секретарь райкома, давший рекомендацию в партию Н. Елизарову, попал в ряды «врагов», а партконференция, проходившая 7—11 февраля 1937 г., закончилась для него печально — он стал очередной жертвой преследований. Казалось, что участь сына Чан Кайши предрешена. Но он, как депутат райсовета, еще некоторое время получает поддержку в горсовете Свердловска. С марта 1937 г. Н. В. Елизаров числится зам. зав. орготделом горсовета, с этого поста он и был взят под стражу органами НКВД.

В эти тяжелые дни, возможно, и запали в душу молодого Елизарова семена ненависти к коммунизму как к идеологии, что вряд ли может оправдать его перед памятью тех, кто проявлял о нем трогательную заботу и, возможно, из-за этого пострадал.

Весной 1978 г. автор, будучи в командировке в Сан-Франциско, включил один из каналов американского телевидения. С экрана блистал «президент» Цзян Цзинго. «Уж я-то знаю, что такое коммунизм!» — воскликнул он. С неприкрытой ненавистью говорил он о противоположной социальной системе. Он, как политик, видел в культуре личности не трагедию великих народов как в Советском Союзе, так и в КНР, а их вину за приверженность идеологическим принципам, которым сам поклонялся в молодости.

Гоминьдановский посол в Москве (1936—1938 гг.) Цзян Динфу частенько вспоминал, как выполнял поручение генералиссимуса о возвращении его сына. Посол обычно начинал свой рассказ с того момента, когда в Москву на его имя пришла телеграмма от генералиссимуса: «Пожалуйста, найдите моего сына и возвратите его». Он тотчас же обратился к советским властям, и через несколько дней Цзян Цзинго был найден. Поэтому сыну Чан Кайши и удалось скорее всего избежать тюремного заключения. Его пригласили в посольство и сообщили о просьбе отца. «У меня трудности,— ответил Цзян,— я женился на русской девушке, и женился по любви». Посол попросил Цзяна привести его жену. Появившаяся вскоре гостя оказалась дипломату провинциалкой. «Я сказал Цзяну,— вспоминал посол,— что он должен в любом случае возвратиться в Китай и взять с собой жену». Цзян поспешил дать согласие. Возвратившись в Китай через несколько лет, Цзян Динфу, встретив невестку Чан Кайши, был поражен: перед ним предстала грациозная леди, далеко не похожая на провинциалку.

Чан Кайши опасался, что сын, которого он не видел 12 лет, пробив длительное время в чужой стране, уже не сможет воспринимать китайскую мораль, философию, национальный дух. Отец явно хотел видеть в своем наследнике яркого националиста и немало делал для этого. Чан Кайши потребовал от Цзян Цзинго тщательного изучения писем Цзэн Гофая, для которого главным было чжусианское конфуцианство¹. Нет, Цзян Цзинго не забыл заповеди, которые веками чтили его предки. Этико-политическое учение Конфуция всегда цементировало семейные устои, регулировало отношения между людьми. Пусть сын еще раз откроет классическую книгу «Ли-цзы» и внемлет наставлениям предков: «Отец должен быть ласков, а сын — покорным; муж должен быть верен, а жена послушна; старший должен быть снисходителен, а младший — послушен, государь должен быть человеколюбив, а чиновник — предан».

В любом семейном храме Цзян Цзинго мог прочесть табличку о том, что следует почитать «небо, землю, государя, родителя, учителя».

¹ Доктрины сунского философа Чжу Си (1130—1200) и его последователей. Требовали строгого соблюдения феодальных принципов поведения, не допускали малейших изменений регламентированных конфуцианских традиций, норм поведения людей.

Период адаптации вскоре закончился, и Чан Кайши стал постепенно натаскивать своего отпрыска, чтобы он не только пользовался завоеванными отцом привилегиями, но и умел отстаивать их.

Что за фигура сын Чан Кайши? Доктор Цзян Динфу, отвечая на этот вопрос, говорил, что он считает сына Чан Кайши «не глупым человеком», а скорее «жертвой обстоятельств». «Мне кажется, — заявил в разговоре с Цзян Цзинго доктор Цзян Динфу, — что ты окружен посредственностями, а должен быть в обществе хороших людей». На это Цзян Цзинго ответил: «Вы действительно полагаете, что хорошие люди будут сотрудничать со мной?.. Никто из даровитых людей не хочет быть со мной...»¹. Чанкайшистская элита, видимо, с трудом привыкала к мысли, что «бывший коммунист» может стать «кронпринцем» в Гоминьдане. Но находившийся в расцвете сил — ему еще не было сорока — Цзян Цзинго испытывал жажду деятельности. До 1945 г. он возглавлял административные органы провинции Цзянси, в 1945—1947 гг. — отдел иностранных связей военно-политической администрации Северо-Восточного Китая, руководил молодежным движением.

Поручения отца в 1945 г. связаны были и с маневрами Гоминьдана по отношению к командованию советских войск, находившихся в Маньчжурии после разгрома японских оккупантов. Цзян Цзинго едет в Чанчунь, где вместе с высокопоставленными деятелями Гоминьдана отстаивает интересы Чан Кайши. Сюда же приезжает Сун Мэйлин. Мачеха Цзян Цзинго выступает на собраниях, раздает гоминьдановские ордена советским офицерам. По всему городу с приездом первой леди и сына генералиссимуса развешиваются гоминьдановцами плакаты: «Да здравствует величайший председатель Чан Кайши!»

Цзян Цзинго не раз появлялся перед советской аудиторией; участник событий тех лет В. Я. Сидихменов в беседе с автором вспоминал, что с ними разговаривал молодой, энергичный политический деятель, продемонстрировавший незаурядное знание русского языка. Он говорил о дружбе между народами СССР и Китая. «Вас 200 миллионов, — заявил оратор, — а нас — 600, вместе мы составляем силу в 800 миллионов, и это огромная сила». А в это время в Маньчжурии участились террористические

¹ *Peng Mingmin A. Taste of Freedom: Memories of a Formosan Independence Leader. N. Y., 1972. P. 113.*

акты против советских офицеров, китайских коммунистов. Пока Цзян Цзинго произносил медоточивые речи, наймиты отца совершали свои убийства из-за угла.

19 августа 1948 г., в разгар гражданской войны, разрухи и невероятной инфляции, объявляется валютная реформа. Цзян Цзинго назначается верховным администратором проведения реформы. Наводить порядок решено было с Шанхая. Сын рьяно принялся за дело, и с его одобрения тех, кто сопротивлялся нововведениям, подвергали наказанию прямо на улицах. Он арестовал несколько сот человек. Чрезвычайный трибунал выносил с его благословения смертные приговоры зарвавшимся спекулянтам. Цзян получил поддержку мэра Шанхая, но его руки связала подпольная мафия, члены тайного общества гангстеров «Зеленые».

В один из сентябрьских вечеров 1948 г. в доме мадам Чан раздался телефонный звонок. Хозяйка услышала тревожный голос сестры Сун Айлин. Племянник мадам Дэвид Кун — в опасности. Агенты Цзян Цзинго в Шанхае обнаружили склад запрещенного товара. Оказалось, что товар принадлежит «Янцзы девелопмент корпорейшн», контролируемый банкиром Куном. Цзян Цзинго решил арестовать сына банкира Куна — Дэвида. Мадам пришлось срочно лететь в Шанхай, чтобы как-то нейтрализовать зарвавшегося пасынка. Сам Кун выехал в США, избежав скандала. Главный штаб «Янцзы девелопмент корпорейшн» перевели во Флориду.

1 ноября миссия Цзян Цзинго закончилась. «После 70 дней своей работы, — Цзян начал привыкать к социальной демагогии, — я почувствовал, что не смог исполнить долг, который должен был исполнить... Я искренне желаю гражданам Шанхая использовать свои собственные силы для того, чтобы предотвратить контроль над Шанхаем со стороны нечистоплотных дельцов, бюрократов, политиков и вымогателей». Сын диктатора лицемерил: благополучие его семьи, гоминьдановской плутократии было тесно связано с дельцами подпольного мира. Вирус разложения в китайском обществе распространился и по вертикали, и по горизонтали. Нарыв назревал уже не по месяцам, а по дням.

Доктор Цзян Динфу однажды достаточно откровенно посоветовал Чан Кайши подобрать для Цзян Цзинго более почетное место, нежели должность полицейского босса. «А что он может?» — спросил Чан у своего бывшего посла в СССР. Отец недооценил своего сына...

Безопасность за спиной США

Судьба семьи Чан Кайши оказалась в тесной зависимости от международно-политических событий на Дальнем Востоке, послевоенных планов Вашингтона. Генералиссимус знал, какое важное значение придают в США Тайваню. Госдепартамент еще в 1945 г. откровенно признал стратегическую необходимость американского контроля над островом. За исключением Сингапура, как полагали американские политологи, на Дальнем Востоке нет ни одного пункта, который заменил бы такую важную «контрольную позицию», как Тайвань.

В первый год после образования КНР стратегические приоритеты Вашингтона начали несколько смещаться. С тревогой слушал Чан Кайши сообщение о выступлении в Национальном пресс-клубе 12 января 1950 г. государственного секретаря США Д. Ачесона. Внешнеполитическое ведомство США пошло, как казалось гоминьдановцам, на небывалое предательство! Оно исключило Тайвань из «периметра обороны» США.

В окружении Чан Кайши росли панические настроения. Наиболее предприимчивые дельцы пытались сохранить свои приобретенные силой и мошенничеством богатства — золото переправлялось в наиболее надежные места, только в мае 1950 г. соратники Чан Кайши перевели в Гонконг до 50 млн гонконгских долларов. Из Тайбэя усилился поток беженцев, особой популярностью у них пользовалась Бразилия.

Начало войны в Корее вдохновило Чан Кайши. Генералиссимус располагал информацией о намерении КНР направить в Корею добровольцев; его не покидали надежды на переход американских войск через 38-ю параллель, что должно было — он верил в это — привести к непосредственному американско-китайскому столкновению. Телеграмма тайваньского посольства из Вашингтона обнадеживала. «Если это произойдет, — отмечалось в ней, — тогда наши позиции укрепятся в значительной степени».

Чан Кайши направил основные усилия на обработку общественного мнения в США. Сторонники Тайбэя начали активный поиск наиболее эффективных путей для действий лобби в пользу генералиссимуса. «Республиканцы в сенатской комиссии по иностранным делам, — докладывали Чан Кайши его агенты из США, — обнаружили заявление, подвергающее резкой критике послевоенную дальневосточную политику США... Если корейская война

не закончится за эту предвыборную кампанию, эта проблема будет центральной для республиканцев. Наше правительство должно полностью оградить себя от внутриполитических проблем США. Но демократическая партия не сможет избежать безосновательных нападок на наше правительство и нашего президента. Наши нейтральные американские друзья советуют нам быть готовыми к отражению такого рода безосновательных нападок путем использования действительных фактов, чтобы избежать недопонимания со стороны американской общественности. Если мы будем довольствоваться лишь тем, что делают для нас республиканцы, то это не приведет к желаемым результатам... Мы должны использовать лиц, находящихся вне правительственной сферы. Этот метод будет более эффективным». В соответствии с подобными рекомендациями сторонники Чан Кайши вербовались среди американских ученых, публицистов, общественных деятелей. Чан Кайши искал опору среди таких адептов американского консерватизма, как генералы Макартур, Хэрли. Среди тех, кто поддерживал противоположную линию генерала Стилуэлла, был генерал Маршалл. На Маршалла и обрушили свои удары гоминьдановские лоббисты, обвинив его в «содействии» триумфу КПК. Генерал Ведемейер, находясь под давлением консерваторов, все ближе склонялся на сторону Тайбэя.

Группа американских сенаторов выступила со следующим заявлением: «Политика поддержки Китайской республики (Тайбэя.— В. В) должна быть твердой и последовательной политикой США. Президент Чан Кайши был и является выдающимся антикоммунистическим лидером в Азии. Наш враг в Азии и во всем мире должен быть идентифицирован с русским коммунизмом.

...Чан Кайши потерял Китай, поскольку он не получил достаточной моральной и материальной поддержки от США, а не по какой-либо иной причине»¹. Правые республиканцы указали на безответственные нападки на Чан Кайши, якобы безосновательные обвинения его соратников в коррупции, разложении, что, по мнению сторонников генералиссимуса, подрывало гоминьдановский режим. Чан Кайши ощущал за спиной могущественную поддержку.

Банкирские дома Среднего Запада и Калифорнии, устремлявшие взоры на Азию, с еще большей настойчи-

¹ Koen R. J. The China Lobby in American politics. N.Y., 1974. P. 103.

востью отстаивали лозунг «Азия прежде всего»; с резкой критикой европейской ориентации правительства выступили видные деятели республиканцев — сенатор Тафт, бывший президент Гувер, вокруг которых группировались и другие сенаторы-республиканцы — члены комиссии по иностранным делам конгресса: Александр Уайли (Висконсин), Х. Александр Смитт (Нью-Джерси), Б. Хекенлупер (Айова), Кэбот Лодж (Массачусетс). Несмотря на болезнь, в бой готов был броситься и сенатор Ванденберг. По мнению этих сенаторов, «кровь американских парней лежала на совести президента и больше ни на ком другом». Кумиром мятежных сенаторов и стал генерал Макартур: они надеялись на генерала, ожидали от него большей смелости в проведении рискованного курса в дальневосточной политике.

Пропагандисты в США, и прежде всего сподвижники Генри Люса, пытались заставить американское общественное мнение поверить в силы Чан Кайши, в его способности не только «закрепиться» перед угрозой с материка, но и открыть второй фронт против КНР.

В 1950 г. население Тайваня составляло 8 млн человек. Среди американских военных специалистов не было единогласия по поводу количества штыков укрывшейся на Тайване армии Чан Кайши и ее потенциальных возможностей. Некоторые военные в Токио и Вашингтоне брали на себя смелость предполагать, что чанкайшистских войск наберется около 50 тыс. Но пропагандисты-профессионалы со свойственной им беззастенчивостью изображали положение на Тайване в более привлекательном свете. «Американские военные, — утверждалось в одном из сообщений, — считают, что красное вторжение будет отражено совместными усилиями 7-го флота США и армии националистов в количестве 500 тыс. человек». Впоследствии эта цифра поднялась до 800 тыс. Сторонникам расширения конфликта на Дальнем Востоке было, конечно, выгодно раздувать миф о скрытых потенциальных возможностях армии Чан Кайши, о способности гоминьдановцев внести солидный вклад в дело общей «борьбы с силами коммунизма». Они яростно разоблачили беспомощность политических руководителей, приписывали им вину за неудачи в корейской войне, во многом объясняя эти неудачи нежеланием использовать силы рвущегося в бой союзника.

29 июня 1950 г., два дня спустя после того, как Трумэн провозгласил «карантин» Тайваня, Чан Кайши объявил

о решении послать в Корею до 30 тыс. солдат. В специальной памятке в Вашингтон тайваньский правитель писал о его 33 тыс. солдат, готовых выступить на стороне США в Корее, и о необходимости переправить в Тайбэй 20 самолетов типа С-46 для транспортировки войск. На первых порах Объединенный комитет начальников штабов, казалось, готов был пойти навстречу чанкайшистам и даже рекомендовал военному ведомству позволить гоминьдановцам минировать прибрежные воды и не сдерживать их в стремлении атаковать войска КНР. Однако правительство США после зрелых размышлений в конце концов отвергло идею привлечения войск Чан Кайши к агрессивным акциям в Корее, и услужливость генералиссимуса на этот раз не встретила полного взаимопонимания в Вашингтоне: слишком большим оказался риск задуманного предприятия.

Особые надежды связывались с именем Макартура. Неудача с осуществлением идей участия Тайваня в американской акции в Корее раздосадовала как Чан Кайши, так и кумира американских «ультра», они восприняли ее как удар по их собственному престижу. В Тайбэе с нетерпением ожидали Макартура. Генерал еще перед началом корейской войны, во время беседы в Токио с высокопоставленными представителями Пентагона, много говорил о значении Тайваня для США. Он предложил даже организовать свою поездку на Тайвань и «объяснить Чан Кайши причины, по которым было отклонено его предложение направить войска в Корею». Гости соглашались с Макартуром. Но Белый дом? Там, по мнению генерала, стремились пересмотреть свою политику по отношению к тайваньской проблеме. Объединенный комитет начальников штабов предложил генералу направить на Тайвань своего офицера, а самому поехать позже, поскольку «государственный департамент, по мнению военных, был чрезвычайно обеспокоен политическими проблемами, возникшими в связи с нейтрализацией Тайваня». Теперь Макартур считал немислимым откладывать поездку.

31 июля 1950 г. генерал, демонстрируя перед камерами репортеров самую утонченную галантность, прикладывался к ручке мадам Чан. Затем, повернувшись к ее супругу, стоявшему рядом, спросил: «Как поживаете, генералиссимус? — и, не успев получить ответ, добавил снисходительно:— Прекрасно, что вы снизошли ко мне и встретили...» Вечером Чан Кайши и его супруга давали официальный обед. Неспособность Чан Кайши поддерживать

беседу по-английски создавала немало осложнений для хозяина, но мадам мобилизовала весь запас находившихся в ее арсенале чар. Переговоры, казавшиеся Макартуру и Чан Кайши весьма важными, несколько утомили обе стороны, так как, рассчитанные на внешний эффект, были связаны больше с торжественным церемониалом, нежели с деловыми беседами. На следующий день, 1 августа 1950 г., генерал, пообещав тайваньским правителям прислать новых военных советников и новое снаряжение, вылетел в Токио. Через семь дней заместитель начальника штаба Макартура генерал-майор Фокс вылетел на Тайвань с целью ознакомиться с военными нуждами гоминьдановцев. С ним туда же направилась группа инспектирования.

3 августа государственный секретарь попросил дипломатического советника Себолта получить у вернувшегося из Японии Макартура информацию о визите на Тайвань. Когда же Себолт передал просьбу Ачесона, Макартур сослался на усталость и попросил отложить беседу до следующего раза. Но и в следующий раз Себолт вернулся ни с чем: генерал заявил ему, что переговоры на Тайване носили лишь военный характер и у него нет никакого желания говорить о деталях. Себолт пытался напомнить о значении проблемы Тайваня для внешней политики США, но получил ответ: «Билл, я не знаю, о чем ты говоришь. Формозская политика уже определена приказом Трумэна от 28 июня 7-му флоту США о предотвращении любой коммунистической атаки на остров или любого штурма материка со стороны Формозы».

И на этот раз генерал отделался отговоркой. Свое настоящее отношение к Чан Кайши Макартур объяснил в беседе с бывшим консулом США в Гонконге, назначенным послом на Тайвань, во время визита последнего в Токио еще в июле 1950 г. «Если он (Чан Кайши. — В. В.), — говорил генерал, — потерпел неудачу и удрал из-за того, что он антикоммунист, мы должны помогать ему. Государственный департамент, вместо того чтобы осложнять обстановку, должен помочь ему в его борьбе против коммунизма...»¹

Чан Кайши начал прославлять усилия Макартура, направленные на спасение престижа тайваньских лидеров. «Наш народ и вооруженные силы, — провозглашал в своем заявлении генералиссимус без армии, — глубоко почитают генерала Макартура за его твердое руководство в общей

¹ Koen R. T. Op. cit. P. 103.

борьбе против тоталитаризма в Азии». Чан Кайши объявил о создании основы «китайско-американского союза», называл генерала «товарищем по оружию».

План генерала Макартура, таивший в себе угрозу превращения локального военного конфликта в глобальный, предусматривавший установление блокады китайского побережья, разрушение промышленного потенциала Китая воздушными бомбардировками, привлечение Чан Кайши к непосредственному участию в военных действиях в Корее, вызывал серьезные опасения в Вашингтонских коридорах власти. Банкротство линии Макартура означало крах сторонников наиболее авантюристической линии в китайской политике США.

Отставка в 1951 г. Макартура не сулила легкой жизни для семьи Чан Кайши. Идея замены Чан Кайши на более приемлемого для США лидера никогда не оставляла умы американских специалистов по делам тайной дипломатии. И теперь, в конце 1952 г., политический климат, казалось, вновь благоприятствовал осуществлению такого рода идеи. На этот раз американские офицеры должны были тесно сотрудничать в деле устранения Чан Кайши. Тщательно отработывался вариант восстания, инспирирования волнений на острове. Армия готовилась вмешаться для установления контроля над событиями. При этом планировалось, что семья Чан Кайши, его ближайшие соратники будут помещены в убежище до того времени, пока не утихнут волнения. План предусматривал: разъяренная толпа нападет на убежище, где генералиссимус под присмотром полиции должен был ожидать своей участи. После установления порядка станет известно: семья Чан Кайши, его окружение истреблены восставшими. В обстановке траура и глубочайшей скорби сильная личность из среды тайваньских генералов возьмет в свои руки власть. Всего лишь за несколько недель до осуществления этого плана против тайваньского диктатора секретные службы Чан Кайши ухватились за нити заговора и даже познакомились с некоторыми его деталями. Американский полковник, один из организаторов, еле унес ноги. Тайбэй использовал сложившуюся ситуацию для активизации нападков на КНР, объявив о намерении Пекина сбросить Чан Кайши и овладеть островом. Основная вина была возложена на командующего армией генерала Сун Личжэна. Его заставили силой признать свою вину. Американские офицеры, имевшие возможность увидеть

опального генерала, пришли к выводу: Сун Личжэн стал объектом психологических и физических пыток¹.

Версия коммунистического заговора против Чан Кайши вполне устраивала американских политиков, поднявшихся на волне маккартистской «охоты за ведьмами». Семья Чан Кайши, несмотря на неудачу «товарища по оружию» — Макартура, продолжала полагаться на содействие и помощь Вашингтона. В 1954 г. родился Договор о взаимной обороне между Вашингтоном и Тайбэем. Гоминьдановцы получили от своего американского союзника гарантии безопасности, а США встали на путь открытой конфронтации с КНР. Чан Кайши старался опираться на своих друзей в США, многие из которых, как, например, конгрессмен Джадд, адмирал Рэдфорд и другие, рвались в бой; Тайвань представлялся им не иначе как один из плацдармов «ббрьбы с коммунизмом». Однако уже в 50-е годы стало ясно, что практическая значимость концепции силового давления на противоположную социально-политическую систему была значительно подорвана. Чан Кайши понимал: США не пойдут на развязывание мировой войны ради осуществления сомнительных планов возвращения гоминьдановцев на материк, даже локальная война оказалась тесно связанной с риском ядерного конфликта, способного уничтожить цивилизацию. Но стоило летом 1962 г. возникнуть очередной критической ситуации в районе Тайваньского пролива, как в Тайбэе не удержались и пригрозили вторжением на материк. Эти заявления не получили, однако, желаемой гоминьдановцами поддержки за океаном, и Чан Кайши оставил в конце концов идею высадки на материк.

Гоминьдановские власти с помощью американских друзей бросили все силы на обеспечение экономической безопасности острова. Для этого имелись необходимые предпосылки. Беглецы прибыли на Тайвань не на пустое место. Японцы за годы своего господства создали на острове необходимую для осуществления военных операций в зоне Южных морей военно-промышленную инфраструктуру. Здесь развивалось производство традиционных товаров — чая, лесоматериалов, камфоры, цемента. Война подтолкнула развитие новых отраслей промышленности, расширилось производство стали, алюминия, каучука, нефтепродуктов, выросла добыча угля и т. д. Промыш-

¹ *Dorn F. Op. cit. P. 125—127.*

ленность располагала квалифицированными для того времени техническими кадрами.

Вместе с Чан Кайши на Тайвань хлынул в 1948—1949 гг. с материка поток людей — до 2 млн. Страх, не имеющий нередко оснований, заставлял пускаться в бегство представителей китайской интеллигенции. Они привозили с собой на остров ценнейшие собрания книг, специальных исследований, художественные коллекции. Хорошо известные научные центры, уцелевшие в военные годы, оседали на Тайване. Основанный японцами еще в 1927 г., университет в Тайбэе был реорганизован в 1946 г. и начал расширять свою деятельность. Синологическая (китаеведческая) академия возобновила занятия. На Тайване сконцентрировался значительный производственный и интеллектуальный потенциал, способный стимулировать развитие острова в новых условиях. Но «феномен Тайваня» объяснялся прежде всего американской помощью, а она в 50—60-х годах исчислялась несколькими миллиардами долларов. Режим на Тайване стал объектом послевоенной социальной стратегии США, явившейся в значительной мере реакцией на революционные изменения в мире.

Цзян Цзинго, поощряемый отцом, постепенно прибирал к своим рукам основные рычаги власти. В 1966—1969 гг.—«министр» обороны, в 1969—1972 гг.— заместитель «премьера», а с 1972 г.— «премьер-министр». Цзян занял пост «премьера» в довольно смутное время. Президент США Р. Никсон — а в 50-х его называли в США сенатором от Формозы — совершил визит в КНР, чем открыл новую страницу в американо-китайских отношениях. Разве могли Чан Кайши и его сын спокойно воспринимать ослабление дипломатических позиций своего режима? В Тайбэе с упорством отвергали напоминания Вашингтона о том, что проблему Тайваня должны решать сами китайцы. «Единственные контакты между нами и «врагом», — клялся Чан, — это контакты крови и меча!»

В октябре 1984 г. на Тайване широко отмечали юбилей китайской революции 1911 г. и 35-ю годовщину со дня создания «националистического правительства» на Тайване. Более 20 тыс. иностранных гостей получили приглашение присутствовать на торжествах. Среди иностранцев, прибывших на празднество, особое внимание привлекли американские гражданские пилоты в отставке — примерно 160 человек, входившие в годы

антияпонской войны в подразделение «летающие тигры» под командованием генерала К. Ченнолта. Присутствие на празднике «летающих тигров» символизировало традиционные связи США с семейством Чан Кайши.

Цзян Цзинго обратился к собравшимся с речью. Оратору шел 74-й год, он не мог похвастаться здоровьем, но считал своим долгом поднять дух окружавших его соратников. «Мы твердо верим, — заявил Цзян, — в то, что невзгоды Китая уйдут в прошлое». Накануне Тайвань отверг предложения Пекина о воссоединении. А они показались некоторым тайваньским политикам весьма заманчивыми, так как предусматривали сохранение за Тайбэем автономии военных, финансовых и торговых отношений. Тайваню предлагалось поступиться лишь своим флагом и претензиями на продолжение дела Сунь Ятсена и революции 1911 г. Цзян дал понять, что, как и прежде, рассматривает лидеров тайваньского режима законным правительством всего Китая. И, как бы подчеркивая невозможность принятия предложений китайских руководителей, заявил: различия между Пекином и Тайбэем «стали еще более очевидными». Парад, митинги, празднества — а в них приняли участие 250 тыс. солдат и студентов — призваны были подчеркнуть уверенность тайваньских политических лидеров в будущем созданного ими режима.

США пытались нейтрализовать негативное влияние тайваньской проблемы на отношения с КНР. В американо-китайском коммюнике от 17 августа 1982 г. американцы зафиксировали обязательство значительно уменьшить военную помощь Тайваню. Вскоре у Вашингтона появился повод продемонстрировать верность взятым на себя обязательствам. Цзян проявил интерес к закупкам в США усовершенствованных истребителей F-16, F-20. США отказали, сославшись на коммюнике 1982 г. Но по американским лицензиям и с помощью специалистов США тайваньцы наладили производство боевых самолетов F5E, вертолетов «Белл» и управляемых снарядов «Сайдуиндер». Продолжалась и продажа американского оружия Тайваню. Президент Цзян имел все основания с уверенностью заявить: «США и впредь останутся нашим главным поставщиком оружия».

Безопасность острова не ставилась лидерами режима лишь в зависимости от состояния военной машины. В 70-е годы внимание Цзян Цзинго все больше привлекает проблема обеспечения социальной стабильности.

Американская помощь, рост зарубежных инвестиций сопровождались применением высокоэффективного оборудования, внедрением новой техники, повышением уровня управления. Но индустриализация характеризовалась и интенсивным применением рабочей силы, что приводило в условиях жесточайшей диктатуры, отсутствия профсоюзного движения к ухудшению положения народа. С конца 60-х годов сведения о тяжелых условиях труда и жизни тайваньцев постепенно проникают в мировую печать.

Цзян Цзинго взялся за осуществление политических и социальных реформ. Закон о развитии сельского хозяйства, принятый в августе 1973 г., предусматривал осуществление программы модернизации сельскохозяйственного производства, повышение заинтересованности крестьянства в своем труде. Кое-что было сделано и в сфере улучшения положения рабочих. Даже немногими реформами Цзян сумел консолидировать режим, нейтрализовать попытки оппозиции бросить вызов его личному авторитету. К концу второй мировой войны годовой доход на душу населения на Тайване был менее 70 долларов, к 1980 г. он достиг 2280 долларов, объем ВВП вырос в 11 раз. В мире стали говорить об «экономическом чуде» на Тайване. Все чудеса на земле относительны. Немало иллюзорного и в тайваньском «феномене».

80-е годы на Тайване встретили с новыми проблемами: была исчерпана, по существу, возможность расширения занятости за счет квалифицированной рабочей силы, появились сложности с устройством выпускников высших и средних учебных заведений. В условиях роста протекционизма на мировых рынках Тайвань столкнулся с трудностями своего экспорта. Тайвань не добился особого успеха в переводе своего экспорта на более современные товары, производство которых основано больше на технологии, нежели на дешевом труде.

Оборотная сторона «тайваньского чуда» — негативное воздействие на безопасность режима скопления огромного резерва иностранной валюты — около 60 млрд долларов в 1986 г. Одна из причин — психология беженцев, которой придерживалась «старая гвардия» Гомиьндана: «копи деньги — будь готов к отъезду». Активное сальдо в торговле превращало Тайвань в мишень для критики со стороны США. Американцы ужесточили тон по отношению к Тайваню на торговых переговорах, заставили его открыть свой рынок их пиву, табаку и вину.

Представители старой гоминьдановской гвардии, идя на оборонительные меры в сфере экономики, не раз вспоминали «шанхайский урок» — безудержный рост инфляции в конце 40-х годов, когда Чан Кайши цеплялся за власть в Китае. С той поры гоминьдановские лидеры не расставались с чувством неуверенности, когда размышляли о безопасности своего режима.

Наследная эстафета

В июле 1987 г. на Тайване царил политическое оживление. Семидесятилетний Цзян Цзинго официально отменил на острове военное положение. Сорок лет тому назад здесь вспыхнуло восстание против Чан Кайши, подавленное в крови ставленниками диктатора. 19 мая 1949 г. гоминьдановцы ввели здесь военное положение, используя в качестве предлога тезис о необходимости защиты от проникновения на Тайвань коммунистов. Генералиссимус, объявив военное положение, запретил одним росчерком пера создание новых партий, проведение демонстраций, забастовок, ограничил свободу печати. Командование гарнизонными силами получило полномочия осуществлять цензуру средств информации, контролировать связь, таможенную и эмиграционную службы; оно должно было нести охрану побережья и горных районов. Нарушители закона о военном положении предавались военному суду.

Генералиссимус все меньше доверял своим соратникам, его подозрительность к окружающим росла не по дням, а по часам. Чан Кайши, будучи на материке, предпочитал беседовать с министрами, высокопоставленными генералами. Теперь вызывал к себе нижестоящих чиновников, что подчеркивало его недоверие к информации, исходящей от ближайших соратников, хотя отнюдь не указывало на деловое значение подобных визитов. Тайваньский представитель в ООН вспоминал одну из таких встреч. Когда он подошел к столу «высочайшего», тот медленно поднял глаза и в своей обычной манере, широким жестом, предложил: «Садитесь, садитесь!» Последовали некоторые комментарии, вопросы: «Вы только что из ООН? Мы благодарим вас за все, что вы сделали. Как ваша семья? Как ваши дети? Есть ли у вас какие-либо трудности? Если у вас будут какие-либо проблемы, пожалуйста, приходите ко мне».

Посетитель в таких случаях обычно отвечал: «Хао! Хао! — Хорошо! Хорошо!» Менее чем через 10 минут хозяин давал понять: аудиенция закончена. Роль «отца нации» регламентировала и время, и чувства.

На Тайване воцарилась власть гоминьдановцев, преследовавших цель создания сильного, националистического, тоталитарного государства. КНР была объявлена гоминьдановцами «зоной, охваченной коммунистическим восстанием». Тайбэй стал претендовать на роль «правительства» всего Китая, сохранил название «Китайская республика», принятое после Синхайской революции 1911 г. «Тайвань является, — заявили лидеры гоминьдановского режима, — местом временного пребывания центрального правительства Китая».

Около 35 % из 1300 членов «парламента» было избрано в 1948 г. на пожизненный срок, поскольку якобы представляли провинции материкового Китая. «Национальное собрание» служило скорее ширмой военно-политического режима, нежели органом власти на острове. Не могло быть и речи о какой-либо публичной критике лиц, входящих в высший эшелон власти, была затруднена и критика основных принципов тайваньской политики: борьба против коммунизма и его организаций, сохранение притязаний на единоличное представительство всего Китая, борьба против сепаратистского движения, стремление к восстановлению власти на материке.

Чан Кайши нередко использовал жупел антикоммунизма в противоборстве с любыми оппозиционными силами, особенно с движением тайваньских сепаратистов. Сын проводил линию отца в партии. Одного за другим Цзян Цзинго устранял известных политических деятелей, которые могли бы потенциально стать лидерами оппозиционной коалиции. Генерал Сунь Личжэн, попытавшийся проявить самостоятельность в военных делах, постоянно находился под полицейским колпаком. Лэй Чжань, редактор, представлявший независимых либералов, оказался за решеткой. Это были уроженцы Тайваня, получившие достаточную известность за рубежом, прежде всего в США.

В немалой степени семейство Чан Кайши волновала деятельность тайваньских сепаратистов. После 1948 г. небольшая группа сепаратистов бежала в Гонконг и организовала Лигу за освобождение Формозы. Лига обратилась с петицией в ООН, настаивая на учреждении международной опеки над островом с конечной целью

достижения независимости. Образование КНР привело к серьезному кризису Лиги, но в конце 50-х годов несколько сот тайваньских студентов создали в США организацию «Объединенные формозцы за независимость» (ФИМ). Многие деятели сепаратистского движения открыто говорили, что диктатура Чана — Цзяна — шаг в направлении «освобождения Тайваня коммунистическим Китаем». Цзян Цзинго предупреждал сепаратистов о недопустимости такого рода оппозиции правящей партии. В 60-х годах он стал присматриваться к либералам проамериканской ориентации, которые вдохновляли влиятельных представителей островного населения на создание коалиции в защиту идеи независимого Тайваня, в пользу утверждения, в качестве первого шага, опеки ООН на острове. Его политическая агентура стимулировала критику США и «американского империализма» в школах. Главари режима финансировали и вдохновляли в печати кампанию травли известных ученых, имеющих по академической линии связи и друзей в США. Оказался под огнем резкой критики незадолго до своей смерти бывший китайский посол в США, ученый, известный своими либеральными взглядами, Ху Ши. Противники режима Чана «огрызались». Цзян Цзинго, побывавшему в 1970 г. в США, удалось спастись, когда мстители из ФИМ совершили покушение на наследника диктатора.

Опыт спекуляций на идеологических воззрениях, приобретенный Чан Кайши в его политической жизни на материке, как нельзя кстати пригодился и на Тайване. Демонстрация приверженности христианским идеалам выглядела привлекательной для последователей этой религии в США. В Тайбэе сохранялись и поддерживались иллюзии, будто служители христианской церкви имеют огромное влияние на семью Чан Кайши. О генералиссимусе и его супруге молились в миссионерских общинах, евангелистских церквях. Перед тем как проекты о помощи Чан Кайши представлялись в конгресс, американский читатель получал возможность познакомиться с богатой духовной жизнью его семьи.

Тайбэйский правитель, как и раньше, «взывал к справедливости»: «Боритесь с сатаной! Во имя Христа и счастья». Широко обсуждалось важное событие в семье Чан Кайши: Цзян Цзинго вместе с женой и детьми последовал за отцом и Сун Мэйлин и принял христианскую веру.

Христианские постулаты предназначались, как и раньше, в большей мере для внешнего потребления. Основой же идеологии гоминьдановской партии объявлялись идеи Сунь Ятсена и Чан Кайши. Придворные теоретики в Тайбэе, претендуя на роль неоспоримых толкователей наследия Сунь Ятсена, выбирали из арсенала идей революционного демократа лишь то, что могло в их трактовке оправдать создание тоталитарного режима. При этом, естественно, забывалась линия Сунь Ятсена на союз с компартией и сотрудничество с Советским Союзом. «Конфуцианство является источником «трех народных принципов»,— утверждали они,— а значит, и нашей идеологии». Идеиные установки Чан Кайши, положенные им в основу «движения за новую жизнь» еще в 30-х годах, продолжали действовать и на Тайване. В принятом на 4 пленуме ЦИК Гоминьдана 28 декабря 1966 г. постановлении отмечалось, что «движение за новую жизнь» должно энергично развиваться и рационализировать жизнь нации под воздействием традиционной культуры, выраженной в четырех общественных принципах и основных добродетелях (благопристойность, справедливость, принципиальность, чистота, а также преданность, сыновья почтительность, человеколюбие, вера, гармония и мир). Гоминьдан, активно используя социальную демагогию, вовлек в свои ряды значительное число представителей различных слоев общества, в партию вступали предприниматели, чиновники, представители интеллигенции. Осуществление ряда социальных программ привело к повышению в партии процента рабочих и крестьян. К началу 80-х годов они составляли около одной пятой членов Гоминьдана.

Важным средством манипулирования общественным мнением как в стране, так и за рубежом стало последовательное распространение иллюзии, будто на Тайване действует многопартийная система, в условиях которой мирно соседствуют с Гоминьданом Младокитайская и Социал-демократическая партии. Но ни та, ни другая не имели какого-либо веса на Тайване. В 1957 г. либералы бросили вызов Чан Кайши: провести на острове «открытую и честную кампанию» по выборам в «парламент». 21 апреля состоялись выборы. Но они, как и следовало ожидать, не привели к каким-либо изменениям. Гоминьдановцы прочно оберегали свои позиции. Кандидаты от гоминьдановской партии узурпировали право на выдвижение 20 из 21-го кандидата на посты в мест-

ные магистраты и городских мэров. Вскоре реформаторы выдвинули предложение о создании «Общества по изучению местной автономии». Власти вынудили сторонников этой идеи дать новое название: «Общество по изучению местной автономии в Китайской республике». В 1958 г. 78 влиятельных деятелей обратились к «высочайшему» с просьбой разрешить создать новую партию. Пять месяцев понадобилось для ожидания отрицательного ответа. Администрация проводила соответствующую психологическую обработку населения, — в печати инспирировались сообщения о существующих якобы связях между реформаторами и агентами с материка.

Во время предвыборной кампании 1960 г. в США кандидат от демократов Дж. Кеннеди упомянул о возможности оказания давления на Чан Кайши с целью демократизации режима. Успех Кеннеди на выборах с энтузиазмом восприняла значительная часть населения острова, но не окружение семьи Чан Кайши. Участники собрания интеллектуалов, неосторожно попытавшихся отметить победу Кеннеди, разбежались, когда в дискуссию с ними вступила полицейская дубинка. Оппозиционеры не сдавались. 3 марта 1961 г. вновь был подготовлен на имя Чан Кайши меморандум с настоятельными требованиями провести «чистые» и «свободные» выборы. И снова службы Цзян Цзинго патрулировали избирательные участки, манипулировали правилами регистрации. В подавляющем большинстве мест гоминьдановские кандидаты проходили, не встречаясь с каким-либо серьезным сопротивлением...

Наступило 5 апреля 1975 г. Тайбэй погружался в траур и беспокойное ожидание. На 88-м году ушел из жизни глава Гоминьдана, многие годы пытавшийся заставить Китай признать за собой роль законного наследника Сунь Ятсена. Он и после смерти как бы отстаивал свое право на наследство китайской революции. Тело Чан Кайши водрузили в зал «памяти Сунь Ятсена». Сын, стоя у гроба отца, дрожащим голосом обращался к присутствующим со словами глубокой скорби. Но вот он собрался с силами и воскликнул: «Почему я, будучи благословенным таким великим отцом, стал столь несчастным, потеряв его во время величайших осложнений!»

Тайбэй утрачивал дипломатические связи, его престижу на международной арене был нанесен, казалось,

непоправимый урон. Но смерть отца дала толчок для активизации политической деятельности Цзян Цзинго. К 1979 г., ко времени установления дипломатических отношений между КНР и США, Цзян Цзинго имел уже богатый внешнеполитический опыт, совершал визиты в США, Японию, Таиланд, Южную Корею, встречался с президентами, конгрессменами. В качестве главы Гоминьдана, «премьера», а затем и «президента» он цепко следовал линии отца на сотрудничество с Вашингтоном.

Цзян Цзинго, провозжая отца в последний путь, подчеркнул значение для него родительского примера, отеческих наставлений. «Отец, будучи всем сердцем предан народу, нации,— говорил он,— действительно являл собой пример человеческого совершенства. Насколько я счастлив тем, что мне достался такой великий отец. Но с этого момента больше не буду получать его личных наставлений. Как же я опечален потерей отца!.. Как верноподданное официальное лицо и как любящий сын, я должен быть современным в своем поведении и озабоченным выполнением своих обязанностей. Я никогда не забуду отцовский завет — быть благоразумным и не втягиваться в соперничество с другими»¹.

Цзян усвоил от отца один из важнейших, как он считал, принципов: все, кто не являются врагами, могут рассматриваться в качестве друзей. Свою «гибкость» Цзян не распространял на отношения с коммунистами. Термин «мирное сосуществование» не входил в его лексикон.

Цзян унаследовал от отца бонапартистские методы правления, балансировал между различными группировками, оставляя в руках ключевые рычаги власти, применяя, когда считал необходимым, силу против слишком настойчивой оппозиции. После установления дипломатических отношений между США и КНР в 1978 г. гоминьдановцы начали активное наступление на оппозиционеров. Когда в декабре 1979 г. недовольные вышли на улицы города Гаосюн, выдвинув требования в духе международного дня защиты прав человека, в дело вмешалась полиция. После суда видные оппозиционеры попали за решетку. В 1980 г. новый закон ограничил предвыборную деятельность «независимых».

Среди критериев отбора руководящих кадров на Тайване большое, как и раньше, значение приобретали род-

¹ President C. K. Chiang. Taipei, 1978. P. 45.

ственные связи с бывшими или стоящими у руля управления партийными работниками, работа в организациях, с которыми особенно тесно был связан Цзян Цзинго, политическая лояльность в отношении режима. Но, в отличие от времен кризиса гоминьдановского режима на материке, выдвигались на первый план и такие критерии, как служебный успех в своей сфере деятельности, успешное окончание учебы за границей. Диктатура отнюдь не спасала общество от разложения и даже, напротив, благоприятствуя развитию клановых, родственных связей в верхах, удобряла почву для роста коррупции. Другой, нежели во времена Чан Кайши на материке, размах экономической и финансовой деятельности на острове определял зачастую и более высокий уровень незаконных операций, предпринимаемых дельцами ради личного обогащения. В 1985 г. разразился самый крупный в истории тайваньского режима финансовый скандал, связанный с деятельностью одного из частных банков, являвшихся частью коммерческой империи «Кэтхэй». В махинациях оказались замешаны высшие правительственные чины, ведающие финансами. Скандал принял широкую огласку, и скорее всего не случайно.

Для Цзян Цзинго, как и для его ближайших соратников, все сильнее давал себя знать инстинкт самосохранения. Цзян помнил, что одной из важнейших причин падения гоминьдановского режима в 1949 г. стало разложение партии, моральная деградация правительственных чиновников. Об этом, кстати сказать, напоминало и самобичевание Чан Кайши, который признал в конце 1949 г., что правительство и армия в равной степени несут ответственность за поражение, что партия оказалась практически парализованной и превратилась в безжизненный остов с хаотичной структурой и порочными методами руководства. Вряд ли Цзян забыл свою неудачную борьбу с коррупцией в Шанхае в канун поражения Гоминьдана. И теперь он решил придать делу «Кэтхэй» политическое звучание. Миллионер Цай Чэньчжоу, связанный с делом, не только лишился места в парламенте, но и был арестован. Вместе со своими 86 бывшими сотрудниками он предстал перед судом и был приговорен к шести 15-летним срокам тюремного заключения. Лишились своих постов министр финансов и его заместитель.

Внутриполитическая стратегия Цзян Цзинго предполагала — в качестве одного из основных своих элемен-

тов — расширение социальной базы режима. Наследник Чан Кайши ввел в правительство немало представителей коренного населения острова. В марте 1978 г. «вице-президентом» впервые назначили уроженца Тайваня, в Постоянном комитете ЦИК присутствовали к этому времени пять выходцев из тайваньского населения, в то время как при Чан Кайши в 1979 г. — один. К 1987 г. несколько министерских постов, в том числе заместителя «премьера», министра внутренних дел, министра коммуникаций, занимали уроженцы Тайваня, но наиболее важные посты, как и ранее, находились в руках выходцев с материка.

Настало наконец время, когда Цзян Цзинго заговорил о более глубоких политических переменах на Тайване. Династия Чан Кайши, как объявил он в 1985 г., должна закончиться на нем, поскольку никто из детей Цзяна не будет добиваться поста «президента». Одного из довольно активных в сфере политики сыновей — Цзян Сяову — направляют торговым представителем в Сингапур. В связи с отменой военного положения сын Чан Кайши выступил перед членами Гоминьдана. Обстановка меняется, сказал он, меняются и тенденции. В гоминьдановских верхах стали всерьез рассуждать о начале «новой эры», о «новой странице истории».

Цзян Цзинго не мог не учитывать рост оппозиционных гоминьдановской диктатуре настроений не только на Тайване, но и в США. Длительное господство тоталитарных режимов на Филиппинах, в Южной Корее ослабляло основные форпосты американской военно-политической стратегии. Когда-то Чан Кайши делал ставку на сотрудничество с диктаторами в Маниле и Сеуле в попытках по созданию единого «антикоммунистического фронта». Теперь его сын на примере событий на Филиппинах, в Южной Корее мог убедиться, насколько опасной для самих диктаторов стала политика полного подавления гражданских свобод, даже если ради этого используется такое испытанное, казалось бы, средство, как антикоммунизм.

Но теперь пришли другие времена: на политической арене Тайваня заявили о себе новые, хотя и довольно аморфные — по своей социальной сути — силы. В сентябре 1986 г. создается Демократическая прогрессивная партия (ДПП).

Сын вынужден был пересмотреть некоторые приоритеты в использовании арсенала бонапартистских методов правления. ДПП позволили принять участие в пар-

ламентских выборах, освободили некоторых политических заключенных. Цзян Цзинго решил изменить сложившееся представление о Гоминьдане как о партии непоколебимого консерватизма, неспособной приспособиться к переменам, наконец, о нем самом как о наследном диктаторе. Но какие преимущества могла получить оппозиция, завладев всего лишь 12 из 330 мест в «парламенте»? ДПП, представляя в основном интересы, как признавали ее руководители, «среднего класса» коренного тайваньского населения, опирается на неоднородную социальную базу, что ослабляет оппозицию перед лицом гоминьдановских правителей. Закон «о военном положении» заменил новый закон «о национальной безопасности». В соответствии с новым законом многие обязанности командования гарнизонами передавались полиции и Управлению информации. Теперь цензуре могли подвергаться издания, если они «выступали в поддержку коммунизма, подрывали моральный дух общества или оскорбляли главу государства». Закон «о безопасности» гласил: любые собрания или организации граждан «не должны нарушать конституцию, поддерживать коммунизм, а также усилия, направленные на раскол национальной территории (то есть сепаратистские настроения.— В. В.)».

Во время обсуждения парламентариями законопроекта о безопасности разыгралась сценка в духе давних традиций западной демократии: законодатели от ДПП уселись в знак протеста на полу перед спикером и бурно, забыв о каких-либо правилах приличия, выражали свой протест. Оппозиция заявила: новый закон — это тот же закон «о военном положении», только в другом обличье.

Все же Цзян Цзинго пошел значительно дальше своего отца, приступив к косметическим операциям правления на Тайване. Менялся фасад тайбэйского режима, но не его сущность. Сын продолжал линию своего отца в главном, отстаивая позицию «никаких контактов, никаких компромиссов, никаких переговоров» с КПК, что шло вразрез с коренными интересами великого китайского народа, противоречило целям единения страны.

Вместо заключения

13 января 1988 г. скончался Цзян Цзинго. Еще, казалось, совсем недавно, неделю тому назад, представитель официального Тайбэя объявил: «президент» находится в добром здравии. Заявление, носившее чисто политический характер, не отражало реального положения дел. Много лет Цзян Цзинго мучил диабет, он страдал болезнью сердца, глаз, а с конца 1987 г. уже не расставался с креслом-коляской. «Президент» олицетворял собой в последние годы скорее символ власти, нежели реальное руководство на Тайване, что столь характерно для лидеров, опирающихся на стойкие традиции своих политических организаций.

После восьми часов вечера радио и телевидение прервали свои программы, и на экране со скорбным выражением лица появился «премьер-министр» Юй Гохуа — телезрителей и радиослушателей познакомили с траурным сообщением о кончине главы Гоминьдана...

После сообщения Юй Гохуа слово взял «вице-президент» Ли Дэнхуэй. Его призыв был обращен к духовным братьям. Необходимо «объединиться и закончить миссию,— заявил он,— которую Цзян Цзинго не сумел завершить». 14 января улицы Тайбэя будто бы замерли, закрылись двери некоторых магазинов, на многих зданиях были приспущены гоминьдановские бело-красно-голубые флаги. Телевидение вело передачи в черно-белом изображении. Размещенные недалеко от канце-

лярии «президента» артиллерийские орудия каждые полчаса разрывали тишину траурным салютом. По городским улицам началось молчаливое движение в сторону госпиталя ветеранов, где в специальном зале должна была состояться траурная церемония. К полудню примерно 2 тыс. человек отдали дань уважения покойному Цзян Цзинго перед его портретом, убранном цветами, обрамленным двумя белыми свечами. Наблюдатели все же отметили: в 1975 г., когда скончался Чан Кайши, люди на улицах не скрывали своих слез, на этот раз церемония носила в большей мере, нежели тогда, официальный характер.

Среди провожавших в последний путь Цзян Цзинго было немало недовольных политическими нововведениями в Тайбэе. Армия заскорузлых чинуш боялась реформ. Они не могли простить покойному легализации политических партий, предоставления органам информации прав, хотя и ограниченных, на «свободу маневра», отказа от военного положения на Тайване. Сын Чан Кайши не мог поступать иначе. Он благословил линию на выживание в сфере экономики и принял на вооружение идею политической модификации режима. Но путь к новым решениям преграждали завалы, оставшиеся от политического наследия Чан Кайши.

Еще 26 декабря 1978 г. Цзян Цзинго услышал обращение властей КНР к «соотечественникам на Тайване». В нем, в частности, отмечалось:

«Наши государственные руководители твердо заявили, что будут принимать в расчет сложившуюся реальную обстановку при достижении великой задачи объединения отечества и будут уважать статус-кво на Тайване... Мы надеемся, что обе стороны добьются в скором времени налаживания транспортного сообщения и почтовой службы, чтобы соотечественникам с обеих сторон было легче вступать в прямой контакт друг с другом, писать друг другу, посещать родственников и друзей, обмениваться визитами и осуществлять научный, культурный, спортивный и технический обмены». Цзян Цзинго не без удивления обнаружил, что авторы послания обращались к нему в весьма вежливой форме. После многих лет торжества догматизма времен «культурной революции» китайские руководители вырабатывали новый взгляд на мир. Консервативные соратники «президента» с порога отвергли тогда идею развития контактов между обеими сторонами Тайваньского пролива. Время, однако,

указало Цзян Цзинго на новые координаты внешнеполитической деятельности.

Между континентом и Тайванем быстрыми темпами развивалась, в основном через Гонконг, торговля. Около 1,8 млн человек, включая гоминьдановцев, осевших после 1949 г. на Тайване, мечтали посетить своих родственников и друзей в КНР. Постепенно начала рушиться стена отчуждения, первые кирпичи которой были заложены еще в годы гражданской войны. Цзян Цзинго на примере своего отца, возможно в большей мере на своем собственном опыте, стал понимать, что кнут и палка не могут быть основным средством решения назревших проблем. Он согласился наконец начать пересмотр политики изоляции; стали смягчаться строгие запреты на посещение жителями Тайваня (кроме государственных служащих) родственников, находящихся в континентальном Китае. Благодаря этим мерам к 1988 г. на материк с Тайваня стало ежедневно прибывать в среднем до 265 человек. В пекинском аэропорту Шоуду их встречает плакат: «Приветствуем тайваньских соотечественников, приезжающих посетить своих родственников». Гостям с Тайваня оказывается предпочтение при оформлении документов на пограничных пунктах, таможах. В КНР установлен льготный режим для большинства инвесторов с Тайваня, особой популярностью среди них пользуются предприятия в прибрежных провинциях Фуцзянь и Гуандун.

В обращении ЦК КПК по случаю кончины лидера Гоминьдана отмечалось, что Цзян Цзинго неизменно придерживался позиции «существует один Китай», выступал против попыток, направленных на осуществление планов по созданию «независимого Тайваня», приложил определенные усилия к смягчению отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

Цзян Цзинго еще только готовился уйти в иной мир, а в печати различных стран обсуждался вопрос: что может означать смена руководителей на Тайване?

К присяге в качестве «президента» был приведен «вице-президент» Ли Дэнхуэй. Это первый «президент» из числа политических деятелей — уроженцев острова. При вступлении в должность ему было 65 лет. Ли Дэнхуэй вырос на ферме на севере острова. В то время, когда Чан Кайши, выступая от имени гоминьдановского Китая, действовал под знаменами антигитлеровской коалиции, Ли Дэнхуэй, закончив с наградой среднюю

школу, удостоился большой по тем временам для уроженцев Тайваня чести: был принят в императорский университет в Киото. Свою специализацию по экономике сельского хозяйства он продолжил в Тайваньском университете. В 1952 г. Ли Дэнхуэй продолжил образование в университете сельскохозяйственного штата США — Айова. Прежде чем стать в 1984 г. «вице-президентом», он побывал в должности министра без портфеля, мэром Тайбэя и губернатором провинции Тайвань.

С назначением на пост «президента» представителя коренного населения острова проблема Тайваня приобрела несколько иное звучание. Ведь сначала надежду на возвращение к власти на материке гоминьдановцы поддерживали лишенными здравого смысла планами «освобождения континента», а после смерти Чан Кайши — обращением к трем принципам: «национализму, демократии, экономическому процветанию» как основе объединения. Некоторые выходцы с материка давно уже горели желанием возвратиться на родину, повинувшись призывному голосу предков и предложениям руководства КНР.

Гоминьдановские лидеры в своем большинстве противостояли идее «один Китай — один Тайвань», которую с конца 50-х годов активно отстаивали тайваньские сепаратисты. Подобная идея развивалась вопреки давним традициям гоминьдановцев, грезивших созданием единого Китая. Приверженцы концепции «двух Китаев» расплачивались за свое упрямство свободой.

Все громче, особенно в оппозиции, звучат голоса, ставящие под сомнение идею объединения с материком. Многие дети гоминьдановской гвардии стали считать своей родиной Тайвань, они пополнили население коренных жителей острова. Вопросы в связи с этим возникают самые различные: могут ли сосуществовать социализм и капитализм в рамках единого государства? Нужно ли ставить под угрозу свой жизненный уровень (все же на Тайване ВВП на душу населения составляет 3600 долларов, а в КНР — 500)? В КНР на такого рода вопросы отвечают вполне определенно. Китайские руководители, выдвинув лозунг «одна страна — две системы», исходят из возможности тесного сосуществования различных социальных систем, при этом они подразумевают сохранение на длительное время на Тайване всех государственных институтов. Китайские эксперты, признавая более высокий уровень развития Тайваня, Гон-

конга, Макао, нежели КНР (выше среднего уровня континентального Китая), не скрывали и не скрывают воздействия западного опыта на китайскую экономику.

В КНР, встретившей свое 40-летие, углубляются процессы, которые выдвинули страну на новую ступень в экономическом и политическом развитии, повысили ее международный авторитет. По мере дальнейшего продвижения вперед, упрочения экономических предпосылок демократии в КНР военно-политические предрассудки времен «холодной войны» в отношениях между странами Дальнего Востока так или иначе должны все больше уступать место доверию, взаимопониманию в делах, выходящих по своей значимости далеко за региональные рамки.

Судьба старшего Чан Кайши оказалась тесно связанной с милитаристскими кликами, с тайными шанхайскими обществами, с прогнившей гоминьдановской бюрократией, которой вынесла свой вердикт революция 1949 г. Политический курс китайского Бонапарта, расставшегося с революционным наследием Сунь Ятсена, игравшего идеей единого фронта, как картой в рискованной игре, полностью обанкротился. В условиях рождения нового Китая, в муках освобождавшегося от тяжкого феодального прошлого планы Чан Кайши и его гвардии, настаивавшей на использовании силы для объединения с материком, выглядели фантазией оторванных от политических реалий авантюристов.

Отец, опираясь на свой незаурядный опыт, помогал сыну овладеть нелегким искусством политического лавирования, прививал ему вкус к неограниченной власти, неизбежным ее атрибутам — особым привилегиям, поклонению соотечественников, угодничеству, лести окружающих. Тем не менее сын проявил и свой собственный почерк в делах управления экономикой и политикой. Цзян Цзинго, унаследовавший от Чан Кайши веру в непогрешимость, справедливость своего дела, в незыблемость доктрин военно-силового решения международно-политических проблем, столкнулся на закате своих дней с пробивавшим дорогу в мировой политике новым мышлением; он санкционировал в последние годы жизни немало реформ, на которые не мог, а скорее, не способен был пойти его отец. Политики, стоящие по разные стороны социальных водоразделов, освобождались — по желанию или вынужденно — от окаменелостей, ожесточенности времен «холодной войны». Соратники Цзян

Цзинго уже не могли мыслить привычными для старой гоминьдановской гвардии категориями, следовать непримиримым амбициям, манипулировать без каких-либо ограничений сознанием соотечественников, потрясая мечом, сеять, как и прежде, семена озлобления, ненависти. Сын Чан Кайши вынужден был отступить, хотя и робко, от догматов, возросших на почве полувековой конфронтации с КПК. Он не мог поступить иначе. Цзян Цзинго благословил линию на выживание в сфере экономики и принял на вооружение идею политической модификации режима.

Перед путником, оказавшимся в горах Тайшань, открывается чудесная картина природы: красивейший водопад — его называют заводью черного дракона — дает силу убегающему вдаль искрящемуся потоку. Очарованный красотой, он войдет в кипарисовый туннель и не заметит, как окажется перед воротами «На полпути к небу». Любой разумный человек, оказавшись здесь, где соединяются западные и восточные дороги, и находясь под впечатлением увиденного в этом райском уголке, невольно задумается о судьбах древнейшей в мире цивилизации, которую не могли разрушить ни кровавые боины, ни грызня милитаристских клик, ни нашествия агрессоров.

Перед воротами «На полпути к небу» соединяются западные и восточные дороги. На китайском побережье Тихого океана соприкасаются социальные пути Востока и Запада, и точки этого соприкосновения становятся точками отсчета новых рубежей во взаимоотношениях Китая с иными странами. Китай стал одним из важнейших государств, он открыл двери для окружающего мира, что создало благоприятные условия для восприятия китайским обществом новейших методов управления, передовой технологии.

Возведением моста доверия через Тайваньский пролив китайские руководители надеются претворить на практике концепцию единого Китая. Они выражают надежду, что новые лидеры Гоминьдана внесут свой вклад в мирное объединение родины.

Оглавление

Вместо введения	3
Глава 1	
Дорога в лагерь Сунь Ятсена	
Лицом к Северу	5
На волне революции	14
Предательство Чэнь Цзюньмина	22
Притворное смирение	34
На пути к расколу	46
20 марта 1926 г.	55
Глава 2	
«Лисица, присвоившая заслуги тигра»	
Во главе Северного похода	64
Шанхайский переворот 1927 г.	71
Любовь, семья и политика	84
Что должно было случиться — случилось	93
Сначала — умиротворение внутренних врагов	102
Глава 3	
Упрочение диктатуры — слабость режима	
Спасение нации, или Выживание Чан Кайши	118
«Движение за новую жизнь»: идеализм и реалии деспотии	128
Сиань, декабрь 1936 г.	143
Глава 4	
Нашествие	
Лугоуцяо	159
Поиск внешней опоры	172
Горький опыт 30-х годов	184
Глава 5	
От Пёрл-Харбора до Каира	
Пёрл-Харбор и межсоюзнические распри	195
Чан Кайши и Стилуэлл	200
Гниль в коридорах власти и трагедия народа	208
Чета Чан Кайши: в объятиях славы, но перед лицом заговора	213

Глава 6

«Падающий дворец трудно подпереть одним бревном»

Стилуэллу выносят вердикт	228
«Судьбы Китая»	235
Ф. Рузвельт: «Нам придется опираться на Чанов»	242
Не рано ли пришла победа?	253

Глава 7

Крах

Миссия генерала Маршалла в Китае	260
Чиновники жиреют, народ — обескровлен	267
«Ближний огонь не погасить далекой водой»	277
Агония	287

Глава 8

Отец и сын

Эволюция Цзян Цзинго	298
Безопасность за спиной США	310
Наследная эстафета	320
Вместо заключения	329

Владилен Борисович Воронцов

Судьба китайского Бонапарта

На 1-й странице обложки *Генералиссимус вспоминает прошлое*

На 1-м форзаце *Штаб Чан Кайши в Шанхае*

На 2-м форзаце *Цзян Цзинго на параде*

Иллюстрации взяты автором из иностранных источников

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редакторы *В. А. Зотова, Н. В. Попов*

Художник *Б. Г. Попов*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 7581

Сдано в набор 12.04.89. Подписано в печать 22.08.89. А 00095. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл.
печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 20,16. Уч.-изд. л. 19,66. Тираж 100 000 экз. Заказ № 238.
Цена 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151.

Свердловск, пр. Ленина, 49.